

Д.П. Урсу

СОВРЕМЕННАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН
ТРОПИЧЕСКОЙ
АФРИКИ

1960-1980

Д.П. Урсу

СОВРЕМЕННАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН
ТРОПИЧЕСКОЙ
АФРИКИ
1960-1980

Scan by Skorpion Professional

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

Ответственный редактор
Л.Е. Куббель

В центре внимания автора – вопросы становления национальной историографии в странах Африки к югу от Сахары. На основе широкого круга источников и новейшей литературы решается проблема общих закономерностей и особенностей формирования исторической науки в условиях национально-освободительной революции, показаны познавательные и общественные функции истории, дана классификация методологических течений и школ, приводятся сведения об исследовательских центрах в области африканской истории. Прослеживается влияние марксистско-ленинской теории на молодую африканскую историографию.

у 0502000000 - 058 172 - 82
013(02) - 83

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1983.

Становление национальной историографии в развивающихся странах Африки к югу от Сахары – одно из примечательных явлений нашего времени. За последние два десятилетия в этих странах оформилась и развилась историческая наука, которая все более успешно изучает разнообразные проблемы африканского прошлого. Значение этого события в мировой историографии трудно переоценить – ведь на протяжении длительного времени африканская история разрабатывалась учеными других континентов, часто с позиций расового и национального превосходства. Об Африке говорили как о континенте "без истории", куда исторические познания пришли только с началом европейской колонизации. Ныне же в большинстве стран Африки окрепли квалифицированные кадры ученых-историков из местных уроженцев, которые достигли значительного прогресса в познании прошлого своих стран. Без хорошего знания их теоретических воззрений и специальных научных трудов невозможно глубокое, подлинно научное исследование африканской истории.

В начале 80-х годов молодая африканская историография заняла достойное место среди других национальных отрядов мировой исторической науки. Об этом ярко свидетельствуют итоги XV Международного конгресса исторических наук в Бухаресте (август 1980 г.), где впервые активное участие принимала группа историков-африканцев, представивших содержательные доклады и сообщения как на пленарных заседаниях, так и в рамках Ассоциации африканских историков. С монополией западной буржуазной историографии на изучение прошлого Африки было покончено раз и навсегда.

Актуальность изучения современной африканской историографии объясняется не только интересом к ней как важному явлению науки и культуры независимой Африки, но и ее значительным общественным весом, активной ролью в идеологической борьбе. Исторические знания и представления, историческое самосознание общества выступают в качестве мощного идейного оружия в борьбе различных политических и социальных сил. В странах Африки южнее Сахары, где происходит крутая ломка социально-экономических отношений и культурных стереотипов, непрерывная борьба прошлого и настоящего, история занимает особое место в жизни общества. Острая идейная борьба по вопросу о путях развития, об идеалах будущего общественного устройства сопровождается бурными спорами о прошлом: станет ли оно тормозом социального прогресса или же его ускорителем? Какие элементы прошлого следует удержать, сохранить и развить, а с какими надо беспощадно бороться? К опыту истории апеллируют представители различных социальных групп. Если для консервативных классов и общественных групп прошлое –

предмет любования, идейное оружие в борьбе против передовых элементов настоящего и будущего, то для революционных демократов критика доколониального и колониального прошлого, его преодоление – необходимая составная часть в деле строительства лучшего общества, воспитания нового человека. Отсюда – большая роль истории в школьном преподавании и мировоззренческой ориентации подрастающего поколения!

Становление современной африканской историографии происходит в условиях борьбы двух противоположных идеологий на мировой арене и при возрастающем влиянии на ее представителей марксистско-ленинской теоретической мысли. Распространение передовых идей способствует освобождению африканской науки от засилья буржуазной методологии, концепций афроцентризма и национализма, позитивизма и фактографии. Наряду с ростом влияния передовой научной теории усиливается проникновение в общественные науки африканских стран модных на Западе буржуазных и оппортунистических концепций. Экспорт в развивающиеся страны буржуазной идеологии и методологии является главным содержанием новейшей разновидности современного империализма – “культурного” империализма. Его аргументированная критика и разоблачение – актуальная задача советской африканистики.

Таковы вкратце проблемные аспекты предлагаемого исследования современной африканской историографии, предметом которого являются ее генезис, этапы становления и основные концепции по узловым вопросам истории континента. В работе решается теоретическая проблема общих закономерностей и особенностей формирования исторической науки в условиях национально-освободительной революции, показаны познавательные и общественные функции истории в развивающихся странах, дана классификация методологических направлений и школ, приводятся новейшие сведения об исследованиях, проводимых в научных центрах исторического профиля. Большое внимание уделено жизни и трудам современных африканских историков, причем к оценке научного вклада отдельных ученых автор подходит дифференцированно, учитывая не только их философские и исторические взгляды, но и политическую деятельность, а также тенденции идейной эволюции. Автор стремился сочетать максимальную осторожность в выводах с определенностью идейно-политических характеристик, вытекающих из необходимости партийно-классового подхода к явлениям науки. Такой интерес к личности историков вполне оправдан, ведь именно ученый – главный двигатель историографического процесса. Здесь уместно привести глубокую мысль: “Прежде чем изучать историю, изучите историка” /673, с. 38/.

Изучение современной африканской историографии как широкого общественного и научного феномена, комплексное рассмотрение всех ее функций – гносеологической, идеологической, ценностной – позволяют глубже проникнуть в диалектику соотношения общих закономерностей и специфики, свойственной данному региону, дать аргументированную критику как европоцентристских концепций за-

надной буржуазной истории, так и националистических воззрений сторонников "африканской исключительности". Африканская историография должна изучаться не изолированно, а в связи и взаимозависимости с мировым историографическим процессом, с учетом последовательной смены философско-теоретических систем и этапов формирования, пройденных историографиями других народов мира, опередивших в своем культурном развитии африканские народы. Речь, в частности, идет о сопоставлении африканской историографии с историей исторической науки в тех странах, которые в XIX в. находились под национально-колониальным гнетом.

Углубленное исследование различных аспектов африканской историографии определяется и рядом практических потребностей советской африканистики. У нас еще встречаются публикации по истории Африки, где список использованной литературы почти полностью состоит из перечисления книг и статей западных буржуазных ученых, дающих зачастую тенденциозную картину африканского прошлого. Это объясняется прежде всего недооценкой достижений африканских историков, слабым знакомством с их работами. Необходимость специальной монографии, в которой давалась бы общая панорама состояния исторической науки в странах Африки, определяется и потребностями учебного процесса в университетах и педагогических институтах, где преподаватели и студенты исторических факультетов при изучении истории стран Африки лишены учебного пособия по историографии. Настоящая работа призвана восполнить в известной степени этот пробел.

Изложение материала дается в масштабах всего региона Африки к югу от Сахары. Такой подход представляется автору наиболее обоснованным, так как дробление по страновому признаку или официальному языку разрывает единство целостного историко-культурного региона, для которого характерна общность исторических судеб населяющих его народов. Поскольку историческая наука изучает явления и события в чрезвычайно широких хронологических рамках, то и историография, не игнорируя реалии сегодняшнего дня, может абстрагироваться от нынешней политической карты континента, установившейся совсем недавно. Кроме того, как показывает настоящая работа, определяющей тенденцией развития африканской историографии является размежевание по идейно-теоретическим критериям независимо от государственных границ и официального языка, постепенное стирание различий, унаследованных от историографий бывших метрополий. Поэтому в дальнейшем изложении под термином "африканская историография" будет пониматься историческая наука в странах Африки южнее Сахары без особого выделения нигерийской, сенегальской, танзанийской и других историографий, которые, обладая некоторой спецификой, тем не менее составляют части единого целого.

Хронологические рамки исследования охватывают преимущественно два последних десятилетия, совпадающие с годами независимого существования большинства стран изучаемого региона.

При определении хронологических границ учитывалось и то, что именно в 1960 г. на XXV Международном конгрессе востоковедов африканистика выделилась в самостоятельную отрасль исторического знания. Конечная дата – 1980 г. – совпадает с проведением XV Международного конгресса исторических наук, где впервые все доклады по истории Африки, за исключением одного, были представлены учеными-африканцами. Таким образом, в настоящей работе основное внимание уделено историографическому процессу в странах Африки к югу от Сахары между 1960 и 1980 гг., хотя частично затрагивается и более ранний период.

Методологической базой исследования послужили труды классиков марксизма-ленинизма, материалы XXV и XXVI съездов КПСС. В соответствии с ленинским принципом историзма изучение проблем африканской историографии потребовало прежде всего исторического подхода: познания ее истоков и этапов становления, учета воздействия на нее социально-политических факторов, анализа внутренних закономерностей. Марксизм-ленинизм учит рассматривать определенные исторические процессы, явления и события с точки зрения диалектического единства общего и частного, поэтому в истории африканской исторической науки в равной мере следовало вскрыть как общие закономерности, присущие мировому историографическому процессу, так и их специфическое проявление в данном регионе.

Основоположники марксизма-ленинизма показали социальную обусловленность исторического знания, зависимость научно-теоретических концепций отдельных историков от их классовых позиций, идейных и общеполитических воззрений. Вместе с тем они учили судить исторических деятелей по тому, что они дали нового по сравнению со своими предшественниками; это требование в полной мере относится и к оценке научного вклада отдельных африканских историков с учетом социального и политического контекста современной Африки.

В решениях XXV и XXVI съездов КПСС подчеркивалась возрастающая роль развивающихся стран Африки на международной арене, происходящие в них революционные перемены, нарастание классовой борьбы. Поставленная XXVI съездом КПСС цель дальнейшего развития и укрепления советско-африканских политических, экономических и культурных связей обуславливает необходимость более глубокого познания прошлого и настоящего африканских народов. Поэтому исследование истории, идеологии и культуры независимых стран Африки является актуальной научной и политической задачей. Именно этим целям и служит настоящее монографическое исследование.

В методическом плане изучение столь нового, сложного и динамичного объекта, каким является африканская историография, требует совершенствования исследовательской техники. Кроме испытанного метода – качественного анализа содержания исторических трудов и теоретических концепций историков – автор использовал

отдельные элементы таких подходов, которые еще редко применяются в историографических работах, а именно: науковедческого, сравнительно-типологического и стадияльно-генетического.

Материал для выполнения настоящей работы был собран автором во время четырехлетнего пребывания в Мали в качестве преподавателя всеобщей истории Высшего педагогического института г. Бамако. Большую пользу принесла также командировка во Францию в 1979–1980 гг. для изысканий в научных центрах африканистики, библиотеках и архивах Парижа, Бордо и Экс-ан-Прованса. Лучшему знакомству с предметом способствовало участие автора в заседаниях Ассоциации африканских историков в рамках XV Международного конгресса исторических наук в Бухаресте, а также беседы с рядом африканских ученых.

Источниковая база представлена двумя основными группами источников. Первую условно можно назвать источниками в общепринятом понимании этого слова, которые в равной степени применяются как в конкретно-исторических, так и в историографических исследованиях. К ним относятся документы различных государственных и научных учреждений стран Африки, бывших метрополий, а также ЮНЕСКО, политические программы, учебные планы и программы университетов. Здесь следует отметить ряд материалов из архивов Парижа и Экс-ан-Прованса, позволяющих изучить колониальную политику в области научных исследований в африканских владениях Франции. Значительный научный интерес представляют разнообразные неопубликованные материалы и служебные документы, среди них копии докладов, представленных на Международном конгрессе африканских историков в Дар-эс-Саламе в 1965 г. и не вошедших в изданный сборник, а также два доклада Международного института планирования образования, дающие новейшие сведения о школьных реформах в Бенине и Танзании. Кроме того, в этот раздел включены другие неопубликованные материалы, проливающие свет на состояние современной африканской историографии: копии научных записок, вузовские и школьные программы, отчеты о научных конференциях и т.д. Некоторые из них хранятся в библиотеке Института Африки АН СССР, другие – в личном архиве автора.

В архиве ЮНЕСКО в Париже были изучены как опубликованные, так и неизданные документы и материалы, касающиеся помощи этой организации развитию исторических исследований в Африке; главное же внимание было обращено на материалы работающего под эгидой ЮНЕСКО Международного научного комитета по изданию многотомной "Всеобщей истории Африки" и неопубликованные отчеты о различных научных встречах в рамках этой программы. Документы и материалы ЮНЕСКО представляют собой весьма ценный источник по истории науки и культуры различных стран и континентов, в том числе – Африки.

Наконец, последний раздел этой группы источников представлен различными биографическими и библиографическими изданиями и другой справочной литературой, где почерпнуты разнообразные све-

дения о научных центрах, жизни и деятельности африканских историков, информация о работе исторических отделений Ибаданского, Браззавильского, Дар-эс-Саламского университетов, университетовMakerere, Найроби, Лесото, список защищенных диссертаций по африканистике и т.п.

Ко второй группе отнесены источники особого рода, историографические, позволяющие изучить развитие исторической науки и эволюцию исторической мысли. Она представлена прежде всего научными трудами африканских историков: монографиями и статьями, неопубликованными диссертациями, хранящимися в ряде центров африканистики Франции, и авторефератами диссертаций африканских авторов, защищенными в советских научных и учебных заведениях. Отдельно были выделены учебники истории для африканских стран, являющиеся важнейшим каналом распространения исторических знаний и стереотипов, средством включения истории в общественную жизнь. В этот раздел, в виде исключения, вошла и учебная литература, написанная авторами-неафриканцами.

Перечисленные источники, взятые в совокупности и в сопоставлении друг с другом, позволяют достичь тех научных и теоретических задач, которые поставлены в исследовании. Кроме источников, достижению этих целей способствует изучение значительного круга специальной литературы как по различным вопросам африканистики, так и по смежным отраслям знания.

Литература о современной африканской историографии немногочисленна. Марксистская разработка этой проблемы представлена статьями И.И. Потехина, Л.Е. Куббеля, В.Г. Солодовникова, А.Б. Летева, Ю.Н. Зотовой /619; 586; 587; 628; 591; 557/ и книгой Б.С. Ерасова, в которой анализируются общие вопросы развития африканской культуры /552/. Большой интерес представляет сборник статей "Историческая наука в странах Африки" (под редакцией А.Б. Давидсона) /566/, в котором дан обзор развития африканской историографии по языково-региональному признаку, подвергнуты критическому анализу многочисленные труды африканских ученых. Сборник представляет собой удачное начало разработки нового, перспективного научного направления в советской африканистике. Проблемы африканской историографии, однако, далеко не исчерпаны в названном труде; в нем не нашла отражения общественная роль африканской истории, не дана классификация методологических течений и школ.

Определенный вклад в изучение современной историографии стран Африки южнее Сахары внесли ученые стран социалистического содружества. Здесь следует упомянуть статьи В. Маркова /736/, В. Павликовой /745; 746/ и Н. Ассородобрай /662/, книгу Е. и М. Войкулеску /782/. Африканисты социалистических стран проводят симпозиумы по историографии национально-освободительного движения в Африке, которые способствуют лучшему знакомству с концепциями африканской исторической науки (см. обзор А.М. Пегушева /94, 1980, № 5/).

Таким образом, марксистская историография поставленной нами проблемы, хотя и не особенно богатая, представляет солидную основу для дальнейшей разработки актуальных вопросов африканской исторической науки.

Сами африканцы крайне редко выступают с историографическими работами; можно назвать лишь совместные статьи К.О. Дике и А. Аджайи в "Международной энциклопедии социальных наук" /249/, А. Аджайи и Э. Алагоа в специальном номере журнала "Дедалус" /181/, статьи Б. Обичере /371/ и С. Кивануки /309/. В них проблемное изложение материала, по существу, подменено фактографическим, отсутствуют широкие обобщения и выводы. Неудовлетворительно состояние изучения данной проблемы в западной буржуазной африканистике. В работах Дж. Д. Фейджа /658; 691/, статье Р. Хесса /710/, обзорных докладах на ежегодных конференциях Ассоциации американских африканистов господствует тенденция подменить глубокий историографический анализ библиографическим обзором, кратким пересказом научных публикаций; заметно неприкрытое желание зачислить всех африканских историков в лагерь западной немарксистской науки. Главный методологический порок буржуазной историографии состоит в отрыве процесса развития исторических знаний от изменения социального контекста, в противопоставлении познавательных и идеологических функций истории в развивающихся странах. Национальную историографию буржуазные ученые третируют как "современную мифологию".

Из краткого историографического обзора можно сделать вывод о том, что исследуемая проблема слабо изучена как в советской, так и в зарубежной литературе. Это еще один довод в пользу актуальности и своевременности ее всестороннего исследования.

В настоящей работе, взяв за основу марксистско-ленинскую методологию и указанную выше источниковую базу, а также опираясь на достижения советской африканистики, автор поставил перед собой следующие задачи:

- решить проблему общих закономерностей и особенностей генезиса африканской историографии в условиях национально-освободительной революции и борьбы двух систем на мировой арене;
- раскрыть познавательные и социальные функции исторической науки в развивающихся странах;
- изучить проблемно-тематическую направленность исследовательской работы в области африканского прошлого, научную и политическую деятельность африканских ученых-историков;
- проследить борьбу различных идейно-теоретических направлений по коренным проблемам истории Африканского континента.

Глава I

ГЕНЕЗИС НАЦИОНАЛЬНОЙ АФРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1. Донаучная история и научная историография

Чтобы исследовать генезис современной африканской историографии, следует предварительно обсудить ряд общеметодологических вопросов; среди них проблема генезиса истории как науки и – в более широком плане – возникновения исторических знаний является одной из наиболее сложных, вокруг которой не прекращаются оживленные теоретические споры. Крупные буржуазные философы и историки в зависимости от своих идейно-теоретических воззрений по-разному освещали вопрос о том, как и когда возникает история, каковы ее истоки и этапы становления. Ни один из них, однако, не смог дать правильного ответа на этот фундаментальный вопрос. Критическое рассмотрение их аргументов и выводов представляет собой предмет особого и большого научного труда, тем не менее для уяснения вопроса о генезисе африканской истории необходимо кратко остановиться на общей проблеме возникновения человеческой истории.

Как известно, еще Гегель выдвинул концепцию трех ступеней исторического познания; первая из них – “первоначальная история” – история без критики и без рефлексии, которую он определяет следующим образом: “Историки описывали преимущественно протекавшие на их глазах деяния, события и состояния, причем сами они были проникнуты их духом и переносили в сферу духовных представлений то, что существовало вовне” /540, с. 3/. Здесь, таким образом, познание прошлого сливается и растворяется в действительности. Затем следует история рефлексивная, где, по выражению Гегеля, “изложение... возвышается над современной эпохой не в отношении времени, а в отношении духа” /540, с. 4/. Это более высокая ступень познания прошлого, которая характеризуется критическим отношением к источникам, отказом от описания разрозненных фактов и событий и стремлением к их обобщению. На этом же этапе возникает критическая рефлексивная история или история истории. Наконец, третьим видом истории является философская история – “мыслящее рассмотрение” исторического процесса, имеющее целью открытие общих закономерностей человеческого общества, понимаемого Гегелем как самодвижение “мирового духа” /540, с. 4–11/.

История возникает только тогда, когда есть “ясное, осознанное” представление о прошлом, а это возможно лишь у тех народов, у которых есть государственное устройство и сознание духа

свободы. Только государство создает необходимые условия для возникновения историописания, утверждает Гегель в "Философии истории" /540, с. 58-59/, а в "Философии духа" прямо пишет: "Народ без государственного устройства (нация как таковая) не имеет, собственно, никакой истории, подобно народам, существовавшим еще до образования государства, и тем, которые еще и поныне существуют в качестве диких наций" /541, с. 368/. От Гегеля идет деление народов мира на "народы с историей" и народы, не дошедшие до истории, которое предопределило одну из самых острых контроверз философии истории в последующие два столетия.

Идеалистическую концепцию исторического познания, выдвинутую Гегелем, сто лет спустя стремились развить такие видные буржуазные ученые, как К. Ясперс и Б. Кроче. Гегелевскую мысль о том, что история есть "ясное" представление о прошлом, повторяет Ясперс в известной работе "Истоки истории и ее цель", где он делит все прошлое на доисторию и историю. Доистория – это объективный поток изменений человеческого общества, неосознанных и забытых впоследствии, ибо тогда не было ни традиции, ни документации. Там, где нет преемственности традиций, осознания происходящих событий, там нет истории, там господство мрака. "Доистория, – говорит Ясперс, – не освещается тусклым светом нашего знания" /655, вып. 1, с. 64/. Он отвергает как предрассудок мысль о том, что история есть или должна быть там, где нет сознания о ней. Фактически перед нами утверждение о невозможности познания начальных этапов исторического знания, вытекающее из общих методологических принципов философии истории Ясперса /538, с. 75-76, 148-149/.

В исторической концепции Б. Кроче значительное место занимает вопрос о происхождении исторического знания, в частности, о соотношении между критической интерпретацией истории и историческими источниками, воплощенными в хрониках. Господствовавшему в конце XIX в. позитивистскому пониманию хроники как предшественницы истории, ее первой, еще несовершенной стадии, Кроче противопоставляет тезис о принципиальной разнице между ними. Свои мысли он выразил в яркой афористичной форме, но известно, что остроумие не заменяет собой глубины содержания, а метафоры – не лучший из аргументов.

История в понимании Кроче есть, по существу, знание о "вечном настоящем", так как в ней нерасторжимо слились прошлое и настоящее, объективная реальность и ее субъективное отражение в мыслях историка. История и хроника, говорит итальянский ученый, не представляют определенные стадии или уровни исторического познания, дополняющие друг друга или подчиненные один другому; в действительности, это два различных мироощущения: "История – это живая хроника, хроника есть мертвая история; история – это современная история, хроника же есть прошедшая история; история – это главным образом акт мышления, а хроника – акт веры. Всякая история становится хроникой, если она не осмысливается,

а только фиксируется в абстрактных словах" /681, с. 19/. На вопрос о том, что же возникло раньше – источник или его интерпретация, Кроче отвечает: "Сначала появилась история, затем – хроника. Сначала появилась живая душа, а затем – тело, ее вместитище" /681, с. 20/.

В отношении к истории позицию Кроче можно назвать решительно антиисторической: по его мнению, история не имеет начала, она – явление, неподвластное времени; это имманентно присущее человеческому разуму свойство. Кроче утверждает: "История, как и философия, не имеет исторического начала, но только идеальное или метафизическое, потому что это активность мышления, находящегося вне времени" /681, с. 181/. Она существовала задолго до Геродота, Гесиода и Гомера. Геродота скорее можно назвать "сыном" истории, чем ее "отцом".

Б. Кроче, таким образом, не только не отвечает на вопрос о генезисе исторических знаний, эволюции и смене различных форм познания человеческого прошлого, но и делает бесперспективной саму постановку этой важной гносеологической проблемы. Тем не менее к ней обращается современник Ясперса и Кроче, известный историк Р. Коллингвуд, профессор метафизической философии в Оксфорде накануне второй мировой войны. История для него – это история мысли; он прямо утверждает: "Историческое знание – это переосмысливание в уме историка той мысли, историю которой он изучает" /576, с. 386/. Совершенно не случайно его основная работа называется "Идея истории": там, где нет идеи истории, другими словами – исторического сознания, истории не существовало. Коллингвуд считает, что древние народы обладали лишь неким подобием истории, которую он презрительно называет псевдоисторией. "Древние шумеры не оставили после себя вообще ничего, что мы могли бы назвать историей. Если у них и было что-то вроде исторического сознания, то не сохранилось ничего, что свидетельствовало бы о его существовании. Мы могли бы утверждать, что они непременно должны были бы обладать им... Однако весьма сомнительно, что мы правы, рассуждая таким образом. Если придерживаться фактов, открываемых нам документами, то, я думаю, мы должны считать историческое сознание древних шумеров чем-то напоминающим, если употреблять терминологию ученых, 'скрытую сущность', которую запрещает нам постулировать научный метод... Следовательно, четыре тысячи лет тому назад у наших предшественников по цивилизации не было того, что мы называем идеей истории" /576, с. 15–16/. Этот вывод Коллингвуд делает на основе анализа древнего клинописного текста, из которого явствует, что у шумеров, напротив, были зачатки исторических познаний и определенный, мифологический взгляд на прошлое.

Взгляды Коллингвуда на возникновение человеческой истории крайне противоречивы: если у древних народов не было истории вовсе или была лишь псевдоистория, то совершенно непонятным остается категорическое утверждение о том, что научную историю

создал именно Геродот /576, с. 19-21/. Как это произошло? Из каких элементов Геродот создавал свою конструкцию? На эти вопросы ответа английский ученый не дает. Его вывод опровергается и фактическим материалом: в книге, специально посвященной формированию исторического сознания в Древней Греции, современный французский историк Ф. Шатле подчеркивает, что ни о какой "научной истории" в эту эпоху не может быть речи /677, с. 15/.

Рассмотрев взгляды трех крупнейших представителей буржуазной историографии XX в. - Ясперса, Кроче и Коллингвуда - на проблему генезиса исторического знания, мы можем прийти к выводу, что удовлетворительного ответа они не дали. Философский идеализм обусловил неисторический подход к пониманию эволюции знания о прошлом, который привел к глубокому разрыву поступательного развития в дихотомии: не-история - история. Путь от незнания к знанию буржуазные ученые не смогли рассмотреть с подлинно научных, диалектических позиций.

Иным был подход к изучению генезиса истории известного прогрессивного ученого Ж. Лефевра в одном из последних курсов лекций, вышедших под названием "Рождение современной историографии". Его отличает подлинный историзм, широкое понимание термина "история". С полным основанием Лефевр говорит, что история возникает вместе с человеком, выделившись из царства природы. "История есть память о человеческом прошлом, она составляет его самосознание, она дает ему понимание места во времени, сознание преемственности" /728, с. 16/. Вместе с тем, когда речь заходит о конкретных началах истории, в рассуждениях Лефевра появляются противоречия: он говорит, что вначале история существовала в устной форме, а первыми историками были поэты-сказители /728, с. 17/. Несколько дальше, однако, утверждается, что подлинная история возникает после появления письменности и что первым историком был Геродот /728, с. 17-18/. Так же противоречивы суждения Лефевра относительно оформления современной научной историографии: первый раз говорится, что она родилась вместе с Ренессансом /728, с. 36/, в другом же месте ее появление отодвигается к XVIII в., а основателем провозглашается Вольтер с его книгой "Век Людовика XIV" /728, с. 125/.

До наших дней проблема рождения Клио сохраняет свою актуальность, а буржуазные историки вопрошают в недоумении: "Когда родилась наука, которой они занимаются?" /705; 756/. Ответ на этот вопрос дала марксистская методология истории.

В советской исторической науке сложилось четкое разграничение двух этапов развития истории как знания о прошлом, отражающего изменения во времени и в пространстве общественного бытия различных народов. В историографических трудах Н.Л. Рубинштейна /622/, Л.В. Черепнина /648/ и М.А. Алпатова /530; 531/ было обосновано важное методологическое положение о донаучной и научной истории. Процесс превращения разрозненных знаний и представлений в систематизированную научную дисциплину был длитель-

ным и совершался на двух уровнях познания: эмпирическом и теоретическом. Первый характеризует созревание источниковой базы исторической науки, второй – ее концептуального, логико-философского аппарата. "Для ранних этапов исторического знания характерна относительная самостоятельность этих сторон, – пишет М.А. Алпатов, – долгое время развитие исторических концепций и накопление исторических знаний протекает параллельно, не задевая друг друга" /530, с. 8/.

Переход от донаучной истории к научной историографии предполагает постепенное сближение и затем полное соединение рационалистической научной теории, освобожденной от средневекового провиденциализма, и исторических знаний, основанных на критическом исследовании источников. Этот объективный критерий, сформулированный М.А. Алпатовым /531, с. 3/, позволяет провести научно обоснованную периодизацию истории исторической науки различных народов мира. На донаучной стадии несистематизированные исторические сведения передаются от поколения к поколению вначале в устной форме как разнообразные повествования о прошлом (мифы, эпос, легенды, генеalogии и т.п.), позже – в письменной форме. Только к ХУШ в. в условиях Европы созревают необходимые научно-информационные и социальные условия для качественного скачка – превращения истории в подлинную науку. Ф. Энгельс указывал: "Восемнадцатый век собрал воедино результаты прошлой истории, которые до того выступали лишь разрозненно и в форме случайности, и показал их необходимость и внутреннее сцепление. Бесчисленные хаотические данные познания были упорядочены, выделены и приведены в причинную связь; знание стало наукой" /6, с. 599/.

История как особая научная дисциплина сложилась впервые в европейских странах. Это обстоятельство имеет существенное значение в наших размышлениях о путях генезиса африканской историографии. Дело в том, что если накопление фактического материала о прошлом шло в Африке в своих основных чертах тем же путем, что и у народов других континентов, интерпретация этих знаний, их осмысление и теоретическое обобщение в подлинно научном смысле стали возможны лишь на принципах европейской исторической науки. Африканские народы в силу научного и культурного отставания, начавшегося еще в доколониальные времена и особенно усилившегося в результате колониальных захватов и капиталистической эксплуатации, не смогли выработать научную методологию и методику исторического исследования. Как показал акад. Н.И. Конрад, "теоретические основы гуманитарных наук, действительные в наше время для исследователей во всех странах", были выработаны в Европе с "той исторической поры, когда технический, экономический и социальный прогресс народов Европы стал решительно обгонять такой же прогресс" на других континентах /577, с. 14-15/.

Ссылаясь на работу советского психолога А.Р. Лурия об историческом развитии познавательных процессов, исследователь из Тарту П. Тульвисте, изучая африканский фактический материал, показал, что мышление в научных понятиях определяется не наследственностью и не особенностями функционирования мозга, а общественно-практической деятельностью людей. Отсталая социально-экономическая структура, низкий технический и технологический уровень доколониального африканского общества обусловили развитие таких видов практической деятельности, которые могли обеспечить появление лишь несистематизированных, отрывочных знаний об обществе и природе. Само по себе это не могло привести к появлению науки. П. Тульвисте приходит к обоснованному заключению: "Мышление в научных понятиях не представляет собой универсальной стадии развития, к которой с необходимостью должно прийти всякое мышление в своем онтогенезе или историческом развитии. Отсутствие этого типа мышления также нисколько не мешает существованию в традиционных обществах сложнейших видов практической и теоретической деятельности и соответствующих текстов, не предполагающих рефлексивного мышления" /635, с. 101/.

Здесь хотелось бы еще раз подчеркнуть следующую мысль: признание того факта, что для развития африканской исторической науки было неизбежным привнесение извне основных теоретико-философских категорий и методики исследования, нисколько не умаляет достижения африканского творческого духа. Это хорошо понимают прогрессивные африканские мыслители современности.

Бенинский профессор П. Хунтонджи в противовес афроцентристским, по сути – националистическим тезисам, некритически оценивающим вклад народов Тропической Африки в мировую цивилизацию, прямо признает, что современное знание, другими словами, науку африканцы создать не смогли /277, с. 125/. Главную причину он видит в отсутствии письменности, хотя на самом деле это всего лишь следствие того уровня социальной практики, о которой мы говорили выше.

Подытожим наши рассуждения о возникновении человеческой истории: это был долгий диалектический процесс от незнания к зачаточным знаниям и, наконец, к более совершенным знаниям о прошлом; от истории-хроники к истории-науке (кстати, так именно названа книга португальского ученого Ж.Б. Карвалью /675/), от донаучной истории к научной историографии. Такой путь прошла историческая мысль всех народов мира, однако накопление фактического материала и его теоретическое обобщение шли крайне неравномерно. Африканская историография возникла в результате синтеза донаучной традиционной истории и современных методологии и методики, общепринятых в мировой науке.

2. «Горячие» и «холодные» общества

Буржуазная философия истории и историография на протяжении длительного времени отрицали наличие у народов Африки истории

и исторического сознания. Теоретическое обоснование этому ложному утверждению впервые дал Гегель в "Философии истории", представляющей запись его лекций в 1822–1831 гг. Хорошо известно, что из всего творческого наследия немецкого философа В.И. Ленин наиболее резко критиковал именно эту работу: "В общем, философия истории дает очень и очень мало – это понятно, ибо именно здесь, именно в этой области, в этой науке Маркс и Энгельс сделали наибольший шаг вперед. Здесь Гегель наиболее устарел и антиквирован" /11, с. 289/. Среди ряда ошибочных положений этой книги сегодня самый резкий протест общественных деятелей и ученых Африки вызывают те, в которых доказывается существование многих народов, географических областей и целых континентов, находящихся за пределами мирового исторического процесса. К ним отнесена и Африка.

Африку Гегель делит на три части: "первая есть находящаяся к югу от пустыни Сахары подлинная Африка... вторая, находящаяся к северу от пустыни, так сказать европейская Африка, есть прибрежная страна; третью часть составляет бассейн Нила, единственная африканская долина, примыкающая к Азии" /540, с. 87/. По поводу средиземноморского побережья Африки Гегель замечает, что это – "чудный край, который следовало и нужно было присоединить к Европе" /540, с. 88/, однако настоящей Африкой он считает лишь тот обширный регион, который ныне принято называть Тропической Африкой. Рассказ об этой части Африки изобилует фантастическими описаниями природы и людей, но наиболее важным является следующее утверждение: "Вышеупомянутая подлинная Африка оставалась в продолжение исторического периода отрезанной от остального мира; это – замкнутая в себе страна, изобилующая золотом, детская страна, которая, находясь за пределами дня самосознательной истории, облечена черным покровом ночи" /540, с. 87/. Несколько дальше, завершая крайне тенденциозное описание обычаев народов Тропической Африки, Гегель вновь возвращается к тезису об отсутствии у них истории: "Теперь мы покидаем Африку и уже не будем упоминать о ней. Ведь она не является исторической частью света; в ней не замечается движения и развития" /540, с. 94/. А как же хорошо известные достижения цивилизации Египта и военное могущество Карфагена? Гегель отвечает: "Карфаген был там важным и преобладающим моментом, но как финикийская колония он относится к Азии Египет... чужд африканскому духу" – и вновь повторяет, что у Африки нет истории, что она находится на первобытной ступени развития духа, иными словами – на пороге всемирной истории /540, с. 94/.

Отсутствие истории у африканцев Гегель объясняет прежде всего природно-географическими и психологическими факторами. Но еще более важным является положение о низком уровне развития "абсолютного духа", не создавшего государства. Трудно сказать, как изменились бы его воззрения, если бы он узнал о существовании в Тропической Африке таких сравнительно высокоорганизо-

ванных государственных образований, как Гана, Мали, Сонгай, Мономотапа, Конго, Бенин, Ашанти и другие. Во всяком случае, уже тот факт, что Гегель отрицал историчность Индии, говорит о многом.

Европоцентристские взгляды Гегеля на прошлое Африки, подкрепленные его огромным научным авторитетом, предопределили на многие годы развитие буржуазной историографии. Следует подчеркнуть, что его объективно обскурантистская точка зрения лишь отчасти объясняется низким уровнем тогдашних фактических знаний об Африке, господством всевозможных предрассудков, суеверий и фантастических измышлений европейских путешественников.

Уместно вспомнить, что другой немецкий философ тремя десятилетиями раньше, имея еще более скудные сведения об Африке, пришел к противоположным выводам. И.Г.Гердер в работе "Идеи к философии истории человечества" с подлинно гуманистических позиций призывал к уважению африканских народов, утверждал общечеловеческие ценности африканской цивилизации. Он требовал от европейцев, "подходя к стране чернокожих людей", быть скромными, "забыть о своих гордых предрассудках" и изучать Африку непредвзято. В уста жителя этих земель Гердер вкладывает воображаемый монолог, с которым он мог бы обратиться к белому пришельцу: "Я, черный человек, был первым человеком на земле. Меня поило солнце — источник жизни, в меня, в окружающую меня землю глубже всего проникали его животворные лучи. Посмотрите на эту плодородную почву, богатую золотом, на эти деревья, достигающие вершинами своими небес, на этих сильных животных! Все стихии вокруг меня полнятся жизнью, а я — живой центр этой жизни" /542, с.153/. Какой разительный контраст с тем нескрываемым презрением, с которым относился к африканцам Гегель!

Эти разумные, гуманные призывы, однако, не достигли слуха европейцев: начавшийся колониальный раздел Африки находил моральное оправдание в европоцентристских взглядах Гегеля, расистских концепциях Гобино и других. Следует добавить, что тезис о "континенте без истории" нашел дополнительную поддержку в положениях позитивистской историографии, главным образом в работах Ранке и его последователей, фетишизировавших письменный документ как единственный достоверный источник. Об адептах этой методологической школы К.Маркс иронически писал: "Свое пристрастие к источникам она довела до крайности, — она требует от гребца, чтобы он плыл не по реке, а по ее источнику" /1, с.85/.

К середине XIX в. появляются первые публикации устных исторических традиций /693, с.27-46/. Наличие у африканских народов повествований о прошлом стало все чаще признаваться непредвзятыми наблюдателями, которые подчеркивали типологическую общность этой звучащей истории с тем, что встречалось у некоторых народов Европы, отставших в своем культурном развитии. Путешественники замечают в различных местах Тропической Африки особых сказителей, хранителей памяти о прошлом, которых назы-

вают привычными для европейцев словами "барды" или "трубадуры".

Так, английские авторы многотомной компиляции о путешествиях по Африке помещают рассказ очевидца о королевских бардах на Невольничьем берегу (позже – Дагомея, ныне – Народная Республика Бенин); примечательно, что авторы прямо называют их историками страны. По словам очевидца, в торжественных случаях они исполняют исторические поэмы, что часто занимает много дней. Эти поэмы похожи на песнопения бардов Ирландии и скандинавских стран и имеют тот же уровень достоверности, так как везде и во все времена не в интересах бардов затрагивать слишком острые для королей сюжеты. Авторы отмечают апологетический характер этой официальной истории и скептически относятся к ее достоверности. "Какую подлинную историю можно извлечь из этих поэм, рассказываемых в присутствии и в честь тех, от которых зависит судьба и жизнь самого поэта?" – не без резона спрашивают авторы /711, с. 233–234/.

Наиболее подробно описал деятельность королевских историков англичанин Ф. Форбс в книге "Дагомея и дагомейцы" (1851); он называет их "хранителями архивов" (*keepers of the records or human archives*) и отмечает их высокий общественный статус: "Эти трубадуры являются хранителями архивов Дагомейского королевства, и их наследственная должность весьма прибыльна... Устная традиция – единственная форма образования среди дагомейцев... и отпрыск высших сословий потеряет право первородства, если не выучит все легенды и рассказы, трагедии и истории, известные его родителям" /694, с. 40–44/.

Постепенно по мере роста объективных знаний об Африке, сбора и публикации фольклорных материалов и изучения африканских языков становилось ясным, что у различных народов и племен имеются многообразные и весьма сложные механизмы сохранения памяти о прошлом, передачи ее устным путем новым поколениям. Американский миссионер Э. Шателен издал большую книгу о фольклоре народов Анголы (1894), в которой провел систематизацию различных типов народных сказаний, легенд, сказок, поговорок и т.п. В этой типологии он выделил в отдельный класс исторические повествования *ма-лунда*, называемые также *ми-сенду*. Они представляют собой хроники отдельных племен или народностей, которые бережно хранятся вождями или старейшинами; в них повествуется о происхождении данного общества, трудностях пройденного им пути. Ма-лунда обычно считаются государственной тайной, и рядовые соплеменники знают лишь отдельные фрагменты "священного сокровища господствующего класса", как выразился Шателен /676, с. 21/. Впрочем, как выяснилось позже, эзотеричность устной исторической традиции не является общим правилом; у других народов сведения о прошлом становятся достоянием всего общества.

Этнографы, изучавшие социальное устройство и духовную жизнь африканских народов, приводили все больше фактов о наличии у них исторического сознания, сложных систем отсчета времени, генеалогических традиций, уходящих в седую древность; выяснилась большая роль истории в общественной жизни. "Нупе являются исторически мыслящим народом" /742, с. 72/ – к такому выводу приходит С. Надель в книге "Черная Византия" (1942), посвященной одной из народностей Центральной Нигерии. У нупе не только есть история, но они окружены ею со всех сторон. Эту историю английский этнограф делит на два вида: первая – это история объективная, рациональная или псевдонаучная, как называет ее Надель (мы бы сказали – донаучная), вторая – идеологическая. Последняя проявляется как система ценностей и традиций, влияющих на социальное поведение группы, и представлена мифологией; с ее помощью могут быть описаны лишь ранние периоды истории нупе /742, с. 72/.

Буржуазные этнографы, писавшие об исторических знаниях и представлениях у африканских народов, под влиянием концепций известного английского исследователя Б. Малиновского, отрицавшего познаваемость прошлого бесписьменных народов, считали, что африканская устная история носит сугубо функциональный характер как инструмент власти в руках правящих социальных групп, а ее познавательная роль минимальна.

Однако дальнейшие исследования заставили ученых пересмотреть этот вывод. Показательна в этом отношении эволюция взглядов французского этнографа П. Мерсье, изучавшего место истории в общественной жизни сомба (на севере Дагомеи). Он признал ошибочность своих первоначальных выводов и указал, что "качественная история" у сомба и их мифологическое историческое сознание отражают определенный этап развития донаучного мышления и не являются тормозом общественного прогресса. Напротив, историческая динамика общества сомба, где тесно переплетаются изменения и традиции, включает в качестве существенного компонента мифологию; она является своеобразным инструментом познания и объяснения окружающей реальности, но главным образом – того, что некогда существовало. По словам Мерсье, история неразрывно вплетается в современную жизнь общества /737, с. 61–65/.

Из его работы, а также трудов других западных этнографов, антропологов и историков можно было сделать парадоксальный вывод о том, что у африканцев не только есть история, но что ее даже слишком много, что общественная мысль африканцев обращена к прошлому, а не к будущему. Распространению таких временных aberrаций способствовали и публикации африканских ученых неотрадиционалистского направления – А. Кагаме и Дж. Мбити, о чем будет сказано ниже. Во всяком случае, к середине нынешнего столетия в науке установилось мнение, что у африканцев история была и есть, и не только как прошедшая объективная реальность, но и как мысль о ней. Вместе с тем было показано, что эта ис-

тория существенно отличается от современной научной историографии.

Впрочем, еще оставались живучими гегельянские взгляды на "неисторичность Африки". Так, большой общественный резонанс вызвало выступление по английскому радио маститого ученого Х. Тревор-Ропера, который с презрением говорил о том, что "история Африки — это всего лишь малозначащие кривляния варварских племен в живописных, но ничем не примечательных уголках земного шара" /153, с. 10/. С подобными же заявлениями выступали французские буржуазные историки А. Брюнсвиг и П. Гаксотт.

Непрекращающиеся споры об обществах и народах "без истории" вспыхнули с новой силой после выступления известного французского философа и антрополога К. Леви-Стросса, много внимания уделяющего вопросам возникновения человеческого мышления вообще, исторического познания — в частности. Еще в статье "Раса и история", опубликованной в 1952 г., он выдвинул в самой общей форме понятия стационарной и кумулятивной истории и попытался распределить известные формы человеческих обществ по этому признаку /731, с. 95–101/. Затем во вступительной лекции в Коллеж де Франс Леви-Стросс, признав совершенно неудачным деление на "народы с историей" и "народы без истории", предложил новую дихотомию: "горячие" общества — "холодные" общества.

В книге "Дикая мысль" (1962) он дал развернутую характеристику этих обществ: "холодные" общества отчаянно защищаются от влияния внешних исторических факторов, они стремятся всеми силами сохранить стабильность и внутреннее равновесие, они производят исключительно мало беспорядка и лишены поэтому внутреннего динамизма. В "холодных" обществах господствует мифическая история в устной форме, характерная для бесписьменных народов Африки, Азии, Океании, Латинской Америки. "Горячие" же общества, напротив, подвержены постоянным изменениям; они, как метафорически пишет Леви-Стросс, "решительно принижают свое историческое будущее, чтобы сделать из него двигатель своего развития" /730, с. 309–310/. Леви-Стросс признает очевидным тот факт, что каждое общество находится в истории и что оно постоянно трансформируется. Главное, говорит он, состоит в том, что человеческие общества по-разному реагируют на эти изменения: одни признают их и способствуют их дальнейшему углублению, другие же стремятся, иногда очень эффективно, увековечить то состояние, которое они считают первоначальным /730, с. 310/.

Воззрения Леви-Стросса, которые не без оснований считаются современным структуралистским вариантом идей Гегеля, вызвали критику со стороны многих ученых различных теоретико-методологических направлений. Остановимся на основных аргументах двух из них: французского социолога Ж. Баландые и болгарского философа С. Аврамовой.

Ж. Баландые, являющийся одним из основателей "школы динамической африканской социологии", подверг концепцию Леви-Строс-

са критике с позиций экзистенциалистской философии. Он утверждает, что для традиционного (т.е. "холодного" по терминологии Леви-Стросса) общества характерны не статика, неподвижность и социальный консенсус, а постоянная борьба различных групп за власть, материальные богатства и престиж; наблюдаемое динамическое равновесие является лишь временным моментом между двумя конфликтами. В работе "Антропо-логики" (1974) он резко критикует представителей антиисторической этнографической мысли - Малиновского и его последователя Эванс-Притчарда, теоретические воззрения которых сформировались под воздействием философии неокантианства, и считает, что именно они повлияли на воззрения Леви-Стросса.

Что касается типологии человеческих обществ, предложенной автором "Дикой мысли", то Баландые отмечает в его рассуждениях два ряда фактических и логических ошибок: с одной стороны, отсутствие в традиционных ("холодных") обществах историографии (историописания) не означает отсутствия истории; с другой стороны, нынешние "примитивные" общества совсем не те, что существовали много тысячелетий назад /664, с. 182/. Неравенство, на отсутствии которого настаивает Леви-Стросс и в котором видит главную причину пассивности традиционного общества, в действительности существует во всех обществах /664, с. 181-182/, а отношения между традицией и изменением не дихотомично (или - или), а диалектично. Наконец, Баландые приводит многочисленные факты существования у народов, отнесенных к "холодным" обществам, прочной памяти о прошлом и развитого исторического самосознания /664, с. 208-213/.

Критика Баландые, впрочем, не всегда убедительна, так как он подчас игнорирует социальную обусловленность развития сознания, а его стремление доказать принципиальное единство человеческих обществ приводит к тому, что стирается существенная грань между донаучным и научным мышлением, между традиционной историей и современной историографией.

Глубокий анализ исторических воззрений Леви-Стросса с марксистских позиций дала С. Аврамова, которая показала, что структурализм страдает серьезным теоретическим пороком, выразившимся в крайнем релятивизме и внеисторическом подходе к эволюции человеческого общества. Леви-Строссу чуждо понимание экономического базиса, он отвергает марксистскую теорию общественно-экономических формаций, их прогрессивную смену как неизбежный процесс. Для него существует не глобальное человеческое общество, а множество равноценных социальных структур, поэтому нет единой всемирной истории, а есть много маленьких историй. Отвергая ограниченное позитивистское понимание прогресса как плоской прямолинейной эволюции, Леви-Стросс доходит до того, что единство мирового исторического процесса представляет в виде пестрой мозаики обществ, стоящих вне времени; отсюда часто повторяемая им мысль о фундаментальной антиномии между историей и структурой /527, с. 122-130/. Деление человечества на "горячие" и "холод-

ные" общества не обосновано ни логически, ни фактическим материалом /527, с.133-137/.

Аврамова приводит следующий пример: на фундаментальный вопрос, почему "холодные" общества функционируют так, а не иначе, Леви-Стросс отвечает, что они стремятся к этому. Но это значит, что идейные факторы, по терминологии Леви-Стросса - "сознательные структуры" (суперструктуры), руководят функционированием "бессознательных структур". Не является ли более верным обратное утверждение, а именно то, что экономическое отставание некоторых народов Азии и Африки обусловило особые формы проявления их исторического мышления? /527, с.135-136/. Исторические воззрения Леви-Стросса, подчеркивает болгарский философ, объясняются его разочарованием в возможностях прогресса буржуазного общества, его глубоким историческим пессимизмом.

В критике Аврамовой концепции "холодных" и "горячих" обществ не учтены, на наш взгляд, гносеологические трудности исследования столь сложного, многослойного и противоречивого объекта, каким является проблема историчности человеческих обществ. Из действительного факта неравномерности социального и духовного развития различных народов, разной степени насыщенности и интенсивности исторического процесса Леви-Стросс сделал односторонние, недиалектические заключения. Философский идеализм, как подчеркивал В.И. Ленин, ведет к одностороннему преувеличению одной из сторон познания, в конечном счете - к отказу от диалектики как метода познания /12, с.322/.

Дискуссия о "холодных" и "горячих" обществах вновь оживилась в связи с публикацией книги польского историка Е.Топольского "Мир без истории", выдержавшей два издания (1972, 1976). В ней автор пытается проследить генезис и развитие форм познания прошлого в обществах, стоящих на низших стадиях культурного развития. Положения Леви-Стросса он стремится интерпретировать с точки зрения марксистского понимания общественной практики как главного фактора, определяющего уровень самосознания людей. Основное отличие обществ "с историей" ("горячих") от обществ "без истории" ("холодных") состоит, по мнению Топольского, в формулировке цели деятельности: первобытный человек, а также представитель современного традиционного общества действует не для того, чтобы изменить окружающую его действительность, а чтобы выжить в борьбе с враждебной природой /776/.

Сама постановка проблемы стадийности в развитии исторического знания - от полного незнания в обществе, только что вышедшем из животного мира, к все более полному и систематизированному знанию, а также некоторые выводы свидетельствуют о новаторском, поисковом характере книги Топольского. Верно, в частности, что только общественно-практическая деятельность людей определяет в конечном счете структуру и механизмы теоретического мышления, в том числе понимание исторического времени.

Однако общие итоги книги Топольского неубедительны: примирить философский идеализм, лежащий в основе структурализма, с диалектическим материализмом невозможно.

Ряд путаных рассуждений Топольского о "мире без истории" вызвал справедливую критику других польских ученых. Укажем, в частности, на содержательную статью А. Палуха; он сам, однако, впадает в ошибку, отрицая связь мифа с историей, считая его самостоятельным явлением культуры. Возражение вызывает следующая фраза: "Мифическое мышление не может трактоваться просто как мышление доисторическое (предысторическое), которое по мере развития перерастает в историческое сознание. История не рождается из мифа, как химия вышла из алхимии" /744, с. 89/.

Мы не беремся с такой уверенностью утверждать, что химию породила лженаука алхимия, зато что касается мифологии, то мы глубоко уверены, что она имеет весьма прочную генетическую связь с историей. Корни истории всех известных науке обществ теряются в мифологии; мифологический историзм — определенный этап в эволюции донаучного исторического знания. Как убедительно показал А.Ф. Лосев, именно мифологический историзм является первым и наиболее ранним проявлением осмысления времени и пространства в первом организованном человеческом обществе — в первобытно-общинной социально-экономической формации /595, с. 31–38/. Человеческое общество никогда не было обществом с нулевой исторической температурой; его внутренняя "теплота" постоянно изменялась, и разность потенциалов на его полюсах всегда позволяла ему изменяться вместе с развитием производительных сил и совершенствованием производственных отношений.

3. Устная история и письменность

Современная историография народов Тропической Африки прошла долгий путь становления, а ее истоки лежат в донаучной традиционной истории. Исторические сведения и представления, самосознание этих народов в связи с отсутствием у большинства из них письменности сохранялись в устной форме. В этом нет ничего принципиально нового, так как и у народов других континентов на ранних стадиях культурного развития до изобретения письменности память о прошлом передавалась изустно.

В странах Европы, например, в эпоху родо-племенных отношений исторический опыт передавался в мифологических образах, на что указывали К. Маркс и Ф. Энгельс /7, с. 103/, и групповых обрядах, связанных с культом предков /614, с. 94–95/, позже — в эпических сказаниях, легендах, сагах и былинах. Советские ученые Б.Д. Греков, В.М. Жирмунский, Б.А. Рыбаков, Е.М. Мелетинский, А.Я. Гуревич и другие на огромном фактическом материале из прошлого различных народов мира показали как художественную ценность устного народного творчества, так и его глубокий и разносторонний историзм. "Эпос — это живое прошлое народа в масштабах героичес-

кой идеализации. Отсюда его научная, историческая ценность и в то же время его большое общественное, культурно-воспитательное значение", — писал акад. В.М. Жирмунский /553, с. 195/. Широко известен афоризм акад. Б.Д. Грекова: "Былины — это история, рассказанная самим народом" /545, с. 7/.

Как и на других континентах, устная традиция в Африке является формой существования исторических знаний у народов, не имеющих своей письменности; это начальная, самая древняя ступень донаучной истории. В яркой художественной форме устная традиция передает от поколения к поколению сведения о прошлом, формирует у людей сознание единого происхождения и общей судьбы. Значение традиции в становлении человека хорошо выразил К. Ясперс: "Традиция уходит своими корнями в глубины доистории. Она охватывает все то, что не является биологически наследуемым, а составляет историческую субстанцию человеческого бытия. Другими словами, не наследование, а традиция делает нас людьми" /665, вып. 2, с. 140/.

Механизмы сохранения и передачи знаний о прошлом, как и типология исторических традиций, многообразны: у одних народов имелись профессиональные певцы-сказители, известные в странах Западной Африки под именем гриотов, у других же народов хранителями социальной памяти были старейшины и вожди племен или же просто самые пожилые члены коллектива; в одних случаях исторические знания имели эзотерический характер, хранились в тайне и сообщались лишь посвященным, в других же случаях эти традиции регулярно раскрывались перед всем народом во время торжественных церемоний.

Как правило, сильные исторические традиции и профессиональные сказители были у тех африканских народов, которые в доколониальные времена создали свою государственность. В Западной Африке это мандинги, дагомейцы (фоны), ашанти; в районе Великих озер — баньяруанда и барунди; южнее — шона, создавшие средневековое государство Момотапа (Зимбабве).

Этот вид устной истории Д.А. Ольдерогге назвал "придворным эпосом". Его сущность состояла в следующем: "Известно, что при отсутствии письменной традиции при дворах многих африканских царей существовали особые историки, на обязанности которых лежало сохранение преданий. Они должны были знать наизусть хронологическую последовательность царей, и, вероятно, заучивали ее в ритмической форме" /611, с. 12/. Придворный эпос в раннеклассовом обществе выполнял важные социальные и идеологические функции: он способствовал консолидации власти правителей и освящал социальные институты, оправдывал существовавшее неравенство, прославлял подвиги правившей династии.

Благодаря исследованиям ряда историков Республики Бенин — М. Глеле /269/, А. Дживо /451/, К. Погла-Глеле /452/ — стала теперь хорошо известна сущность устных традиций доколониального Дагомейского государства. Прежде всего следует отметить много-

образе устной литературы, где исторические сказания – лишь один из многих ее жанров; назначение этой литературы – дидактическое и эстетическое. История у дагомейцев (фонов) носит название *хуенухо*: от слов *хуену* – “время”, “период”, “эпоха” и *хо* – “слово”, “рассказ”; история, таким образом, есть рассказ о прошлых временах.

К середине XIX в. в централизованном Дагомейском государстве в интересах господствующего класса установилась одна единственная версия истории страны, и эту официальную историю знали королевские хронисты, бывшие некогда, по-видимому, жрецами; их называют *кпанлинган*. Они были обязаны каждое утро, обходя королевский дворец в Абомее, повторять генеалогию королевской династии и воспевать славные события каждого царствования. Содержание рассказа передавалось неизменным из поколения в поколение, и кпанлингану угрожала смертная казнь в случае ошибки. Механическое повторение “застывшей” истории приводило к тому, что сказитель зачастую не мог объяснить или комментировать смысла того, о чем он повествовал. Кроме того, следует заметить, что некоторые подробности отдельных царствований составляли государственную тайну, другие же события вообще не вносились в официальный текст и предавались забвению. Наиболее ярким примером политической манипуляции историей было исчезновение из династической генеалогии имени Адандозана, свергнутого в 1818 г. в результате дворцового переворота.

В Руанде исследователи различают два вида исторических традиций: королевский эпос и семейные хроники /391, с. 6-25; 781, с. 26/. Королевский эпос состоит из 528 *ибитекерезо* – эпических поэм изысканного стиля, в которых повествуется только о политических деяниях – войнах и столкновениях между вождями аристократических кланов, а также содержится хроника дворцовых событий. Действующими лицами этих поэм выступают короли и их приближенные; в них ничего не говорится о социальных отношениях в обществе. Иной пласт руандийской истории освещается в семейных хрониках (их учтено тоже более 500); содержание их гораздо богаче, здесь много места уделено зависимым группам населения, причем прошлое изображается в традициях тутси и хуту по-разному. История в Руанде, как и в других местах, активно применялась в качестве идейного оружия в социальной и межплеменной борьбе: придворный эпос исходит из постулата вечности крепостного состояния хуту и стремления исторически узаконить господствующее положение тутси /712, с. 227-230; 706, с. 95-102/.

Исследователей поражает в Руанде, как и в Дагомее, абсолютная точность в передаче королевской традиции: под страхом смерти в ней нельзя было пропустить ни одного слова или даже звука. Это почти писанный текст, но формализованный и тенденциозный, поэтому такие повествования содержат относительно мало объективной исторической информации /660, с. 135/.

Общая концепция традиционной устной истории хорошо просматривается в эпическом сказании о Сундиате – национальном герое группы родственных народов Западной Африки – мандингов. Этот эпос известен в нескольких вариантах /241; 718; 639/, опубликован он и на русском языке /161/. В основу положен рассказ о жизни и деяниях вполне реального лица, правителя средневековой империи Мали, однако в предисловии к русскому изданию эпоса о Сундиате Д.А.Ольдерогге совершенно справедливо предупреждает: "Надо помнить, что эпос не историческая хроника и не летопись. Это прежде всего художественное произведение, богато расцвеченное народной фантазией. Оно создавалось различными певцами, многократно перерабатывалось. Основу его составляют исторические события, но дошли они до нас в художественной обработке в разных версиях, созданных гриотами разных школ" /161, с. 7/.

Философия истории в эпосе о Сундиате проникнута привнесенным в традиционные представления мусульманским фатализмом, согласно которому судьбы всех людей предначертаны свыше, а человек – лишь слепая игрушка в руках аллаха: "Человеку иной раз кажется, что он может изменить пути, начертанные аллахом, но на самом деле он исполняет его волю" /161, с. 51/. "Ничто не может изменить волю провидения", – говорит гриот в другом месте /161, с. 92/. "Судьбы людей непознаваемы, их поступки внушены свыше" /161, с. 52/. Мусульманский провиденциализм, однако, сочетается с многочисленными пережитками язычества – жертвоприношениями, верой в волшебных змей и вещей сов, рассказом о чудесном превращении страшного буйвола в немощную старуху и т.п. Царь Сумаоро, враг Сундиаты, – великий колдун, сила его фетишей ужасна /161, с. 75/, он может принимать 69 различных обликов, ускользая от своих врагов: в разгар битвы он то превращается в муху, которая изводит противника, то растворяется в воздухе, когда враг слишком теснит его /161, с. 98/. С точки зрения правоверного мусульманина все эти рассказы не что иное, как суеверия и предрассудки, совершенно несовместимые с исламом, но таково было синкретическое мировоззрение населения недавно исламизированных областей Мандинга. Мифологическое мышление в виде мощного пласта доисламских верований переплеталось с плохо усвоенными догмами Корана.

Повествование о подвигах эпического героя полно противоречий, оно часто непоследовательно и состоит из описания событий, мало связанных между собой причинно-следственными отношениями. Объяснение этому мы находим в глубоких рассуждениях А.Ф.Лосева об особенностях понимания времени в архаичном мышлении. "В эпосе, – говорит он, – мы обычно находим нагромождение разных событий... Это нагромождение доходит иной раз до ничем не объяснимой противоречивости и даже до полной утраты связи отдельных эпизодов с целым. В повествовании постоянно возникают случайные замедления, сосредоточение внимания на каких-нибудь

третьестепенных предметах, невнимание к последовательности рассказа, постоянные повторения одного и того же, многократные возвращения назад, так что возникает и постоянное эпическое колебание между прошлым, настоящим и будущим... Эта художественно зафиксированная пестрота и бессвязность нагроможденных событий, необходимых для героических подвигов, является особенностью эпического времени" /595, с. 42-43/.

В эпосе о Сундиате, как и в других подобных произведениях, в качестве постоянного структурного элемента встречается обращение к слушателям, которые приглашаются в качестве свидетелей достоверности описываемых невероятных событий. Это часть того, что можно было бы назвать обязательным этикетом устной исторической традиции. Обращения, как правило, помещены в начале и в конце рассказа, иногда же они перебивают ход повествования в самых неожиданных местах. В словах гриота выражается сознание его высокой миссии хранителя опыта прошлых времен, мудрого советника царей. Послушаем, что говорит Мамаду Куяте, рассказчик мандингского эпоса: "Гриотам известна история царей и царств, вот почему они лучшие советники царей. Каждый великий царь хочет иметь певца, который увековечил бы память о нем, потому что только певцы сохраняют память о царях, — память же людей коротка. Судьба государств так же предначертана, как и судьбы людей; прорицатели знают будущее, мы же, гриоты, передаем знание прошлого, но тот, кому известна история страны, может увидеть и ее будущее. Иные народы пользуются письменностью, чтобы запечатлеть прошедшее, но это убивает их память, они не чувствуют прошлого, потому что у букв нет тепла человеческого голоса" /161, с. 80/.

На протяжении сотен лет эпос о Сундиате не только сберегала в яркой художественной форме память о наиболее славных страницах истории мандингов, но была важным фактором этнической консолидации, так как укрепляла сознание общего происхождения у родственных народов, которые были рассеяны на огромной территории Западной Африки и впоследствии вошли в состав различных государств. До сего дня основные кланы мандингов считают себя потомками или самого Сундиаты (это касается рода Кейта), или его военачальников; где бы ныне ни проживали мандинги, они утверждают, что пришли с территории средневекового Мали. Как сам эпос, так и гриоты, постоянно передвигающиеся из одного района в другой, играют важную роль в сохранении культурного единства народов мандингской семьи. В этом секрет необычайной популярности эпоса о Сундиате.

Существует несколько классификаций устных традиций народов Африки /569, с. 69-70; 780/, которые отражают многозначность терминов, обозначающих произведения духовной культуры, передаваемых изустно: фольклор, устная литература, устные традиции. Это вызвано прежде всего многообразием самого объекта исследования, ведь устное народное творчество всех народов охватыва-

ет самые различные стороны жизни, имеет неодинаковую степень соответствия реальной действительности, разный уровень художественного обобщения. Некоторые из существующих классификаций страдают излишней детализацией. Представляется поэтому целесообразным познакомиться с типологией устной литературы в странах мандингского языка, выдвинутой американским ученым Ч. Бёрдом, много лет изучавшим фольклор Западной Африки.

К фольклору в узком смысле слова он относит сказки, нравоучительные притчи, развлекательные рассказы, любовные истории, юмор; это общедоступная форма литературы, и для ее передачи не требуется никакая специализация. Второй тип – фольклор охотников: ритуальные и героические повествования, которые знает лишь особый гриот охотников – *донсо-двели*. Образцом подобных традиций является охотничья эпопея "Камбили", записанная от Сейду Камара в районе Васулу на Верхнем Нигере /724, с. 155/. Третий вид – это собственно исторические традиции, которые исполняет профессиональный певец – *двели*, причем наиболее авторитетным считается *манса-двели*, или королевский гриот. Его функции многочисленны и разнообразны – он хранитель традиций, маг и предсказатель, глашатай и советник правителя; он одновременно и составитель и исполнитель исторических сказаний, хотя его творческая самостоятельность весьма ограничена, о чем будет сказано ниже. Каждый гриот связан вековыми узами с каким-нибудь аристократическим родом: гриоты из рода Куяте служат клану Кейта, а Диабате – Травеле. Кроме исторической эпопеи о Сундиате, являющейся достоянием всех мандингских народов, имеется и другая – о правителе государства бамбара с центром в Сегу – Да Монзоне, а также много героических песен – славословий в честь отдельных родов /724, с. 155–157/.

Особый интерес для понимания типологии хранителей традиционной истории представляют остающиеся неопубликованными данные уникальной переписи, проведенной в Республике Нигер под руководством Д. Лайа в начале 70-х годов /47/. На территории всей страны был учтен 431 знаток традиций прошлого, причем у всех этнических групп: хауса, сонгаев, фульбе, туарегов и канури. Хранители традиций разделены на пять категорий.

Примечательно, что профессиональные сказители – гриоты – немногочисленны: всего 58 человек (или 14% от общего числа). Именно они лучше других знают историю не только своей народности, но и отдельных профессиональных групп: кузнецов, охотников, земледельцев. У хауса они объединены в особую корпорацию, во главе которой стоит *саркин макада*. Как правило, традиционалисты-гриоты не только знатоки прошлого; они удовлетворяют также эстетические запросы соплеменников – это музыканты и певцы, без которых не обходится ни одно торжество. Новой чертой в их деятельности является то, что некоторые из них знают грамоту и записывают имена и славословия различным правителям.

Наиболее многочисленны представители двух других групп традиционалистов – ремесленники и мусульманские грамотеи. Первые –

кузнецы, ткачи, кожевники, охотники – знают предания своей профессиональной группы, а также всей округи. Мусульманские грамотеи – марабуты, имамы, кади – не только владеют сведениями о прошлом, но и собирают наряду с устными преданиями арабские рукописи; поиск их особенно активен в районе Агадеса и Зиндера. Традиционные вожди различного ранга как оседлых народностей, так и кочевников в большинстве своем знают историю происхождения данной этнической группы, возникновения деревень или заселения целого района. Наконец, немногочисленную группу знатоков старины составляют жрецы и шаманы, причем их сведения касаются скорее не событий прежних времен, а отдельных сторон африканских религий, обычаев, народной медицины и фармакопеи; их знания, собственно говоря, имеют мало соприкосновения с историей.

Подробное рассмотрение африканской исторической традиции позволяет сделать некоторые обобщения. Первое – это ее двойственный характер. Для нее типичны нерасчлененность между источником и его интерпретацией, наивно-реалистическое отождествление исторической реальности и исторического мышления. На эту особенность обращает внимание акад. Б.А. Рыбаков, когда пишет, что "в применении к Древней Руси очень трудно провести грань между источниковедением и историографией" /623, с. 346/. Это тем более важно подчеркнуть, что в современной науке наблюдается тенденция противопоставить устные источники и устную историю, что проявляется в публикациях английского журнала "Орал хистори" /136, 1978, № 1/ и в некоторых других публикациях /743/. В своем докладе на XV Международном конгрессе исторических наук Э.Д. Алагоа оставил за африканскими устными традициями лишь роль источника для современного ученого /188, с. 529–535/.

Между тем рассмотренный нами фактический материал дает возможность утверждать, что для донаучной мысли бесписьменного общества разнообразные виды устных традиций выполняли роль истории, т.е. знания о прошлом, и одновременно интерпретировали это знание. Для современного ученого-историка совокупность этих повествовательных устных текстов выступает в качестве одного из наиболее сложных источников исторического знания. Этот источник имеет особую значимость для реконструкции именно африканской истории, поскольку существует коренное различие между тем, как африканские народы воспринимают свою историю, и тем, как ее оценивает современная наука. При анализе этих источников следует помнить совет Ю.М. Лотмана: "Подходить к источникам этого типа как к текстам, нуждающимся в дешифровке, своеобразном раскодировании, которое должно предшествовать цитатному их использованию. Только тогда мы сможем не только отделять верные высказывания от ошибочных, но и в самих этих ошибках, в характере непонимания находить источник ценных сведений" /596, с. 125/. Следует добавить, что перевод на язык современной науки самосознания традиционного общества – весьма сложное дело.

Концепция исторического прошлого, имплицитно заложенная в устной истории, принципиально отличается от современной научной историографии. На ряде особенностей мы останавливались выше; другие покажем на конкретном материале истории народности куба, населяющей центральную часть современного Заира. Для куба характерно понимание истории как коллективной памяти, удерживаемой и передаваемой лишь в силу общего согласия. Селективность и относительность сохраняющихся знаний о прошедшем хорошо сознается самими участниками историографического, если можно так выразиться, процесса. Один старейшина прямо признавал: "В конце концов правда древних рассказов меняется. Что раньше было истинным, позже может стать ложным" /779, с. 19/.

Размышляя над сущностью истории, как ее понимают куба, Я. Вансина пишет: "Главное в процессе создания устной истории состоит не столько в случайных утратах памяти, а в активном выборе сюжетов для запоминания, и этот выбор продиктован восприятием истории куба. История должна объяснять и вследствие этого оправдывать мир, человечество и образ жизни куба... Мифы и анекдоты становятся правдоподобными по всеобщему согласию и таким же образом могут изменяться" /779, с. 227/. Самая большая селекция производится тотчас же, как только реальное событие произошло: сообщество решает вопрос, достоин ли этот факт запоминания или его следует предать забвению. Как указывает профессор Абиджанского университета Г. Диабате, изучавшая устную историю народности аньи (Берег Слоновой Кости), отбор событий для запоминания обусловлен функционально-утилитарными соображениями: "Память не загромождается фактами прошедших эпох, если они не нужны в настоящем. Бесполезное прошлое умирает, как только событие завершилось. Поэтому чем меньше общество пережило резких поворотов и пертурбаций, тем длиннее будет отрезок известной истории" /240, с. 5-6/.

Сложным и дискуссионным вопросом устной истории является соотношение между неизменностью традиции и творчеством певца-рассказчика или, другими словами, насколько значителен элемент импровизации в исторических традициях. Известный английский ученый А. Лорд в результате анализа поэм Гомера и югославских народных исторических песен показал, что традиция не остается неизменной — в процессе передачи происходит ее обогащение и развитие /733/. Д. Смит на материале устных традиций Раджастхана критикует концепцию А. Лорда, обвиняя его в преувеличении свободы творчества индивидуального исполнителя /770/.

Прогрессивный английский антрополог Дж. Гуди, основываясь на работах по психологии советских ученых Л.С. Выготского и А.Р. Лурия, показал сложный, неоднозначный процесс запоминания и воспроизведения устных текстов, который определяется главным образом общественными запросами. Мифы запоминаются не механически, слово в слово, говорит Гуди и показывает это на примере мифа о Багре, распространенного в Северной Гане. "В связи

с отсутствием единственной оригинальной версии, которую можно было бы изучить как неизменный текст, и отсутствием единого хранителя устной традиции миф о Багре растворялся, развивался и сжимался при каждом новом исполнении, что характерно для 'литературных' устных традиций", /700, с. 48/.

В общем плане африканский фактический материал позволяет утверждать, что мифы более свободны при исполнении, чем собственно исторические традиции. Особенно "застыли" так называемые королевские, династические повествования, что мы видели на примере Дагомеи и Руанды. Эпические же сказания, например о Сундиате, дают проявиться творческой индивидуальности сказителя, поэтому имеется несколько равноценных версий, позволяющих провести их сравнительный анализ и обнаружить влияние внехудожественных социальных факторов.

Остановимся, наконец, на самом, пожалуй, сложном вопросе устной истории – ее хронологии. Отсутствие у народов Тропической Африки, кроме Эфиопии, календарей обусловило невозможность датировки излагаемых событий и фактов, что дало основание некоторым буржуазным ученым считать традиционные общества вневременными. Несмотря на то что традиционной истории свойственно весьма сложное понимание времени и существуют специфические системы его отсчета, нет абсолютной хронологии; расчеты ведутся на основе природно-экологических циклов.

Американский историк-африканист Д. Хенидж в книге "Хронология устной традиции" (1974) сравнил установление датировки с поисками химеры. Он изучил огромный фактический материал – смену 600 династий и 10236 случаев передачи власти, отраженных в устной исторической традиции многих стран мира: Древнего Востока, Океании, Африки, средневековой Германии, Индии, Шотландии. Хенидж установил различные способы искажения исторической хронологии, сознательное или спонтанное, главные из которых – искусственное сокращение или, что чаще случалось, удлинение периодов правления тех или иных царских династий. Это объясняется, по его мнению, гипертрофией прагматизма в устной традиции; он, по существу, приходит к выводу, что никогда выражение "история есть политика, опрокинутая в прошлое", не было столь справедливым, как в традиционном обществе /707, с. 17-42/.

Книга Хениджа вызвала оживленную дискуссию среди африканистов. А. Уилкс /785/, И. Персон /749/, К.-Э. Перро и Э. Терре /748/ отмечали, что книга Хениджа одновременно и опасна и полезна. Она включает гиперкритицизм, доходящий до утверждения непознаваемости прошлого доколониальной Африки (и здесь чувствуется влияние Коллингвуда), с одной стороны, а с другой – своевременное предупреждение против некритического, излишне доверчивого отношения к устным источникам, что характерно для современной африканской историографии, а также для ряда западных буржуазных ученых. Вместе с тем африканские историки зачастую склонны к смешению звучащей и писаной истории, к игно-

рированию качественных различий между традиционной историей и научным историописанием.

Как мы отмечали выше, для донаучной истории характерна нерасчлененность источника и его интерпретации, иными словами, наивно-реалистическое отождествление исторического бытия и исторического мышления /650, с. 91/, что обусловило отсутствие рефлексии и критики. Только письменность позволяет подвергать тот или иной исторический текст подробному критическому анализу, сравнению различных вариантов, позволяет передавать исторические знания во времени и в пространстве на значительные расстояния.

П. Хунтонджи хорошо выразил эту разницу между устной и писаной историями: "Устная традиция имеет тенденцию консолидации знания в догматическую и неприкосновенную систему, в то время как письменность позволяет критиковать знание при передаче от человека к человеку, от поколения к поколению. В устной традиции преобладает боязнь забвения, потому что у нее нет никакой внешней опоры, никакой материальной основы" /277, с. 131/. Как доказывает бенинский философ, Леви-Стросс неправ, говоря, что европейские общества имеют историю кумулятивную, открытую, а традиционные общества — "холодную", застывшую, закрытую; в действительности следует перевернуть эту схему. "Бесписьменные общества приговорены к тому, чтобы ревностно охранять свои открытия и находки, аккумулировать их в памяти. Именно их история аккумулятивная. Напротив, западная история является не кумулятивной, а критической: она продвигается не простым приращением знаний, простым прибавлением открытий и находок, а путем постоянного опровержения установленных знаний, т.е. путем кризисов... В этом истинная роль письменности: она доверяет материалу (книге, документу, архиву) роль хранителя, которую ранее выполнял человеческий разум, и освобождает его для новых открытий, могущих поколебать или же опровергнуть старые истины" /277, с. 131-132/.

Сходные мысли высказывает Дж. Гуди /699, с. 1-26/: переход к письменному слову с огромной силой способствовал совершенствованию процесса познания, облегчал скачок от донаучного знания к научному. Коренным образом изменился процесс хранения и передачи информации, резко возросла критическая активность интеллекта. "Человеческий ум освободился для изучения статического текста вместо того, чтобы быть ограниченным участием в динамическом говорении; это позволило человеку отступить от своего создания на расстояние и рассматривать его в более абстрактном, обобщенном и рациональном виде" /698, с. 37/. Гуди критикует как европоцентристскую концепцию Леви-Стросса (вышедшая в 1977 г. книга Гуди называется "Доместикация дикой мысли" и написана как ответ на "Дикую мысль"), так и апологетические воззрения американского этнографа Р. Хортонa, пытавшегося с позиций релятивизма представить африканскую традиционную мысль в ка-

честве такой теоретической модели, которая близка к научным знаниям.

В стремлении реабилитировать африканскую историю многие африканские ученые, теряя чувство меры, не только смешивают донаучную устную историю и современную историографию, но и ставят знак равенства между устной и писаной историей. Так, Ж.Ки-Зербо утверждает: "Запись – это та же устная традиция, только окаменевшая" /240, с. 3/. Чрезвычайно популярной стала красивая метафора А.А.Ба, сравнившего умирающего старика, хранителя традиций, с горящей библиотекой. Сравнение яркое, но, в сущности, неверное. О принципиальном сходстве можно говорить лишь относительно двух форм – устной и письменной – существования донаучной африканской истории.

4. Этапы становления научной историографии

Устная традиционная история являлась наиболее распространенной в доколониальной Тропической Африке формой существования исторических знаний и представлений; впоследствии она стала основной базой формирования современной историографической науки. Об устной истории, ее сущности и характерных чертах мы говорили выше; теперь следует остановиться и на другом истоке современной африканской историографии – письменной донаучной истории, представленной хрониками и другими нарративными трудами африканских историков. Наибольшее распространение письменная история получила в двух зонах Тропической Африки – в Западном Судане на основе арабской графики и в Эфиопии на языке геэз.

В суданскую область, занимающую обширные пространства к югу от Сахары, вместе с проникновением ислама распространяется письменная культура, причем не только арабская, но и на местных африканских языках с использованием арабской графики (хауса, канури). Возникшую здесь историческую литературу, как правило, созданную местными уроженцами и посвященную происходившим в этом же регионе событиям, следует рассматривать как подлинно африканскую. Наиболее важными образцами африканской историографии являются суданские хроники ХУ1–ХУШ вв. "Тарих ал-фатташ", "Тарих ас-Судан" и "Тазкират ан-нисьян", написанные местными авторами в крупном культурном центре Западной Африки того времени Томбукту. Примечательно, что нам известны имена двух авторов, и этот факт позволяет утверждать, что доколониальная Африка имела не только историю, но и историков. Первая из хроник начата была Махмудом Кати, а полный ее текст завершен, по-видимому, его правнуком Ибнал-Мухтаром Гомбеле /321/; автором второй является Абдаррахман Сади. Нельзя не согласиться с мнением Л.Е.Куббеля о том, что "именно эти три хроники мы можем считать высшим достижением африканской историографии доколониального времени – не только в Судане, но и во всей субсахарской Африке" /569, с. 114/. К именам Кати и Сади следует

прибавить Мухаммеда Белло, автора "Инфак ал-майсур", повествующего о завоеваниях фульбе в начале XIX в.

Кроме упомянутых выше хроник, разнообразная историческая литература была распространена в городах Северной Нигерии и Северной Ганы, находившихся под влиянием ислама; в этих районах обнаружены тысячи рукописей на языках арабском и хауса /652, с. 27-28/. На восточном побережье Африки на языке суахили с применением арабской графики были написаны хроники многих городов - "Хроника Пате", "Хроника Момбасы", "Хроника зинджей" - и единственная на арабском языке - "Хроника Кильвы" /569, с. 186-187/.

Основоположником африканской историографии на I Международном конгрессе африканистов был признан тунисец Абдаррахман Ибн Халдун (1332-1406) /759, с. 55/. Уместно остановиться несколько подробнее на этом утверждении, получившем с тех пор большое распространение в работах об Африке. Ибн Халдуна называют создателем социологии, провозвестником структурализма и экологии, предшественником Адама Смита, Монтескье, Дюркгейма, Маркса и Парето /259, с. 558; 406, с. 110/. Дважды на французском языке выходила книга И. Лакоста, недавно она переиздана на Кубе; мировоззрение средневекового ученого автор анализирует с позиций диалектического материализма /722/. Научные взгляды Ибн Халдуна - предмет особого исследования, и нет нужды останавливаться на этом вопросе. Бесспорно, что Ибн Халдун представлял вершину мусульманской общественной мысли средневековья и что его воззрения во многом опередили его время. Однако его работы долго оставались неизвестными не только в Европе, но и в арабских странах. Даже на его родине, как показал в своей книге профессор Тунисского университета А. Абдесселем, впервые копию книги знаменитой "Мукаддимы" ("Введения") в Тунисе получили лишь в середине ХУШ в., поэтому Ибн Халдун не мог оказать особого влияния ни на историков Северной Африки /165, с. 464/, ни тем более на историческую литературу к югу от Сахары.

Если перечисленная африканская историческая литература, включавшая, кроме названных хроник, и другие типы нарративных источников, сложилась в результате культурных контактов с арабской письменной цивилизацией, то эфиопская историография была явлением совершенно оригинальным, хотя о полной изоляции от внешних влияний и здесь не может быть речи. Уже с конца XIII в., когда власть в Эфиопии переходит к так называемой Соломоновой династии, пишутся исторические работы, призванные обосновать законность новой династии и руководящую роль духовенства в государственных делах. Среди этой литературы следует прежде всего назвать две книги: "Слава царей" и созданную значительно позже "Богатство царей". О первой из них акад. И.Ю. Крачковский сказал, что это "смесь легенд и романтического материала. Основная цель ее доказать происхождение новой династии от Соломона путем искусно

подобранных легендарных сказаний, связывающих воедино нити истории от Адама до Никейского собора и конечных судеб мира" /636, с. 4/.

По мере утверждения новой власти и централизации страны в Эфиопии в XIV–XV вв. появляются исторические труды в виде погодных записей о наиболее важных событиях. Эти летописи большей частью создавались в монастырях, ставших оплотом христианской религии и центрами грамотности. Обычно краткие и сухие, "настоящие каталоги царей", по меткому выражению акад. Б.А. Тураева, эти хроники известны или по названиям монастырей, где они были впоследствии обнаружены, или же по именам царей, о которых в них повествуется. Наиболее ценными эфиопскими хрониками являются "Сказание о походе царя Амда Сиона", "Хроника царя Зара Якоба и его преемников", "Хроники царей Лебна Денгеля, Клавдия и Мины"; они переведены на русский язык Б.А. Тураевым /154, с. 318–327/. Не исключено, что некоторые из них составлялись не в монастырях, а непосредственно при дворе царя официальным историографом.

Определенный историографический интерес представляет так называемая житийная литература, т.е. биографии реальных исторических деятелей, которые были затем канонизированы церковью, как, например, военачальник Амда Микаэль. Редкий образец совпадения обоих жанров – летописей и жития святых – представляет собой "История галла", написанная в конце XV в. монахом Бахреем; в ней дано подробное описание общественных и семейных отношений народа галла. Политико-религиозная концепция и тенденциозность автора, составившего данное описание с тем, чтобы "знать наших врагов по вере", видны с первой же фразы: "Начал я писать историю галла, дабы показать число их племен и деяния, направленные на душегубство, и скотские их обычаи". Эта хроника в последние годы дважды переведена на русский язык и дала возможность исследователям прийти к ряду интересных научных выводов /604, с. 151–192; 570, с. 132–143/.

В последующие столетия эфиопская историография, в сущности, не переживает особых изменений; по-прежнему главными ее формами остаются летописи отдельных царствований или же краткие хроники нескольких царей, а также жития святых. Для нее характерны прославление царей и христианской церкви, вера в провидение, которое предопределяет человеческие поступки, употребление малоизвестного народу языка геэз. Что же касается исторической литературы на современном эфиопском (амхарском) языке, то она крайне немногочисленна, а ее первые произведения появились лишь в конце XIX в. Собственно, известны лишь две хроники, которые написаны придворными историками и поэтому носят официальный характер; одна из них подвергалась даже предварительному исправлению "высочайшей особой" /647, с. 5–6/. Естественно, что в таких условиях ни о какой объективности исторических знаний говорить не приходится.

Суровую, но справедливую характеристику эфиопской историографии в начале XX в. дал один из первых европейски образованных эфиопских мыслителей. В политическом памфлете, распространявшемся в рукописи, пространно говорилось о причинах отсталости страны и, между прочим, по поводу прошлого Эфиопии делался горький вывод: "История абиссинцев до сих пор покрыта мраком". Все дело в том, что подлинных историков страна не имеет, а пишут историю люди недостойные, которых автор делит на две группы: "Первая категория – это те, кого можно назвать придворными учеными, люди, которые в поисках пропитания приходили ко двору и по повелению царя писали сочинения, восхвалявшие его. Эти царегугодники называли свои писания "историей" и оставляли их потомкам. Другая категория историков – монахи. В их писаниях много пристрастия, потому что они совершенно не думали о пользе народной, а пеклись только о своей выгоде" /566, с. 210/.

Нет необходимости останавливаться более на эфиопской историографии доначного периода; она хорошо освещена в трудах Б.А. Тураева /636/, И.Ю. Крачковского /584/, а в последние годы этот вопрос затронут в содержательных работах С.Б. Чернецова /659/ и Г.В. Цыпкина /566/. Скажем только, что ей присущи объяснение исторического процесса действием божественных сил или, как выразился Б.А. Тураев, "болезненная страсть ко всему чудесному"; крайняя политическая тенденциозность – апология монархии, церкви, феодализма; прославление завоевательной внешней политики. По своим социальным функциям и познавательным возможностям это типичный образец доначной традиционной истории.

Добавим, что, несмотря на многовековое существование исторического описания, в Эфиопии, как и в других странах, была широко распространена и устная история. Один из современных ученых отмечает это явление как "удивительный парадокс" и пишет об Эфиопии как о "царстве Слова". "В этой стране Слово есть царь – царь всезнающий и вездесущий... Слова, много слов; и мало, совсем мало вещественных памятников прошлого. Короче говоря, лес мифов и легенд, который нельзя изучить с высоты птичьего полета; этот лес надо пройти пешком во всех направлениях, изучая дерево за деревом" /752, с. 319–320/. В этой красивой метафоре много верного, однако нельзя забывать об опасности такой методики; народная мудрость советует за деревьями не потерять леса.

Изучая отдельные виды и типы доначной историографии, весьма отличающиеся у различных народов, следует помнить об общих принципиальных чертах, объединяющих их в единый типологический ряд. Вся эта историческая литература прежде всего может рассматриваться с точки зрения источниковедения африканской истории, так как она содержит ценные сведения о политической, социальной, этнической и культурной жизни африканских народов. Вместе с тем имеется и другая, не менее важная сторона этой литературы: в ней, хотя и в зачаточной форме и с типичных для доначного архаичного мировоззрения позиций, делаются попытки осмыслить историчес-

кий процесс, обнаружить его движущие силы, связать воедино разрозненные события прошлых эпох. Эти тексты являются памятниками исторической мысли африканских народов, отражающими уровень и особенности самооценки общества, процесс накопления знаний о прошлом, первые попытки их объяснения.

Вполне правомерно поэтому рассмотрение африканских хроник XIУ–XIХ вв. так же, как и, например, русских летописей /593, с. 45–51; 594, с. 58–59/, не только с точки зрения источниковедения, но и как свода исторических знаний, пропущенных через призму мировоззрения его составителя. Хроники и другие нарративные источники представляют собой, таким образом, определенный этап развития африканской историографии. Своеобразие же состоит в том, что письменная история не вытеснила устную даже у тех народов, где была довольно широко распространена (Западный Судан, Эфиопия, Северная Нигерия). Характерным было проникновение устной традиции в хроники, а также обратное воздействие письменности на этногенетические традиции, что было убедительно показано в работе В.В. Матвеева /599/. Объясняется такое взаимопроникновение типологической общностью обеих историй – звучащей и записанной, отвечающих одинаковому уровню донаучного архаичного сознания.

Донаучная африканская история – устная и письменная – выполняла важные социальные и познавательные функции в традиционных обществах Тропической Африки, была формой существования исторической мысли и исторических знаний. Именно из нее выросла современная научная историография; было бы, впрочем, серьезной ошибкой считать, как это делают некоторые буржуазные ученые, что современный африканский историк – это гриот прошлого, только вооруженный новыми научными методами исследования. На самом же деле между традиционной историей и научной историей имеется принципиальное различие, хотя нельзя отрицать и прочных генетических связей между ними. А различие сводится к следующим основным положениям.

Во-первых, традиционно исторический процесс объясняется с точки зрения мусульманского, христианского (в Эфиопии) или политеистского провиденциализма действием сверхъестественных сил; история поэтому приобретает мистический, полуфантастический характер. В традиционной истории, таким образом, существует разрыв между накоплением конкретных знаний и их рациональной интерпретацией. Во-вторых, в традиционной исторической мысли отсутствует идея прогресса, поступательного развития человеческого общества; движение здесь идет по кругу, постоянно возвращаясь к исходным рубежам. Представление о цикличности исторического процесса обусловлено природно-экологическими и хозяйственными ритмами в условиях застойной, малоподвижной жизни доиндустриального общества. В-третьих, отраженное в традиционной истории мировоззрение является бессистемным, многослойным. Мифологический

историзм переплетается с эпическим пониманием времени и характерной для раннеклассовых обществ героизацией основателей государств. Позже от истории, создаваемой по общему согласию (т.е. памяти всего коллектива), она эволюционирует в сторону превращения в один из элементов идеологической надстройки в классовом обществе, причем рядом с придворной, официальной историей всегда сохраняется и народная история, то, что испанский философ М. де Унамуну называл "интраисторией" /632, с. 78; 578, с. 43-45/. Наконец, в-четвертых, донаучная историческая мысль не знала рефлексии над собой, еще не осмысливала себя теоретически. В ней отсутствовали попытки критического подхода к самой традиционной истории, ее понятийному аппарату, разграничения источника и его интерпретации.

Традиционная история и научная историография соответствуют различным уровням исторического познания, двум последовательным этапам развития научных знаний вообще. Традиционная история отражала массовое сознание на уровне донаучных, в частности магических, представлений о мире и социальной действительности; она до сих пор находит в Африке питательную почву и не вытеснена полностью научной историей. Можно согласиться с мнением польского ученого А.Ф. Грабского об одновременном существовании нескольких историй, понимаемых не как самодовлеющие фрагменты, на которые дробят всемирную историю буржуазные ученые-релятивисты, а как различные уровни познания. Эти истории отражают прошлое на разных уровнях соответствия исторической правде, выполняют дифференцированные общественные функции и обладают специфическими системами отсчета времени. Историческую мысль Грабский определяет как "интеллектуальную организацию припоминаемых человеком исторических событий и их интерпретацию", причем отмечает сложную иерархию различных историй: от примитивной истории древних мифов и легенд через народную историю к научной историографии и историософии, которая трактуется как философская рефлексия относительно смысла истории /703, с. 9-10/.

Одновременность существования различных историй – весьма относительное явление, скорее можно говорить о преобладании одной из форм исторического познания и сохранении в виде пережиточных остальных. Временная стадийность различных историй не должна, однако, скрывать два главных этапа развития знания – донаучный и научный. Между донаучной и научной историями можно выделить переходный этап синкретической историографии. Он продолжался от середины XIX в., когда появилась первая печатная историческая работа, принадлежащая перу африканца, и до середины 50-х годов нашего столетия – времени окончательного формирования африканской исторической науки. Этот этап совпадает в общем с колониальным периодом развития африканских обществ, за исключением, разумеется, Эфиопии и Либерии. Для синкретической историографии характерно совмещение как отдельных черт донаучного мышления, так и

некоторых элементов рационального мировоззрения. Ей присуща идеология просветительства, культурный – а позже и политический – национализм; отсюда – высокая степень политизации исторических трудов, дающая возможность говорить о слабой расчлененности собственно истории, публицистики и пропаганды.

Традиционная история в сочетании с европейским образованием создала предпосылки для научно-публицистической деятельности первых африканских просветителей во второй половине XIX – начале XX в., использовавших исторические знания для пробуждения национального самосознания и обоснования ряда политических требований, ставших впоследствии важными элементами идеологии освободительного движения. В исторических и этнографических трудах африканских авторов из британских колоний и Либерии – Д. Джонсона, Дж. Хортонa, С. Кроутера, Э. Блайдена, Д. Сарбы, – а также в их публицистике содержится аргументированная критика расистских теорий, берутся под сомнение или опровергаются отдельные тезисы буржуазной историографии /644; 645/.

В этой литературе преобладают сочинения, содержащие большой заряд патриотических чувств, а обращение к историческим примерам имеет целью пробуждение национального самосознания, что обычно для ранних этапов историографий, родившихся в условиях национально-колониального гнета. По-видимому, можно в связи с этим говорить о некоторых общих чертах становления национальной африканской историографии и историографий европейских народов, находившихся в XIX в. под иностранным гнетом (чешской, словенской, сербской, хорватской, польской, ирландской) /606; 592; 703; 778/. Причем, если в Европе объединяющим фактором преимущественно был язык, то в Африке в силу языковой пестроты национальное самосознание формировалось на базе общего прошлого, поэтому роль истории здесь была более значительной.

Одновременно появляется ряд произведений, носящих менее полемический характер, в которых авторы-африканцы, широко используя устную традицию, дают фактографическое описание прошлого как отдельных народов, так и колоний в целом. Очевидно, первой попыткой такого рода была книга учителя из Фритауна А.Б. Сибторпа "История Сьерра-Леоне", вышедшая в 1868 г. /401/. Внимательное знакомство с нею убеждает в том, что это, по существу, не историческое исследование, а хроника правления английских губернаторов, деятельности епископов и священников, причем особое внимание автор уделяет служителям церкви из местных уроженцев. Это не удивительно, поскольку первые африканские просветители получили образование в различных христианских миссиях и сохраняли большой пиетет к церкви. Между прочим, одним из важных аргументов в пользу признания ценности африканской цивилизации было то, что отцы церкви Августин, Тертуллиан и Киприан были по происхождению африканцами.

В предисловии к своей книге Сибторп подчеркивает общественную значимость истории: "История есть зеркало и мерная лента любого народа, которые указывают на его происхождение и развитие. Нация без истории не может иметь истинного представления о всех ступенях своего развития, не сможет определить, находится ли она на подъеме или же, напротив, в упадке". Что касается африканцев, то у них есть история, и эта история — устная традиция: "В отсутствие писаной истории традиция с древних времен была природным источником истории, постоянно сберегалась и передавалась нашими предками своим детям. Конечно, эта история не имела формальной теории, но тем не менее она существовала" /401, с. УП-УШ/. Значение устной традиции хорошо понимали и другие африканские интеллигенты; так, в середине XIX в. в английской колонии Золотой Берег сбором исторических повествований занимаются Д. Асанте, П. Кетеку и И. Адо, обученные в школе Базельского миссионерского общества. Собранные ими материалы на языке тви были позже изданы /312, с. X-XI/.

В конце века были написаны книги, которые в определенной степени порывают с традиционной исторической мыслью; их авторы начинают использовать отдельные рациональные методы европейской исторической науки; они были шагом вперед от хроники к критической истории. Речь идет о произведениях К.К. Рейндорфа "История Золотого Берега" (увидело свет в 1895 г. в Базеле) и С. Джонсона "История Йоруба" (было завершено в 1897 г., но напечатано лишь в 1921 г.). В Восточной Африке в эти же годы развернулась плодотворная деятельность видного государственного деятеля А. Каггвы, уделявшего большое внимание сбору и изучению устных исторических традиций, на основе которых им был создан ряд произведений по истории феодального государства Буганда, переведенных частично на английский язык /746/. Наиболее известна его книга "Короли Буганды", изданная в Лондоне в 1901 г. /295/. На основе прежде всего устных источников написаны и упомянутые выше книги Рейндорфа, собравшего показания более 200 информаторов, и Джонсона. Обращение к устной традиции объясняется не только сознательным выбором авторов, но и суровой необходимостью, так как колониальные власти зачастую закрывали архивы для первых африканских историков. Об этом, например, прямо пишет Рейндорф /390, с. XI/.

Постепенно меняется отношение историков к устной традиции: вначале ее просто механически повторяли или же пересказывали, затем слепое доверие сменяется более критическим отношением, появляются зачатки анализа и осознается необходимость сопоставления различных версий. Показательны в этом отношении мысли Д.О. Джорджа, издавшего в 1897 г. небольшую книжку под заглавием "Исторические записки": "Очевидно, что любая подлинная история Йорубов должна основываться на устных традициях, передаваемых из поколения в поколение, чтобы стать надежной историей.

Они должны быть собраны, очищены от приукрашивания и сведены к единообразию... Настоящий исторический базис может быть создан только в процессе сбора, сравнения и согласования этих противоречивых данных" /725, с. 79/. Здесь, по существу, перечислены те же элементы работы с устными традициями, которые были свойственны, правда значительно раньше, и русской историографии — запись традиции, затем ее свободное изложение с элементами критики, наконец, изучение проблемы при помощи всестороннего критического обзора и сопоставления источников /602, с. 130/.

Всем названным выше первым историческим трудам африканцев присущ переходный характер от донаучной к научной историографии. Вмешательство провидения все чаще уступает место поиску рациональных причин тех или иных событий; для объяснения исторического процесса ищутся причинно-следственные связи природно-географических и этнических факторов. Еще часты ссылки на Библию как на высший авторитет, но в истории все реже действуют потусторонние силы. Так, Джонсон как будто с сомнением относится к действию колдовства, хотя и приводит два случая якобы сбывшихся прорицаний /657, с. 83–84/. Ни один из названных авторов не получил систематического исторического образования — любительство, таким образом, одна из отличительных черт синкретической истории. Отсутствие профессиональной подготовки проявлялось, в частности, в смешении источника и исследования. Собственно говоря, для самих авторов разница между материальным носителем сведений о прошлом и критической интерпретацией источника остается неясной.

Развитие африканской историографии шло крайне неравномерно. Территориальная асинхронность проявилась в том, что во французских колониях Западной Африки первые исторические труды африканцев печатаются лишь после первой мировой войны. В местных изданиях появляются очерки, статьи, заметки, в которых затрагиваются отдельные вопросы этнической истории, описываются обычаи различных народностей, печатаются эпические сказания, легенды, поговорки и пословицы. Эти публикации будили интерес местной общественности к истории, показывали стремление африканской интеллигенции самостоятельно разрабатывать культурное наследие прошлых цивилизаций. Среди наиболее значительных можно назвать книгу М. Травеле "Пословицы и сказки бамбара" (1923), очерк Ф.Д. Сиссоко "Французский Судан" (1927), в котором звучат сильные антиколониальные настроения; жгучие вопросы современной истории Африки трактуются в статьях и брошюрах безвременно скончавшегося Ламина Сенгора (в одной из них, по выражению автора предисловия французского коммуниста П. Вайяна-Кутюрье, дана "вся история колониализма"), а также в книге Бакари Диалло /591, с. 136–141/.

Весьма типичной для первых африканских историков-любителей, энтузиастов исследования прошлого является научная деятельность

сельского учителя Мамби Сидибэ во Французском Судане (ныне Республика Мали). Его первые этнографические заметки появляются в печати еще в 1918–1919 гг. Затем он изучает историю и фольклор области Бобо-Диулассо (Верхняя Вольта), публикует статью по истории Западного Судана в XIII–XIX вв., собирает материал о жизни легендарного Сундиаты. На колониальную выставку в Париже в 1937 г. он представляет несколько исторических работ. Сидибэ до глубокой старости с большим интересом занимался историей своей родины /123, 1975, № 15/.

Такие энтузиасты в 20–30-е годы появляются во всех странах Западной и Восточной Африки. В Гане изучением народа аквапим, сбором преданий о прошлом и письменных источников многие годы занимается историк-любитель Б. Акуффо; в крупного ученого, автора ряда работ по истории и этнографии вырос адвокат Д. Б. Данква /380, с. 154–157/. В Нигерии синкретическая история расцветала наиболее пышно у йоруба. В этот период вышло около 60 отдельных публикаций по истории как всей страны, так и многих городов /725, с. 251/. Придворный историк короля Бенина издал 18 отдельных публикаций на языках английском и эдо /260/, а историю тив написал Акига /715, с. 398/. В Дагомее в период между мировыми войнами историю изучает католический священник Г. Кити, его жизни и деятельности посвящен специальный номер местного научного журнала /121, 1968, № 11/. Подобных примеров можно было бы привести гораздо больше.

В португальских колониях Анголе и Мозамбике к концу XIX в. появилась небольшая группа местной интеллигенции, которая стала проявлять определенный интерес к прошлому своих стран, собирала фольклорные традиции, выступала с критикой колониального гнета. Среди этих деятелей видное место занимал адвокат Ж. Фонтиш Перейра (1823–1891), мулат по происхождению, активно выступавший с полемическими статьями и заметками в газетах Луанды /747, т. 2, с. 1040–1045/.

Первым историко-публицистическим произведением, в котором прозвучала сильная критика принесенной колонизаторами лжецивилизации, была вышедшая в 1901 г. в Лиссабоне книга "Голос Анголы, вопиющий в пустыне". Она состояла из статей, опубликованных в столице колонии – Луанде; их авторами были как белые, так и ангольцы, например Ж. ди Насименту. Авторы писали, что португальцы, несмотря на 400-летнее господство в Анголе, ничего не сделали для хозяйственного и культурного прогресса страны; беспощадная эксплуатация местного населения привела к всеобщей деградации /784, с. 79/. Мрачному настоящему противопоставляется идеализируемое прошлое Анголы.

Большой историографический интерес представляет вышедшая в Луанде в 1917–1918 гг. книга журналиста и писателя А. ди Ассиз Жуниора (в 2 томах). Она была написана в тюрьме, куда португальские власти бросили автора, обвинив в антиправительствен-

ной деятельности. В книге описываются восстания и бунты, охватившие многие районы Анголы в годы первой мировой войны, полицейские репрессии против восставших. Автор, сам африканец, с нескрываемым сочувствием говорит о справедливой борьбе африканцев за свои права и национальное достоинство. В целом, однако, автор не выступает решительным противником иностранного господства, требуя лишь исправления наиболее одиозных сторон колониального режима /784, с. 80-82/.

Деятельность первых непрофессиональных историков явилась своеобразным мостом между традиционной и научной историей и подготовила благоприятный общественный климат для последующего этапа развития национальной историографии стран Тропической Африки. Прекрасно владея конкретным материалом, многие африканские интеллигенты (учителя, адвокаты, врачи, журналисты, профсоюзные деятели), несмотря на отсутствие специального образования, на основе изучения фольклорных данных создали немало интересных работ, которые подготовили рождение национальной исторической науки. Получившие европейское образование африканцы использовали современные знания для реабилитации собственной цивилизации, для сохранения своей культуры и исследования прошлого. Эта культурная рецепция, с одной стороны, дала африканцам возможность овладеть новыми формами идеологической борьбы против колониального угнетения /584, с. 48-50/. С другой стороны, она способствовала возникновению национальной по форме науки, в том числе африканской историографии как составной части мировой исторической науки. Отметим, однако, что в колониальный период африканская история в качестве современной науки еще не существовала; появились лишь определенные общественные и научно-информационные предпосылки для ее создания. К этому следует добавить слабость научно-исследовательских учреждений исторического профиля и почти полное отсутствие квалифицированных национальных кадров.

Национальная историография как современная наука возникла в странах Тропической Африки во второй половине 50-х годов, в период бурного подъема национально-освободительного движения; с тех пор и до 1980 г. в своем развитии она прошла два этапа.

На начальном этапе она формировалась в обстановке ликвидации колониального угнетения и возникновения самостоятельных государств, поиска модели социально-экономического развития, борьбы за достижение независимости в экономической и культурной областях. Это период институционализации исторической науки; расширяются масштабы исследований и появляются национальные кадры профессиональных историков. В научных публикациях подвергается резкой критике ряд положений западной буржуазной историографии. Главное место занимает переосмысление уже известных фактов с антиимпериалистических и националистических позиций. В методологическом плане африканские историки, не порывая окончательно с господствующими буржуазными идейно-теоретическими направлениями, отвергают ев-

ропоцентризм и в большинстве своем развивают теорию "исключительности" исторического пути своего континента. Идеологи национально-освободительного движения провозглашают необходимость "переписать" историю африканских народов, очистив ее от фальсификаций: колонизаторов, подчеркивают пропагандистский, прикладной характер историографии.

В начале 70-х годов наступил новый этап в развитии африканской исторической науки. Это период углубления национальных революций в Африке, когда борьба за национальное освобождение стала все более приобретать антифеодальную и антикапиталистическую направленность. Обострение классовых отношений сопровождается более четким размежеванием различных политических сил и идеологических течений. Как указывалось на XXV съезде КПСС, в освободившихся странах "наперекор трудностям... происходят глубокие прогрессивные изменения" /16, с. 12/. В этих условиях наблюдаются серьезные перемены в исторической науке: создаются центры исследований, которые расширяют тематику своей работы; публикуются первые обобщающие труды, синтезирующие накопленные знания; оформляются теоретико-методологические направления, течения и школы. Важным событием этого второго, современного этапа является формирование национальной историографии в освободившихся от колониального гнета Анголе, Мозамбике, Зимбабве; новая, подлинно научная история формируется в революционной Эфиопии.

Граница между процессом накопления исторических знаний и рождением исторической науки, между синкретической и научной историей обозначилась во второй половине 50-х годов. Именно тогда произошел качественный скачок — исторические знания нашли свое теоретическое объяснение в рационалистических концепциях первых африканских историков-профессионалов. Становление научной африканской истории происходило в результате сложного взаимодействия и синтеза традиционной истории и современной мировой исторической науки. "Процесс взаимодействия с внешней, европейской, цивилизацией, — справедливо замечает В.Б. Иорданский, — уже давно стал элементом внутреннего развития национальной культуры в африканских странах" /563, с. 179/. Вместе с тем нельзя не отметить, что преобладающее влияние на становление африканской историографии оказывала буржуазная методология в различных своих модификациях, о чем речь пойдет ниже.

Социально-политическая обусловленность развития любой науки, а исторической в особенности, которая проявляется на всех этапах ее эволюции, наиболее зримо ощущается в момент ее рождения. Он совпал с переломным событием в социальной, политической и культурной истории народов Тропической Африки, оказавшим громадное воздействие на все стороны общественной жизни. Таким событием было завоевание ими политической самостоятельности. Именно подъем борьбы африканских народов за независимость в 50-е годы создал необходимую предпосылку для окончательного оформления

системы исторических воззрений как составной части идеологии национально-освободительного движения. Естественно поэтому большое влияние идеологов этого движения — К. Нкрумы и Л. Сенгора, а также крупнейшего афро-американского историка У. Дюбуа на идейно-политическое мировоззрение первых африканских историков. В свою очередь, труды ученых снабжали политиков важными историческими аргументами, помогали мобилизовать народные массы на борьбу против чужеземного угнетения.

В середине 50-х годов выходит в свет ряд сочинений африканских авторов, ознаменовавших рождение национальной историографии как современной науки. К ним относятся книги сенегальца Ш.А. Диопа, ганца Дж. де Графт-Джонсона, нигерийцев К.О. Дике и С. Биобаку, цикл работ по истории Руанды А. Кагаме. На основе широких обобщений, которые не всегда были аргументированы с достаточной полнотой, первые два автора утверждали ценности африканской цивилизации, ее вклад в мировую культуру, резко отвергая тезис колонизаторов о "народах без истории и без культуры".

Особенно большой общественный резонанс получила работа Диопа "Негрские нации и культура" (вышедшая в Париже в 1954 г.), которая была представлена в качестве докторской диссертации, но отвергнута учеными Парижского университета. Хронологические рамки исследования определены в его подзаголовке "От негро-египетской античности до культурных проблем сегодняшней Черной Африки". Общая концепция, которую автор пытается обосновать, используя источниковую базу древнегреческих и латинских текстов, данные этнографии и лингвистики, строится на тезисе о принадлежности древних египтян к негроидной расе и о том, что именно из долины Нила негроидные племена затем заселили территорию Африки к югу от Сахары. Завершая историческую часть книги, автор перечисляет достижения негро-египетской культуры: математика, астрономия, вообще все точные науки, календарь, искусства, религия, сельское хозяйство, социальная организация, медицина, письменность, техника, архитектура. Все это якобы было открыто и изобретено чернокожими жителями Древнего Египта. Одним словом, Древний Египет цивилизовал весь остальной мир /253, с. 30-32, 235-248 и др./.

Полемическая острота стиля, националистическая риторика, смелость выводов, доходящая порой до парадоксов, привели к тому, что книга Диопа вызвала оживленную дискуссию в научных кругах и возражения со стороны многих ученых; вместе с тем она получила высокую оценку идеологов африканского освободительного движения. Так, один из основателей негритюда, поэт Э. Сезэр сказал, что это "самая смелая книга, написанная когда-либо негром, и она, без сомнения, разбудит Африку" /662, с. 86/. В самом деле, национал-романтические тезисы сенегальского историка использовались лидерами антиколониальной борьбы в пропагандистских целях для обеспечения широкой поддержки освободительного движения. Что же касается книги де Графт-Джонсона, то она не имела такой известности, зато в Гане была весьма популярной.

Как известно, национал-романтизм является типичной чертой историографий, возникающих на волне антиколониального освободительного движения. М.С. Лазарев определяет национал-романтизм как течение общественной мысли, включающее "комплекс исторических традиций, куда входят поиски знаменитых эпонимов, культ всякого рода полумифических предков, превознесение знаменитых исторических событий, особенно из эпохи 'седой древности', и тому подобные эмоциональные категории" /589, с. 36/. Если на ранних этапах историографии национал-романтическая интерпретация африканского прошлого в определенной степени отвечала задачам освободительного движения и несла с собой заряд патриотических чувств, весьма необходимых в условиях насаждавшихся колониалистской буржуазной историографией академизма и безразличия к общественным нуждам, то по мере углубления национальных революций, усиления социальных противоречий в Африке она начинает все чаще использоваться консервативными кругами в целях укрепления отживших социальных институтов.

Здесь уместно привести глубокую мысль А. Грамши о двоякой роли националистической предвзятости: "Если такая предвзятость и сослужила хорошую службу в политике в период национальной борьбы как основа патриотического энтузиазма и объединения сил, то теперь она не нужна, она препятствует выработке критического отношения, превращается в элемент слабости, не позволяет правильно оценить усилия поколений... порождает своего рода фатализм и пассивное ожидание будущего, которое якобы полностью предопределено прошлым" /544, с. 101-102/. Вместе с тем некоторые леворадикальные публицисты привлекают ныне исторические построения национал-романтиков для нападков на марксистскую историографию, которая будто бы не снимает новаторства африканских историков, и на этом основании ставят знак равенства между глубоко научной критикой Диопа и его последователей со стороны марксистов и его резкой негативной оценкой в буржуазной африканистике /129, 28.ХП. 1974/.

В конце 50-х годов оформляется и иной, более объективный подход к изучению африканского прошлого. На африканского историка, говорил на II конгрессе деятелей африканской культуры в Риме (1959) нигерийский ученый С. Биобаку, ложится большая ответственность: образ прошлого не должен искажаться кривым зеркалом слепого национализма; не идеализация истории, а ее научное познание - вот его главная задача. Подобные же мысли развивал другой ученый из Нигерии, М. Ачуфузи, получивший профессиональную подготовку в ГДР; он особо подчеркнул вклад марксистской историографии в правдивое освещение прошлого африканских народов /216, с. 162/.

Этапным событием в становлении национальной исторической науки в странах Африки явилось выделение африканистики в качестве самостоятельной отрасли науки на XXV Международном конгрессе

востоковедов в 1960 г. Примечательно, что отпочкование африканистики от востоковедения произошло в Москве и у ее колыбели стоял И.И. Потехин – один из зачинателей марксистского изучения истории африканских народов. Советская наука, оказывающая постоянную помощь новой Африке в деле развития национальной экономики и культуры, внесла существенный вклад и в "деколонизацию" ее истории. Можно вспомнить о той важной роли в разоблачении антинаучной хамитской концепции, которую сыграла работа Д.А. Ольдерогге "Хамитская проблема в африканистике", неоднократно публиковавшаяся в различных странах континента. Отметим также, что начиная с 1964 г. в нашей стране ведется систематическая работа по подготовке африканских историков высокой квалификации /410-427/.

Развитию и утверждению исторической науки на Африканском континенте способствовали сессии Международного конгресса африканистов, проводившиеся непосредственно в Африке – в Аккре (1962), Дакаре (1967) и Аддис-Абебе (1973). В этих и других научных встречах активное участие принимали и советские африканисты, которые призывали к развитию научных исследований в интересах лучшего будущего африканских народов. Так, на научной конференции в Ибадане (апрель 1964) советский ученый Л.Д. Яблочков указал, что новое поколение африканистов должно служить прогрессу Африки в отличие от буржуазных ученых школы Малиновского, которая использовалась колонизаторами для закрепощения коренного африканского населения /53/. На проводившихся в Африке в 60-е годы научных форумах молодая африканская историография продемонстрировала свою способность самостоятельно разрабатывать наиболее важные проблемы прошлого и настоящего африканских народов. Настал день, о котором мечтал Патрис Лумумба: историю Африки пишут африканцы.

Глава II

ИСТОРИЯ И ИДЕЙНАЯ БОРЬБА В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ

1. Место и роль истории в общественной жизни

Социальная обусловленность возникновения и развития исторических знаний и представлений является одним из основных положений марксистского понимания взаимоотношения общества и истории. Само возникновение истории объясняется настоящей необходимостью сохранения, осмысления и передачи из поколения в поколение социального и производственного опыта, знаний о природе, элементов культуры. Постепенно человеческое общество вырабатывает все более сложный механизм передачи исторической информации, тем самым растет гносеологическая функция истории, состоящая в познании прошедших событий как можно ближе к их реальному течению. Познавательный аспект истории на ее донаучной стадии, однако, оставался на втором плане, будучи оттесненным прикладной, идеологической стороной.

История с самого своего появления выполняла в обществе определенные идеологические функции, изменявшиеся на протяжении веков вместе с развитием человеческого общества. Долгое время несистематизированное историческое знание, существовавшее в устной форме, служило консолидации членов племенной общины, поскольку указывало на общее происхождение от единого предка. Сознание общности исторической судьбы способствовало, таким образом, дальнейшему прогрессу человеческого общества, объединяя его на более высокой, чем биологическая, основе. Именно вокруг единого генетического стержня вращается мифологический историзм доклассового общества. "Идол истоков" был, пожалуй, самым сильным психологическим стереотипом архаично мыслящего человека тех эпох. "Никогда позднее влияние идеологии на человеческое мышление и поведение не было таким полным, всеобъемлющим и императивным, как в племенном мире", — справедливо замечает В.Б. Иорданский /564, с. 113/.

В период разложения первобытнообщинного строя и появления социальной дифференциации в обществе идеологическая функция истории расширяется. Исторические знания и представления в виде племенных сказаний, генеалогий и мифов "стали служить укреплению авторитета родо-племенной знати, способствуя тем самым глубинным социально-экономическим процессам, приведшим в конечном счете к выходу человечества из первобытного состояния в стадию цивилизации с ее классами и государством. Конечно, на-

копление исторических знаний нередко сопровождалось их искажением не только вследствие несовершенства методов фиксирования и передачи исторической информации, но и под воздействием политических интересов общественных классов и группировок" /568, с. 5/.

Вместе с развитием, обогащением и частичным искажением исторических сведений, обусловленным гносеологически и социально, формируется такое сложное явление, как историческое сознание общества. В нем переплетаются факторы как идейные, так и социально-психологические. Известно, как высоко оценивал роль самосознания в историческом процессе Гегель. "Определенный дух народа" имеет "историю в пределах самого себя"; существование духа отдельных народов во времени и в наличном бытии — это, собственно, и есть всемирная история. Народный дух "не только витает над историей, как над водами, но и действует в ней и составляет ее единственный двигатель" /541, с. 365—366/. Понимание Гегелем исторического духа народов, разумеется, сугубо идеалистическое. Но нельзя не вспомнить, что историческое сознание стоит на высоком месте и в марксистской философии истории. "История является непрерывным процессом освобождения и развития самосознания", — писал Грамши /544, с. 59/.

Историческое сознание — термин, который издавна широко применяется не только в историографии, но и во всех остальных гуманитарных науках; его точная дефиниция поэтому весьма затруднительна. Многозначность этого понятия приводит к тому, что под ним иногда понимают общественное сознание вообще или же национальное (народное) самосознание. По мнению Ю.А. Левады, это понятие охватывает "все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее, в которых общество воспроизводит свое движение во времени". Далее он пишет, что это — "определенная система взаимодействия 'практических' и 'теоретических' форм социальной памяти" /590, с. 191/. В этом определении возражение вызывает прежде всего не к месту сказанное слово "система"; донаучное историческое мышление представляет собой отнюдь не систему, а бессистемное многообразие истинных и ложных представлений о прошлом. Сводить историческое сознание только к формам социальной памяти — значит неправомерно сужать его.

Нам представляется более убедительным мнение чешского историка М. Гроша, который в послесловии к книге о месте исторического сознания в европейском национальном движении XIX в. характеризует историческое сознание как "совокупность разнообразнейших форм и типов отображения прошлых веков в сознании общества — от сознательной историографической и философской рефлексии... и кончая мифами, иллюзиями и фрагментарными знаниями" /778, с. 148/.

Историческое сознание, по нашему мнению, это совокупность общих представлений, истинных или ложных, данного общества о своем прошлом; оценка этого прошлого и использование его уроков для решения назревших задач общественного развития. Именно в историческом сознании, которое является компонентом более широкого комплекса — общественного сознания, реализуется диалектическая взаимосвязь прошлого и настоящего, истории и современности. Оно связывает в неразрывную цепь пространственно-временной континуум и сменяющие друг друга поколения людей. Историческое мышление зиждется на необходимости человеческого общества извлечь уроки из прошлого, производить его оценку и переоценку в соответствии с новыми реальностями. Историческое сознание формируется социальной действительностью и зависит от уровня исторических знаний в данную эпоху, оно многослойно и несистематизировано.

Уроки прошлого общество формулирует в виде наизиданий, остроумных афоризмов и политических сентенций. На ранних этапах развития научных знаний, когда история, по выражению Гегеля, носит "прагматический" характер, ее воспитательные и нравоучительные уроки ценились очень высоко. Достаточно вспомнить замечательные по силе и наивной мудрости слова Н.М. Карамзина в предисловии к "Истории Государства Российского": "История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего". Уроки прошлого в равной мере ценны и правителям и народам: "Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории, и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей... Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках". История, наконец, расширяет творческие возможности человека, делает его соучастником великих и славных событий прежних времен: "История, отвергая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь создавая Царства, и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим" /571, с. 1X/.

Примерно в те же годы, когда Карамзин так поэтически описал могущество истории и ее влияние на "гражданское общество", прозвучало горькое разочарование в бесполезности опыта истории, в неспособности правителей и народов услышать голос прошлого. "Опыт и история учат, — сказал Гегель в лекции о философии истории, — что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее" /540, с. 7/. Примечательно, что делая подобный вывод, сам Гегель ссылается на опыт, то есть на уро-

ки той же истории, только вместо оптимистического заключения он делает вывод пессимистичный. Закон, открытый Гегелем, до сих пор привлекает внимание философов, пытающихся объяснить слепоту человечества /647/.

Ценностный подход к познанию прошлого, моральные оценки исторических деятелей так же характерны для истории, как два других ее аспекта: познавательно-гносеологический и идеологический. Политическая и моральная оценка событий и деятелей прошлого, как показал А.Ф. Шишкин, типична для ранних периодов человеческого общества с его неразвитыми социальными отношениями. "Морализующая история" в обществах, где классовые противоречия еще не достигли большой остроты и где они маскируются и даже отчасти смягчаются остатками родо-племенных отношений, ведет к подмене объективного анализа оценками с позиций общечеловеческих внеисторических категорий добра и зла. "В истории на первый план (и так было, за немногими исключениями, во всей старой исторической науке) выступали добродетели и пороки исторических деятелей... История безнадежно погружалась в моральные назидания, далекие от понимания действительного исторического процесса, его движущих сил" /651, с. 140/.

По мере роста социальной напряженности и обострения классовых противоречий ценностные суждения не исчезают как таковые при взгляде общества на свое прошлое, они теряют лишь свои общечеловеческие критерии, становятся более пристрастными, обусловленными узкоэгоистическими классовыми и групповыми интересами. В результате одни и те же исторические события и явления получают различные (часто — диаметрально противоположные) оценки и характеристики; общечеловеческие уроки прошлого уступают место такой интерпретации, которая должна показать правоту именно данного класса или социальной группы. Связи и отношения истории и общества становятся более сложными, многообразными и противоречивыми. История превращается в мощное идеологическое оружие в руках борющихся социальных сил, политических партий и государств, причем эта ее черта особенно ярко проявляется в переломные для общества моменты.

Эту мысль блестяще выразил русский историк И.Е. Забелин, который писал вскоре после отмены крепостного права: "Говоря вообще, наука истории в большинстве случаев всегда служит для современности как средство, как необходимый материал для всевозможных доказательств, оправданий, порицаний и отрицаний, для крепких подпор в одном месте и для ослабления или совершенного разложения таких подпор в других местах; одним словом, разработка исторического материала всегда совершается под прямым и неотразимым влиянием руководящих идей и потребностей времени... Влияние общественной идеи неотразимо" /554, с. 301/. Нельзя не вспомнить и предупреждение другого русского историка, М.О. Кояловича, в его известной книге "История русского само-

сознания": "Не доверяйте обманчивой объективности; в истории ее меньше всего; в истории почти все субъективно" /583, с. 574/. Слова, сказанные в середине прошлого века, звучат актуально и сегодня.

Субъективный подход к интерпретации прошлого не исключает, однако, стремления получить неискаженное и достоверное послание прошлых поколений, сделать из него трезвые политические выводы. Иначе история заведомо превратилась бы в лженауку и потеряла бы право на существование в человеческом обществе. Объективность и субъективность в историческом познании находятся в динамическом равновесии, которое определяется соотношением как общественных, так и присущих самой истории внутренних закономерностей. Глубокое противоречие между объективностью и тенденциозностью, вольным или невольным искажением прошлого характерно для исторических концепций и доктрин минувших веков и современности; это противоречие преодолено лишь в теории исторического материализма, в котором органически сочетаются партийно-классовый подход с научной объективностью.

Наличие трех аспектов исторического познания: познавательного (гносеологического), идеологического и ценностного (аксиологического) является общей закономерностью, присущей истории всех народов мира и обусловленной принципиальным единством всемирно-исторического процесса. Как на стадии донаучной истории, так и с появлением научной историографии общество ставило один и тот же социальный заказ: знать, понять, оценить и использовать накопленный социальной памятью народов материал. В странах Тропической Африки, которые переживают переломный этап своей истории и в которых происходит крутая ломка социально-экономических структур и культурных стереотипов, борьба и в то же время сосуществование, взаимопроникновение прошлого и настоящего, история занимает особое место в жизни общества. Острейшая идейная борьба по вопросу о направлении развития, об идеалах будущего общественного устройства сопровождаются бурными спорами о прошлом, о его месте и роли: станет ли прошлое тормозом социального прогресса или оно может быть его ускорителем? Различные классовые и политические силы по-разному отвечают на этот вопрос.

Возникновение в странах Тропической Африки своей исторической науки было одним из важных моментов становления национального самосознания и идеологии освободительного движения. На этапе антиколониальной борьбы обращение к прошлому было призвано обосновать наличие у африканских народов истории, самобытной культуры и высокой цивилизации, собственной системы этических ценностей и на этой идейной основе сплотить массы под патристическими лозунгами. "В героические годы борьбы за освобождение история была одним из мощных инструментов мобилизации", — говорил сенегальский историк С.М. Сиссоко. "Мы искали в могилах предков, в памяти наших героев, в моральных ценностях наших об-

шеств элементы, способные мобилизовать сознание масс" /103, 1975, № 5, с. 12/.

Такое использование исторических сведений и представлений в освободительном движении не является чем-то принципиально новым: в XIX в. история помогала патристическому сплочению народа таких различных между собою стран, но одинаково страдавших под чужеземным гнетом, как Индия /714/, Египет /262/ и Ирландия /778/. В Восточной Европе, как показывают исследования польских, чешских и словацких ученых, рост исторического сознания был мощным стимулом подъема национально-освободительного движения, в свою очередь, испытывая его обратное воздействие /755/. Развитие негро-американской историографии в США рассматривалось в качестве идейного оружия в борьбе против расовой дискриминации. Обращение к прошлому должно было доказать три основных тезиса: 1) славное прошлое необходимо для достижения равенства в расовом вопросе; 2) доктрина расового превосходства белых покоится на переоценке успехов европейцев и умалении вклада неевропейских народов в мировую цивилизацию; 3) научные изыскания в области истории афро-американцев способствуют общему росту знаний человечества и служат прогрессу черной расы /774, с. 6-10/.

"В Африке проблема национального самосознания, - говорил Ф. Фанон, - приобретает особое значение. Зарождение национально-го самосознания здесь тесно связано с африканским самосознанием". Последнее, по мнению Фанона, имеет своим источником, с одной стороны, культуру, а с другой - историю. "Если культура - одно из проявлений национального самосознания, то в этом случае национальное самосознание наивысшая форма культуры" /163, с. 48/. История же, прежде всего в виде героических деяний периода сопротивления колониальным захватам, способна быть мощным фактором воспитания национального сознания: "Следует указать на роль, которую играет в этом явлении созревания история национального сопротивления завоеванию. Героями колонизованного народа являются всегда те, кто руководил национальным сопротивлением захватам" /264, с. 52/. Конкретный исторический материал по разным африканским странам полностью подтверждает мысли Фанона. Следует добавить, что не только герои сопротивления колониализму, но и деятели более отдаленного прошлого, а также достижения африканской цивилизации вдохновляли антиколониальное движение.

В Анголе подъем национально-освободительной борьбы в 50-е годы сопровождается распространением в городах и в сельской местности листовок и брошюр, на стенах появляются надписи, призывающие народ подняться на борьбу против португальского колониализма. Все они подписаны историческими именами королей и вождей, широко известных в народных преданиях; королева Нзинга, Мандуме, Экуикуи П, Кианву-Ланга из глубин прошлого обращаются к представителям различных этнических групп севера и юга страны и призывают взяться за оружие и изгнать чужеземцев /403, с. 170/.

Необходимость объединить широкие народные массы под понятными им лозунгами и вокруг почитаемых исторических личностей привела к тому, что в идеологической поддержке освободительного движения в равной степени участвуют такие далекие друг от друга деятели, как чернокожий Иисус Христос и Сундиата, мифический бог войны Йоруба Огун и реальный Беханзин, Чака Зулу и кабака Мутеса. На этом этапе освободительной борьбы национально-этническое и социальное единство было залогом конечной победы, поэтому большого значения не имело, существовали ли в действительности те или иные лица, взятые в качестве символов прошлой славы и могущества африканцев. Популярность некоторых политических лидеров не в последнюю очередь объяснялась тем, что народным массам они были известны прежде всего как потомки выдающихся вождей прошлого — Сундиаты Кейты или Самори Туре.

Среди лидеров национально-освободительного движения в первые годы независимости господствовало преувеличенное мнение о возможностях истории в решении насущных социально-экономических и культурных проблем. Наиболее четко эту мысль сформулировал вольтийский историк и общественный деятель Ж. Ки-Зербо, выдвинувший концепцию "история — основной рычаг" (*levier fondamental*), согласно которой африканской историографии отводилась решающая роль в процессе духовной деколонизации общественного сознания африканцев, в деле воспитания патриотизма и понимания задач государственного строительства /308/. Опыт прошлого должен был служить уже не пробуждению национального самосознания, а скорее его возбуждению и поддержанию на высоком уровне в условиях раскола единого антиколониального фронта. Переходное состояние африканского общества с его растущими межэтническими и межгосударственными противоречиями, углубление социальных противоречий и обострение классовой борьбы, наконец, происки международного империализма — все это ставило в центр культурно-идеологической деятельности молодых независимых государств, правящих в них партий задачи консолидации.

С полным основанием Л.Д. Яблочков отмечает: "Интерес к прошлому своей культуры и стремление подвести под молодую государственность исторические устои — явление абсолютно закономерное" /654, с. 85/. Отношение к познанию прошлого как к "основному рычагу" характерно в равной степени как для государственных деятелей различных направлений, так и для первых африканских историков. В обращении к участникам конгресса Ассоциации африканских историков в 1975 г. президент Камеруна А. Ахиджо снова подчеркнул политическую значимость исторических знаний: "Африканская история представляет... основной рычаг в воспитании национального и африканского единства; она теперь должна стать защитницей ценностей африканской культуры и цивилизации, необходимым элементом нового экономического порядка, более справедливого и гуманного" /103, 1975, № 5, с. 52/.

Возрастание роли и значимости "человеческого фактора" в стратегии борьбы за преодоление экономической и культурной отсталости обусловило необходимость целенаправленного повышения сознательности масс, их сплочения в процессе строительства новой жизни. Отмечая место истории в современном африканском обществе, историк и политический деятель Конго Ж.П. Чистер-Чикайя говорит: "История играет решающую роль в мобилизации африканских народов на выполнение конкретных экономических и социальных задач. Африканские историки принимают активное участие в этом деле, прививая народу сознание общности исторического прошлого, укрепляя чувство национального и африканского единства". Кроме того, история позволяет бороться с распространенными в Африке социальными болезнями, такими, как регионализм и трайбализм /138, 1972, № 81, с. 56/.

Признание политической мыслью африканских стран большого значения истории как концептуального знания о прошлом давно стало всеобщим. Положение о том, что "история - основной рычаг" в решении ряда острых социальных и культурных проблем современности оставалось, однако, лишь риторической фигурой в многочисленных речах и публикациях, и только новое поколение историков 70-х годов сделало попытку наполнить его конкретным содержанием. Наиболее полное обоснование тезиса об исторических знаниях как факторе развития дали ученые из БСК Ж.Н. Луку и К. Вонджи /316, с. 75-81/.

Прежде всего отметим, что авторы исходят из широкого понимания термина "развитие": они толкуют его не только как простой экономический рост, но и как глобальное преобразование всего общества. Экономический рост должен сопровождаться изменением структуры производства и способов выражения культуры; лишь такое комплексное развитие (авторы называют его мутацией) способно обеспечить построение нового, динамичного общества, которое даст всем своим членам максимальное благосостояние. Африканцы, как и другие народы мира в переломные моменты своей истории, должны, чтобы не прозябать в косности, начать решительный пересмотр своего исторического сознания. Только используя позитивные ценности своего наследия и заимствуя плодотворные достижения других цивилизаций, можно продвигаться по пути социального прогресса. Исторические знания и рефлексии, считают Луку и Вонджи, являются мощными факторами пробуждения общественного сознания: сознания культурной и национальной индивидуальности, которую надо найти и развивать; понимания необходимости эффективно организовывать экономическую и политическую жизнь. История, наконец, позволяет установить предпосылки быстрого развития других народов, как, например, России во времена Петра Великого, Японии в эпоху Мэйдзи и Египта в правление Мухаммеда Али.

Луку и Вонджи суммируют свои выводы о вкладе опыта прошлого в формирование идеологии развития современного африканско-

го общества: 1) важность памяти о прошлом для осознания и познания своей исторической судьбы; 2) распространение исторического материала и сюжетов, которые могут стать элементами новой культуры; 3) необходимость внешних заимствований при условии, что развитие имеет внутренние первопричины: каждое общество творит свою собственную историю; 4) будучи основным средством понимания прошлого и настоящего, история помогает прогнозировать будущее. Важно подчеркнуть мысль авторов о том, что нельзя изолировать африканскую историю от общемирового исторического процесса. В противовес распространенной афроцентристской концепции об особой мессианской роли африканской культуры и истории, о неповторимости пройденного Африкой исторического пути и исключительных особенностях постижения мира африканцами Луку и Вонджи выступают с позиций единства общих закономерностей развития человечества, требуя рассматривать прошлое Африки как составную часть мирового исторического процесса.

Высокое мнение о роли и месте исторических знаний в общественном сознании освободившихся стран Африки зачастую, особенно в конце 50-х — начале 60-х годов, принимало гипертрофированные формы, и тогда объективный анализ прошедшей социальной действительности подменялся сочинением исторических мифологем с непосредственными прикладными политическими задачами. Политизация истории и крайняя актуализация прошлого приводила к тому, что призыв к национальной гордости превращался в проповедь национальной исключительности, а законное чувство патриотизма уступало место безудержному национализму. Химеры прошлого заслоняли понимание действительных проблем сегодняшнего дня, история из фактора развития превращалась в тяжелый груз, тормозивший социальный прогресс. Создавалась та ситуация, о которой В.И. Ленин неоднократно говорил: "Мертвый хватает живого". К.Маркс следующим образом описал фетишизацию прошлого: "Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории" /3, с.119/.

Только наиболее дальновидные идеологи национально-освободительного движения понимали, что бремя прошлого довлеет над сознанием архаично мыслящих широких масс и что идеалы нового общества следует искать в будущем, а не в прошлом. К таким выводам подходили Ф.Фанон, А.Кабрал, Э.Мондлане и в последние годы своей жизни К.Нкрума. Последняя глава известного сочинения Фанона "Черная кожа, белые маски" написана в идейном ключе взятых в качестве эпиграфа глубоких мыслей Маркса: "Социаль-

ная революция... может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого. Она не может начать осуществлять свою собственную задачу прежде, чем она не покончит со всяким суеверным почитанием старины" /3, с. 122/.

Недифференцированное отношение к былому в 70-е годы уступает место стремлению взять из истории только такие факты, представления и традиции, которые могли бы оправдать избранную страной социально-политическую ориентацию. Исторические стереотипы становятся составной частью официальной идеологии, причем ссылками на те или иные примеры прошлого правящие режимы доказывают преемственность и законность проводимой политики. Происходит своеобразная монополизация истории определенными классовыми и партийными группами, хотя в целом доля исторического компонента в общественном сознании постепенно падает и вместе с тем возрастает научная, познавательно-гносеологическая функция исторического познания.

Фетишизация истории, наделение ее особым могуществом характерно, вообще говоря, для эпох пробуждения национально-освободительных движений и наблюдалось, например, в ряде европейских стран в первой половине XIX в. Маркс и Энгельс выступали против мистического преклонения перед прошлым, когда забывалась революционно-преобразующая деятельность творческой личности. Они подчеркивали: "*История не делает ничего, она 'не обладает никаким необъятным богатством', она 'не сражается ни в каких битвах'!* Не 'история', а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. 'История' не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека" /5, с. 102/.

В странах социалистической ориентации, провозгласивших марксизм-ленинизм официальной идеологией, признается большое воспитательное и мировоззренческое значение истории, но прошлое не должно превращаться в тормоз развития: следует взять из него только все то, что служит общественному прогрессу, и решительно отбросить груз реакционных социальных институтов, пережиточных форм идеологии и культуры. С фетишизацией прошлого, таким образом, было покончено. Можно утверждать, что во взглядах революционных демократов Африки в определенном смысле диалектически сочетаются принципы преемственности и разрыва с историей. Главное в том, что идеалы лучшего общественного устройства ищутся уже не в легендарном прошлом, а в научном анализе законов общественного развития. Наследие же прошлого может стать одним из составных элементов нового сознания и дать толчок к развертыванию подлинной культурной революции, как считают южноафриканские коммунисты /99, 1974, № 58, с. 102/.

В тех странах Африки, где борьба за национальное освобождение сопровождалась глубокими социальными преобразованиями, история стала важным средством повышения сознательности народных масс, их сплочения в процессе строительства новой жизни. "Необходимо, чтобы каждый революционер знал историю своей страны", — говорится в первой книге по истории Анголы, созданной группой авторов — членов МПЛА. Изучая прошлое своей родины, борцы за свободу познают силу и мужество народных масс, их решающую роль в развитии человеческого общества /473, с.1/. Одной из первоочередных задач идеологической работы в Эфиопии считается создание подлинно народной истории страны в соответствии с марксистской теорией и методологией. В статье "История и идеология как классовое оружие", помещенной в ведущей газете этой страны, подчеркивалось, что народная история и новая культура — источник моральной силы и революционной энергии /119, 10.1У.1977/.

Первой характерной чертой новой истории как науки и как составной части общественного сознания является ее демократизация: прошлое перестало быть привилегированным полем деятельности великих людей, творивших историю по своему произволу. Короли, вожди и полководцы уступают место подлинным творцам — народным массам. Их боевые традиции антиимпериалистической и антиэксплуататорской борьбы находят свое логическое продолжение в нынешнем революционном процессе. "Исторические корни эфиопской революции лежат в антимонархических и антифеодальных традициях народа, его постоянной борьбе за социальное освобождение, против иностранного угнетения и экспансии", — говорится в одном из политических документов. В нем высказано чувство национальной гордости: Эфиопия — единственная в Африке страна, сохранившая свою независимость в многовековой борьбе против колониальной экспансии европейских держав, сумевшая одержать великие победы над итальянским колониализмом и фашизмом /63, с. 5-9/.

При разработке различных политических документов и заявлений учитываются как исторический опыт своей страны, так и уроки освободительной борьбы других народов. Показательным в этом отношении является программный документ Партии народной революции Бенина, принятый в 1977 г. В вводной части "Декларации о генеральной линии партии и основных этапах бенинской революции" говорится, что при ее подготовке был учтен, во-первых, опыт революционной борьбы народов мира и решающий вклад К.Маркса в его теоретическом обобщении, а, во-вторых, исторический опыт бенинского народа. Далее перечисляются конкретные революционные события прошлого, вдохновляющие бенинский народ в его революционных преобразованиях, причем в первую очередь упоминается Красная Армия рабочих и крестьян, политическим учителем которой был В.И. Ленин; цитируются слова Маркса: "Народные массы являются движущей силой истории" /58/.

По мнению наиболее последовательных революционеров Тропической Африки, необходима решительная борьба против идеализации доколониального прошлого, столь распространенной в кругах освободительного движения в 60-е годы и ранее. Традиционное прошлое — такой же враг нового общества, как и колониализм, и разрыв с ним необходим прежде всего для освобождения творческой энергии масс. Лидер ангольской революции А. Нето в 1970 г. выдвинул концепцию "двойной революции" как главной задачи возглавляемой им политической организации: "МПЛА стремится освободить и обновить наш народ посредством двойной революции — против традиционных структур, которые не могут больше ему служить, и против колониального угнетения" /683, с. 45; 348/.

"Мы твердо идем к социализму, ведя постоянный бой с пережитками прошлого", — говорил С. Машел на III съезде ФРЕЛИМО. В принятой съездом программе партии идейно-воспитательные задачи были сформулированы следующим образом: "В области идеологии партия ведет борьбу против всех отрицательных проявлений наследия традиционно-феодального и колониально-фашистского общества, за формирование нового, научного и, следовательно, материалистического мировоззрения; ...ведет борьбу против всех проявлений традиционно-феодального идеализма, в особенности против невежества, суеверий и отсталых традиций; ведет непримиримую войну со всеми проявлениями буржуазной идеологии" /54, с. 210/.

На этапе народно-демократической революции, говорится в программном документе правящей партии Бенина, одной из главных задач является "борьба за полную ликвидацию империалистической и феодальной культуры, создание новой культуры, способной сформировать бенинского гражданина нового типа: патриота, интернационалиста и социалиста, сознательно относящегося к своему труду" /58/. С призывом к полному и окончательному разрыву с прошлым выступил перед студентами университета президент Бенина М. Кереку; в то же время в качестве примера, достойного подражания, он назвал героев вооруженного сопротивления французским колонизаторам — это Беханзин, Био Гера и Каба /117, 9.1.1978/.

Борьба против прошлого не означает, таким образом, голого отрицания всего того, что было создано африканской цивилизацией за минувшие столетия; речь идет лишь об его консервативных, реакционных сторонах, обусловленных эксплуататорским характером общественных отношений и донаучным, метафизическим общественным сознанием. Не мертвые догмы мифического прошлого, а передовое марксистское учение может указать путь к лучшему будущему для африканских народов. "Мы должны постоянно черпать из живого и неисчерпаемого источника мыслей Ленина и соединять его теорию и практику с конкретными задачами нашей революционной борьбы", — писала бенинская газета "Эзузу" /117, 21.1У.1978/. Освободить разум и расковать инициативу народных масс может лишь идеология, обращенная в будущее. Такое понимание соотношения истории

и общества характерно для революционных демократов большинства стран социалистической ориентации в Тропической Африке: Анголы, Мозамбика, Эфиопии, Конго, Бенина.

Особую концепцию включения социального наследия прошлого в строительство новой жизни разработал президент Танзании Ньерере; она известна под названием "уджамаа" и достаточно подробно освещена в работах советских ученых /572; 562/. Здесь мы остановимся лишь на понимании роли и места исторического опыта в процессе преобразований в Танзании. Прежде всего бросается в глаза, что в отличие от Нето и Машела, подвергших традиционную метафизическую идеологию африканского общества серьезной критике, Ньерере относится с большим уважением к прошлому. Именно в "мудрости предков" ищет он источник своих теоретических построений и практических мероприятий. Ньерере заявляет: "Мы располагаем мудростью, накопленной нашей историей, мудростью тех, кто до сих пор является носителем традиционного знания, аккумулярованного в племенном прошлом". Он совершенно правильно высказывает общую мысль о том, что следует использовать "человеческие и социальные ценности, созданные африканскими обществами в течение столетий" /361, с. 10-11/. Как известно, из прошлого взяты два основных понятия той модели социализма, которая пропагандируется в Танзании: "уджамаа" — крестьянская община и "куджитегемаа" — опора на собственные силы, самообеспечение.

Идеализация традиционного общества с его якобы социальной однородностью и коллективизмом сопровождается определенной абсолютизацией собственного исторического опыта, преувеличенным мнением об особенностях прошлого своей страны и умалением общих закономерностей. Показательной в этом отношении является передовая статья полуофициальной газеты "Санди ньюс", напечатанная уже после создания новой Революционной партии. В ней утверждалось: "Мы не можем строить социализм по образцу стран Европы, Азии или Латинской Америки. В Танзании нет ничего такого, чтобы разрушить и на его месте строить социализм. В нашей стране нет ни капитализма, ни феодализма в собственном смысле этих слов. Нет ни танзанийских капиталистов, ни пролетариев... Пугеводной звездой нашей революции должен становиться наш собственный опыт и знание, почерпнутое из нашего собственного понимания революционной теории, а также опыт социалистического строительства в мире, но главным образом — наша собственная практика /144, 9.X.1977/. Кроме того неверного тезиса, что для строительства социализма обязательно необходимо что-то разрушить, в приведенных рассуждениях сквозит слегка прикрытое желание доказать неповторимость танзанийского пути к социализму, умалить значение международного революционного движения.

Как отмечают серьезные исследователи, преобладание утопически-традиционалистских идей в концепции "уджамаа" не только не способствует мобилизации революционной активности масс, а, на-

против, "постоянно подрывает революционную и демократическую линии, создает угрозу буржуазного перерождения мелкобуржуазных идеологов" /562, с. 161/. Ориентация на "мудрость прошлого" составляет идейную слабость, а не силу революционеров Танзании. Это сказывается и в практическом осуществлении задач строительства. Несмотря на постоянную проповедь социального единства и классовой гармонии, в стране не удалось предотвратить дальнейшего классового расслоения — танзанийские капиталисты и пролетарии реально существуют; кроме того, отмечается, хотя и медленный, рост сельской буржуазии. Это отчасти признает сам президент Ньерере в своей работе "Арушская декларация. 10 лет спустя": "Танзания, безусловно, не стала ни социалистическим, ни самообеспечивающимся государством. Природа эксплуатации изменилась, но полностью она не искоренена... Мы еще не достигли нашей цели" /360, с. 1-2/. В самом деле, в Танзании прошлое упорно цепляется за свои позиции, искривляя и замедляя общественный прогресс.

Промежуточную позицию между теми революционными демократами Тропической Африки, которые стремятся разорвать путы прошлого, и теми, кто, как в Танзании, пытается использовать пережитки старины, занимает президент Гвинеи Секу Туре, оказывающий значительное влияние на общественное сознание своей страны. Его идейные взгляды, представляющие большой интерес, не получили, однако, надлежащего анализа в советской историографии. Не претендуя на исчерпывающее освещение официальной гвинейской идеологии, мы остановимся лишь на отдельных моментах, имеющих прямое отношение к исследуемой проблеме.

Прежде всего отметим некоторые особенности политической надстройки Гвинеи, оформившейся окончательно во второй половине 70-х годов. Состоявшийся в ноябре 1978 г. XI съезд Демократической партии Гвинеи сформулировал особую концепцию политической организации общества, получившей название "партия-государство", которая характеризуется полным слиянием партийного и государственного аппарата, упором на административные методы управления. Только в январе 1980 г. впервые были проведены выборы в Национальное народное собрание страны. В Гвинее распространена особая точка зрения на теорию некапиталистического развития, отдающая приоритет не качественным, а чисто количественным критериям /127, 2.1.1977; 4.ХП.1977/.

Анализ уроков прошлого входит составной частью в различные политические документы гвинейского руководства; ни один другой современный лидер Африки не употребляет так часто в своих выступлениях слово "история", как Секу Туре. С ним, пожалуй, мог сравниться лишь Сенгор, который так же часто произносил слова "культура, цивилизация". В обширном отчетном докладе XI съезду ДПГ (разделенном на 22 главы и занимающем более 1200 машинописных страниц), который печатался в продолжение нескольких

месяцев в журнале "Хороя", понятие "история, исторический" встречается много раз, но не как что-то застывшее, неподвижное, а как изменяющаяся действительность; история познаваема и управляема волей и энергией масс. В решениях съезда подчеркнуты два основных положения, характеризующих идеологическую работу партии: "Нет революции без революционного сознания. Нет народного революционного сознания без культурной революции внутри народа" /59/.

В одной из опубликованных накануне съезда многочисленных лекций Секу Туре утверждает, что история — это марш народов, и с присущей ему эмоциональностью говорит об использовании исторических сведений и образов для пропаганды идей национально-государственного единства и социальной сплоченности, для борьбы против трайбализма, сепаратизма, расовых и этнических предрассудков /127, 8.1.1978/. В другом выступлении, признав, что нынешняя экономическая и социально-культурная отсталость африканских стран является следствием иностранного господства, Секу Туре говорит: "Сейчас вопли и плачи не могут ни стереть эти исторические факты, ни помочь нам повернуть вспять ход времени. Нужно, напротив, черпать в памяти об этом печальном прошлом энергию, чтобы подняться на такую высоту, которая обеспечит нам достойную жизнь" /127, 15.1.1978/.

Отношение к прошлому в Гвинее изменялось на протяжении двух десятилетий независимого существования и в общем соответствовало двум этапам развития новой культуры. На первом этапе (1958–1968) велась борьба как против остатков колониализма в идеологии и культуре, так и против ретроградных элементов африканского прошлого. Самым главным мероприятием, имевшем большое политическое значение, была ликвидация административной власти традиционных вождей, низведение их на положение рядовых граждан. Вместе с тем проводилась реабилитация доколониальной истории, государственные деятели прошлого Сундиата, Самори, аль-Хадж Омар, Альфа Яя вошли в пантеон борцов за независимость страны.

Со 2 августа 1968 г. в Гвинее была провозглашена социалистическая культурная революция, главной задачей которой считается формирование нового человека, строителя будущего социалистического общества. Парадоксально, однако, что на этом этапе в культурной политике стали нарастать элементы традиционализма, любования прошлым. Так, народные певцы — гриоты были названы в числе почетных борцов против колониализма (*militants d'honneur*), ибо именно они оберегали подлинную африканскую культуру /127, 5.П.1978/; усилилась пропаганда прошлого путем постановки исторических пьес, балетов и т.п. В выступлениях некоторых руководителей стали сквозить нотки идеализации доколониального африканского общества, называемого "коммунократическим", якобы основанного на принципах "интегрального коллективизма"; устанавливается генетическая связь между отдельными концепциями "комму-

нократического общества" и социализма, который строится ныне в Гвинее /127, 11.XП.1977/.

Общими для всех африканских стран социалистической ориентации являются проводимые мероприятия по сохранению культурного и исторического наследия народа, развитию музейного и архивного дела. В Эфиопии после революции было образовано министерство культуры, где имеется Центр по исследованию и охране культурного наследия, который проводит микрофильмирование древних рукописей, археологические исследования на юге страны; приняты меры по охране таких знаменитых исторических памятников, как Гондэр и Лалибэла /149/. В столице Анголы открыты музеи истории работорговли и вооруженных сил, а в г. Бенгеле – археологический музей. МПЛА – Партия труда считает развитие культурного достояния и проведение исторических исследований важной идеологической работой /130, 19.У.1979/.

Значительное внимание прогрессивные партии Африки уделяют сбору и сохранению материалов по истории национально-освободительной борьбы новейшего времени. Центральный Комитет Демократической партии Гвиней, которой в мае 1977 г. исполнилось 30 лет, обратился к ветеранам партии и освободительного движения, ко всем гражданам страны с призывом о сборе документов и фотографий об историческом пути партии, с тем чтобы выставить их в музейной экспозиции /127, 3.1У.1977/. Много интересных материалов выставлено в музее революции Мозамбика /95, 27.У1.1978/. На Мадагаскаре готовятся открыть специальный музей, посвященный антиколониальному восстанию 1947 г. Мнение многих руководителей идеологических служб стран Африки хорошо выразила министр культуры Мадагаскара Ж. Рабесахала: "Мы видим свой долг в том, чтобы тщательно хранить культурное наследие нации, память народа о своей истории, использовать все это для развития его революционного духа, его творческого потенциала" /95, 30.У1.1980/.

Характерным явлением для многих африканских стран стала широкая пропаганда исторических знаний органами массовой информации. Газеты и журналы систематически помещают различного рода материалы на исторические темы, которые затем передаются по радио, часто в переводе на местные языки. Статьи о национально-освободительной борьбе печатают ведущие органы прессы стран социалистической ориентации: в Анголе – газета "Жорнал ди Ангола" и журнал "Ревиста милитар", в Мозамбике – газета "Нотисиаш" и журнал "Темпу", в Гвинее – газета "Хоройя" и одноименный еженедельник, в Бенине – газета "Эузу" и журнал "Хандория". Регулярно исторические материалы публикуют печатные органы и других стран. В странах, развивающихся по капиталистическому пути, эти публикации представляют прошлое в тенденциозном свете, проповедуют националистические идеи афроцентризма, и, как правило, искажают недавнее прошлое, умаляя или замалчивая революционные традиции своих народов.

По отношению к прошлому капиталистические страны Тропической Африки могут быть условно разделены на две группы: в одних странах (Сенегал, БСК, Кения, Гана, Нигерия, Камерун) господствующая идеология, отражающая стремление национальной буржуазии к умеренной модернизации общественно-экономических структур, признает необходимость включения лишь отдельных элементов прошлого в современную жизнь. Реформистски настроенные правящие круги этих стран, будучи тесно связанными с западной идеологией и получая всемерную поддержку империалистических государств, объективно, часто помимо своего собственного желания, ограничивают влияние традиций прошлого на политическую и культурную жизнь своих народов. Вместе с тем здесь не проводится четкой грани между прогрессивными и реакционными элементами прошлого; представители неотрадиционалистских кругов еще пользуются большим влиянием в политике и идеологии. Прогрессивные же деятели этих стран выступают за разумное сочетание нового и старого, за использование научных и культурных достижений народов других континентов. М. Това из Камеруна призывает "разрушить традиционные идолы, что нам позволит принять и ассимилировать разум Европы, познать секреты ее мощи и причины ее победы над нами" /414, с. 52/.

Другой тип отношения к истории наиболее ярко представлен в политической и культурной жизни современного Заира, где буржуазно-неотрадиционалистская официальная идеология "мобутизма" привела к безудержной идеализации прошлого под лозунгом "возврата к истокам". Начиная с 1972 г., когда состоялся 1 съезд правящей в Заире партии, концепция "аутентичности", которая часто называется "подлинным заирским национализмом", становится в обязательном порядке теоретической базой всех общественных наук, культуры и образования. Приверженность этим идейным принципам была подтверждена на II съезде правящей партии в 1977 г. /62/. В изданной к съезду пропагандистской брошюре сказано, что доктриной партии является "подлинный заирский национализм", а ее идеологией — "аутентичность" /205, с. 10/. Президент Мобуту определял аутентичность как формирование национального сознания заирского народа путем обращения к моральным ценностям предков /274, с. 79/. Главной из этих ценностей назван "общинный гуманизм", внедрение которого должно укрепить национальное и социальное единство народа.

Правящая верхушка страны при помощи целенаправленной пропагандистской кампании, рассчитанной на реанимацию отживающего архаичного сознания, стремится мистифицировать широкие народные массы. Историческое прошлое постоянно актуализируется в политических интересах и обычно искажается; прямой фальсификации подвергнуты в официальной историографии, в частности, недавние события, связанные с убийством народного героя Африки Патриса Лумумбы. В публицистике и в научных работах проповедуется край-

ний национализм и культ вождя, якобы исконно свойственный африканской психологии, для чего прославляются правители доколониальных государств и родо-племенные вожди; устанавливается механическая преемственность между далеким прошлым и современностью, возрождаются обычаи традиционного общества.

Следует отметить, что фетишизация прошлого характерна не только для Заира. Химеры прошлого берутся на идейное вооружение самими реакционными режимами стран Тропической Африки. Возрождение диких изуверских обычаев, распространение суеверий и предрассудков происходило в годы правления кровавых диктаторов, сметенных народным гневом, таких, как Томбалбай (Чад), Бокасса (ЦАР), Масиас Нгема (Экваториальная Гвинея) или Иди Амин (Уганда). Как не вспомнить слова Маркса о том, что у представителей реакции обращение к истории имеет целью оправдать подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего /2, с. 416/.

В самом деле, в руках реакционеров история превращена в тотальное идеологическое оружие, стреляющее из прошлого в будущее. Утилитарное отношение к прошлому, использование исторических аргументов в политических конъюнктурных целях наносит непоправимый ущерб самой исторической науке, сводит на нет ее научно-познавательную функцию. История, превращенная в служанку политики, не только способствует укреплению классового господства африканской буржуазии и обуржуазившихся традиционных групп, но и приводит к отрыву Африки от мирового исторического развития, культуры и науки. Если следовать по этому пути, то африканские народы окажутся в состоянии самоизоляции, отгородившись "китайской стеной" ретроградных традиций от проникновения передовых идей.

Африканская реакция в союзе с неокOLONиализмом пытается использовать исторические сведения для обоснования территориальных притязаний, оправдания трайбализма и сепаратизма, разжигания межэтнической вражды. Настоящая "историографическая война" сопровождается вооруженные столкновения в Северо-Восточной Африке, где сомалийские экспансионисты пытаются отторгнуть земли, исконно принадлежавшие Эфиопии, а поддержанные реакционными арабскими режимами сепаратисты стремятся отделить Эритрею от революционной Эфиопии. И те и другие в качестве одного из главных аргументов приводят исторические прецеденты и голословные утверждения о мнимых правах на национальное самоопределение. Так, в программных документах одной из раскольнических эритрейских организаций фальсифицируется история Эфиопии и Эритреи, делается попытка доказать существование особой эритрейской нации и наличие у нее в прошлом государственности, высказано полное непонимание принципиальной разницы между национальной политикой прежнего императорского режима и новой революционной власти /142, 1977, № 142/. Согласно позиции эфиопского руководства, Эритрея составляет историческую часть Эфиопии, захваченную некогда итальян-

янскими колонизаторами, поэтому ее включение в состав единого государства было восстановлением исторической справедливости. Исходя из этого, так называемый эритрейский вопрос является внутренним делом Эфиопии /148, 3.1У.1978/.

Постоянно обращаются к историческому прошлому для оправдания своей подрывной деятельности против единства Народной Республики Ангола сепаратисты Кабинды, главари раскольнических контрреволюционных организаций ФНЛА и УНИТА. Главари первой из них пытались поначалу добиться восстановления средневекового королевства Конго и отделения населенных баконго областей от Анголы, лидер второй – Ж. Савимби, разоблаченный как агент тайной португальской полиции ПИДЕ, признавал "исторические права" Португалии на территорию Анголы /108, 14.П.1980/.

Крайне запутан с исторической точки зрения конфликт по вопросу о будущем Западной Сахары, где каждая из враждующих сторон в обоснование своих позиций, кроме противоречивых этнографических данных, приводит массу исторических фактов и примеров, которые, как правило, толкуются весьма тенденциозно. Многие публикации исторического характера, появляющиеся в Гане, Нигерии, Камеруне, Уганде, содержат проповедь этнической ограниченности и слегка прикрытого трайбализма. Так, в одной из книг, напечатанных в Гане, возбуждается ненависть к основному этносу страны – ашанти /204/, в другой, опубликованной там же, прославляются деяния последнего короля ашанти и высказывается надежда на то, что эта работа послужит укреплению "племенного сознания", но без... трайбализма /198, с. 2/.

Если социально-политические факторы, обусловившие использование реакцией исторических сведений в своих интересах, совершенно ясны, то труднее нащупать гносеологические и психологические истоки этого явления. Думается, что правильный ответ на эти вопросы дал в своем выступлении на III Всесоюзной конференции советских африканистов Ю.М. Кобищанов: "В рамках донаучного, традиционного мышления, рассматривающего свою страну и свой этнос как нечто вечное и неизменное, история отождествляется с современностью, а древние народы и государства – с сегодняшними нациями. Это мышление до сих пор распространено в Северо-Восточной Африке. Поэтому в территориально-пограничных спорах между государствами этого региона для доказательства территориальных претензий часто апеллируют к истории" /573, с. 62/.

Это замечание справедливо и для остальных регионов Африканского континента, где архаичное массовое сознание не проводит резкой грани между прошлым и настоящим; причем это наблюдается и в других районах мира. Так, о сильном влиянии идей презентизма на развитие исторических знаний в Индии пишет в книге "Бремя прошлого" К. Лалвани /723, с. 99/. Он склонен думать, что только возврат к позитивистскому методу Л. Ранке позволит истории стать подлинной современной наукой. Другие буржуазные

ученые, для которых характерно вульгарное понимание жесткой и прямой связи между идеологией и историописанием, призывают к деидеологизации истории /735/. Впрочем, сами авторы признают невозможность освободиться от влияния общества на историю; главное состоит, очевидно, в том, какая идеология влияет: служит ли она общественному прогрессу или, напротив, обращена в прошлое.

История и общество всегда развивались в диалектическом единстве, сохраняя в то же время присущую им специфику и относительную самостоятельность. Ныне, в начале 80-х годов, в общественной жизни африканских стран не прошлое, а будущее стоит в центре всей идейно-политической борьбы.

2. История и воспитание молодежи

Связь истории с обществом, с общественным сознанием осуществляется по многим каналам, одним из наиболее важных является историческое образование молодежи в школе. Школа всегда была эффективным органом распространения исторических знаний и представлений своей эпохи, местом, где подрастающее поколение целенаправленно получало основные сведения о событиях прошлого. Словно барометр, школа реагирует на изменение общественного климата в стране, причем наиболее чутко реагирует именно история — дисциплина мировоззренческая, выполняющая ответственную функцию передачи новым поколениям социального опыта, идеологии и этических ценностей. Значение истории в школьном преподавании для формирования человека XX в. стало предметом обсуждения на ХУ Международном конгрессе исторических наук (август 1980 г.) в качестве одной из главных методологических проблем. В докладе советского ученого В.Т.Пашуто были показаны огромные возможности школьной истории для подготовки молодежи к сознательной жизни в мировом сообществе народов /556/.

Роль истории в школе не ограничивается передачей знаний и стереотипов своей эпохи подрастающему поколению; она, в свою очередь, формирует общественное мнение. Это осуществляется через подготавливаемые кадры специалистов различного уровня и профиля, которые со временем занимают командные высоты в общественной жизни своей страны. Не меньшее значение имеет деятельность учителей — одной из самых политически активных профессиональных групп в развивающихся странах, причем историки, как правило, становятся видными государственными деятелями. Связь истории и публицистики на ранних этапах развития исторической науки отражает воздействие полученных в школе первоначальных исторических и социологических знаний на общественную мысль.

Постановка преподавания истории в средней школе, подготовка историков-профессионалов в высшей школе — это своеобразное зеркало состояния исторической науки, отражающее ее достижения и трудности, господствующие идеи и тенденции развития. Преувеличенное мнение о роли и значении истории в общественной жизни

общества, выходящего из колониального состояния, характерно и при оценке истории как учебной дисциплины. Бывший председатель Ассоциации африканских историков С.М. Сиссоко говорил о значении истории в воспитании подрастающего поколения: "История — это особая наука, которая обращается к самому сокровенному в человеке и формирует его видение мира. Роль истории в образовании поэтому фундаментальна... Питать душу молодого африканца из источника его культуры, найти ее корни в прошлом, в ценностях его прошлого, формировать его национальные и интернациональные воззрения... — таковы задачи историков-педагогов" /103, 1975, № 5, с. 32/.

В работах современных африканских ученых с достаточной ясностью показана роль истории в школе в годы колониального господства как важного идеологического и психологического оружия духовного закабаления африканцев, воспитания послушных служащих колониальной администрации самой невысокой квалификации. Именно этим прежде всего были продиктованы усилия властей по распространению европейского образования в африканских колониях. Кроме того, в английских, португальских и бельгийских владениях проявлялось настойчивое стремление церковников распространить христианство; для этого было необходимо иметь священников из местного населения, владеющих "словом божьим". Такими соображениями было вызвано основание миссионерами первых школ в Африке — колледжа Фура-Бей (1827) и Грамматической школы в Сьерра-Леоне (1845). Как в этих школах, дававших среднее образование, так и в начальных особое внимание уделялось преподаванию богословия. В программах колледжа Фура-Бей, утвержденных в 1873 г. значились такие предметы: священное писание, латинский, греческий и английский языки, история и география, моральная философия и источники христианской религии /206, с. 90–91/. К сожалению, нам осталось неизвестным, какую именно историю преподавали здесь; можно тем не менее с большой долей вероятности предположить, что речь идет об истории античности и истории Англии.

Об этом мы можем судить по той критике исторического образования в миссионерских школах, которая постоянно звучала в выступлениях первых африканских интеллигентов-просветителей. Так, Кофи Асаам, адвокат и издатель газеты, выходившей в Кейп-Косте, в колонии Золотой Берег, с едким сарказмом писал, что африканских школьников заставляют рассказывать без запинки о событиях, происшедших в далекой Англии в 1066, 1215 или 1714 гг., перечислять имена всех английских монархов от Вильгельма Завоевателя до ныне царствующей королевы Виктории. Но те же ученики показывают полное невежество, когда дело касается событий совсем недавнего прошлого в их собственной стране; они не могут даже назвать имени нынешнего оманхене (правителя) их родного города /410, с. 166/.

Преподавание истории метрополии должно было, по мнению чиновников школьного ведомства, воспитать у маленьких африканцев

68

чувство любви к угнетателям, уважение к их экономической и военной мощи и чувство собственного бессилия, примирения с иностранным господством. Если верить хранящимся в архивах отчетам школьной администрации, то эти цели, которые, разумеется, никогда открыто не формулировались, в отдельных случаях достигались полностью. Об этом, в частности, свидетельствует следующий отрывок из отчета директора (француза) одной из первых школ Сенегала вышестоящему начальству: "Я уверен, что наша отечественная история, будучи доступно изложенной, научит жителей этой страны еще больше любить нашу родину. Если судить по моим ученикам, я могу это утверждать совершенно определенно. Они учат нашу историю с увлечением. Их охватывает энтузиазм, когда они узнают о славных деяниях Дю Геклена, Жанны д'Арк, Баяра, Мирабо, Бонапарта и др. Они совершенно счастливы и с жаром произносят положенные им ответы. Что касается Революции, то они сияют от восхищения. Скажу, наконец, о выводах, которые они делают из этой цепи исторических фактов (а они об этом мне часто говорят): они признают, во-первых, что они ничтожны по сравнению с Францией, а, во-вторых, что французы пришли в Сенегал, чтобы их цивилизовать, развивать у них вкус к торговле и земледелию" (цит. по /447, с. 14/). В этом рассказе откровенно и ярко показано тенденциозное направление преподавания истории в колониальной Африке.

Хотя в своей обширной диссертации французский историк Д. Буш пытается опровергнуть распространенное мнение о том, что "колониальная администрация хотела скрыть от африканцев их собственную историю" /669, с. 892/, приводимые ею факты свидетельствуют о том, что во всех школах Сенегала преподавание истории ограничивалось изучением истории Франции и ее колониальной экспансии /669, с. 169/. К такому же выводу приходит и другой современный автор, подробно проанализировавший учебные программы и содержание курса истории в педагогическом училище, основанном в 1903 г. в Сен-Луи, а затем переведенном на о-в Горэ (вблизи Дакара) /447, с. 71-85/.

Уже в конце XIX в. в колониальных школах французских владений маленькие африканцы начинали первые уроки по истории со ставших символическими фраз "Наши предки, галлы" или "Раньше наша страна называлась Галлией". В этих формулах, привычных для миллионов французов времен Третьей республики, отчетливо отразился ассимиляторский смысл колониальной школы, роль исторических знаний как канала распространения чуждой африканцам идеологии.

Во французских владениях долгое время не существовало специальных учебников для школ, и учителя использовали те же самые, что и в школах метрополии. В начале XX в., как установила Д. Буш, два учебника истории для начальных классов начинались с предложением "Раньше наша страна (в другом учебнике - Франция) называлась Галлией". Несколько позже вышел учебник Ш. Жува, предназ-

наченный для школ Алжира и Востока, т.е. для французских школ в Египте и, возможно, во Французской Индии и Индокитае. В нем, среди прочих, школьники далеких заморских стран познавали следующие истины: "Франция – самая прекрасная страна в мире" (1-й урок); "если кабилы и арабы будут слушать французов, они станут счастливы, станут лучше и их будут принимать за детей великой французской нации" (последний, 40-й урок). Первый учебник по истории Французской Западной Африки был опубликован только в 1913 г. Его автор А. Легийет, преподаватель педучилища в Горэ, в книжке из 108 страниц только 23 страницы уделил доколониальным временам; эта часть, по существу, представляла собой упрощенное до примитивизма резюме недавно перед тем опубликованной монографии М. Деллафосса. Вся остальная часть учебника посвящена апологии колонизации и цивилизаторской миссии французов в завоеванных странах. По-своему примечательна последняя строка: "Франция имеет основания быть гордой за свои свершения в Африке и достойна благодарности своих чернокожих детей" /669, с. 597/.

Было бы наивным думать, что все ученики без исключения с одинаковым доверием относились к мифам и басням колониальной истории. Некоторые маленькие африканцы выражали стихийный протест против унижения их собственной родины, забвения и оскорбления исторических деятелей, о которых устная традиция отзывалась как о национальных героях.

В этом отношении характерно поведение будущего президента Гвинеи Секу Туре, начавшего в 1936 г. посещать колониальную французскую школу. По словам его биографа, он никогда не учил историю и постоянно рвал страницы учебника, где рассказывалось об унижающих африканцев событиях прошлого: пленении французами Самори, человеческих жертвоприношениях в Дагомее и т.п. Ни удары палкой, ни оскорбления не могли поколебать его решимости никогда не учить фальсифицированную колонизаторами историю Африки. Один из его одноклассников вспоминает следующий случай: "Как-то вечером ученики должны были по очереди рассказывать историю Самори. Когда подошла очередь маленького Ахмеда, он отказался говорить. Учителю, потребовавшему объяснение, он ответил так: "История Африки, которую нам преподают, мне кажется неправдоподобной. Когда рассказывают о Наполеоне Бонапарте, говорят, что это был герой, великий военачальник, одним ударом завоевавший всю Европу. А о Самори вы нам говорите, что он был темным и кровожадным. Но где же правда? Ведь Бонапарт, чтобы завоевать Европу, убивал людей. В таком случае, если считать Бонапарта героем, то для меня Самори тоже герой; если Самори называть кровожадным, то Бонапарт еще хуже" /303, с. 25/. Действительно, нельзя отказать в логичности маленькому африканскому школьнику. Следует, впрочем, учитывать, что особые симпатии Ахмеда к Самори объясняются также родственными чувствами – он приходится ему внучатым племянником.

Преподаваемая в школах официальная колониальная история, бывшая важнейшим средством офранцузивания узкой прослойки образованных африканцев, отнюдь не могла вытеснить из общественного сознания огромного большинства населения традиционные исторические знания и представления. Отдельные деятели колониального ведомства просвещения понимали силу и живучесть традиционной донучной истории и, стремясь усилить влияние колониализма на духовную жизнь африканцев, делали попытки вводить отдельные элементы местной истории в школьные программы. Таких примеров было немного, но о них следует тем не менее сказать.

Так, в учебных планах педагогического училища в Сенегале, о котором упоминалось выше, в первый год обучения предусматривалось изучение местной истории, во второй год – истории цивилизации Франции от древности до революции ХУШ в., в последний год – тот же курс, доведенный до начала ХХ в. Итак, будущие учителя изучали местную (*locale*) историю. Трудно, однако, судить о том, что понималось под словами “местная история”: изученные нами архивы не дают никаких указаний ни на конкретное содержание этого курса, ни на учебные пособия, по которым велось преподавание /23/. Можно предположить, что под ним понималось изучение прошлого некоторых районов Западной Африки с включением отдельных элементов доколониальной истории по начавшим выходить тогда научным работам французских африканистов, в частности М. Делатосса.

Другая попытка в некоторой степени африканизировать школьную историю была сделана в английской колонии Золотой Берег. По инициативе губернатора Г. Гугисберга (1919–1927) в колледже Ачимота стали внедряться элементы традиционной культуры в одежде, обычаях, пробуждался интерес к национальным языкам, к прошлому. Точнее будет сказать, что школьная администрация просто перестала препятствовать проявлению естественного интереса учеников к собственной цивилизации. Сам губернатор высказывался за необходимость синтеза европейской культуры со всем тем, что есть, по его словам, “красивого в африканской жизни и общественной мысли”. Если перевести его туманные рассуждения на язык политики, то нельзя не согласиться с выводом ганского историка Ф. Агбодеки, который пишет: “Воспитывать в учащихся уважение к обычаям и традициям своей страны значило в конечном счете подготовить полезного чиновника для системы косвенного управления, которая держала народ в покорности через его традиционные институты” /171, с. 32–33/.

Таким образом, допущение в небольшой дозе африканской истории в колониальные школы английских владений было вызвано спецификой системы управления, а не гуманными побуждениями отдельных колониальных деятелей. Совершенно справедливо пишет один из бывших школьных учителей истории, кстати француз по национальности, что колониальная история “была не чем иным, как хроникой деяний европейцев” /764, с. 221/. Именно такая “карикатура на

историю" преподавалась в школах Африки — безразлично, находились ли они под управлением англичан или французов, португальцев или бельгийцев. Колониальное обучение в целом, как сказал министр просвещения Мозамбика на 1У конференции министров просвещения Африки в Лагосе (1976), базировалось на принципах расизма, разделения учащихся и учителей, элитаризма, индивидуализма и обскурантизма, а также презрения ко всему африканскому /115, 1976, № 2/. История как мировоззренческая дисциплина несла особо тяжелый груз темных сторон колониального господства в области культуры и просвещения.

Говоря о последствиях колониального образования и отмечая его социальную роль в системе идеологического закабаления африканских народов, следует в то же время со всей определенностью выступить против идеализации подготовки юношества к жизни в традиционном обществе, что встречается сплошь и рядом в работах современных африканских авторов. Архаическое сознание традиционного общества, базирующееся на разрозненных, несистематизированных знаниях о природе, обществе и человеке, проникнутое верой в действие мистических сил, выработало замкнутую, догматическую форму образования молодежи, в значительной степени тормозящую социальный прогресс.

Не удивительно, что последовательные революционные демократы Африки в одинаковой степени выступают как против колониальной школы, так и против традиционного образования. Об этом совершенно определенно сказал делегат Мозамбика на упоминавшейся конференции в Лагосе: "Обучение, даваемое в нашем собственном традиционном обществе и португальским колониализмом, хотя и отличавшееся в методах, имело одинаковые цели и характеристики: увековечение существующей системы классового угнетения, насаждение пассивного подчинения, подавление инициативы и распространение суеверий о сверхъестественных силах, от которых якобы зависит судьба человека и природы" /115, 1976, № 2/. Поэтому, продолжал мозамбикский министр, мы должны разрушить обе системы образования, оставшиеся от прошлого. Эта речь была суровой отповедью обскурантистским призывам неотрадиционалистов, безудержно восхвалявших цивилизацию доколониальной средневековой Африки, вернуться в прошлое и повернуться спиной к будущему. В независимой новой Африке освобождение разума от химер прошлого должно было идти прежде всего через школьные классы. Именно в школе шла подлинная битва идей, именно школа стала ареной борьбы за "деколонизацию" африканской истории.

Новые идеи, выраженные, правда, еще весьма робко, проникают в учебники истории для африканских школ после второй мировой войны. Вот, например, популярный очерк истории Французской Западной Африки; по существу, это последний школьный учебник колониальной эпохи — впервые издан в 1949 г. и переиздавался до 1961 г. Его авторы, А. Жоне и Ж. Барри, в обращении к учителям, которое пред-

варяет основной текст, признают, что история Африки, написанная белыми, не может быть абсолютно беспристрастной, и как бы извиняются за свой цвет кожи, обещая быть как можно более объективными. "Мы хотели бы, — пишут далее авторы, — чтобы эта книжка родила у учеников желание обогатить свои знания об Африке. Мы уверены, что чем лучше они узнают свое прошлое, тем лучше они будут работать для будущего" /475, с. 7/. Таких обращений нельзя найти ни в одной прежней школьной книге; призыв к углубленному изучению истории Африки маленькими африканцами — это знамение времени, показатель роста национального сознания африканцев и свидетельство изменения социокультурной обстановки в условиях нарастания освободительного антиколониального движения. Эти качественные перемены опосредованно и приглушенно отразились и в школьном учебнике.

Структура учебника и содержание излагаемого материала принципиально не отличаются от другой школьной литературы колониальных времен. Из 25 тем лишь 7 трактуют о доколониальной Африке; 18 уроков посвящены, в сущности, истории европейцев на Африканском континенте. Любопытные метаморфозы произошли с палитрой красок, которой рисуются европейские колонизаторы различных национальностей: розовой краской, идеализированно, изображены лишь французы, зато авторы не жалеют темных тонов, когда описывают деятельность англичан, немцев, испанцев и португальцев. Критика одиозных сторон колониализма, таким образом, направлена в адрес конкурировавших европейских держав. Но самым черным цветом изображены африканцы — борцы против колониальных завоеваний: это, как правило, темные, аморальные, двуличные и кровожадные личности; их победы над французами обозначаются всегда одним словом «massacres» (резня). Учебник настойчиво внедряет мысль, что французская колонизация была совершенно закономерным и прогрессивным явлением, открывшим африканцам путь к политической стабильности, экономическому и культурному развитию. Именно об этом говорится в последнем уроке курса "Достижения Франции в ФЗА": менее чем за 50 лет введена система правосудия, построены школы и больницы, развивается сельское хозяйство, транспорт и т.п. Примечательны последние слова учебника: "Остается еще многое сделать, чтобы дать возможность всем африканцам воспользоваться плодами цивилизации, принесенной Францией. Еще нужно строить школы, госпитали и дороги. Африканцы и европейцы должны работать упорно, с энтузиазмом, чтобы выполнить эту задачу, огромную, но прекрасную" /475, с. 199/.

Но уже неудержимо приближался 1960 год, год получения независимости 17 странами Тропической Африки, когда африканцы стали сами решать вопросы экономического и культурного строительства. Начинается медленный и противоречивый процесс преобразований в области просвещения, сопровождаемый изменением учебных планов и программ, формулированием новых задач воспи-

тательной работы, подготовкой новых учебников. Перемены происходят с разной скоростью в зависимости от политической ориентации отдельных стран: быстрее и глубже в странах некапиталистического пути развития (Гана, Гвинея, Мали, несколько позже Танзания), медленнее и слабее – в странах, где у власти утвердилась местная буржуазия.

Первым учебником истории нового типа, принятым в школах независимой Гвинеи, была книга по истории Западной Африки, написанная совместно молодым африканским ученым Д.Т. Нианем и французским африканистом–марксистом Ж. Сюрэ–Каналем, оставшимся на работе в Гвинее после отзыва французских специалистов правительством де Голля. Первым изданием учебное пособие вышло в Конакри в 1960 г., спустя год переиздано в Париже издательством "Презанс африкен" в лучшем полиграфическом оформлении.

В школах Ганы широкое применение получил 2-томный учебник Г. Брауна "Активная история Ганы", выдержавший в 1964 г. четыре издания и получивший, по некоторым сведениям, одобрение президента Кваме Нкрумы. Автор книги англичанин Г. Браун (ранее преподавал в Гане, затем стал профессором педагогики Ибаданского университета) призывал к применению передовых дидактических методов. Требование активности, вынесенное даже в заглавие учебника, означало не упор на механическое запоминание текста (зубрежка была главным методом обучения в колониальной школе), а активную мыслительную деятельность учащихся в сочетании с наглядностью и привлечением местного материала /461/.

Ученикам рекомендовалось посетить исторические достопримечательности вблизи школы, местные архивы и слушать рассказы старых людей.

По сравнению с прежними колониалистскими концепциями исторического развития Африки в этой книге сделан шаг вперед: африканцы больше не выступают в качестве пассивных объектов исторического процесса. В нескольких уроках показано сопротивление колониальному завоеванию; интересен рассказ о Тете Каши – пионере разведения деревьев какао на территории Ганы, говорится об экономическом значении развития сельского хозяйства. Вместе с тем некоторые разделы страдают примитивизмом (например, при объяснении целого ряда событий всемирной истории, в частности при рассказе о германском фашизме). Автор объясняет разницу между капитализмом и коммунизмом /461, с. 104–105/ таким образом, что у школьников неизбежно возникает отрицательное отношение и к одной, и к другой общественным системам. Очевидно, это определяется не только личными политическими воззрениями автора – типичного английского либерала, но и общей идеологической ориентацией ганского руководства в первые годы независимости.

Менее удачным был другой учебник истории для ганских школ; он написан бывшим школьным учителем в Аккре англичанином

В. Контоном /465/. Это, в сущности, рассказ об отдельных эпизодах истории Западной Африки. Во втором томе, названном "Потерянная и вновь обретенная независимость", бегло и невнятно говорится о движении за национальное освобождение африканских народов без малейшей попытки объяснения описываемых событий; африканская история дана в полном отрыве от мирового исторического процесса. Это, впрочем, характерно для большинства учебников не только Ганы, но и других африканских стран.

Вскоре после достижения независимости в Гане начались подготовка новых учебников и переиздание, в дополненном и переработанном виде, некоторых старых. Это объясняется не только стремлением усовершенствовать постановку исторического образования в стране, но и прочной традицией, оставшейся от бывшей метрополии: по многим учебным дисциплинам нет единого обязательного учебника, поэтому в школах одновременно применяются несколько учебных пособий различного содержания и неодинаковых по своим идейным и методическим достоинствам. На 1965/66 учебный год к изучению были рекомендованы следующие книги: "История Западной Африки до XIX в." известного прогрессивного ученого Б. Дэвидсона и Ф.К. Буа (первым изданием вышедшая еще в 1945 г. под заглавием "Развитие африканской цивилизации"), написанные Ф.К. Буа элементарный учебник для начальных школ и "Новая история для школ и колледжей" (в 2 частях) /466; 463/. В соседней Нигерии преподавание истории в старших классах проводилось по пособиям А. Аджайи и Я. Эспи (древний и средневековый периоды), Дж. Анене и Г. Брауна — эпоха XIX—XX вв. /458; 459/.

О состоянии преподавания истории в школах и университетах многих стран Африки, развивающихся по капиталистическому пути, рассказывают неопубликованные отчеты, которые были представлены на Международную конференцию по африканской истории (Дар-эс-Салам, 1965). Общим явлением для таких разных стран, как Кения, Того, Уганда и Либерия, была сохранившаяся почти без изменений система образования бывшей метрополии: учебные планы и программы Кении и Уганды по-прежнему составлялись в Лондоне, для Того и некоторых бывших французских колоний — в Париже; что касалось Либерии, формально независимой, то ее система образования представляла собой копию, импортированную из США.

Учителя истории кенийских школ могли выбрать для преподавания в старших классах любую из десяти тем по перечню, принятому для всей Британской империи. Главный школьный инспектор в своем отчете отмечал, что большинство средних школ в 1964/65 учебном году выбрало тему № 242 "Развитие Тропической Африки", быстро сокращается число школ, изучающих "Историю Британской империи и стран Содружества", и совсем мало осталось классов, где преподавались следующие предметы: "Британская и европейская история до 1688 г.", "Британская и европейская история 1485—1815 гг." и "Британская и европейская история 1688—1939 гг."

/39/. Следует учитывать, что по давней традиции, принятой в странах Западной Европы и затем распространившейся в Африке, в старших классах нет второго концентратора систематического преподавания истории от древности до современности, а углубленно изучается одна проблема. Такая же система исторического образования характерна для университетов – в них отсутствует систематический курс истории, охватывающий все регионы мира и хронологические эпохи; преподаются лишь спецкурсы и проводятся семинары по отдельным проблемам национальной и мировой истории в довольно узких временных и географических границах.

Серьезная критика сохранившегося, по существу – колониального, исторического образования прозвучала в выступлениях представителей Того и Либерии. Тоголезский учитель истории М. Акумей сетовал на то, что его страна сохранила без изменений программы французской школы, а это значит, что никакого особого интереса к африканской истории не проявляется. Только несколько лет назад, говорил он, очень робко была введена в программы начальной школы история Африки от XIII до XV вв. Однако ученики не имеют никаких учебников, а преподаватели кое-как обходятся давно изданным учебником Жоне и Барри. Что касается средней школы, то здесь не произошло никаких изменений. "Мы преподаем, – с горечью говорил учитель из Того, – исключительно историю Франции и Европы, а также европейские войны; все это вызывает недовольство как учеников, так и преподавателей. Нынешние программы представляют Африку извне, глазами европейцев, Африку, лишенную самобытности, культуры, цивилизации" /35/.

Представитель Либерии сообщил на конференции в Дар-эс-Саламе, что организация школьного образования в его стране скопирована с системы США. Африканская история изучается в 4–9-м классах: сначала история Либерии, затем западной части Африки и, наконец, всего континента. В 10–11-м классах история не читается вовсе, а в выпускном, 12-м классе преподается экономическая история Либерии. Вообще история страны начинается, как полагают авторы учебной программы, только в 1822 г., когда на африканском берегу высадились первые переселенцы-негры из США; что раньше происходило на территории будущей Либерии, ученикам не дано знать. Как отмечалось в отчете, уже на протяжении многих лет готовятся новые учебники истории, есть рукописи, но до их издания дело еще не дошло. Отчет заканчивается пессимистическим сообщением о том, что в Либерии не существует никаких планов изучения истории Африки в свете происшедших недавно перемен – начала новой эпохи независимой Африки /34/.

В первой половине 60-х годов проблема подготовки школьных программ и учебников истории становится одной из самых главных в комплексе мероприятий по созданию новой школы, отражающих этап самостоятельного развития стран Африки. Идут поиски оптимальной структуры исторического образования, соотношения в нем

африканской и всемирной историй, национального и интернационального, определяются идейно-воспитательные задачи изучения прошлого. Характерны в этом отношении перемены в Танзании, где первые программы по истории, утвержденные в 1963 г., были вскоре подвергнуты аргументированной критике специальной комиссией ученых-историков и педагогов. В младших классах история была ориентирована на изучение прошлого своей этнической группы (is tribe-centred) вместо того, чтобы убедить ученика, что он прежде всего представитель танзанийской нации. Такой же упрек был сделан программам истории в средних классах. В старших же классах преподавание истории после достижения независимости вообще не изменилось; так же, как в Кении и Уганде, ученики могли выбирать лишь отдельные темы по истории Англии и Британской империи. Комиссия отметила, что изучение истории должно, с одной стороны, служить борьбе против предрассудков племенной исключительности, против проявлений трайбализма, а с другой – воспитывать патриотическое чувство принадлежности к единому государству.

С 1966 г. в Танзании были введены новые переработанные учебные программы. В 7-м классе было введено изучение обществоведения. Содержание курса истории во всех классах получило определенный уклон в афроцентризм, были подчеркнуты достижения африканской цивилизации, особый упор был сделан на воспитание чувства национальной гордости и государственной принадлежности /741, с.218/. Позже программы были дополнены изучением исторических корней традиционного "танзанийского социализма" – "уджамаа". Одновременно началась подготовка новых учебных пособий, к чему были привлечены ученые исторического отделения университета в Дар-эс-Саламе и члены Исторического общества. Вскоре были опубликованы пособия для учителей по истории Танзании /467; 276/ и по истории сопредельного региона Центральной Африки /480/.

Важность задачи подготовки новых учебников, между прочим, отмечала специальная комиссия по вопросам преподавания истории, назначенная Конгрессом африканских историков в 1965 г.: разработка новых программ не решит ни одну из проблем, если не будут подготовлены новые учебники и другой дидактический материал, отвечающий "африканскому взгляду" на историю /44/.

Африканские деятели народного просвещения и ученые-историки постепенно приходят к выводу об изменении социально-воспитательной роли истории в условиях независимости. История Африки начинает занимать господствующее место в школьных программах; так чему же она должна учить будущих граждан, какие убеждения и чувства прививать, изучая прошлое?

Мы имеем любопытный документ, кстати неопубликованный, где на поставленные вопросы даются ответы, характерные для многих африканских стран. Старший школьный инспектор Кении среди главных целей исторического образования подрастающего поколения

ставит подготовку школьников к тому, чтобы стать полезными гражданами страны, способными внести вклад в рост благосостояния общества. Критерий "социальной полезности", таким образом, стоит на первом месте, однако его классовый смысл не раскрывается, что вполне естественно, если учитывать капиталистическую ориентацию развития Кении. На втором месте стоит задача воспитания патриотизма и зачатков интернационализма; она сформулирована следующим образом: "Развивать чувство национальной гордости вместе со способностью понимать взгляды и практику других стран и народов". Только на третьем месте поставлены задачи педагогические, логико-познавательные: развивать чувство времени и преемственных связей прошлого с нашей эпохой, понять причинно-следственные связи в общественном развитии, научить детей взвешивать получаемую информацию, подходить критически к работе и высказывать обоснованные мнения. История, наконец, должна научить школьников правильно понимать активную роль человека в историческом процессе на примерах, взятых из прошлого различных стран и конкретных ситуаций /39/.

В приведенных рассуждениях, как мы видим, явственно различим один из основных тезисов раннего этапа африканской историографии — обращение к общечеловеческим мотивам в культурном развитии Африки и умаление факторов социально-классовых. Такая методологическая установка отражает общую теоретическую слабость как исторической науки, так и всей общественной мысли в странах, где неразвитость классовых противоречий, а также господствующая эклектическая идеология скрывали подлинную социальную роль школьного образования.

Постепенно деятели африканской науки и культуры приходят к убеждению, что издание учебников по истории вообще, а для начальной школы в особенности, — это важная политическая проблема, в решении которой активное участие должны принимать государственные органы, в первую очередь — министерства просвещения. С призывом к активной помощи государства в "деколонизации" школьной истории обратились участники 1 Международного конгресса африканистов в Аккре (декабрь 1962 г.) и Конгресса историков в Дар-эс-Саламе (сентябрь-октябрь 1965 г.) /759; 689/. В специальной резолюции научный форум в Дар-эс-Саламе настоятельно рекомендовал повсюду установить тесную связь между правительством, университетом и школой и обратился с призывом ко всем правительствам "оказать помощь и ускорить написание школьных учебников, создавая для этого отдельным учителям необходимые условия и предоставляя им отпуска". Важным было требование заменить экзаменационные комиссии, присылаемые из-за границы (т.е. из бывших метрополий), местными педагогами и ввести экзамен по африканской истории на аттестат зрелости.

Разработка каждой африканской страной своих собственных программ истории без учета того, что делалось у соседей, грозила в

конечном счете привести к нежелательным последствиям — усилению раздробленности, росту микронационализма и сепаратизма, разрыву исторически сложившихся культурных связей. Необходимость координации работы по составлению школьных программ и учебников истории привела к тому, что министры просвещения франкоязычных стран Тропической Африки и Мадагаскара (за исключением Гвинеи) на совещании в Бамако в 1965 г. создали с этой целью специальную комиссию. Спустя несколько недель она собралась в Абиджане, где с участием французских экспертов-историков и методистов после долгих обсуждений наметила программы по истории и географии конкретно для каждого класса. Было признано целесообразным, чтобы новые программы прошли экспериментальную проверку в течение двух лет, после чего комиссия вновь соберется и сделает выводы, а также внесет необходимые изменения и дополнения. В 1967 г. на заседании в Тананариве комиссия установила окончательный текст программ, а в июне того же года они были утверждены министрами просвещения на совещании в Париже.

Как отмечает французский африканист Ж. Девисс, принимавший участие в подготовке программ, их основная черта заключается в том, что история Африки, наконец, поставлена в центре обучения, причем эксперты стремились избежать дробления континента по этническому или государственному принципу. Другая особенность программ — стремление не изолировать Африканский континент от мировой истории /686, с. 4–6/. Вместе с тем нельзя не отметить, что участие французских специалистов в подготовке программ, а позже — учебников, материальная и методическая помощь африканским школам и вузам диктуются вовсе не одними только филантропическими, бескорыстными побуждениями; это — часть тщательно разработанной политики сохранения и укрепления французского влияния в странах Африки. Расчет был, очевидно, простой: французские эксперты должны были не допустить в новые программы слишком резких антифранцузских и антиколониальных положений.

В соответствии с программой 1967 г. история Африки изучалась в средней школе в виде двух концентров различной сложности: четыре года (6–3-й классы) преподавался систематический курс с упором на политическую, "событийную" историю; в двух последних классах история Африки снова изучалась, только в этом концентре более обобщенно, с акцентом на изучении цивилизации. Доля Африки в общем балансе часов на историю была невелика и колебалась от 1/2 до 1/4 всего времени. Только во 2-м, предпоследнем классе на историю Африки отводилось 26 уроков, а на страны Европы — 25 уроков; в других же классах — гораздо меньше. В выпускном классе африканские сюжеты изучались лишь на 13 уроках из общего числа 51; в 3-м классе — соответственно 14 из 48.

Критика программ по истории стала раздаваться очень скоро со стороны многих африканских историков и педагогов, причем даже

таких, которые сами участвовали в качестве экспертов в их подготовке. Проблемы преподавания истории в странах Африки обсуждались на заседаниях "круглого стола", организованном в августе 1969 г. редакцией журнала "Презанс африкен". На нем присутствовали основатель журнала и его издатель Альян Диоп (скончался в мае 1980 г.), директор Педагогического института в Браззавиле Ж.П.Чистер-Чикайя и профессор Т.Обенга (Народная Республика Конго), преподаватели африканской истории И.Б.Каке, К.Вонджи, Ж.К.Бахокен и др.

Во многих выступлениях подверглись резкой критике новые школьные программы истории. По мнению Каке, в них Африка по-прежнему занимает незначительное место, но самый главный недостаток — это тенденция к "национализации" истории, что означает преподавание истории по страновому признаку, на уровне нынешних государственных границ. Этот же недостаток, который ведет к "микронационализму", отметил Чистер-Чикайя, принимавший участие в подготовке программ на заседаниях в Абиджане и Тананариве. Он назвал эти программы "сумасшедшими, сводящими с ума" (*programmes démentiels*), и отметил еще один крупный недостаток — перечисление множества вопросов, которые должны усвоить школьники, напоминает инвентарную опись. В Береге Слоновой Кости, сетовал Вонджи, мало что изменилось в преподавании истории после принятия новых программ; преподаватели-французы, не владеющие материалом, не проводят даже предусмотренных программой уроков по африканской цивилизации /138, 1972, № 81/. Критика программ школьной истории раздавалась и на 1 конгрессе Ассоциации африканских историков /103, 1973, № 1, с. 32/.

Критика африканскими историками школьных программ, вне сомнения, справедлива, однако следует учесть два момента, необходимых для понимания тесной связи школьной истории с потребностями общественного развития. Во-первых, нигилистическое отношение к истории собственной страны, стремление игнорировать существующие в Африке государственные границы и пренебрежение к истории отдельных стран, которую часто называют "микронационализмом", лишены оснований и не соответствуют реалиям сегодняшнего дня. Противопоставление истории континента истории отдельной страны не может встретить сочувствия в прогрессивном общественном мнении Африки, где проблемы национально-государственной консолидации звучат особенно актуально. Вопрос может стоять лишь о более уравновешенном распределении учебного времени между историей всего континента, региона и отдельной страны.

При оценке учебных программ необходимо, во-вторых, учитывать, что межафриканское сотрудничество и координация в этом деле сами по себе представляют шаг вперед; вопрос заключается в идейной ориентации всей системы образования, в ее социально-классовом содержании. Несоответствие даваемого детям образования существующим условиям и задачам социально-экономического раз-

вития признается многими общественными деятелями современной Африки. Об этом, в частности, говорил директор Национального педагогического института Руанды К. Мфизи /140, 1976, № 22/. Только в странах социалистической ориентации принимаются меры к тому, чтобы история в школе служила делу общественного прогресса, воспитывала детей в духе патриотизма, интернационализма и африканской солидарности.

В деле перестройки исторического образования в африканских школах существенное значение имела, кроме разработки учебных программ, подготовка новых учебников и учебных пособий. Именно здесь наиболее прочно сохранялись антинаучные колониальные стереотипы и этноцентризм бывших метрополий. "Учебники – нередко последнее убежище давно уже опровергнутых наукою взглядов и заблуждений", – справедливость этого утверждения В.С. Иконникова /561, с. 254/ подтверждается фактами современной африканской школы. В то время как молодая африканская историография настойчиво боролась за "деколонизацию" истории, в школьных учебниках по-прежнему повторялись тезисы колониальной истории. Как и прежде, подавляющее большинство учебной литературы печаталось в бывших метрополиях; на этом деле специализировались крупные капиталистические фирмы "Аллен и Энвен", "Лонгман" и "Макмиллан" в Англии, "Ф. Натан", "Атье" и "Лижель" во Франции. Познакомимся несколько подробнее с учебниками последнего издательства.

Издательство "Лижель" (Париж) начиная с 1961 г. печатает и постоянно переиздает множество учебников для начальной и средней школы по истории как больших регионов – Западной и Центральной Африки, так и отдельных франкоязычных стран. Общим недостатком всех этих учебников является то, что в них излагается, по существу, лишь политическая, "событийная" история и совершенно игнорируются вопросы социально-экономического развития; доколониальная история сводится к хронологии правящих королей и племенных вождей. Изложение материала в интересах якобы доступности отличается крайней схематизацией, которая нередко приводит к прямой фальсификации прошлого. На это обращают внимание рецензенты влиятельного политического ежегодника "Анэ африкен" и приводят конкретные примеры тенденциозности и прямой фальсификации истории, особенно когда речь заходит о событиях недавнего прошлого. Так, маленьким африканцам внушают, что подписание германо-советского пакта о ненападении 1939 г. "ввергло мир в войну" /468; 469; 471/.

Более удачными можно признать учебники парижского издательства "Атье", которые составлены в соответствии с программами 1967 г. Эти учебники получили большое распространение во франкоязычных странах Африки и рассматриваются здесь как стабильные, рассчитанные на много лет. Учебник для 6-го класса опубликован в 1969 г., для 5-го – в 1970 г. и переиздан в 1979 г.,

для 4-го класса – в 1975 г. и переиздан в 1978 г. При знакомстве с этими учебниками обращает на себя внимание удачно подобранный иллюстративный материал, наличие разнообразных таблиц и карт. Хорошо продумана методическая сторона, учитывающая современные психолого-дидактические требования к подобного рода изданиям. Высокое полиграфическое качество позволяет использовать один и тот же экземпляр в продолжение многих лет, так что эти учебники, бесспорно, будут служить нескольким поколениям африканских школьников.

Что касается содержания этих учебников, то здесь следует отметить, что, несмотря на большое число авторов отдельных разделов, редакторы добились определенного методологического единства, поэтому нет резких расхождений в трактовке основных событий африканской истории. Отметим также, что общий подход вполне вписывается в многофакторную, либерально-буржуазную концепцию африканского прошлого. Все три учебника вышли под общей редакцией А.М. Мбоу, Ж.Ки-Зербо и Ж.Девисса. Первый из них, А.М. Мбоу, по профессии учитель истории, несколько лет был министром просвещения Сенегала, а с ноября 1974 г. – Генеральный директор ЮНЕСКО. Ж.Ки-Зербо – известный историк и педагог из Верхней Вольты, а Ж.Девисс – французский историк, имеющий большой опыт научной и педагогической работы в Африке. К написанию отдельных разделов и параграфов привлекались африканские авторы: Г.Гиссу, Д.Т.Ниань, Ж.П.Чистер-Чикайя, Ж.Плийя, а также ученые Франции и Мадагаскара.

Подробный разбор содержания учебников занял бы слишком много места, поэтому мы ограничимся краткой характеристикой их типических черт. Во-первых, классовая структура общества как в Африке, так и на других континентах раскрывается крайне абстрактно, невнятно; избегается само понятие "класс". Правда, это слово встречается один раз /478, с. 115/, но именно здесь оно неуместно, так как богатые купцы в африканских городах XIУ–ХУ1 вв. самостоятельного социального класса не составляли. Гораздо чаще авторы оперируют туманным термином "категория". Так, жители империи Карла Великого делились на две категории – свободных и не-свободных /478, с. 120/, в Древней Греции были категории менее обеспеченных (*moins favorisées*) граждан – метеки и рабы /477, с. 117/, римское общество делилось на две большие категории – рабов и свободных /477, с. 184/. Об африканских обществах говорится лишь, что они "иерархичны", похожи на "пирамиду", но это скорее метафора, чем определение социального явления.

Во-вторых, в учебниках имплицитно присутствует тезис о низкой исторической активности африканцев; существенные изменения происходят, как правило, под влиянием внешних факторов: вторжения арабов и распространения ислама, внешней торговли, европейской цивилизации. Особенно явственно эта точка зрения видна в разделе 17 (5-й класс) "Африканские общества и цивилизации" /478, с. 112/.

Здесь делается ударение на роль традиций в доколониальном африканском обществе, семейной солидарности, религиозности, присущей африканцам, особого негро-африканского гуманизма.

Наконец, третья характерная черта учебников этой серии состоит в крайне незначительном внимании, уделяемом России. В первых двух учебниках эта страна даже не упоминается, хотя целые уроки посвящены Индии, Китаю, Османской империи, доколумбовой Америке (2 урока). Только в книжке, охватывающей период с ХУП в. до начала XIX в., в разделе 17 есть один параграф о России времен Екатерины II /479, с. 133/. Автор раздела – француз А. Марсе в трех маленьких абзацах сумел уместить все тенденциозные стереотипы буржуазной историографии: попытки преобразований в огромной отсталой стране под влиянием западных идей разбились о враждебность знати, чиновников и армии; тогда царица переходит к территориальным захватам. Из всей неафриканской части земного шара полнее всего в учебниках изображена Западная Европа; восточная же часть этого континента, в сущности, представлена огромным "белым пятном". Даже нет ни слова о разгроме похода Наполеона I в Россию, хотя его войнам уделено довольно много внимания.

Оценивая в общем учебники, подготовленные на основе программы 1967 г., нельзя не согласиться с мнением швейцарских ученых, которые, изучив содержание 11 французских учебников истории, пришли к выводу, что их авторы пытаются представить "всю систему политико-экономических ценностей правящих буржуазных классов Запада в качестве модели для Африканского континента" /757, с. 198/. Не случайно, видимо, некоторые страны социалистической ориентации ищут путей совершенствования или полной замены программы 1967 г. и соответствующих ей учебников. Правда, крайняя слабость полиграфической базы, отсутствие опытных кадров историков-методистов, да иной раз и просто невнимание к этому важному идейно-воспитательному вопросу пока не дали положительных результатов.

В англоязычных странах Западной и Восточной Африки большой популярностью пользуются учебные пособия, написанные прогрессивным английским африканистом Б. Дэвидсоном в сотрудничестве с африканскими педагогами: директором средней школы из Ганы, автором многих школьных книг Ф. Буа и учителем из Танзании Дж. Мхина. Первый учебник посвящен истории Западной Африки в доколониальный период (1000–1800 гг.) /466/, вторая книга охватывает регион Восточной Африки от древности до конца XIX в. /467/. Первое издание учебников вышло в 1965–1967 гг., затем они неоднократно перепечатывались.

Достоинством этих учебников является стремление их авторов на конкретных примерах показать ученикам, что народ – творец истории; этим выводом завершается книга по истории Западной Африки /466, с. 291/. В учебниках нет идеализации доколониального африканского общества, значительное внимание уделено объяснению элементарных

понятий социальной структуры. Хотя слово "класс" не применяется, подробно говорится о горизонтальном (этническом) и вертикальном (по нашей терминологии – классовом) делении общества. Ученики узнают о причинах и социально-политических последствиях европейской работорговли, причем в учебниках Дэвидсона, пожалуй, впервые говорится об участии в торговле своими соплеменниками африканских правителей. Этот фактор, способствовавший работорговле и колониальным захватам, во всех остальных учебниках стыдливо замалчивается.

Общий подход к раскрытию африканского прошлого в учебниках Дэвидсона отражает знакомство автора с марксистской методологией и близок к тому течению африканской историографии, которую мы называли историографией социалистической ориентации.

С подобных же революционно-демократических позиций написаны учебники для школ Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау. Эти книги были выпущены в обстановке вооруженной освободительной борьбы. Остановимся подробнее на анализе их содержания.

После освобождения Анголы, Мозамбика и других бывших португальских колоний одной из первостепенных задач преобразований в области народного образования были немедленный отказ от всех прежних программ и учебников и подготовка новых. Надо заметить, что в португальских учебниках по истории, выпущенных в 1968–1969 гг. и обязательных для изучения во всех школах африканских владений, прошлое всячески извращалось и фальсифицировалось. В одном из них, например, напыщенно говорилось о "благородстве" целей португальской колониальной экспансии в заморских странах и перечислялись такие "достижения" португальского колониализма, как "языковое единство, отсутствие расовой дискриминации, распространение христианства и социальный прогресс, основанный на развитии школьного образования и помощи со стороны португальцев". Маленьким африканцам пытались, с одной стороны, внушить мысль о преемственности цивилизаторской миссии современной Португалии и Древней Греции, а с другой – доказать превосходство португальцев над колонизаторами других национальностей /757, с. 65–66/.

Совершенно естественно, что оставшиеся от колонизаторов учебники истории после установления народной власти были тотчас же изъяты и заменены той учебной литературой, которую патриоты выпустили еще в годы освободительной борьбы. Вскоре началась работа по совершенствованию существовавших учебников и подготовке новых. В Мозамбике в дополнение к истории страны, опубликованной в 1971 г., были изданы еще два пособия: история Африки и история правящей партии ФРЕЛИМО. В первом из них, как отмечала газета "Нотисиаш", по-новому освещен ход развития континента, большое внимание уделено национально-освободительному движению, роли трудящихся масс в освобождении своих стран от колониального гнета, дается критика буржуазных апологетических концеп-

ций. ЦК ФРЕЛИМО рекомендовал учебник не только для всех школ страны, но также для курсов и кружков политпросвещения на предприятиях, в учреждениях и в воинских частях. Для широкого изучения рекомендована в том же, 1978 г. "Краткая история ФРЕЛИМО" /95, 4.У.1978/.

В 70-е годы значительные усилия по развитию национальной культуры и образования были предприняты в странах Тропической Африки, развивающихся по некапиталистическому пути. Среди различных мероприятий в этом направлении немаловажное значение имеют совершенствование учебных планов и программ по истории, поиски путей повышения социально-воспитательной функции исторического образования подрастающего поколения. Серьезные реформы, охватывающие всю систему образования, проводятся в Конго, Гвинее, Бенине, Танзании и имеют целью укрепление связи с жизнью, с задачами экономического развития.

Раньше других начала школьную реформу Гвинея. Главное направление развития культуры и образования в стране было сформулировано в декларации от 2 августа 1968 г. о "культурной социалистической революции". Основные принципы новой школы отразились в лозунге "школа к жизни, школа в жизни, школа для жизни", что означало — молодежь должна знать, понимать и преобразовывать окружающую действительность. Большое значение в этой связи уделялось познанию исторического прошлого гвинейского народа. В отчетном докладе ЦК Демократической партии Гвинеи XI съезду (ноябрь 1978 г.) целый раздел посвящен теме укрепления связи школы с жизнью; в нем говорится: "Сначала связать школу с жизнью, затем поместить школу в жизнь означает, что нужно овладеть всем наследием прошлого — материальным и культурным наследием народа" /127, 6.УШ.1978/. Выступая на открытии сессии Национального народного собрания 15 февраля 1980 г., президент Секу Туре с гордостью говорил о развитии среднего и высшего образования в стране, указав, что накануне независимости было всего 6 человек с высшим образованием, ныне же в Гвинее высшее образование получает 23 тыс. студентов, а всего обучается 450 тыс. детей /127, 16.П.1980/.

В начале 1971 г. ЦК Конголезской партии труда на чрезвычайном пленуме принял решение о реформе школьного образования. Было провозглашено создание школы нового типа — Народной школы (*Ecole du peuple*), что означало прежде всего широкое распространение начального образования и демократизацию всей системы народного образования. Предусматривались меры по укреплению связи школы с жизнью, усилению воспитательной работы с целью подготовки квалифицированных работников сельского хозяйства и промышленности. Была введена новая сетка часов для различных школьных дисциплин, причем несколько увеличилось время на преподавание истории. Распределение уроков по различным разделам ис-

тории в старших классах средней школы на 1974/75 учебный год показано ниже /124, 30.XI.1974/:

	6-й класс	5-й класс	4-й класс	3-й класс
История Конго	—	—	0,5	—
История Центральной Африки	—	0,5	1,5	1
История других регионов Черной Африки	2	10,5	9	9
История Северной Африки	12	1	1	1
История Европы	16	16	17	21
История других континентов	5	10	2	6
Общие вопросы мировой ис- тории	7	1	5	6
Итого за учебный год	42	39	36	44

Общее число уроков истории и количество часов на африканскую историю по новой сетке лишь незначительно отличаются от их числа по сетке, установленной программой 1967 г. Если количество уроков на изучение прошлого африканских народов в 6-м классе несколько увеличилось, то в других классах даже сократилось: в 5-м и 4-м классах — на один урок, в 3-м классе — на три. Приведенные выше факты опровергают распространенное среди африканских историков мнение о том, что программа 1967 г. способствует развитию "микронационализма"; напротив, на историю своей собственной страны в четырех классах выделено лишь полурока. Следует, однако, учитывать, что истории и современному положению Конго уделяется много внимания в выпускных классах; дети знакомятся с прошлым своей родины и в начальных классах в форме эпизодических рассказов по истории Конго.

Большую заботу о развитии образования и совершенствования учебных планов и программ проявляют власти Танзании и Народной Республики Бенин. В Танзании проводимые преобразования были предусмотрены решениями Исполкома партии ТАНУ на заседании в Мусоме (1974 г.), где были подведены итоги выполнения директив в области просвещения и культуры, содержащихся в Арушской декларации. Было констатировано, что директива президента Ньерере "Образование для опоры на собственные силы" выполняется успешно: грамотность в стране достигла 85%, что создало возможность к 1981 г. научить все население читать и писать. Перед работниками просвещения были поставлены новые задачи: введение всеобщего начального образования уже в 1977 г. вместо намечавшегося ранее 1989 г., изменение программ и дальнейшее укрепление связи с жизнью, совмещение учебы с производительным трудом /32/. При выполнении этих планов необходимо преодолеть ряд трудностей, о которых рассказала профессор М. Мбилиньи /133, 1978, № 9/.

В Народной Республике Бенин, как заявила директор Национального педагогического института К.С. Уэто на семинаре Международ-

ного института планирования образования (Париж, ноябрь 1979 г.), правительство уделяет огромное внимание развитию образования: в 1977/78 финансовом году на это пошло 36% государственного бюджета, или 6% валового национального продукта. Несмотря на такие усилия и жертвы, еще менее половины детей охвачено школьным образованием. Поэтому развитие сети школ, и прежде всего — начальных, остается первостепенной задачей. В июне 1975 г. была начата реформа системы народного образования, охватывающая все ступени — от начальной школы до университета. Главная цель этих преобразований — соединение школы с жизнью, с производством; все учебные заведения превращены в производственные единицы. С 1980 г. вводятся новые учебные планы и программы во всех классах /31/.

Реформа 1975 г., заявил президент Бенина М. Кереку, имеет задачей формирование гражданина нового типа: физически, интеллектуально и морально совершенного, настоящего труженика, патриота и интернационалиста, готового служить народу и революции. Для этого, продолжал президент, в учебные планы введены новые предметы: марксистско-ленинская идеология, сельскохозяйственное производство, основы ремесла. Больше внимания будет уделяться идейно-политическому воспитанию школьников и студентов, постепенно будет вводиться преподавание на национальных языках /117, 24.II.1978/. В последние годы в бенинских средних школах стало обязательным изучение труда Маркса и Энгельса "Немецкая идеология", книги В.И. Ленина "Государство и революция", трактата Руссо "Об общественном договоре", художественных произведений современных африканских писателей /117, 17.II.1978/.

Совершенствование школьных программ путем отказа от колониальных моделей и стереотипов, увеличение доли африканской истории характерно и для такой страны, как Мали, где, несмотря на 10-летнее пребывание у власти военного режима, сильны тенденции некапиталистического развития. Здесь в 1973/74 учебном году введены в действие новые программы по истории и географии. В объяснительной записке перечисляются основные направления совершенствования исторического образования в средних школах: поднять уровень преподавания африканской истории, увеличить время на изучение мировой цивилизации, понимаемой в широком смысле — как экономическое и культурное развитие, наконец, сохранить за преподаванием истории его характер общей культурной подготовки молодого поколения /50/.

Познакомимся с программой по истории в старших классах средней школы, хотя в ней не указано количество часов на каждый раздел и параграф. В 10-м классе курс истории делится на две большие части: Африка и Мадагаскар от VII в. до середины XIX в.; Европа и остальной мир от середины XVIII в. до революции 1848 г. Обе части изучаются последовательно, поэтому отставание в выполнении учебного плана, а оно всегда имеет место, неизбежно ведет

к сокращению неафриканского раздела программы. Курс начинается двумя вводными темами: "Африка и возникновение человека" и "Введение в методику изучения африканской истории". Завершается программа 10-го класса промышленным переворотом конца ХУШ – первой половины XIX в. в западноевропейских странах и его последствиями для мировой экономики и социального развития. В 11-м классе изучается история колониализма и антиколониальной борьбы африканских народов конца XIX в. до начала второй мировой войны; что касается стран вне Африки, то программа предусматривает изучение их прошлого под углом зрения межимпериалистических противоречий, повлекших за собой две мировые войны. Отдельный параграф посвящен "Советской революции 1917 г. и ее продолжению до 1939 г."; как видим, тема сформулирована весьма своеобразно, хотя само по себе изучение истории СССР нельзя не приветствовать.

В выпускном, 12-м классе курс истории также разделен на две части; сначала изучается тема "Современный мир от 1939 г. до наших дней", а затем историко-социологический раздел синтетического характера, озаглавленный "Современные цивилизации". Здесь предполагается познакомить учеников с пятью разновидностями социально-политического строя и культуры; все они объединены произвольно по географическому принципу. На какие же цивилизации делится современное человечество? Вот как их перечисляет школьная программа – африканская, исламская, западная, социалистической Европы, азиатская. Совершенно очевидна произвольность и ненаучность подобной типологии, где смешаны политические, региональные и религиозные критерии. Периодизация всемирной истории соответствует схеме, традиционно принятой во французской буржуазной историографии, где переломными датами считаются 1789, 1848 и 1939 годы.

Продолжительное личное знакомство с постановкой исторического образования в Мали позволяет нам отметить характерную черту – история Африки преподается на более высоком научном и методическом уровне, чем всемирная история. Африканской истории выделяется больше учебных часов, она лучше обеспечена дидактическим и иллюстративным материалом. Немаловажным является и то, что применяемые учителями учебники и учебные пособия написаны африканскими авторами прогрессивного или умеренно-буржуазного направления. В годы нашей работы в Мали в 1972–1976 гг. в школах наиболее популярными по-прежнему оставались учебник Д.Т. Нианя и Ж. Сюрэ-Канала "История Западной Африки", а также книга Ж.Ки-Зербо "История Черной Африки". Совсем иным было положение с преподаванием всемирной истории – здесь применялась учебная литература французских буржуазных авторов тенденциозного содержания. Особенно часто антисоветские выпады встречались в серии учебников, издаваемой издательством "Бордас". И не удивительно, поскольку одним из авторов учебника "Современный мир"

был известный антисоветчик П. Сорлэн. Следует, впрочем, заметить, что большинство учителей, получивших высшее образование в Мали или в странах социализма, полностью отвергают оценки и выводы, содержащиеся в этих учебниках, используя лишь фактические данные. Порой сами ученики высказывают мнения, прямо противоположные заключениям учебника: они с большой симпатией говорят о миролюбивой внешней политике СССР, одобряют его помощь революционному национально-освободительному движению, протестуют против содержащихся в учебниках извращений и антисоветских выпадов.

Важная роль школьной истории в комплексе средств идеологического воздействия на широкие круги населения проявляется по-разному в различных странах в зависимости от идейно-политической ориентации их руководства. В некапиталистических странах, как мы видели, предпринимаются усилия установить и упрочить связи школьного образования и насущных хозяйственных задач, воспитать подрастающее поколение в патриотическом и интернационалистском духе, извлечь из прошлого такие уроки, которые служили бы делу общественного прогресса, борьбе против отживших социальных институтов, ретроградных идей, традиций и предрассудков. В учебный процесс все шире проникают идеи марксизма-ленинизма, достижения передовой педагогической мысли.

В других странах Африки, где сохраняется влияние западной буржуазной идеологии (Сенегал, БСК, Нигерия, Кения, Камерун и др.), школьные уроки истории служат распространению представлений и ценностей капиталистического общества, восхвалению буржуазной формальной демократии, идеализации африканского прошлого, в котором якобы царил социальная гармония и отсутствовали классы и классовая борьба. Крен в сторону афроцентризма приводит к отрыву истории континента от всемирно-исторического процесса, к недооценке, а иногда — игнорированию событий исключительной важности, случившихся вне Африки.

Превращение истории в служанку политики, а школьной истории — в прикладную пропагандистскую дисциплину, которая должна внедрить в сознание молодежи конъюнктурные лозунги сегодняшнего дня, особенно выпукло видно на примере Заира. Буржуазно-неотрадиционалистская официальная идеология "мобутизма" привела к постоянному "переписыванию" школьной истории, выхолащиванию ее научно-познавательного характера, безудержной идеализации доколониального прошлого под лозунгом "возврата к истокам" /445/. Чрезмерная политизация обучения и систематическая актуализация истории дают очень часто обратный эффект: разочарование молодежи официальной идеологией, восприятие партийных лозунгов всего лишь как набора трескучих пропагандистских фраз, рост индивидуализма и пренебрежения к общественным нуждам.

Эти отрицательные последствия учебно-воспитательной работы в школах Заира показаны с достаточной убедительностью в конкрет-

но-социологическом исследовании канадского ученого М. Шацберга, изучившего социально-идейные ориентации школьников одного типичного заирского городка /767/. Школьная история больше всего страдает от такой антинаучной, обскурантистской политики. Вместе с тем следует отметить, что подобные недостатки исторического образования, правда – не в столь резкой форме, присущи и некоторым другим африканским странам, поэтому борьба за преподавание подлинно научной истории Африки и всего мира будет продолжительной и нелегкой.

Проблема "История и школа" предполагает, как было отмечено выше, рассмотрение трех основных элементов: школьных программ, в которых определен обязательный объем знаний и дан перечень изучаемых тем; учебников и учебных пособий; наконец, системы подготовки учителей в высших учебных заведениях.

Школьный наставник – центральная фигура в совокупности каналов распространения в обществе исторической информации, знаний и представлений о прошлом. От его квалификации, педагогического мастерства, идейно-политических взглядов зависит в значительной степени историческая культура молодого поколения. Школьный учитель – фигура популярная в странах Азии и Африки; его общественный авторитет высок: человек, знающий прошлое, всегда обладал большим авторитетом в традиционном обществе. Он близок к народу, часто выступает выразителем его чаяний и стремлений /716, с. 118–126/. Следует учитывать и то, что учительство ныне является серьезной политической силой в развивающихся странах, а учителя истории – наиболее динамичный и сознательный его отряд. В ходе антиколониальной борьбы многие учителя стали видными государственными деятелями, и вся страна превратилась в их классную комнату. Президент Танзании Ньерере заслуженно получил почетное имя "Мвалиму" – Учитель.

В кругах идеологов национально-освободительного движения подготовка национальных кадров учителей всегда считалась одной из важных задач духовного раскрепощения. В первых африканских университетах и педагогических колледжах (Ибадан, Яба, Макерере, Лованиум, Фура-Бей, Ачимота, Горэ) выпускались, как правило, учителя широкого профиля, преподававшие среди прочих дисциплин и историю. Начало подготовки в Африке дипломированных преподавателей истории совпадает со временем рождения национальной африканской историографии, однако в первые годы университеты еще не давали полный цикл исторического образования. Так, в Заире, несмотря на существование трех университетов, только в 1970 г. были впервые вручены два диплома историкам, закончившим полный курс. К середине 70-х годов почти во всех странах Тропической Африки университеты и педагогические институты готовили историков по законченной программе, причем их число быстро росло. В Заире к началу 1978 г. насчитывалось около трехсот дипломированных историков /346, с. 251/.

Анализ учебных планов и программ исторических отделений университетов многих африканских стран различной политической ориентации (Танзании, Заира, Нигерии, Конго, Ганы, Мали, Лесото) позволяет представить себе довольно наглядно как общие характерные черты, так и немалые различия в подготовке историков. Бросается в глаза отсутствие единых согласованных программ не только в соседних странах, но даже в одной стране (естественно там, где имеется несколько высших учебных заведений).

Сравним учебные программы двух нигерийских университетов — Ибадана и Ифе — на один и тот же учебный год /43; 40/. Разница между ними велика. В Ибадане история Африки изучается только за XIX—XX в., в Ифе же курс рассчитан на два года и охватывает период от древности до сегодняшнего дня. Ибаданские студенты учат европейскую историю начиная с 1750 г., а в Ифе на первом курсе преподается история европейских стран с XV до конца ХУП в., на следующем курсе — до наших дней. Зато в Ибадане на первом году обучения обязательным является курс "История Нигерии с древнейших времен". Отличается между собой и тематика спецкурсов двух университетов; общим является лишь один спецкурс, посвященный истории взаимоотношений Йорубы и соседней Дагомеи, к которой при колониальном разделе были присоединены близкие йоруба народности. Студенты Ифе, претендующие на дипломы с отличием, должны были дополнительно изучить английскую конституционную и экономическую историю, философию и методологию истории, французский язык. Их коллеги из Ибадана могли выбрать один из следующих курсов: "Проблемы многорасового общества в Восточной Африке, 1920—1955", "Французская революция 1787—1795", "Англо-французская Антанта, 1898—1912", "Новый курс в США, 1933—1940". Есть отличия в учебных планах и программах ганских университетов — столичного в Легоне и основанного позднее в Кейп-Косте /41/.

Для организации высшего исторического образования в странах Тропической Африки характерно отсутствие систематического курса всемирной (а иногда и африканской) истории с древности до наших дней. Предполагается, что абитуриенты, специализировавшиеся по гуманитарным предметам в старших классах средней школы, уже имеют достаточные общие исторические знания, а посему в университете они должны углубить их на спецкурсах и спецсеминарах по отдельным проблемам и в узких хронологических рамках. Нельзя не признать, что такое дробление, особенно распространенное в бывших французских владениях, зачастую методологически не обосновано и не способствует подготовке специалистов высокого класса. Знания выпускников не всегда приведены в стройную систему и в них бывают досадные "белые пятна".

Более удачен учебный план исторического отделения университета в Дар-эс-Саламе, где нет мозаики мелких спецкурсов, а все изучаемые дисциплины объединены в несколько крупнопроблемных, методологически значимых курсов. Несмотря на трехлетний срок

обучения, меньший, чем в других странах (4–5 лет), выпускники получают обширные систематизированные знания, причем не только истории; кроме того, им даются элементарные сведения по социологии, философии, политэкономии. На первом году обучения студенты слушают два обширных синтетических курса: "Проблемы африканской истории" и "Колониализм и национализм". Первый охватывает узловые вопросы социально-экономического развития континента, которые перечислены в программе следующим образом: начало и распространение земледелия и обработки железа; образование государств и их взаимоотношения; ранние европейские поселения и работорговцы; ислам и арабы в Африке; происхождение европейского империализма и реакция на него африканцев; последствия колониализма; национализм и конец колониализма /521, с. 99/.

На втором и третьем годах обучения студенты проходят в качестве обязательных следующие курсы: "История Восточной Африки", "Экономическая история Танзании", "Политическая экономия индустриальных государств". Кроме них, имеется еще один общий курс под названием "Историки и революции"; в нем изучается сравнительная историография Французской буржуазной революции ХУШ в. и Великой Октябрьской социалистической революции. В программе говорится, что при прохождении этого курса студенты должны познакомиться с действием различных социальных и интеллектуальных факторов, оказывающих влияние на историю. К сожалению, мы не имеем достаточных сведений, чтобы судить о методологической направленности этого курса.

Можно определенно отметить два новых момента в постановке высшего исторического образования в странах Африки: введение курсов по историографии и методологии исторической науки и большой интерес к историческому опыту СССР. В Национальном университете Лесото студенты слушают общий курс по историографии и методологии и курс "История современной России" /511, с. 206/, а в университетах Ганы – "Возвышение современной России и США" /36; 41/. В университете Браззавиля советский преподаватель профессор Т. Драмбян читал спецкурс по истории средневековой России, а конголезские ученые Т. Обенга и Д. Нгойе-Нгалла – курс под названием "Философия и история" /520, с. 30/. На историческом отделении Педагогического института Мали преподается курс, который в программе сформулирован следующим образом: "Русская революция 1917 г. и эволюция СССР до 1939 г.". В течение ряда лет (1972–1976) его читал автор настоящей работы.

Учебные планы и программы африканских университетов часто меняются, причем время, отводимое на изучение истории Африки, чаще всего увеличивается. Это хорошо видно на примере Национального университета Заира, где в 1976 г. программы были изменены в связи с отказом от бельгийской университетской традиции, ориентированной главным образом на получение широкого гуманитарного образования. Отныне в Заире историческое образование должно бы-

ло иметь профессиональный уклон и готовить будущих историков к педагогической работе. Обучение было продлено, и полный курс теперь составляет 5 лет. Показательным является соотношение времени, выделенного на изучение различных дисциплин: на историю Африки приходится 1305 учебных часов, на историю Заира — 880 часов и на историю других регионов мира (Европа, Азия, Америка) — 810 часов. Кроме того, подготовке будущего историка к научной работе отводится 300 часов (в том числе и на курс историографии), а вспомогательным историческим дисциплинам (археология, этнография) — 270 часов /346, с. 250/. Как видно, программа весьма обширна, причем здесь не указано время на изучение педагогики и методики преподавания, а также на практику в школах.

Изучив современное состояние постановки исторического образования в развивающихся странах Тропической Африки, можно сделать следующие выводы. Во-первых, эта проблема служит объектом идейной борьбы различных политических сил, стремящихся поставить обучение и воспитание молодого поколения под свой контроль. Во-вторых, в преподавании истории в средней и высшей школе, в программах и учебниках за годы независимости произошли серьезные прогрессивные изменения, хотя полное освобождение африканской истории от наследия колониализма все еще остается актуальной задачей будущего. Наконец, в-третьих, в школах и университетах Африки растет интерес учащихся и преподавателей к историческому опыту мирового социализма, достижениям советского народа в коммунистическом строительстве, в науке и культуре.

3. Африканская история и идейная борьба на международной арене

Роль и место истории в современной общественной жизни африканских стран нельзя понять без учета внешних факторов, влияющих на развитие историографии. Из них наиболее важным, постоянно усиливающимся является теория марксизма-ленинизма, воздействие которой обусловлено историческими победами реального социализма в экономическом и культурном строительстве, его достижениями на международной арене. Распространение в африканской науке передовых философских идей способствует "деколонизации", освобождению африканской истории от засилья буржуазной и мелкобуржуазной методологии, концепций афроцентризма и национализма, позитивизма и фактографии.

В общественной мысли африканских стран в 70-е годы сталкиваются две противоположные тенденции: наряду с ростом влияния передовой научной теории усиливается идейное проникновение и распространение модных ныне на Западе буржуазных и оппортунистических доктрин в более тонкой, чем раньше, "академической упаковке". Экспорт в развивающиеся страны Африки, Азии и Латинской Америки буржуазной идеологии и методологии является главным содержанием новейшей разновидности современного империализма

лизм — "культурного" империализма. Мощный пропагандистский аппарат стремится внедрить в массовое сознание буржуазную идеологию и культуру, чуждые народам системы ценностей и ориентаций, западный образ жизни. Объектом идеологического проникновения империализма являются все стороны общественной и культурной жизни, все научные дисциплины, но в первую очередь — мировоззренческие общественные науки — философия, социология, история.

Молодая африканская наука стала полем идейных сражений, где сталкиваются антагонистические философские системы — материализм и идеализм, диалектика и метафизика, методологический материализм и многофакторная теория. Передовые общественные силы, которым принадлежит будущее, ведут сложную и тяжелую борьбу против буржуазно-оппортунистических и консервативных группировок, получающих постоянную материальную и идейную поддержку империализма. Именно на местную буржуазию, обуржуазившуюся интеллигенцию и бюрократию, а также на традиционную феодальную верхушку и рассчитывает империализм, организуя и финансируя "экспорт" своей идеологии. Наибольшую активность в этом проявляют правящие круги бывших колониальных держав — Франции, Англии, Бельгии, в последние годы — и Португалии, а также США и ФРГ. Различного рода филантропические фонды монополий и государственных органы империалистических стран направляют усилия прежде всего на изменение политических воззрений и психологии общественных деятелей, ученых, студентов, технической интеллигенции, офицерства. В борьбе за умы африканцев применяется целый арсенал разнообразных форм и методов, но до сих пор главным каналом проникновения буржуазной идеологии является подготовка и переподготовка кадров, в частности специалистов по общественным дисциплинам, которые затем сами пропагандируют полученные знания, стереотипы и политические воззрения среди учащейся молодежи.

О том, что усилия буржуазных идеологов и политиков не остаются напрасными, свидетельствует высказывание журнала южноафриканских коммунистов в рецензии на книгу одного нигерийского экономиста, преподающего в университете Ифе: "Типичный продукт буржуазного университета, Огунсанво, как свидетельствует его книга, вколачивает сейчас в головы своих студентов в Ифе те же самые буржуазные идеи, которые раньше вдолбили в его собственную голову буржуазные преподаватели Лондонской школы экономики. Огунсанво — один из многотысячной армии африканских буржуазных интеллектуалов, пропагандистов антикоммунистической идеологии, рассеянных по всему Африканскому континенту" /99, 1975, № 60, с. 77/.

Действительно, подготовленные в капиталистических странах ученые, за небольшими исключениями, превращаются в верных пропагандистов западного образа жизни, буржуазной демократии и частного предпринимательства. Нельзя, впрочем, считать все проявления от-

кровенно реакционной идеологии "импортированными" из капиталистических стран, ведь в Африке имеется достаточно социальных и идейных предпосылок для самозарождения ретроградных политических воззрений и консервативных течений общественной мысли. Вместе с тем не вызывает сомнения тот факт, что заокеанские идеологи и пропагандисты экспортируют в широком масштабе свой залежалый товар в страны Африки, питая и стимулируя идеализм, крайний национализм, религию и антикоммунистические настроения.

Посылка за рубеж преподавателей, по мнению иностранных наблюдателей, — один из наиболее эффективных способов распространения идеологии и культуры своей страны. Показательны в этом отношении усилия правящих кругов Франции, которая посылает в развивающиеся страны больше специалистов, чем остальные капиталистические государства, причем приоритет отдается преподавателям средней и высшей школы. Так оказывается идеологическое воздействие на молодое поколение — самую динамичную категорию населения, которая завтра будет занимать руководящие позиции в политической, хозяйственной и культурной жизни своих стран. Конечно, учитывается и идейная незрелость молодежи, свойственное молодому возрасту стремление к самоопределению и поиску идеалов. Расчет делается на выходцев из привилегированных слоев населения, а также на карьеристские, беспринципные элементы, обманутые фальшивым блеском западной "массовой культуры". Проводя массированную идеологическую обработку молодежи, пропагандисты капиталистических стран надеются подготовить социальную опору неокolonизма, добиться расширенного воспроизводства буржуазного мировоззрения, привычек и предрассудков.

В середине 70-х годов французские преподаватели работали в 76 странах мира и их число превышало 23 тыс.; на их содержание ежегодно из бюджета тратилось около 1 млрд. фр. Наибольшее число этих преподавателей сосредоточено в странах Северной Африки (Марокко, Тунис, Алжир) и Тропической Африки (Сенегал, БСК, Мадагаскар, Камерун, Конго), в основном в бывших колониях, где официальным языком остался французский. Динамика изменения числа французских преподавателей в странах Африки прослеживается на конкретном примере Сенегала: здесь в первые годы после независимости их состав увеличился примерно на 25%, достигнув к 1968 г. внушительной цифры 1062 человека, затем в продолжение десяти лет это число почти не изменялось (на 1.1.1978 г. их было 1070 человек) /670, с. 239/. Даже в начале 80-х годов, несмотря на экономические трудности, Франция не снижает числа посылаемых в африканские страны преподавателей.

Автор специальной работы констатирует полный провал предпринятой правящими кругами Франции с большим пропагандистским шумом кампании "помощи" развивающимся странам Африки в подготовке местных кадров для средней и высшей школы; эта кампания получила название «formation des formateurs». Как свидетельству-

ют приводимые им данные, в высшей школе Сенегала африканизация кадров за последние десять лет не продвинулась ни на шаг. Даже в средней школе при нынешних темпах африканизации преподаватели-французы смогут быть заменены только к 2000 г. /670, с. 244-250/. Таким образом, прямая, "открытая" функция французских преподавателей в Африке - подготовка своей собственной замены потерпела неудачу; другая же их задача - распространение господствующей во Франции буржуазной идеологии и культуры не поддается статистическим измерениям и едва ли может быть признана безуспешной.

В этом же направлении действует и другой фактор: из 1 млн. французов, постоянно проживающих за рубежом, в странах Африки их насчитывается 300 тыс. /125, 1979, № 1/. При всей социальной и политической пестроте этого контингента, что нельзя не учитывать и в отношении преподавателей, присутствие и активная деятельность французов в африканских странах создают определенный благоприятный климат для распространения буржуазных стереотипов.

Отъезжающие в африканские страны специалисты предварительно получают основательную профессиональную подготовку; кроме того, им дается определенная идейно-политическая ориентация. Ежегодно в университетах Орлеана и Амьена краткосрочные курсы проходят около тысячи преподавателей, т.е. 40% новичков, причем среди них постоянно имеется одна-две группы историков и географов. Отъезжающие получают подробную информацию о соответствующих африканских странах (в частности знакомятся с этносоциологической характеристикой населения), слушают обзорные лекции по психологии и педагогике. Чиновники министерства по делам сотрудничества и приглашенные ученые-африканисты рассказывают отъезжающим о политическом и экономическом положении страны, куда они направляются, а также дают наставления по проведению различных мероприятий пропагандистского характера /112, 1973, № 47, с. 35-39/.

Среди направляемых в африканские страны преподавателей средней и высшей школы историки составляют небольшую долю, но их значение в идеологической деятельности гораздо выше их удельного веса. Читаемые ими лекции в вузах, уроки в средней школе политически ориентированы, тонко и осторожно пропагандируют западный образ жизни, преимущества буржуазной демократии, моральные ценности "общества потребления", подчеркивают гуманную цивилизаторскую миссию французской "помощи" развивающимся странам. Преподаваемая многими французами история носит тенденциозный характер, в ней замалчивается или прямо извращается прошлое отдельных народов, допускаются антикоммунистические и антисоветские выпады. Даже история страны пребывания излагается неполно, выборочно, с нарушением существующих официальных программ, что вызывало справедливый протест африканских историков.

Французская "помощь" странам Африки распределяется по преимуществу через различные ведомства министерства по делам сотрудничества, ранее называвшегося госсекретариатом по иностранным де-

96

лам, и по линии министерства по делам университетов. Кроме них, этой деятельностью занимаются другие учреждения: Организация по проведению научных и технических исследований в заморских странах (ОРСТОМ) и отдельные подразделения главного научно-исследовательского центра страны – Национального центра научных исследований.

В составе министерства по делам сотрудничества с 1963 г. функционирует специальный отдел – Университетская ассоциация содействия развитию образования и культуры в Африке и на Мадагаскаре (АЮДЕКАМ). Ее расходы превышают 25 млн. фр. в год; главное направление работы – методическая помощь в подготовке учебников, наглядных пособий и технических средств обучения для африканских школ. В частности, специалисты этой организации принимали участие во внедрении школьного телевидения в некоторых странах: Алжире, Мали, Нигере, Мадагаскаре, Чаде; успехи здесь, надо признать, весьма скромные /112, 1973, № 43/. При крайнем недостатке самых необходимых в школе предметов – тетрадей, учебников, ручек – телевизор в классе выглядит несколько странно, тем более что для его успешного функционирования необходимо иметь соответствующий дидактический материал. Поэтому большинство установленных в африканских школах телевизоров бездействует.

Университетская ассоциация выпустила несколько комплектов цветных диапозитивов по африканской истории, которые могут применяться не только на уроках в школе, но и на лекциях в университетах. Диапозитивы изданы по таким темам: "Археология и история Западной Африки", "Неолит Сахары", "Археология и история Тедгаоста", "Античная и средневековая Нубия", "Королевства Великих озер", "Средневековый Тунис", "Короли Абомея" и др. Пояснительный текст к этим комплектам, изданный в виде брошюр, написали французские буржуазные историки; к работе привлекались также авторы-африканцы, в частности эмигрант из Гвинеи И.Б. Каке. Кроме того, Университетская ассоциация совместно с "Радио Франс энтернациональ" издает фонотеку по африканской традиционной истории, представляющую собой серию записей на пластинках выступлений известных гриотов. Для африканских школ и научных учреждений выпускается специальный журнал "Решерш, педагожи э кюльтюр", один из номеров которого (№ 39 за 1979 г.) полностью посвящен истории Африки, проблемам ее изучения и преподавания.

Национальный центр научных исследований Франции – одно из крупнейших учреждений подобного типа в мире (в 1981 г. здесь работало более 22 тыс. сотрудников) – проявляет большой интерес к познанию природных богатств Африки. Кроме того, он финансировал работу 11 научных центров, лабораторий и групп, изучавших различные гуманитарные науки на африканском материале. Одни из этих учреждений расположены во Франции, другие же – на африканской земле; возглавляются они, как правило, крупными французскими учеными-африканистами. Назовем некоторые из

них: Лаборатория социальной антропологии (научный руководитель К. Леви-Стросс) ведет исследования в Камеруне, Верхней Вольте, Чаде; Центр антропологических исследований расположен в Сенегале; две научные группы изучают древнейшее население Сахары и Судана; другие две группы изучают лингвистику и литературу народов Центральной и Западной Африки; группа под руководством Ж. Дитерлен исследует религиозные феномены. Наконец, африканскую социологию изучает коллектив под руководством профессора Ж. Баландые, а профессор Ж. Руш занимается социологией африканского кино /112, 1973, № 46, с. 22/.

Во второй половине 70-х годов во французской африканистике происходит перераспределение ролей и на первый план выдвигаются два провинциальных учреждения – Центр по изучению Черной Африки в Бордо и Средиземноморский институт в г. Экс-ан-Прованс вблизи Марселя. Здесь разрабатываются главным образом актуальные проблемы новейшей истории стран Африканского континента, готовятся кадры историков, социологов, экономистов, политологов и юристов для развивающихся стран. Нельзя не отметить особого внимания к этим двум научным учреждениям государственных органов ожидающих от них обоснованных рекомендаций при проведении тех или иных дипломатических инициатив, а также определения перспектив и приоритетных целей в африканской политике Франции. Не удивительно, что научные центры в Бордо и Эксе лучше финансируются, чем чисто “академические” учреждения, их сотрудники регулярно выезжают в страны Северной и Тропической Африки как для проведения полевых изысканий, так и для чтения лекций, участия в конференциях и симпозиумах и т.п. Они поддерживают личные контакты с африканской интеллигенцией и оказывают на многих ее представителей серьезное идейное воздействие, способствуя таким образом распространению буржуазных концепций и доктрин.

Положение в Сенегале, где число преподавателей из бывшей метрополии не только не сокращается, а даже возрастает, не является исключительным; такая ситуация типична для многих африканских государств капиталистического пути развития. В Заире, несмотря на националистическую антиколониальную фразеологию, количество бельгийских преподавателей по-прежнему велико. По соглашению о культурной помощи на 1979/80 учебный год Бельгия обещала посылку в Заир 500 преподавателей средних общеобразовательных и технических школ, более 100 преподавателей университета, а также учебно-вспомогательный персонал, всего около 650 человек /130, 11.V.1979/.

В нигерийских университетах количество иностранных преподавателей, в большинстве своем англичан, в последние годы возросло и ожидается дальнейшее увеличение их числа в связи с организацией новых учебных заведений. Характерно, что в Нигерии, как и во многих других странах, иностранцы занимают высшие места в академической иерархии, примерно 80–85% – по подсчетам нигерийского автора. Например, в 1973/74 учебном году в должности

профессора, помощника профессора, директора и доцента было 229 иностранцев и только 178 нигерийцев /253, 165/. Даже в развивающейся по некапиталистическому пути Танзании в 1977/78 финансовом году работали 1789 иностранных преподавателей, расходы на которых составили внушительную сумму в 67,5 млн. шилл. /145, 1978, № 2, с. 8/.

Следует отметить, что английское правительство создает благоприятные материальные условия для тех ученых, которые выезжают на работу в Африку: значительные доплаты к жалованью, гарантии получения работы после возвращения; этими вопросами занимается специальное учреждение – Межуниверситетский совет в Лондоне. В последние годы активизировалось проникновение в Нигерию американцев. В мае 1977 г. Американский совет по образованию заслушал отчет специального комитета о расширении сотрудничества с нигерийскими университетами. Издаваемый специально для африканистов США журнал постоянно печатает статьи с призывами ехать на преподавательскую работу в африканские университеты /665, с. 29–31/.

Большой интерес представляют данные конкретно-социологического исследования по вопросу о роли иностранных специалистов в экономическом и культурном развитии, проведенного в пяти африканских странах – Бурунди, Дагомее, Нигере, Руанде и Того в начале 70-х годов. Было опрошено 211 иностранцев и 136 местных специалистов по весьма обширной программе. Итоги анкеты дают возможность заглянуть за кулисы империалистической "помощи", понять психологические и этические мотивы участия в ней отдельных специалистов /697, с. 15–16/. Анализ многочисленных данных позволяет сделать вывод о том, что многие специалисты западных стран заражены расистскими предрассудками о неспособности африканцев, сеют неверие в возможность быстрого развития африканских стран. Так, большинство опрошенных иностранцев (58%) считает, что Африка будет способна к быстрому развитию не раньше, чем через 50 лет; местные же специалисты смотрят с уверенностью в будущее – они предвидят такое развитие в ближайшие 10–20 лет. Не совпадают и оценки иностранного участия в этом развитии: если 87% местных кадров считают его важным и необходимым, то такого же мнения придерживается лишь треть иностранных специалистов, а примерно четвертая часть их считают сотрудничество бесполезным и ненужным.

Мнения опрошенных сошлись в одном: только многостороннее сотрудничество носит гуманный характер, а двусторонние соглашения, как правило между бывшими метрополиями и их колониями, обусловлены политическими и экономическими мотивами. Именно этим, видимо, объясняется тенденция в 70-е годы к развитию многосторонней "помощи" капиталистических держав, лучше скрывающей политические и идеологические интересы империализма.

Причинами маскировки объясняется также проникновение в Африку империалистических монополий не под своим прямым именем,

а под прикрытием разнообразных филантропических фондов. В последние десятилетия, как известно, эти учреждения, скрывающие свою деятельность за ширмой "гуманной благотворительности" /579/, проявили себя как важное идеологическое оружие империализма в развивающихся странах. Особого развития фонды достигли в США, где стали, по сути, главным инструментом американского неокOLONIALИЗМА в его попытках проникновения в Африку. Для этого применяются разнообразные формы и методы; одним из них является финансирование научных изысканий.

Фонды Форда, Карнеги и Рокфеллера давно уже финансируют проведение африканских исследований во многих американских университетах. Пионером можно считать Фонд Карнеги, за счет которого еще в 1948 г. стала выполняться первая в США программа изучения Африки в Северо-Западном университете (г. Эванстон) под руководством М. Херсковица. Спустя несколько лет Фонд Форда для тех же целей выделил Бостонскому университету 200 тыс. долл., а Северо-Западному - 235 тыс. долл. С 1954 г. Фонд Форда стал субсидировать поездки американских ученых в Африку для проведения полевых исследований, изучения языков, сбора этнографического и другого материала. Только на средства этого фонда до конца 1975 г. научные командировки совершили 350 человек, другими словами, почти все ведущие африканисты США /771, с. 68/. Одновременно этими фондами проводилась регулярная финансовая поддержка Международного африканского института в Лондоне, к работе которого стали привлекаться ученые африканских стран; всего он получил более полумиллиона долларов.

Однако затраты в самой Африке сулили американским монополиям больший пропагандистский и политический эффект. Это признали два руководителя африканских программ Фонда Форда, которые указывают, что из суммы в 164 млн. долл., израсходованной фондом в Африке, "на высшее образование пришлось львиная доля затрат по статье образование, а социальные науки пользовались особым вниманием" /771, с. 71/.

Начиная с 1960 г. американские фонды пожертвовали большие суммы научным и учебным заведениям многих стран Африки как с целью обучения специалистов в западных странах, так и для финансирования научных исследований на месте. Приоритет отдается социальным и гуманитарным наукам, позволяющим лучше познать общественный и идеологический климат страны, людей у кормила власти, чтобы направлять политическое развитие в выгодном для империалистов направлении. Только Фонд Форда регулярно финансирует несколько десятков африканских научных учреждений. Вот некоторые из них: университеты Ибадана, Ифе и Зарии в Нигерии, университеты в Гане, Замбии, Судане, БСК, Тунисе и Эфиопии (до 1975 г.), Фундаментальный институт Черной Африки в Сенегале. Щедро и, разумеется, небескорыстно субсидировались такие влиятельные научные центры, причастные к выработке политической линии в своих странах, как Нигерийский институт международных от-
100

ношений, Нигерийский институт социальных и экономических отношений, Институт экономического развития Университета Нигерии (г. Нсукка), Институт социальных, статистических и экономических исследований в Гане. Как видно из этого длинного списка, "гигант Африки", как образно называют Нигерию с ее большими людскими и природными ресурсами, привлекает особый интерес американского империализма.

Другая богатая страна Тропической Африки — Заир также пользуется значительным вниманием частных и государственных организаций США. До сих пор не забылся громкий политический скандал, вызванный разведывательными операциями военного ведомства США в Конго (Заире). В 1964 г. сухопутные силы финансировали проведение научных исследований по теме, которая, казалось бы, ничего общего не имеет с их прямыми функциями. Эта псевдонаучная, а по существу — шпионская, "проблема" была сформулирована следующим образом: "Колдовство, магия и другие психологические феномены и их воздействие на военные и партизанские действия в Конго". Влиятельный тогда сенатор Фулбрайт потребовал от Пентагона объяснений, на что ему было сказано, что эта тема весьма актуальна для американских военных, поскольку знание колдовства оказалось полезным англичанам во время подавления восстания Мау-Мау в Кении /768/. Позже место Пентагона в финансировании полунануальных-полуразведывательных проектов изысканий в Заире заняли филантропические фонды. Так, Фонд Форда предоставил субсидии Центру социально-политических исследований в Брюсселе для подготовки докторов наук из Заира, которые специализировались бы в области проблем экономического и социального развития своей страны /137, 1973, № 3, с. 451/.

Определенный интерес проявляют американские идеологи и к африканскому прошлому, хотя, как было указано выше, современная политика, экономика и культура Африки стоит в центре их внимания. Фонд Форда предоставил Ассоциации американских африканистов целевое пожертвование в 130 тыс. долл. для сбора и хранения устной исторической традиции, а Висконсинский университет получил государственную субсидию на изучение экономической истории Африки /771, с. 71/.

Одним из каналов проникновения буржуазной идеологии в страны Африки является распространение разнообразной учебной литературы. Американские филантропические фонды и университеты принимают участие в издании учебных пособий для африканских школ, преимущественно начальных, которые затем бесплатно распространяются в англоязычных странах континента: Нигерии, Либерии, Кении, Замбии. Кроме того, практикуется посылка учителей для работы непосредственно в школах, а также командируются педагоги-методисты для переподготовки учителей-африканцев /579, с. 92/.

В проведении пропагандистской деятельности в Африке продолжает участвовать, хотя и менее широко, чем прежде, пресловутый

"Корпус мира" — в 1973 г. он действовал в 25 африканских странах /102, 1973, № 2/. В некоторых странах действуют и другие добровольные организации: "Учителя для Восточной Африки" и "Африканские перекрестки".

Борьба против роста влияния на Африканском континенте мирового социализма, противодействие распространению передовой марксистской научной мысли, внедрение антикоммунистических и антисоветских настроений всегда оставались главными направлениями деятельности буржуазной африканистики США. Это вынуждены признавать отдельные американские ученые, постоянно подчеркивающие свою аполитичность и беспристрастие. Крупный историк, профессор Университета им. Джона Гопкинса (г. Балтимор), Ф. Кэртин прямо писал, что быстрый рост американской африканистики (в 1950 г. было всего 20 ученых, в 1970 г. — 1800 ученых) объясняется прежде всего политическими причинами. Он отмечал, что различные президенты, начиная с Джона Кеннеди, рассматривали Африку как плацдарм для борьбы против "мирового коммунизма" /682, с. 360/. Об этом же писал руководитель отделения афро-американских исследований в Канзасском университете Дж. Гордон, критикуя программы изучения Африки в США как не отвечающие интересам африканцев; по его мнению, их главная цель — удовлетворение эгоистичных интересов американцев /702, с. 111/.

Полевые исследования американских ученых в Африке, те, что не академическом жаргоне называются «area studies», вызывают растущую критику как в США, так и в самой Африке, признает профессор политических наук Индианского университета Г. Картер, бывшая в продолжение десяти лет директором программы африканских исследований в Северо-Западном университете. Не отрицая, что научное изучение Африканского континента служит в первую очередь интересам внешнеполитической экспансии США, она пытается парировать критику утверждением, что, мол, и другие страны поступают таким образом /674, с. 4/. Однако следует со всей определенностью сказать, что подобные утверждения справедливы только по отношению к империалистическим государствам Западной Европы.

Так же, как и в США, хотя и в ограниченных масштабах, монополии других стран прямо или под прикрытием филантропических фондов вдруг пускаются в "науку" и начинают тратить значительные суммы на проведение работ в области африканистики. В ФРГ, к удивлению многих, автомобильный концерн "Фольксваген" финансирует работу по составлению «Atlas Africanus», для чего необходимо изучение обширного статистического материала, его кодирование и обработка на электронно-вычислительной машине, составление дорогостоящих карт, схем и графиков /738, с. 109/.

Небезынтересной является и история научного фонда, учрежденного французской фирмой СКОА для изучения столь далекого от коммерции сюжета, как средневековая история великих империй Западного Судана. СКОА — крупнейшая торговая фирма Франции, глав

ным полем деятельности которой уже много десятилетий является Западная Африка. Летом 1974 г. фирма стала финансировать сбор устной исторической традиции о средневековых Гане и Мали. В опубликованной в фирменном журнале статье президент СКОА Ж.Нестеренко попытался объяснить, почему акционеры, несмотря на колебания и сомнения, решили часть прибыли выделить на развитие африканской науки. "Мы, на кого пала ответственность за экономику западного мира, — пишет президент, — мы уверены, что наше присутствие в странах 'третьего мира' может быть оправдано лишь тем, что мы приносим пользу, а для этого нужно лучшее взаимопонимание. Экономические отношения, которые мы установили, могут стать существенным элементом развития цивилизации и культуры. Почему мы решили вложить средства именно в область истории? Потому, что для наций — это их память, а значит — сознание, средство самопознания" /146, 1975, № 15, с. 2/.

В том же номере научный руководитель фонда, известный африканист Ж.Руш выдвигает теорию откупного "потлача", хорошо известного этнографам: чтобы общество нормально функционировало, надо часть богатств раздарить нуждающимся. Как видим, основатели фонда достаточно хорошо представляли себе роль и место истории в общественном сознании современной Африки. Способствовать развитию африканской истории значило, по их мнению, привлечь к фирме симпатии потенциальных клиентов, так интересующихся славными деяниями предков.

За первый год существования Фонд СКОА собрал более 170 тыс.фр., из которых почти 160 тыс. фр. были потрачены на подготовку и проведение научной конференции в Бамако в феврале 1975 г.; спустя год здесь же собралась вторая конференция, затраты на которую достигли 220 тыс. фр. Обе научные встречи были объединены единой проблематикой; собравшиеся ученые обсуждали вопрос об устных источниках по истории народов большой излучины Нигера в средние века. Своеобразие этих конференций, на которые приехали африканские историки из Мали, Сенегала, БСК, Нигера, Ганы, а также ученые Франции и некоторых других европейских стран, состояло в том, что на их заседания были приглашены известные гриоты, исполнявшие исторические сказания о Сундиате — основателе средневековой империи Мали. Записи устной традиции были изданы в 2-х томах в оригинале и в переводе, на французском языке; 2 других тома посвящены выступлениям участников конференций и развернувшимся дискуссиям /643/. В начале 1978 г. в столице Нигера г.Ниамей Фонд СКОА организовал третий научный симпозиум, обсуждавший историю государства Сонгай.

В 1979–1980 гг. фирма СКОА встретила с серьезными финансовыми затруднениями, что привело к резкому сокращению средств, выделяемых фонду. Есть основания предполагать, что в ближайшие несколько лет, учитывая неблагоприятную экономическую конъюнктуру, деятельность Фонда СКОА значительно сократится, если не

прекратится вовсе. Однако уже сейчас можно высказать ряд замечаний о первой попытке французской монополии, учитывавшей опыт американских фирм, использовать филантропический фонд для расширения своего влияния в Африке.

Прежде всего обращает на себя внимание проблематика исследований, менее политически актуальная, чем та, которую проводят американцы. Затем следует подчеркнуть двойственность и глубокую противоречивость деятельности Фонда СКОА. С одной стороны, нельзя, видимо, отрицать научные результаты финансируемых СКОА исследований. С другой же стороны, изучение прошлого Африки на средства частнокапиталистической фирмы, извлекающей миллиардные доходы за счет неэквивалентного торгового обмена и прямой эксплуатации африканцев, неизбежно влечет за собой определенные (и не малые) политические и идеологические издержки. Для ученых-африканистов принять участие в мероприятиях Фонда СКОА означало бы прямо или косвенно помогать ей прочнее укрепиться на африканской земле, способствовать в приобретении ею благопристойного вида и сеять иллюзии о бескорыстии заморских "культуртрегеров". Не удивительно, что многие ученые не признали возможным принять приглашения на конференции, проводимые Фондом СКОА.

"Культурный" неокOLONиализм применяет самые разнообразные формы и методы для воздействия на общественные науки в молодых странах Африки. Африканцы широко привлекаются к участию в работе научных обществ и в издаваемых ими журналах, приглашаются на постоянную или временную работу в университеты США и Западной Европы; нередко империалистическая пропаганда прибегает и к заигрыванию, лести, прямому подкупу отдельных политически беспринципных людей, становящихся затем распространителями буржуазного мировоззрения и западного образа жизни.

Французская академия знаний о заморских странах, Королевская академия подобного же профиля в Бельгии, Международный африканский институт в Лондоне избирают африканских ученых, и в первую очередь — историков, своими почетными членами и членами-корреспондентами. И хотя они не играют решающей роли в деятельности этих научных обществ и учреждений, тесное и постоянное общение с представителями буржуазной научной мысли не может, само собой разумеется, пройти бесследно для африканцев. Привлекаются к работе научных обществ и начинающие африканские историки; бельгийская академия, например, регулярно проводит открытые конкурсы на лучшую работу по африканской истории. Вопросы сформулированы таким образом, что ориентируют будущего автора на апологетику бельгийского колониального режима в странах Экваториальной Африки. На конкурс 1972 г. была выдвинута тема: "Методы распространения христианства в Центральной Африке между Берлинским конгрессом и началом первой мировой войны", в следующем году надо было написать историю развития одного из округов Конго в годы колониального режима /110, 1971, № 4, с. 680-682/.

В состав редколлегий журналов в Англии, Франции, США и других капиталистических странах все шире включаются африканцы, причем, как правило, это ученые консервативного или умеренно-либерального направлений. Как исключение и лишь на короткое время сюда попадают представители прогрессивной африканской науки. В редколлегию издаваемого Кембриджским университетом влиятельного в академическом мире журнала по африканской истории "Джорнэл оф Эфрикэн хистори" входят помимо таких видных западных ученых, как Я. Вансина, Д.Д. Фейдж, Ш. Маркс и К. Кокри-Видрович, историки-африканцы: Кваме Архин (Гана), Обаро Икиме (заведующий историческим отделением Ибаданского университета) и Тадэссе Тамрат (директор Института эфиопских исследований университета Аддис-Абебы). К этому следует добавить, что во всех журналах авторы-африканцы составляют весьма значительный процент.

Переманивание высококвалифицированных кадров из развивающихся стран, как известно, является одной из составных частей стратегии "культурного" неокOLONиализма. Африканская история, как и другие общественные науки, потеряла в 70-е годы ряд своих видных представителей, переехавших на работу в США и отчасти во Францию. По признанию профессора Ф. Кэртина, одним из главных источников пополнения кадров американской африканистики была "утечка умов" из Западной Европы и Африки. По его подсчетам, в 1969 г. примерно 80% профессоров африканской истории в американских университетах были выходцами из других стран; подобное же положение сложилось в литературоведении и языкознании /682, с. 361/.

Назовем фамилии наиболее видных представителей африканской науки, получивших работу в учебных заведениях США. Один из основоположников современной африканской историографии, К.О. Дике, после разгрома сепаратистского движения в Биафре, послан которого он был в Париже, нашел пристанище за океаном и стал профессором Гарвардского университета. В Мичиганском университете преподают известные ученые угандийцы А. Мазруи и Г. Узоигве, ганец М. Овусу. Некоторые африканцы достигли высокого положения в научной иерархии США: В. Ученду стал директором Центра африканских исследований Иллинойского университета, а на таком же посту в Калифорнийском университете много лет подвизается Б. Обичере, кстати сказать, один из наиболее рьяных пропагандистов американской буржуазной идеологии, совершающий частые вояжи в научные центры Кении, Нигерии, Ганы, Танзании и других африканских стран. Во Франции с 1979 г. директором Центра африканских исследований Высшей школы социальных наук работает молодой ученый из Заира Э. Мбоколо. Подобных фактов можно привести гораздо больше.

Западноевропейские и особенно более богатые американские университеты приглашают африканских ученых-обществоведов не

только на постоянную работу, но и на временное (учебный год или один семестр) чтение лекций или для научных исследований. В одном лишь Калифорнийском университете (Лос-Анджелес) в 1974/75 учебном году преподавали сенегальский историк и лингвист П. Диань и кенийский ученый Б. Огот, а краткосрочные стажировки проходили С.М. Сиссоко из Сенегала и О. Икиме из Нигерии. Кроме них для чтения лекций были приглашены директор Банка Ганы и руководитель педагогического отделения университета Зариа (Нигерия) /102, 1974, № 1/.

В своем стремлении восстановить в африканской истории утраченные позиции, воспрепятствовать ее дальнейшей "деколонизации", идеологические центры капиталистических стран используют, кроме прежних, и новые средства массовой информации – радио, кино и телевидение. Радиовещательные компании Би-би-си и "Радио Франс энтернациональ" неоднократно устраивали перед своими микрофонами различные дискуссии по проблемам истории Африки, а также выступления отдельных представителей африканской историографии. Еще в 1967 г. Британская радиовещательная корпорация передала на Африку серию выступлений английских историков-африканистов, среди которых можно назвать имена Д.Д. Фейджа, А. Уилкса, Д. Бирмингема, Дж. Хэнвика; был приглашен также кенийский ученый Б. Огот. Тексты выступлений были изданы в 1970 г. отдельной книгой под названием "Африка открывает свое прошлое" /658/.

В ином ключе была организована французским радио дискуссия об актуальных проблемах африканской истории, в которой участвовало более 20 африканских историков, этнографов и социологов. Среди поднятых тем были, например, такие: "Кто может писать африканскую историю?" и "Триоты как память Африканского континента". В обсуждении этих проблем приняли участие представители самых различных методологических школ и направлений французской африканистики, в том числе консервативный историк А. Брюн-свиг, ренегат Р. Гароди, проявляющий в последние годы особый интерес к африканской культуре, ученые-марксисты Ж. Сюрэ-Каналь и К. Кокри-Видрович; в целом же преобладали ученые умеренно-либерального направления. Среди африканцев выделялись Леопольд Сенгор, пытавшийся в ходе дискуссии подкрепить теорию "негритюда" аргументами, почерпнутыми из далекого исторического прошлого, известный историк-неотрадиционалист Амаду Ампате Ба и ученый либерального направления Ж. Ки-Зербо. Тексты шести радиодиспутов были опубликованы в 1975 г. под интригующим заглавием "Возможна ли история Африки?" /660/; предисловие к этому сборнику написал Л. Сенгор.

Организация крупнейшими радиокорпорациями Англии и Франции дискуссий об истории Африканского континента, разумеется, не была случайным событием. Она, во-первых, указывает на актуальность изучения прошлого народов бывших колоний, а, во-вторых, и это главное, свидетельствует о попытках внедрить в изучение истории

буржуазную методологию, обратившись непосредственно к многочисленной аудитории слушателей, не только интерпретируя отдельные события, но и намечая общий теоретический подход к африканскому прошлому в духе модных на Западе концепций неопозитивизма и буржуазного историзма. Организаторы этих дебатов, кроме того, пытались прямо и косвенно дискредитировать марксистскую методологию, обрушив на нее обвинения в субъективизме, односторонности, политической тенденциозности и т.д.

Французское радио и телевидение постоянно организуют передачи с участием африканских историков. Так, весной 1977 г. после завершения показа многосерийного фильма "Фашода" было устроено его обсуждение с участием Ж.Ки-Зербо, И.Б.Каке, суданского ученого И. Хамуда и двух политических деятелей — марокканского министра информации и посла Сенегала в Париже. В день этого мероприятия газета "Юманите" опубликовала статью под заголовком "Суд над колониализмом?", в которой говорилось, что показанный фильм не соответствует исторической правде; он представляет собой не что иное, как серию лубочных картин о "храбром французском колонизаторе" /128, 5.1У.1977/. Можно предположить, что подлинного суда над колониализмом французские телезрители в тот вечер не увидели. Об интересе французских средств массовой информации к истории Африки говорит и такой факт: в апреле 1980 г. по радиостанции "Франс-Культюр" в течение четырех вечеров передавалась встреча за "круглым столом" африканских и французских историков, посвященная работорговле и ее воздействию на политическое, экономическое и социальное развитие Африки /128, 22.1У. 1980/.

С целью извращения африканской истории империалистическая пропаганда все шире использует возможности кинематографа. Яркий пример дали американцы, организовавшие во многих африканских странах показ фильма "Корни". На этом следует остановиться подробнее, чтобы познакомиться с тем, как ловко американские пропагандисты используют факт наличия исторических связей значительной части населения США с их прародиной — Африкой. В феврале 1980 г. был официально объявлен в США месячник афро-американской истории; во время месячника как в США, так и за рубежом была развернута широкая пропагандистская кампания. Американские посольства в странах Африки устраивали разнообразные мероприятия — выставки, лекции, концерты, передачи по радио, помещали статьи в газетах, чтобы создать приукрашенное представление о положении негров в США, показать, что власти якобы проявляют заботу об их экономическом и культурном прогрессе, что в США нет расовой дискриминации и т.п.

В Гвинее при содействии министерства информации в главном вузе страны — Политехническом институте в течение пяти вечеров демонстрировался фильм "Корни", экранизация нашумевшего исторического романа-хроники Алекса Хэйли. Перед началом демонстрации выступил посол США, который много говорил об исторических

связях народов Африки и США. Правительственная газета "Хороья" уделила этому событию целую страницу, пересказав подробно содержание фильма /127, 9.Ш.1980/. Нельзя не признать, что американские пропагандисты добились определенного идеологического эффекта, обратившись к афро-американским историческим сюжетам. Несколько ранее роман Хэйли передавался на Африку радиостанцией Би-би-си, что, по мнению журнала "Орал хистори", было самым сенсационным событием 1977 г. /136, 1978, № 1/.

Для 70-х годов характерны две противоположные тенденции в современной африканской историографии: освобождение от господства буржуазных идейно-теоретических концепций и проникновение разработанных на Западе доктрин. Борьба за правдивое освещение прошлого Африки приобрела, таким образом, международный масштаб, стала составной частью борьбы идей в современном мире. В ведущих капиталистических странах — США, Англии и Франции — особый интерес к истории Африканского континента проявился в публикации многотомных сводных работ, призванных не только подвести итог научной работы западной африканистики, но и оказать прямое воздействие на развитие молодой африканской историографии. Именно с этой целью издатели и редакторы, привлекая африканских авторов, как правило, обращались к ученым умеренно-буржуазного направления. Выпуск ряда многотомных трудов в США, Англии и Франции можно рассматривать как попытку "торпедировать" или, во всяком случае, умалить общественный резонанс и научный эффект восьмитомной "Всеобщей истории Африки", которая издается ЮНЕСКО с участием широкого международного коллектива авторов.

Среди многотомных публикаций по истории Африки, вышедших или еще выходящих в капиталистических странах, назовем следующие: "Колониализм в Африке, 1870–1960" в 5 томах (Кембридж, 1969–1974), "Кембриджская история Африки" в 8 томах (издание начато в 1975 г.), "Оксфордская история Восточной Африки", "История Западной Африки" и "Всеобщая история Черной Африки" (все в 2-х томах); следует упомянуть также биографические справочники "Африканцы" (12 томов, Париж, 1977–1978) и "Энциклопедия Африкана" (20 томов, Нью-Йорк, издание начато в 1977 г.). К сожалению, эти обширные труды, отражающие в определенном смысле уровень современной мировой африканистики, не подверглись аргументированному критическому анализу советских ученых. Исключением является лишь 2-й том "Истории Западной Африки", обстоятельно разобранный в рецензии Н.Б. Кочаковой /94, 1976, № 6/. Следует поэтому подробнее ознакомиться с этими публикациями.

Гуверовский институт войны, революции и мира при Стэнфордском университете издал коллективный труд в пяти томах под общим заглавием "Колониализм в Африке, 1870–1960" /678/. Пожалуй, впервые один из наиболее известных в США центров антикоммунистической идеологии и советологии взялся за разработку сюжета из африканской истории, что свидетельствует об актуаль-

ности подобной проблематики с точки зрения буржуазных американских идеологов. Причем следует заметить, что речь в этом обширном труде идет не вообще об истории Африки; взят, по существу, лишь новейший, но насыщенный важными событиями и процессами отрезок африканской истории. В самом деле, 1870–1960 гг. — это период завершения колониального раздела континента, назревания сил протеста и освободительных революций. Общую редакцию издания осуществили американские африканисты П. Дэгнен и Л. Ганн, авторы книги "Бремя империи" (Нью-Йорк, 1967 и 1971), в которой они прямо утверждали, что колонизация Африки европейцами была "одним из наиболее эффективных двигателей распространения культуры, известных мировой истории". С тех же реакционных, неоколониалистских позиций они подходят к этой проблеме и в новом многотомном издании. Они признают, что главной целью их работы является "переоценка" последствий колониализма для будущего развития Африки /678, т. 5, с. 126/; в эпилоге ко 2-му тому они, ничтоже сумняшеся, утверждают, что приведенные в книге материалы якобы опровергают ленинские тезисы по колониальным проблемам /678, т. 2, с. 526/.

Авторами отдельных глав являются известные буржуазные африканисты США и Англии, а также группа французских ученых консервативного направления (А. Брюнсвиг, Р. Делавиньет, Ю. Дешан, Р. Корневэн); странным в такой компании кажется имя историка-марксиста К. Кокри-Видрович. Заключение к первым двум томам написали африканские историки Аде Аджайи и Аду Боахен (их позиции мы рассмотрим в главе 1У), но редакторы после заключения ко 2-му тому поместили еще и собственный "Эпилог", в котором попытались подвести итоги всего исследования со своих ретроградных идейных позиций. В целом детище Гуверовского института — это типичный образец неоколониалистской буржуазной историографии, выполняющей заказ монополий: обелить колониализм и оправдать неоколониализм, распространять буржуазную идеологию в respectable академической упаковке.

Более высоким научным уровнем и спокойным, внешне беспристрастным тоном отличается восьмитомная "Кембриджская история Африки" под общей редакцией старейшин английской африканистики Р. Оливера и Дж. Фейджа /672/. Издание еще не завершено (вышло пять томов, да и то не в хронологическом порядке), так что было бы преждевременным давать сейчас ему общую оценку. Тем не менее можно сказать, что книга страдает определенным англоцентризмом, и это видно при периодизации африканской истории: границей между 4 и 5 томами стал 1790 г., потому что с этого года начинаются первые успехи британского движения за прекращение работорговли и другие события, связанные с деятельностью англичан в Западной и Южной Африке /672, т. 5, с. 1/. Границей между будущими 7 и 8 томами взят 1942 г., видимо, потому, что тогда в Северной Африке происходили бои, которым буржуазная историография придает преувеличенное значение в ходе второй миро-

вой войны. Участие африканских историков в подобных многотомных изданиях в конце концов приводит к парадоксальным метаморфозам: они сами сползают на позиции европоцентризма, несмотря на то что десяток лет назад резко критиковали такой подход. Наблюдательный рецензент "Джорнел оф Эфрикен хистори" (1978, № 2) заметил, что во всем 5-м томе "Кембриджской истории" наиболее европоцентристской является глава, которую написали африканские историки Аде Аджайи и О. Олорунтимехин.

В отличие от названных изданий двухтомная "История Западной Африки" /276а/ является, по существу, коллективным плодом африканской национальной историографии и представляет шаг вперед в изучении прошлого Африканского континента. Вполне естественно, что эта книга получила положительную оценку в советской и прогрессивной зарубежной печати /94, 1976, № 6/.

Интерес к Африке вообще и ее прошлому в особенности вызвал публикацию ряда биографических исторических словарей. Два из них заслуживают нашего внимания, так как оба претендуют на осуществление задуманного много лет назад У. Дюбуа проекта издания Африканской энциклопедии.

В 1977 г. вышел из печати первый том двадцатитомной "Энциклопедия Африкана" /497/, подготовленной межафриканским советом, в состав которого вошли известные историки С. Биобаку (Нигерия), Ю. Хасан (Судан), Ндайвел Нзием (Заир), С. Киванука (Уганда) и И. Кимамбо (Танзания). Главным редактором и организатором всего издания стал ганский историк консервативного направления Л. Офосу-Аппиа. В первом томе помещены 146 биографий исторических деятелей Эфиопии и 138 – Ганы. Весь материал о первой стране был подготовлен до антимонархической, антифеодальной революции и, таким образом, безнадежно устарел. В материалах о Гане составители проявили свои политические симпатии тем, что в статье о Нкруме негативно охарактеризовали его политическую деятельность и идейные искания, зато много восторженных слов сказано по адресу генерала Котоки, одного из организаторов реакционного военного переворота в феврале 1966 г.; совсем мало сказано о таком замечательном ганском патриоте, как Банколе Авуно-Реннер.

Уже знакомство с первым томом публикуемой в Нью-Йорке африканской энциклопедии дает основание сомневаться в том, что именно о таком издании мечтал выдающийся афро-американский деятель. Наши сомнения подтверждает и содержание второго тома, вышедшего в 1979 г.

На реализацию планов У. Дюбуа претендуют и французские издатели биографической 12-томной серии под названием "Африканцы" /729/, опубликованной очень быстро – все тома вышли в течение двух лет – 1977-1978 гг. В предисловии к первому тому главный редактор, видный историк Ш.А. Жюльен приводит отрывок из адресованного ему письма У. Дюбуа от 17 апреля 1961 г., в ко-

тором последний делился с ним планом издания африканской энциклопедии. В этом письме речь шла об универсальной энциклопедии, охватывающей все стороны жизни африканцев, их прошлого и настоящего, а не только об африканском биографическом словаре /729, т. 1, с. 14/.

Перед нами же 121 жизнеописание выдающихся африканцев всех времен начиная от фараонов Аменофиса III и Эхнатона, Клеопатры и Ганнибала до Насера, Нкрумы, Лумумбы и А. Кабрала. Здесь представлены не только государственные мужи, но и деятели культуры, мыслители средневековья, писатели, артисты, как, например, Агуйей, Августин Блаженный, Аверроэс, Ибн Халдун или недавно скончавшаяся знаменитая египетская певица Ум Калтум. Калейдоскоп имен и судеб позволяет авторам через призму биографий отдельных людей показать богатство африканской истории, вклад цивилизации различных народов в мировую культуру. При отборе имен редакторы не были слишком строгими, причем нельзя не заметить некоторое преобладание представителей Северной Африки, что, видимо, диктовалось расчетами на сбыт словаря в арабских странах.

Все 12 томов словаря "Африканцы" богато иллюстрированы, выполнены с учетом новейшей специальной литературы, многие из биографических очерков написаны видными учеными на базе архивных источников, хотя статьи неравнозначны в научном отношении. Редакционная коллегия, в которую входили социалисты Ш. А. Жюльен и И. Персон, историк-марксист К. Кокри-Видрович, добилась того, что крайне консервативные оценки прогрессивных политических деятелей не попали на страницы издания, хотя пестрота идейных воззрений многочисленных авторов, обычная для подобного рода коллективных изданий капиталистических стран, не могла не отразиться на отдельных очерках. Выпущенный журнальным издательством "Жен Африк" биографический словарь "Африканцы" адресован в основном состоятельным слоям африканского общества и из-за своей высокой цены останется недоступным широкому кругу читателей. Это учитывают другие издательства, публикующие непритязательные книжки, которые в большом количестве поглощает африканский рынок.

Одним из таких многотомных биографических изданий является серия "Великие африканцы" в 33 книжках, которую выпускают совместно парижское издательство ABC и африканская фирма НЕА в Дакаре и Абиджане. Научное редактирование издания осуществляет И. Б. Каке, эмигрант из революционной Гвинеи, реакционные политические взгляды которого достаточно хорошо известны.

В издательской аннотации сказано, что "в Африке история — это прежде всего рассказ о жизни героев, создателей королевств и империй". Исходя из этого тезиса и был сделан выбор героев: рядом с именами тех, кто возглавил сопротивление европейской колонизации (Самори, Альфа Яя, Беханзин) или был носителем прогрессивных для своего времени тенденций строительства государственности (Аския Мохамед, Али Бер, Чака), мы встречаем имена коллабо-

рационалистов, феодалов или рабовладельцев, жестоко угнетавших своих подданных. Вот, например, вождь племени налу Дина Салифу, о котором сам автор, Т. Диалло, пишет, что он не был героем; единственное, что он сделал, это подписал с французами договор о протекторате /246/. Другой автор, Л. Каба, профессор Миннесотского университета в США, эмигрант из Гвинеи, в своей работе об основателе Сонгайской державы Али Бере легко скользит по поверхности политических событий, не пытается заглянуть глубже в общественное устройство этого государства, ограничивается некритическим пересказом известных суданских хроник /287/. В таком же стиле написаны и все остальные книжки серии.

В целом биографии серии "Великие африканцы" адресованы нетребовательному читателю и являются, по существу, историческим вариантом буржуазной "массовой культуры". Они тем не менее служат весьма эффективным средством распространения исторических знаний и представлений в условиях, когда подлинно научная литература остается недоступной для широких народных масс. Результатом этого является симбиоз донаучных и научных представлений в современной Африке, их сосуществование в архаическом общественном сознании. Все эти внутренние процессы осложняются, как мы видели, внешними факторами, которые обусловили борьбу двух тенденций — "деколонизации" и "реколонизации" (т.е. нового этапа колонизации) африканской истории. Несмотря на массированное проникновение в африканские общественные науки буржуазной идеологии и пропаганды, неоколониализм не смог остановить дальнейшего распространения передовой марксистско-ленинской теории, результатом чего явилось оформление в африканской исторической науке прогрессивного течения — историографии социалистической ориентации. Устои буржуазной методологии подрывают и ученые, придерживающиеся леворадикальных взглядов. Процесс дальнейшей деколонизации африканской науки продолжается.

Глава III

ИНФРАСТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ АФРИКАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

1. Понятие инфраструктуры исторической науки

Успешное функционирование любой современной науки, и в том числе – исторической, невозможно без существования широкой сети различных исследовательских учреждений, научных обществ и периодических изданий, без наличия национальных кадров ученых высокой квалификации. Эта совокупность материальных, организационных и людских ресурсов составляет внутреннюю структуру (инфраструктуру) науки, которая, как и сама наука, проходит длительный и сложный путь становления. Предметом истории исторической науки является не только раскрытие процесса развития исторического знания, его закономерностей и социальной обусловленности, но также изучение эволюции форм и методов организации научных исследований, жизни и деятельности отдельных ученых, анализ их трудов, идейно-политических воззрений и теоретических взглядов.

Возрастание роли “человеческого фактора” в современной науке, активная общественно-политическая деятельность африканских историков, обострение идейной борьбы в их среде в связи с новым этапом национальных революций, выдвинувших на первый план задачи социального освобождения, – все это требует лучшего знания политической и научной биографии ученых, проблематики и результативности их научной работы. Не может оставаться вне поля зрения историков науки, как справедливо пишет С.Р. Микулинский, “личность ученого, человеческий и социальный субстрат, на котором произрастает дерево науки, столь же неотделимой от него, как растение от почвы” /601, с. 22/.

Научоведческий подход к истории африканской исторической науки предполагает изучение эволюции всех элементов той сложной многоплановой системы, какой является инфраструктура, причем важнейшим из них всегда был человеческий компонент – живые люди, без которых инфраструктура мертва. Даже на ранних этапах научной истории, когда она вся заключалась в деятельности одного ученого (Татишев – в России, Вольтер – во Франции), роль имевшихся тогда несовершенных научных центров и обществ, с которыми основоположники национальных историографий поддерживали самую тесную связь, была значительной /653/. Тем более к середине XX в., когда сформировалась африканская историческая наука, научная деятельность давно перестала быть делом гениальных одиночек. Специфика науки истории, не требующей для своего сущест-

ования дорогой лабораторно-экспериментальной базы и других значительных материальных затрат, естественно, облегчила зарождение африканской историографии, однако ее ускоренное развитие в последние десятилетия было бы невозможным без разветвленной сети исследовательских центров и учреждений исторического профиля.

Влияние инфраструктуры на приращение научного знания многообразно и неоднозначно: развитая материально-организационная база и многочисленные кадры ученых, естественно, способствуют дальнейшему росту науки; слабая же инфраструктура приводит к стагнации науки, распылению материальных и людских ресурсов, переходу ученых в ненаучные сферы деятельности. В современной африканской науке инфраструктура является одним из важных каналов проникновения неокOLONIALИСТСКОЙ идеологии и буржуазных идеино-теоретических концепций. Путем финансирования и методического руководства африканскими научными центрами, посылки специалистов, через систему подготовки кадров и издание научных работ сохраняется влияние буржуазной историографии на молодую историческую науку стран Африки. Тем более, что относительная слабость инфраструктуры африканской науки делает неизбежным обращение за помощью к различным странам, в том числе к бывшим метрополиям.

Характерной особенностью инфраструктуры африканской исторической науки было ее возникновение ранее национальной историографии. Созданные колонизаторами научные центры и университеты долгое время служили опорными базами буржуазной науки метрополий на Африканском континенте, и только после достижения независимости начался сложный процесс их африканизации и приспособления к задачам национального развития. Первые африканские историки, как правило, были теснее связаны с научными учреждениями во Франции, Англии и Бельгии, где они получили профессиональное образование и написали свои научные работы, чем с центрами, расположенными в их собственных странах. Создалась, таким образом, парадоксальная ситуация – историческая наука возникла на иностранной почве, затем была перенесена на родную африканскую землю. Это не значит, конечно, что она не отражала опосредованно с самого первого дня своего рождения национальные чаяния африканцев.

Организационная структура африканской историографии специально не изучалась в работах советских авторов, посвященных научным исследованиям в развивающихся странах. Исключение составляет лишь статья Н.Б. Кочаковой /566, с. 84–154/, где довольно подробно рассмотрено развитие исторических исследований в Нигерии и Гане. В зарубежной африканистике этой теме посвящена работа бельгийского ученого М. Валрега /783/, которая хотя и содержит ценные сведения, но устарела.

Следует, наконец, отметить, что инфраструктуры любой науки характеризуются рядом количественных признаков, которые после их систематизации и расположения в хронологическом порядке позволяют увидеть динамику тех или иных составных частей инфра-

руктуры. Эти статистические данные, к сожалению, отрывочны и неполны, тем не менее они дают возможность сделать выводы о тенденциях развития. Разрозненные сведения об африканских центрах в области гуманитарных наук, о жизненном пути ученых и их научной деятельности почерпнуты в библиографических справочниках и словарях, малотиражных изданиях и неопубликованных документах, прессе и других источниках. В силу многочисленности и разнообразия этих материалов не всегда была возможность сослаться на них.

2. Организация изучения Африки в колониальную эпоху

При всей условности этого понятия в применении к доколониальной Африке можно, по-видимому, говорить о возникновении своеобразной, весьма примитивной, инфраструктуры донаучной истории. Мусульманские ученые центры в Западной Африке, позже — и в прибрежных районах Восточной Африки, школы по подготовке профессиональных сказителей исторической традиции, выработанные на протяжении веков способы фиксации исторических сведений, приемы их передачи от поколения к поколению, — все это свидетельствует в пользу такого утверждения.

От рассказчика устных исторических традиций требовалось знание многочисленных эпических легенд, умение донести события прошлого до своих слушателей, потрясти их воображение эмоциональным повествованием о подвигах предков. Гриоты должны были без запинки перечислять длиннейшие генеалогические списки правящих династий или многочисленных предков вождя. Д. Вестерман встречал в Конго сказителя народа холохоло, который мог на память назвать 9 поколений правящей династии; гриот из Гамбии мог перечислить 70 имен вождей с указанием места рождения, а другой гриот, в Того, знал генеалогическое дерево своего рода, состоящего из 5 поколений и 150 человек /750, с. 65/.

Естественно, что народный сказитель обучался своему ремеслу в продолжение многих лет. Если учесть, что полный вариант исторического сказания о Сундиате у мандингов Западной Африки длится более 30 часов и что у гриота нет никаких записей, станет понятным необходимость его длительной подготовки с целью усвоения всего свода традиционной истории, овладения техникой рассказа и музыкального сопровождения. Действительно, будущие гриоты с детских лет познавали секреты мастерства у опытных сказителей в селениях Кангаба и Кейла, где существовали хорошо организованные школы, которые современный американский ученый Ч. Бёрд с полным основанием назвал "неформальными академиями" /724, с. 156-157/. Следует добавить, что подобные центры традиционной истории имелись и в других районах Тропической Африки.

Колониальное завоевание прервало естественный, хотя и крайне замедленный, ход развития научных знаний в странах Тропической Африки. Европейские колонизаторы после того как разгромили африканцев силой оружия, стремились нанести им идеологическое и психологическое поражение, сломить дух сопротивления. Морально-го разоружения местного населения можно было достичь, по мысли колонизаторов, лишив африканцев памяти о прошлом, перечеркнув их культурные ценности и моральные достоинства. Именно эту попытку разорвать преемственную связь времен и поколений современные нигерийские ученые А.Аджайи и Э.Алагоа считают наиболее разрушительной чертой европейской колонизации /181, с. 127/.

Вместе с тем успешное освоение захваченных территорий, эффективная эксплуатация их природных и людских ресурсов требовали хорошего знания местных условий, поэтому со временем в Африке начинается проведение геолого-географических, биологических и медицинских исследований. Колониальной администрации, чтобы управлять завоеванными народами и найти в африканском обществе такие социальные силы, на которые можно было бы опереться, нужно было знать языки, обычаи и верования, иметь некоторые сведения по их истории и этнографии. Эту задачу призвана была решать этнографическая наука, или, как она называлась в англо-саксонских странах, социальная антропология /577, с. 9; 633, с. 4-5/.

Наиболее дальновидные колониальные администраторы не только способствовали организации различных научных экспедиций, но и сами активно изучали быт, языки, историю подвластного населения. Примером подобного отношения может служить деятельность Ф. Лугарда в английских колониях, Л. Федерба и М. Делафосса - во французских владениях Западной Африки. Все научные исследования того времени, как справедливо подчеркивает современный сенегальский историк А. Батили, имели непосредственное прикладное значение: наука становилась служанкой колониальной администрации /129, 25.У.1974/. Совершенно естественно поэтому, что в штаты некоторых колониальных управлений, прежде всего - английских, была введена должность правительственного антрополога. Первым из них стал еще в 1909 г. Н. Томас в Южной Нигерии /407, с. 199-200/. Изучением африканских народов занимались и другие колониальные чиновники, оставившие многочисленные подробные описания различных аспектов жизни африканцев. Научная ценность таких отчетов различна; многие из них, проникнутые расистскими идеями и непониманием наблюдаемых явлений, поражают глубокой ошибочностью заключений; они стали "отравленным подарком" колониальной администрации будущим африканским историкам /113, 1979, № 2, с. 11/.

Вместе с тем следует со всей определенностью отвергнуть нигилистический тезис, содержащийся в работах авторов националистического и левацкого толка, в которых полностью отрицается положительный опыт европейской науки в изучении прошлого и настоящего африканских народов. Использование колонизаторами данных

этнографии, как и других наук, отражает двойственность положения науки в капиталистическом обществе. Примером бескорыстного и дружественного отношения к африканцам является изучение Африки в дореволюционной России /560/.

От эпизодических экспедиций, снаряжаемых большей частью в метрополии, колониальные власти постепенно переходят к созданию постоянных научных опорных пунктов на африканской земле. Первыми были французы – в январе 1907 г. в Дакаре основано Географическое общество Французской Западной Африки (ФЗА), главной задачей которого, как отмечалось в его уставе, была "помощь в распространении французского влияния на столь обширной и малоизвестной территории" /27/. Несмотря на приветственную телеграмму министра колоний, поддержавшего инициативу дакарцев и обещавшего помощь в изучении, как он выразился, "политической географии" Африки, общество влачило жалкое существование в связи с полным отсутствием средств на проведение научной работы, и его деятельность вскоре заглохла.

Неудачу потерпела и другая попытка организации научного центра – накануне мировой войны школьный инспектор Арди, человек любознательный и беспокойный, представил генерал-губернатору подробный проект создания Научного института ФЗА с целью централизовать и координировать проводимые совершенно стихийно научные изыскания. Заметим, кстати, что к этому времени в некоторых районах ФЗА велись археологические раскопки: в 1911 г. в гроте Колона возле Конакри /25/; в марте 1914 г. А. Боннель де Мезьер начал разведку в районе Кумби-Сале /46/. Чуть раньше им же были приобретены в Томбукту арабские рукописи, вызвавшие большой интерес ученых; проводились и научные изыскания в различных областях естественных наук. Совершенно справедливо Арди предлагал внести организующее начало в эту стихийную деятельность и оказать ученым-энтузиастам материальную помощь. На его проекте рукой генерал-губернатора нанесена резолюция: "Отказать по причине полного отсутствия бюджетных средств" /23/. Тем не менее настоятельная необходимость организации научных исследований на этой обширной территории становилась очевидной и для французской колониальной администрации.

Только в декабре 1915 г. генерал-губернатор Ф. Клозель подписал циркуляр о создании Комитета исторических и научных исследований (КИНИ) ФЗА, в котором говорилось: "Хорошо знать историю, этнографию, физическую географию и естественную историю страны исключительно полезно для хорошей организации и успешного управления этой страной. Независимо от их научного интереса, исследования должны дать значительные практические результаты". Далее отмечалось, что создание такого научного учреждения продолжает традицию, начало которой положила деятельность Бонапарта в Египте и цивилизаторская миссия колониальной администрации в Морее (так французы называли греческие Ионические острова,

оккупированные ими в конце ХУШ в.), Алжире, Марокко, на Мадагаскаре /18/.

Внутренняя структура КИНИ была столь громоздкой, что это научное учреждение скорее напоминало общество любителей, чем подлинный центр профессиональной науки. Членами КИНИ, согласно губернаторскому циркуляру, были назначены 315 человек – французские чиновники, офицеры колониальной армии, коммерсанты, а также несколько известных ученых-африканистов. Местных жителей-африканцев было всего лишь трое, да и то неполноправных – в звании членов-корреспондентов КИНИ. Это были переводчик и известный в истории проводник французских военных отрядов в Западной Африке мулат Дюпюи-Якуба, переводчик Этьен Ндьей и традиционный вождь, или, как он официально именовался, король района Корхого (из Берега Слоновой Кости) по имени Гоон Кулибали.

В телеграмме от 18.II.1916 г. министр колоний одобрил инициативу Клозеля и предложил в качестве первоочередного задания собрать все изданное о народах Западной Африки в единый том, чтобы иметь справочник, необходимый чиновникам колониальной администрации. Что же касается кредитов на исследования, то министр был категоричен: денег нет, вопрос об этом можно будет поднять только после окончания войны /18/. И действительно, после нескольких безуспешных попыток наладить научно-исследовательскую работу КИНИ сосредоточил свою деятельность на публикации результатов работ тех ученых, которые на свой страх и риск продолжали изучение народов и природы Западной Африки. Как пишет первый историограф КИНИ А. Юбер, в области истории в изданиях КИНИ главное внимание уделялось древнейшим периодам, а также деятельности французских губернаторов в Сенегале в XIX в., причем авторами выступали, как правило, французские африканисты – Боннель де Мезьер, Делафосс, Гайяр, Видаль, Монтейль /19/.

КИНИ издал в 1916 и 1917 гг. два "Ежегодника" работ своих членов; в них помещено большое число научных статей, представлявших определенную ценность при изучении агрономии, зоологии, геологии и минералогии стран Западной Африки, а также языкознания, археологии и этнографии. В первом выпуске в разделе "Этнография и фольклор" внимание привлекает статья единственного африканского автора Абдулая Кане, переводчика в Тивуане, под заголовком "История и происхождение некоторых родов Фута-Торо". В ней приводятся традиционные повествования о переселениях и взаимоотношениях отдельных феодальных семей фульбе центрального нагорья Сенегала. Для мировоззрения автора характерна заключительная фраза: "Только благодаря французской оккупации прекратились гражданские войны и беспорядки, которые свирепствовали прежде в этом районе" /297, с. 343/.

С 1918 г. в продолжение двадцати лет КИНИ издавал ежеквартальный "Бюллетень", где африканцы по-прежнему были крайне редкими гостями. Только в 1919 г. опубликована небольшая этногра-

фическая заметка Мапате Дианя, а в номере за 1921 г. статья о сыне Самори, автор которой Бендауд Мадемба – один из участников героического сопротивления колониальным захватам. Подытоживая деятельность КИНИ за два десятилетия, можно констатировать, что его роль как организатора научных исследований была близкой к нулю; польза, которую он принес науке, состояла в обнародовании результатов того, что делали отдельные ученые, лишь изредка получавшие государственную помощь. Несмотря на циркуляр генерал-губернатора ФЗА от 20.III.1930 г. об организации местных комитетов исторических и научных исследований в каждой колонии (в 1930 – начале 1931 г. они формально были созданы в Гвинее, Французском Судане, Сенегале, БСК /18/), влияние КИНИ ограничивалось лишь территорией, прилегающей к столице ФЗА Дакару. К середине 30-х годов и в Париже и в Дакаре стала ясной необходимость серьезных изменений в области проведения научных изысканий.

Иной была ситуация во французских владениях Экваториальной Африки – Конго, Чаде, Габоне, Убанги-Шари (ныне – ЦАР). Здесь в области образования и науки совершенно ничего не делалось. В пространном отчете (104 с.) министерству колоний генерал-губернатор этого обширного края писал в 1936 г., что начальные школы посещают менее 16 тыс. из общего числа 500 тыс. детей школьного возраста. Катастрофическое положение народного просвещения во вверенном ему крае генерал-губернатор Рест аргументировал тем, что во всей Французской Экваториальной Африке нет ни одного учителя местного происхождения (в то время как в ФЗА и на Мадагаскаре их большинство), нет ни одного врача, ни одной акушерки, ни одного ветеринара или агронома-африканца /22/. Эмоции Реста были столь велики, что все эти фразы в тексте он подчеркнул, а в конце поставил восклицательный знак. Понятно, что в этой части французской колониальной империи ничего не было сделано для развития научных исследований вплоть до достижения независимости.

В 1936–1937 гг. министр колоний правительства Народного фронта социалист М. Муте попытался активизировать изучение природных ресурсов и населения колониальных территорий, считая одной из главных задач своего ведомства "познание страны и людей с целью добиться лучшей отдачи", понимая под несколько туманным словом "отдача" (или "эффективность" – *rendement*) повышение уровня эксплуатации. В своем отчете за первый год работы он перечисляет мероприятия, организованные министерством колоний для изучения африканских стран: была послана этнографическая экспедиция Гриоля в Камерун, проф. Грювель должен был изучать рыболовство в Африке, губернаторы колоний обязаны были провести активное исследование политической роли ислама; наконец, в сентябре 1937 г. был создан Комитет по изучению обычного права жителей Черной Африки /20/.

В речи по радио (это, между прочим, первый случай прямого обращения к жителям колоний и начало применения новой техники в пропагандистских целях) Муте долго распространялся о цивилизаторской миссии французской колонизации; один из главных ее принципов — "знание местных обычаев и права, обусловленное нашим пониманием колонизации как официального долга и акта братской солидарности". По словам Муте, работа создаваемого комитета, состоящего из социологов, юристов и этнографов, будет прямо касаться 20 миллионов жителей африканских колоний и Мадагаскара. Конец радиовыступления министра звучал патетически: "Житель африканской или мальгашской глубинки, как и обычный гражданин европейской Франции, обладает правом иметь судей, знающих его прошлое и его личность, и у него есть право на нашу юридическую науку и на основные гарантии нашей судебной процедуры в том социальном развитии, в которое он вступил вместе с нами" /21/. Несмотря на всю эту риторику и, по-видимому, добрые намерения, многие предложения Муте носили характер прожектерства и после распада правительства Народного фронта были забыты.

Только одно научное учреждение колониальных времен, основанное в середине 30-х годов, пережило своих создателей и стало тем каркасом, на котором позже стала строиться инфраструктура новой африканской науки. Это учреждение — Французский институт Черной Африки в Дакаре (ИФАН), созданный в 1936 г. на базе Комитета исторических и научных исследований. Год спустя он начал функционировать в составе семи сотрудников во главе с молодым ученым Теодором Моно, ставшим впоследствии выдающимся африканистом Франции. Основной задачей ИФАН было комплексное изучение природных ресурсов, истории, археологии, этнографии и языков народов Западной Африки. Создание подобного научного учреждения, бесспорно, было значительным шагом вперед в деле научного познания Африканского континента. Вместе с тем, как справедливо указывал гвинейский ученый Мамаду Траоре (Рэй Отра), деятельность института не могла не отражать общего колониального контекста: колониальная идеология оказывала серьезное влияние на многих его сотрудников, в особенности тех, кто занимался социальными науками. Что касается изучения истории африканских народов, то новейший ее период с его антиколониальной борьбой совершенно игнорировался /418, с. 11/.

В отчете о работе ИФАН за 1938–1939 гг. (только он один сохранился в архивах бывшего министерства колоний Франции) Моно жаловался на свою перегруженность административными делами и малочисленность персонала: для научной работы в ИФАН, которому подчинялись также публичная библиотека Сенегала и государственный архив, были временно командированы лишь два чиновника, интересующиеся наукой, остальной штат состоял из писаря, машинистки и сторожа. Далее Моно информировал о проводимой работе: готовятся к публикации новый периодический журнал и серия мо-

нографий, начат сбор музейных экспонатов, состоялись выступления научных сотрудников перед студентами педагогического училища им. В. Понти. В доказательство вывода о том, что процесс становления нового научного центра продвигается успешно, Моно приводит впечатляющий список своих научных работ в области биологии, геологии и археологии Сахары /24/.

В годы второй мировой войны научная работа института была резко сокращена, и только после освобождения Франции началось оживление в его деятельности. Важным событием было создание в 1944 г. филиалов ИФАН во всех колониях Французской Западной Африки, а также в Камеруне и Того, что способствовало развитию исследований на местах. В штаты отделений ИФАН зачисляются первые африканцы, правда, еще на должности вспомогательного персонала. Это были Бернар Дадье, Амаду Ампате Ба, Мамби Сидибэ, Бубу Хама, Мамаду Мадейра Кейта, ставшие затем видными общественными и научными деятелями. В целом же дискриминация ученых-африканцев продолжается. Если в бюллетене ИФАН изредка появляются небольшие, по преимуществу этнографические, заметки африканских авторов, то монографические работы публикуют одни французы.

Это явление, впрочем, было характерным для всей французской буржуазной африканистики. Так, в авторском составе такого влиятельного научного органа, как основанный в 1931 г. журнал Общества африканистов, только спустя 10 лет появляются первые африканцы. Это И.М. Уан и Х. Тараоре, авторы маленьких этнографических заметок, затем, в 1943-1944 гг., печатаются статьи Л. Сенгора по африканской лингвистике /667/. Что касается изданий ИФАН, то в его монографической серии лишь в 1953 г. выходит первая книга двух дагомейцев, историков-любителей А. Акинделе и С. Агесси — "Вклад в изучение древнего королевства Порто-Ново". По существу, это было единственное издание ИФАН колониального периода, написанное африканцами.

Более активной была публикаторская деятельность начавшего выходить в Париже журнала "Презанс африкен" (позже под тем же названием было основано книжное издательство), вокруг которого группировалась прогрессивная интеллигенция из французских колоний в Африке. Не будучи научно-исследовательским учреждением, "Презанс африкен" сыграл значительную роль в формировании кадров ученых и основных концепций национальной историографии стран Тропической Африки. Именно в этом издательстве во второй половине 50-х годов вышли в свет труды первых профессиональных историков Ш.А. Диопа, Абдулая Ли, Ж. Ки-Зербо, ознаменовавшие рождение современной исторической науки в странах Западной Африки.

В английских колониях Западной Африки в отличие от французских центрами научных исследований стали университеты. Вопрос об организации системы высшего образования ставился еще в конце XIX в. первыми африканскими просветителями, но только после

окончания второй мировой войны колониальные власти переходят от назначения различных комиссий и бесконечных обсуждений разнообразных проектов к практическим действиям. В январе 1948 г. первый университетский колледж Нигерии открыл свои двери в Ибадане. Новое учебное заведение создавалось по образцу и подобию Лондонского университета; его устав, организационная структура, учебные планы и программы — все носило на себе печать «Made in Britain». Это признавал один из активных деятелей университетского образования в африканских колониях Англии Э. Эшби в серии лекций в Гарвардском университете /661/. Примерно на тех же принципах действовал университетский колледж Макерере в Кампале, основанный еще в 1943 г. На одном из юбилеев колледжа А. Аджайи высоко оценил его деятельность по распространению образования и науки в странах Восточной Африки /174, с. 3-4/. Позже при Макерере был открыт Восточноафриканский институт социальных исследований, частично изучавший и проблемы африканской истории. В Бельгийском Конго верхушка католической церкви учредила в 1954 г. университет Лованиум вблизи Леопольдвилья (ныне — Киншаса) главным образом для подготовки священников из местного населения.

Постепенное развитие университетского образования в странах Тропической Африки после второй мировой войны иллюстрируют следующие данные: в 1945 г. на территории Африки между 20° северной широты и 20° южной широты, что примерно соответствует региону Тропической Африки, не было ни одного университета, в 1950 г. их стало пять, через пять лет их число увеличилось вдвое; в 1960 г. было 17 университетов, а в 1962 г. — уже 26 /692, с. 861/.

При университетах создаются специализированные исследовательские учреждения — школы или институты африканских исследований, в которых сосредоточивается основная работа по изучению широкого круга проблем истории, этнографии, языкознания, религии, искусства африканских народов. Как и во французских колониях, здесь работают главным образом ученые из метрополии, местные же кадры привлекаются лишь для выполнения вспомогательной работы. Возникающие на Африканском континенте научно-исследовательские центры обслуживали прежде всего потребности буржуазной науки в странах-метрополиях: здесь прошли продолжительную научную подготовку и провели полевые исследования многие видные представители африканистики Англии, Франции, Бельгии, Португалии. Так, например, подлинной кузницей кадров французской африканистики стал ИФАН, где в течение продолжительного времени работали Т. Моно, Р. Мони, В. Монтей, Б. Олас, Ж. Руш, И. Персон. То же самое можно сказать об университетах Нигерии и Ганы.

Особенностью организационной структуры формировавшейся исторической науки в британских колониях Западной Африки было наличие исторических обществ, которые являлись связующим звеном между официальными учреждениями и широкими кругами историков—

любителей. Их появление объясняется возросшим интересом африканской интеллигенции к историческому прошлому в условиях нарастания национально-освободительного движения. Кроме того, узкая профессионализация исторических исследований грозила оторвать национальную историографию от животрепещущих проблем общественного развития.

О деятельности Общества историков Ганы дает представление рассказ И.И. Потехина, посетившего одно из его заседаний в октябре 1957 г. Основанное пятью годами ранее, оно объединяло не только преподавателей истории университетского колледжа Легона и учителей школ, но и многочисленных представителей местной интеллигенции, историков-любителей. Председателем был известный английский историк Дж. Фейдж, 10 лет преподававший в Гане. Материалы ежегодных научных конференций публиковались в "Трудах Общества". И.И. Потехин отмечает, что здесь было напечатано немало интересных статей и сообщений, но проблемы истории национально-освободительного движения не нашли никакого отражения /618, с. 49/.

Формирование современной организационной структуры африканской исторической науки шло весьма неравномерно. Быстрее развивались научные знания в странах Западной Африки, что связано с более высоким социально-экономическим уровнем и значительным размахом национально-освободительной борьбы. В странах же Центральной и Восточной Африки историческая наука и ее исследовательские центры росли крайне медленно, и это отставание ощущается до сих пор.

В таком обширном регионе в колониальный период активную исследовательскую работу проводили только три научных центра. Первый из них — музей в Найроби (Кения), основанный на частные средства еще в 1931 г. Его деятельность получила широкое международное признание благодаря археологическим открытиям видного ученого Луиса Лики, для которого Африка стала второй родиной. Научный центр в Найроби специализировался по проблемам антропологии и ранней истории Африканского континента. Другим научным центром был университет Лованиум в Бельгийском Конго, где преподавательскую и научную деятельность вели католические священники. Так, на словесном отделении историю ряд лет преподавал крупный ученый каноник Л. Жадэн, имевший ученые степени бакалавра канонического права и доктора теологии. Господство клерикальной идеологии в университете, естественно, определяло главные направления исследовательской работы: изучение цивилизаторской деятельности католической церкви в бассейне Конго и разработка отдельных проблем этнографии и религии африканских народов. В британских колониях Центральной Африки в 1937 г. был учрежден институт Родса — Ливингстона, где на протяжении первых лет велись только этнографические и социологические исследования; историк в штате учреждения появился лишь в 1950 г. /101, 1977, № 24, с. 297/.

Таким образом, ко времени освобождения от колониального господства в странах Тропической Африки сформировался и функционировал ряд научных центров, вокруг которых объединились первые профессиональные африканские историки. Созданные колониальной администрацией в целях укрепления политического и идеологического господства, имевшие первоначально узко прикладной характер, эти центры после достижения независимости были реорганизованы и стали элементами инфраструктуры национальной африканской историографии. В конце 50-х – начале 60-х годов завершился процесс институционализации исторической науки, ее профессионализации и создания национальных кадров исследователей, которые постепенно заменяют европейских ученых.

3. Инфраструктура современной историографии

За два десятилетия независимости национальная историческая наука стран Африки к югу от Сахары окрепла организационно и материально: теперь почти во всех странах имеются научно-исследовательские центры исторического профиля и высшие учебные заведения, в которых готовятся кадры историков. Оставшаяся в наследство от колониализма научная структура подверглась перестройке и была приведена в соответствие с задачами национального развития. Процесс этот, естественно, был длительным и сложным; он тормозился тяжелым финансово-экономическим положением молодых государств, сопротивлением со стороны проимпериалистических сил, нехваткой национальных кадров, отсутствием опыта руководства научными исследованиями.

Институционализация исторической науки и африканизация ее кадров более решительно осуществлялись в странах, избравших путь некапиталистического развития, – Гане и Мали (до военных переворотов 1966 и 1968 гг.), Гвинее, Конго, Танзании, а в последние годы – Анголе, Мозамбике, Бенине. В странах капиталистической ориентации – Нигерии, Сенегале, БСК, Заире, Кении и некоторых других – "деколонизация" инфраструктуры, как и всей исторической науки в целом, затянулась на многие годы. Национальные по форме научно-исследовательские учреждения остаются в определенной степени связанными с наукой бывших метрополий – в отношении идейно-теоретического содержания проводимых исследований, их финансирования и публикации результатов, обеспечения кадрами специалистов.

Только в 70-е годы развивается многостороннее научное сотрудничество в деле изучения африканского прошлого и возникают региональные исследовательские учреждения. Важным инструментом развития национальной историографии становится Ассоциация африканских историков. Несмотря на указанные трудности, к началу 80-х годов благодаря развитию инфраструктуры и упорному труду ученых историческая наука стран Тропической Африки смогла занять достойное место в мировой историографии, покончив с моно-

полей западной буржуазной науки в изучении прошлого, африканских народов.

В Сенегале находится ИФАН, который занимает одно из первых мест среди научных учреждений Тропической Африки; после достижения независимости Французский институт Черной Африки был переименован в Фундаментальный институт Черной Африки (таким образом, сохранилось старое сокращенное название). В марте 1959 г. от него отделились все территориальные филиалы, а сам он был присоединен к Дакарскому университету в качестве автономного научно-исследовательского подразделения. С тех пор руководство его деятельностью перешло к правительству независимого Сенегала.

В настоящее время работа ИФАН регламентируется декретом президента Сенгора от 30 апреля 1973 г. /419, с. 13/. В первой статье декрета определяются задачи, стоящие перед институтом: вести научное изучение Черной Африки вообще и Западной в особенности, обеспечить публикацию и распространение результатов научной работы, собирать в музеях, архивах и библиотеках научные коллекции и различную документацию, участвовать в культурном возрождении Африки и в африканизации программ обучения. В составе института 4 отделения, изучающие природные ресурсы страны, и 10 отделений по общественным и гуманитарным наукам. Всего в ИФАН занято более 100 человек, из них 31 – научные сотрудники, причем 20 – африканцы. Директором института с июля 1971 г. является лингвист и литературовед Амар Самб, сменивший на этом посту француза.

Проблемы африканской истории разрабатывают несколько отделений ИФАН: современной истории (руководитель – С.М. Сиссоко), древней истории (француз С. Декан), физической антропологии (бельгиец Г. Тильманс), исламологии (им руководит сам директор института А. Самб). Кроме того, в ИФАН функционирует лаборатория радиоуглеродной датировки, которую возглавляет Ш.А. Диоп. Открытая в конце 1966 г., она датирует разнообразные археологические находки и тем вносит вклад в изучение ранних этапов африканской истории /134, 1968, № 120, с. 127/. Следует добавить, что научные сотрудники ИФАН работают в тесном контакте с историческим отделением Дакарского университета: часть преподавателей по совместительству ведет исследования, а ряд сотрудников института имеет педагогическую нагрузку, так что не всегда легко определить служебный статус того или иного ученого. Совмещение преподавательской и научной работы дает возможность рано приобщать студентов к исследованиям. В частности, с самого начала существования университета по инициативе французских ученых Р. Мони и Ж. Девисса студенты участвовали в проведении археологических раскопок в Аудагосте и Кумби-Сале.

ИФАН выпускает кварталный журнал в двух сериях (естественные и гуманитарные науки), который является одним из самых ав-

торитетных изданий в области африканистики. В нем публикуются статьи ученых не только Сенегала, но и работающих в других странах Африки, а также в Англии, Франции, США. Другой журнал является информационным изданием и помещает небольшие научные статьи и краткие заметки о деятельности института. Кроме этих периодических изданий, ИФАН публикует три серии монографических исследований.

Среди основных направлений научных исследований сенегальских ученых следует назвать разработку такой уже ставшей традиционной темы, как политическая история Западной Африки накануне колониального завоевания. Этому сюжету посвящены монографические работы молодых историков Тьерно Диалло "Политические институты Фута Джаллона в XIX в." (Дакар, 1972), Бубакара Барри "Королевство Ваало. Сенегал накануне завоевания" (Париж, 1973), серия статей Умара Кана. На основе широкого круга устных и письменных источников выполнена четырехтомная диссертация Умара Ба (Париж, 1973), в которой прослежена многовековая социальная и политическая история фульбе сенегальского нагорья Фута-Торо.

Все названные авторы изучают проблемы национальной, сенегальской истории. Это общее правило — исследования африканских ученых весьма редко выходят за политические границы современных государств Африки. Поэтому объект исследования С.М. Сиссоко в книге "Томбукту и государство Сонгай" /235/ может удивить, если не знать, что автор по происхождению малиец и сюжеты средневековой истории Западного Судана ему хорошо известны с молодых лет. В этой работе дана широкая картина политической жизни народов большой излучины Нигера в XV—XVI вв. и города Томбукту, бывшего в те времена крупным политическим и культурным центром Африки. Большое внимание в монографии уделено вопросам торговли, городского быта, культуры; социально-экономические проблемы затронуты лишь отчасти, хотя автор приводит ряд фактов в поддержку вывода о существовании в государстве Сонгай крупной земельной собственности, обрабатываемой закрепощенными невольниками. Как известно, к заключению о феодальном общественном строе этого средневекового государства пришел советский ученый Л.Е. Куббель /588/.

Историки старшего поколения — сотрудники ИФАН — Абдулай Ли и Ш.А. Диоп в 70-е годы не выступали с крупными работами. После возвращения на родину в начале 60-х годов они включились в активную политическую борьбу и фактически отошли от исследовательской работы.

А. Ли (род. 1919) был среди основателей левонационалистической Партии африканской перегруппировки, которая накануне независимости на референдуме по конституции де Голля призывала голосовать "нет". Позже она оставалась легальной оппозиционной партией в Сенегале, пока летом 1966 г. не самораспустилась: три ее руководителя (среди них А. Ли и нынешний генеральный директор

ЮНЕСКО А.М. Мбою) вошли в правительство Сенгора /769, с. 19-33/. В течение трех лет Ли занимал пост министра здравоохранения и социальных дел, затем снова продолжал политическую деятельность в рядах оппозиции. В конце 1979 г. он опубликовал в издаваемой бывшим премьер-министром Мамаду Диа газете "Анде Сопи" обширные воспоминания, в которых требовал установления в Сенегале государства национальной и народной демократии /105, 1979, № 28/. Можно полагать, что 25-летний опыт политической борьбы заставил его более уравновешенно оценивать успехи реального социализма и отказаться от ряда ошибочных, по сути неотрексистских, взглядов на роль пролетариата в современном мире. На эволюцию взглядов Ли, без сомнения, повлияла и концепция некапиталистического пути развития освободившихся стран, и успехи национально-освободительного движения в странах Африки.

Отход от крайних националистических позиций характерен и для идейной эволюции Ш.А. Диопа (род. 1923). Его политическая деятельность отличалась упорной, непримиримой оппозицией режиму президента Сенгора. Вначале он был лидером партии Блок сенегальских масс, затем создал малочисленный Национальный сенегальский фронт, единственную легальную оппозиционную партию накануне введения однопартийной системы в 1967 г. Когда в Сенегале была вновь разрешена деятельность нескольких политических партий, Диоп основал Национально-демократическое объединение; интересно отметить, что заявление с требованием легализовать новую политическую группировку вместе с Диопом подписали еще два научных сотрудника ИФАН — историки Бубакар Барри и Абдулай Батили. Партия, однако, не была разрешена, а полемика Диопа с Сенгором продолжалась; близость некоторых тезисов негритюда к теории Диопа дала ему повод обвинить Сенгора в плагиате /129, 8.Ш.1978, с. 24/. Дискуссия, впрочем, не удержалась в рамках академического спора, так как сенегальские власти предприняли против непокорного историка ряд репрессивных акций, после чего он публично заявил, что президент Сенгор "сводит с ним счеты на почве разногласий по вопросам культуры" /105, 1979, № 30/. Как бы то ни было, первое поколение сенегальских историков интенсивных научных исследований уже почти не проводит.

Научные сотрудники ИФАН, как отмечалось выше, одновременно ведут преподавательскую работу на историческом отделении Дакарского университета. Из семи преподавателей-африканцев (в 1976/77 учебном году) лишь Ибадер Тиам имел в университете полную педагогическую нагрузку. В молодости Тиам (род. 1937) был членом марксистской Партии африканской независимости Сенегала, в 1972-1974 гг. учился в Парижском университете, где защитил докторскую диссертацию по теме "Внутренняя эволюция Сенегала в 1914-1939 гг.". Его научная карьера (он член исполкома ЮНЕСКО на 1978-1980 гг.) сопровождалась восхождением по служебной лестнице — он был назначен директором Высшей нормаль-

ной школы. В издаваемых факультетом словесности и гуманитарных наук ежегодных "Анналах" Тиам опубликовал цикл статей по истории рабочего и профсоюзного движения в Сенегале в период между мировыми войнами. Написанные с демократических позиций, его исследования посвящены важной научной проблеме, которая весьма редко затрагивается в современной африканской историографии.

В Сенегале работают еще несколько историков, организационно не связанных ни с ИФАН, ни с Дакарским университетом. Это — Д.Т.Ниань, Самир Амин и Пате Диань; каждый из них представляет собой яркую индивидуальность, у каждого — своя судьба. И хотя в теоретическом плане они принадлежат к различным направлениям, их научная деятельность продвигает вперед развитие современной африканской историографии.

Джибрил Тамсир Ниань (род. 1932) начинал свою научную деятельность в Гвинее в первые годы независимости, когда вместе с французским ученым-марксистом Ж. Сюрэ-Каналем издал "Историю Западной Африки", остающуюся до сих пор одним из лучших школьных пособий. В эти годы он собирает устную историческую традицию и публикует ряд статей по истории средневекового Мали, высоко оцененных советским рецензентом /587, с. 214-216/. Несколько лет он занимал пост декана факультета общественных наук Политехнического института в Конакри, затем эмигрировал в Сенегал, где стал директором Фонда Сенгора — организации скорее политической, чем научной. Созданная в 1974 г., она занимается прежде всего пропагандистской деятельностью, распространяя идеи негритюда и "африканского социализма", столь дорогие бывшему президенту Сенгору. Фонд имеет годовой бюджет в 70 млн. африканских франков, собираемых за счет пожертвований как частных лиц, так и государств; среди последних — Саудовская Аравия и Марокко. Нельзя не отметить, что казначеем Фонда является крупнейший сенегальский капиталист миллиардер Ндионга Кебе /129, 17.X.1979, с. 50-51/. Что касается научной работы Нианя, то его последние публикации, по существу, содержат мало нового по сравнению с прежними.

Иначе сложилась судьба талантливого ученого Пате Дианя, разрабатывающего проблемы африканской истории, социологии, лингвистики. Его первая крупная работа "Традиционная политическая власть в Западной Африке" (Париж, 1967) обратила на себя внимание не только стремлением проникнуть в структуру доколониальных государств Африки, но, что еще более важно, новым методологическим подходом к столь сложной и дискуссионной проблеме. Идеино-теоретические взгляды автора испытали влияние марксизма и могут быть отнесены к революционно-демократическому течению в современной африканской историографии. Позже Диань обратился к изучению проблем экономической интеграции стран Западной Африки; этой теме посвящена его докторская диссертация, защищенная в Парижском университете и опубликованная отдельным изданием под

заглавием "За западноафриканское единство. Микрогосударства и экономическая интеграция" (Дакар - Париж, 1972). Диань подвергался в Сенегале политическим репрессиям и, несмотря на наличие необходимых научных степеней и званий, долго не мог получить работу по специальности.

В Дакаре уже 20 лет функционирует Африканский институт экономического развития и планирования, директором которого с 1970 г. является Самир Амин (настоящее имя - Хасан Риад). Он родился в 1931 г. в Каире, его отец - египтянин, мать - француженка. С. Амин окончил Парижский университет, преподавал во Франции, затем несколько лет был экономическим советником правительства Мали. Ныне это всемирно-известный ученый, автор многочисленных экономических и историко-экономических трудов: только его монографий вместе с переизданиями и переводами опубликовано более 30.

В предисловии к одной из последних работ Амин очертил три круга проблем, которыми он занимается в продолжение научной карьеры: это, во-первых, конкретный анализ экономической структуры и истории народного хозяйства отдельных африканских стран (Мали, Ганы, БСК, Египта, Конго и др.); во-вторых, разработка общей теории капиталистического накопления периферийного типа; наконец, в последние годы он обратился к изучению общеметодологических вопросов исторического материализма /190, с. 7/. Отметим сразу, что наиболее преуспел дакарский ученый в разработке первого круга проблем; его публикации содержат большой фактический материал, оригинальные наблюдения и выводы, интересные как экономистам, так и ученым-историкам.

Что же касается работ в области общих проблем экономической науки, то здесь вклад Амина не может, как нам представляется, быть оценен однозначно. Многие зарубежные рецензенты трудов Амина без оговорок причисляют его к марксистам, против чего он не возражает; на самом же деле его воззрения по целому ряду важных вопросов ближе к модным левацким концепциям "периферийной экономики", имеющим хождение в развивающихся странах (см. /621/). Амин поддерживает тезис о том, что главным противоречием современной эпохи является противоречие между "богатыми" и "бедными" нациями; это вызвало горячее одобрение Сенгора /400, с. 20-21/. Встречаются в выступлениях Амина и прямые антисоветские выпады (см. например, /194, с. 8-15/).

В области теории исторического материализма Амин пытается противопоставить две концепции исторического процесса - догматическую, которая якобы тянется от Энгельса к "советскому диамату", и творческую, представителем которой является он сам. Догматиков, как это обычно делают оппортунисты, он обвиняет в "прямолинейном экономическом детерминизме", "европоцентризме" и т.п. Амин отвергает всеобщую значимость марксистской формационной теории; смену общественных формаций по классической схеме (рабство - феодализм - капитализм) считает исключением, "в значи-

тельной степени мифической". Сам он является ярким сторонником теории "данничества" как способа производства, характерного для классового докапиталистического общества.

Амин много пишет также о классах и классовой борьбе, об отчуждении личности в разные исторические эпохи, о национальном вопросе. В целом его эклектическая идейная платформа может быть отнесена к мелкобуржуазному радикализму, который неспособен воспринять марксизм как целостную научно-мировоззренческую систему, а заимствует из него лишь отдельные положения, причем отход от марксизма выдается за его творческое развитие. Нельзя не отметить, однако, искреннюю ненависть дакарского ученого к империализму и неокOLONиализму; поэтому не исключена его идейная эволюция в сторону сближения с революционно-демократическим течением африканской общественной мысли.

Для интеллектуальной атмосферы Сенегала характерным является проведение международных конференций и симпозиумов на разнообразные темы, чаще всего — по истории и культуре стран Тропической Африки. На них собираются видные ученые, государственные деятели и писатели со всего континента, а также из Западной Европы и Америки. Так, в 1974 г. в Дакаре состоялся colloquium "Негритюд и Латинская Америка" (материалы изданы в 1978 г. /347/). На состоявшейся в январе 1976 г. научной встрече по истории связей Черной Африки и стран Средиземноморья в древности выступили, среди прочих, известные африканские историки Ш.А. Диоп, Т. Обенга и Э. Мвенг.

В октябре того же года по случаю 70-летия Сенгора собралась научная конференция, обсуждавшая необъятную проблему "Культура и развитие". Здесь всеобщее внимание привлекла речь президента Мобуту, в которой утверждалась генетическая связь между негритюдом и ставшей официальной идеологией Заира реакционной концепцией "аутентичности". Именно благодаря "аутентичности", заявил Мобуту, мы пишем заново историю нашей страны, историю настоящую, подлинную. Находившийся в зале заседания Ш.А. Диоп должен был испытывать крайнее смущение, когда Мобуту, ничтоже сумняшеся, приписал ему доказательство происхождения человечества из Африки /120, 1976, № 5, с. 35/. Так, помимо воли ученого, его афроцентристские тезисы берутся на идейное вооружение самыми реакционными силами на континенте, не останавливающимися даже перед прямой их фальсификацией.

В апреле 1977 г. в Дакаре состоялась конференция по проблеме "Черная Африка и Древний Рим", на которой с большой речью, выдержанной в "негритюдных" тонах, выступил Сенгор /120, 1977, № 11, с. 30/. Наконец, в марте 1979 г. собрался II конгресс, посвященный памяти выдающегося немецкого африканиста Лео Фробениуса (первый состоялся в 1973 г. в Яунде /773/). На нем генеральный директор ЮНЕСКО А.М. Мбоу произнес вступительную речь, в которой очень удачно охарактеризовал диалектическое со-

отношение между традицией и новаторством в современной африканской цивилизации. Сенгор в докладе "Уроки Фробениуса" изобразил немецкого этнографа в качестве одного из идейных предтеч негритюда /114, 1979, № 2, с.149/. В 1980 г. состоялась междисциплинарная конференция по мандингским исследованиям, подобная той, что была проведена международным африканским институтом в Лондоне в 1972 г.

Регулярно проводимые в Дакаре научные встречи, бесспорно, способствуют интенсификации научных исследований в различных областях общественных и гуманитарных наук. Вместе с тем нельзя не учитывать и пропагандистскую сторону — эти конференции и симпозиумы служат трибуной распространения идеологии негритюда, или, как выражается Альфа Соу /245, с. 17/, неонегритюда, потерявшего свои прогрессивные, патриотические и антиколониальные аспекты.

Мали, по сравнению с такими странами Западной Африки, как Сенегал, Нигерия, БСК, обладает более скромными материальными возможностями и немногочисленными кадрами ученых-историков; несмотря на это, исторические исследования здесь проводятся весьма успешно. Прочные традиции донаучной истории в стране, бывшей колыбелью трех великих империй средневекового Судана, обусловили высоко развитое чувство национального самосознания у населяющих Мали народов. Следует учитывать и то, что в Мали национально-освободительное движение достигло широкого размаха, и после достижения независимости был взят курс на развитие страны по некапиталистическому пути. Все это способствовало росту интереса широких масс к истории своей родины и дало толчок к научному изучению прошлого.

Исторические исследования в Мали ведутся Институтом гуманитарных наук, созданным в 1962 г. на базе отделения ИФАН. Как указывалось в президентском декрете, перед институтом была поставлена задача развития в стране гуманитарных наук путем проведения исследований, внедрения их результатов в различные области общественной жизни, подготовки научных кадров. Структура института была определена в апреле 1970 г. Отныне научная работа должна была вестись в трех отделах: социально-экономическом (социология, география, экономика); истории и цивилизации; наконец, литературно-лингвистическом; рекомендовалось отдавать приоритет плановым и коллективным работам. На Институт гуманитарных наук было возложено руководство деятельностью Национального архива, Национальной библиотеки и этнографического музея /419, с. 100-107/.

Немногочисленный коллектив этого научного центра разрабатывает ряд интересных проблем национальной истории. Директор института — историк и археолог Мамаду Сарр опубликовал несколько сжатых очерков по истории средневекового Западного Судана. Большой знаток устной исторической традиции Юсуф Сиссе был главным организатором двух прошедших в Бамако научных конфе-

роний (в 1975 и 1976 гг.), посвященных средневековым империям — Гане и Мали. Борьбе африканцев против колониальных завоеваний посвящены статьи Бокара Сиссе, публикуемые в квартальном журнале "Этюд маллен" и в научно-популярном издании "Санкоре", выходящем с 1973 г. В Мали работают специалисты, получившие образование в социалистических странах: Минабе Диарра, защитивший кандидатскую диссертацию по этнолингвистике народов Мали в Институте этнографии АН СССР; археолог К. Саного, получивший в июне 1980 г. степень кандидата исторических наук в Воронежском университете; археолог А.У. Конаре, участвовавший в работе польско-гвинейской археологической экспедиции и защитивший на собранном материале диссертацию в Варшавском университете. Кстати, Конаре является автором представляющего значительный интерес неопубликованного исторического очерка об археологических раскопках, проводившихся в Мали на протяжении почти 50 лет /46/. Остается добавить, что молодой деятельный ученый с мая 1977 г. является министром по делам молодежи, спорта и культуры Республики Мали.

Основателем Института гуманитарных наук в Бамако был Амаду Ампате Ба, один из старейших историков Африки. Судьба А.А.Ба (род. 1901) во многом сходна с жизнью и деятельностью Бубу Хама из соседнего Нигера; оба они были среди первых африканцев, привлеченных Т.Моно к работе в ИФАН, с 1943 по 1958 г. Ба участвовал в проведении этнографических экспедиций на территории Мали, Верхней Вольты, Гвинеи и Нигера. Затем он стал директором Института гуманитарных наук в Бамако, а с 1962 г. в течение четырех лет был послом Мали в Береге Слоновой Кости. Позже А.А.Ба был избран членом исполкома ЮНЕСКО, где работал до 1970 г. Уйдя на пенсию, он выбрал Абиджан в качестве постоянного местожительства; этот факт, а также тесные личные отношения с президентом БСК Уфуэ-Буаньи проливают свет на его политические симпатии.

Действительно, хотя Ба не высказывался так часто по актуальным политическим сюжетам, как Хама, тем не менее его консервативные взгляды достаточно отчетливо выражены в выступлениях на коллоквиумах по африканским религиям в Буаке (1962) и Котону (1970), в книге "Аспекты африканской цивилизации" /209/. Ба, по его собственным признаниям, — "воинствующий верующий мусульманин" /118, 27.1.1975/. Ему свойственно стремление примирить науку с верой, представить ислам особой формой политической идеологии. Апология мусульманской религии проходит красной нитью через все писания малийского историка. В его трудах, посвященных главным образом фульбе, устная историческая традиция рассматривается не как один из источников реконструкции событий и явлений прошлого, а как главный, даже единственный. Абсолютизация устной традиции является характерной чертой историков неотрадиционалистского направления. Ба присуще отрицательное отношение к

современной науке, олицетворяющей в его глазах торжество картезианской логики над интуицией и верой; он постоянно призывает к изучению Африки только африканцами.

Подобно многим африканским историкам, Ба выступает и как писатель. Опубликованный в 1973 г. роман "Необычайная судьба Вонгрэна" свидетельствует о незаурядном таланте его автора; роман получил две высшие литературные награды Франции — Большую литературную премию Черной Африки и премию Французской академии. В приключениях изворотливого, остроумного и беспринципного главного героя отразились многие автобиографические черты самого автора, служившего 20 лет мелким чиновником колониальной администрации. Роман является любопытным человеческим документом, отразившим в художественной форме, но весьма достоверно, психологию того социального слоя африканцев, который сотрудничал с европейскими колонизаторами.

Кроме научных сотрудников Института гуманитарных наук африканское прошлое изучает группа молодых преподавателей исторического отделения Высшей нормальной школы. До 1980 г. (когда она была приглашена в ИФАН) здесь работала Мадина Ли, которая после защиты во Франции диссертации по истории средневекового Мали (опубликована в 1977 г.) посвятила себя изучению проблем источниковедения африканской истории. Колониальное завоевание французами Западного Судана в конце XIX в. и мужественное сопротивление африканцев исследуются в диссертации К.Конаре (Монпелье, 1974). Под руководством известного польского африканиста М. Маловиста в Варшавском университете была подготовлена диссертация А.Ба-Конаре по истории средневекового государства Сонгай (издана в Ниамее, 1977). Преподаватели Высшей нормальной школы многое делают для подготовки молодых историков, вооруженных передовой методологией. Уже 15 лет на историческом отделении преподают советские специалисты, которыми, в частности, читается спецкурс по истории Великой Октябрьской социалистической революции.

Определенную научную работу в области африканской истории проводят небольшие исследовательские центры и недавно созданные университеты в Гвинее, Чаде, Верхней Вольте, Нигере, Того, Бенине, Габоне. Их немногочисленный персонал при крайне ограниченных финансовых возможностях стремится собрать постепенно исчезающую устную историческую традицию, разрабатывает отдельные вопросы национальной истории.

В Гвинее филиал ИФАН (основанный в 1944 г. в Конакри) после достижения независимости был преобразован в Национальный институт исследований и документации, в котором при содействии прогрессивного французского ученого Ж.Сюрэ-Каналля оформилась небольшая группа местных историков. Среди них должны быть отмечены писатель и общественный деятель Мамаду Траоре, Д.Т.Чиань, эмигрировавший позже в Сенегал, С.Камара, С.Балде — ныне декан факультета социальных наук Политехнического институ-

та. Их научные изыскания вначале публиковались в журнале "Этюд гинеев", выходившем без особой периодичности в 1947-1955 гг. (всего напечатано 13 номеров), а с 1959 г. - в квартальном журнале "Решерш африкен".

Важным событием в научной жизни страны стал выход в свет первого тома монографии министра образования, историка по профессии, Сике Камара "Путь Гвинеи к социализму. От империи к голлистскому референдуму 1958 г." (Конакри, 1977). Этот исторический труд получил большой политический резонанс: к автору с приветствием обратился президент Секу Туре, а на заседании Политбюро Демократической партии Гвинеи была принята особая резолюция, в которой высоко оценивались научное содержание и воспитательное значение книги. Она рекомендовалась к изучению как в учебных заведениях, так и в системе политического просвещения партийных кадров. Политбюро назначило специальное жюри во главе с премьер-министром для защиты книги в качестве диссертации; оно присудило автору ученую степень доктора исторических наук /127, 22.1.1978/. Это первый историк, получивший такую степень в Гвинее.

В столице *Чада* г. Форт-Лами (ныне Нджамена) в 1961 г. был создан Центр чадских исследований, переименованный вскоре в Национальный чадский институт гуманитарных наук. Его работа финансировалась Национальным центром научных исследований Франции, который обеспечивал также методическое руководство и кадры сотрудников. Только в последние годы произошла африканизация кадров этого научного учреждения. Директором института стал Когончар Джасрабе, занимающийся сбором и изучением исторического эпоса. Руководитель отделения истории в университете Найдеян Моянгар готовит диссертацию о доколониальной истории народности сапро. Недавно группа авторов во главе с Брехимом Сеидом издала небольшую книгу под названием "История и легенды Чада" /339; 97, 1975, №1, с. 91-92/. Развернувшаяся в Чаде в начале 1980 г. гражданская война нанесла стране огромный ущерб и приостановила научные исследования.

Единственным научным учреждением *Верхней Вольты* до недавних пор был Вольтийский центр научных исследований, где в отделе гуманитарных наук изучаются этнография, социология и языки различных народностей страны. Из 10 научных сотрудников, работающих в этом отделе, только три вольтийца, остальные - иностранцы. Как отмечалось в годовом отчете за 1971 г., Вольтийский центр по-прежнему не имел в своем составе историков, так что прошлое страны затрагивалось лишь в связи с разработкой тех или иных этнографических сюжетов.

Несмотря на такое положение в научном центре, Верхняя Вольта является родиной одного из ведущих историков современной Африки Жозефа Ки-Зербо (род. 1922). Его научная деятельность не связана с каким-либо конкретным научным учреждением, а велась

им индивидуально; долгое время он был преподавателем лицея, занимал административные должности в сфере народного просвещения, а ныне он профессор открытого в 1979 г. университета в столице страны г. Уагадугу. Образование он получил во Франции, где стал первым африканцем, сдавшим сложный экзамен на звание "агреже" в области исторических наук.

Во время учебы во Франции Ки-Зербо принимал активное участие в политической деятельности, был одним из основателей Ассоциации католических студентов и Союза вольтийских студентов. После возвращения на родину он становится одним из лидеров оппозиции, которая добилась отставки президента Ямеого в январе 1966 г. Позже он стал генеральным секретарем политической партии Движение национального освобождения (1970-1974), обвиненной империалистическими кругами в том, что она является "агентом международного коммунизма". На самом же деле ее программа говорит о "социализме, приспособленном к вольтийским условиям", и мало чем отличается от других концепций мелкобуржуазного социализма национального типа. Вместе с тем нельзя не отметить наличие в программе положений, сближающих эту партию с революционными демократами.

Возглавляемая Ки-Зербо политическая партия с осени 1977 г. стала называться Вольтийский прогрессивный союз и выдвинула его кандидатом в президенты страны на выборах в мае 1978 г. Не принадлежа к господствующей в Верхней Вольте этнической группе моси и не получив поддержки других политических сил, Ки-Зербо не мог рассчитывать на успех. Возглавляемая им партия осенью 1979 г. испытала еще одну метаморфозу: стала называться Вольтийским прогрессивным фронтом. Опорой партии, как отмечала пресса, являются профсоюзы и учителя - политически самая активная часть вольтийского общества, в котором в силу неразвитости современных классовых отношений господствует традиционная архаическая идеология. Нельзя не отметить связей Ки-Зербо с католической иерархией страны.

Политическую деятельность вольтийский историк совмещает с научной работой, публицистикой. Еще в конце 50-х годов он выступил одним из первых за "деколонизацию" африканской истории. Не проводя специальных аналитических исследований по отдельным проблемам, Ки-Зербо выступает с обобщающими работами, стремясь охватить глобально все эпохи и регионы Африки к югу от Сахары. Именно с таких позиций написана его обширная "История Черной Африки" /307/, выдержавшая два издания (Париж, 1972 и 1978) и переведенная на итальянский язык (Турин, 1977).

Книга вышла с предисловием Фернана Броделя - крупнейшего представителя того течения в современной французской историографии, которое получило название школы "Анналов". Это течение, как известно, испытало воздействие марксизма и, критикуя описательный характер позитивистской методологии, придает большое значение истории экономических и социальных структур. Влияние этой

школы на книгу африканского ученого прослеживается в его внимании к проблемам социально-экономической истории, к культуре (то, что представители "Анналов" называют глобальной историей), а также в стремлении привлечь к реконструкции прошлого весь комплекс исторических источников. В целом подход Ки-Зербо к изучению африканской истории характеризуется попыткой преодолеть крайности романτισческо-националистической трактовки; в то же время он признает активную социальную функцию исторической науки, "основного рычага" формирования национального самосознания.

В отличие от большинства современных африканских историков, проявляющих безразличие, а иногда — полное пренебрежение к методологическим вопросам исторической науки, Ки-Зербо выступает как теоретик африканской историографии. Именно эта особенность его творчества, а также большой международный авторитет послужили основанием для назначения его главным редактором 1 тома "Всеобщей истории Африки", где трактуются проблемы методологии африканской истории.

Как и в других французских колониях Западной Африки, в *Нигере* вскоре после окончания второй мировой войны был открыт филиал ИФАН, деятельность которого многие годы была связана с именем историка Бубу Хама (1906–1982). Получивший образование в педагогическом училище им. В. Понти в Сенегале и работавший затем учителем сельской школы (о чем он живо рассказал в воспоминаниях "Котья-Нима" /228/), Хама рано увлекся сбором исторических легенд сонгаев и других народов, населяющих Нигер. Одновременно он включился в активную политическую борьбу в рядах буржуазно-националистической Нигерской прогрессивной партии, став одним из ее руководителей. После достижения независимости Хама занимает второй после президента пост в государстве, будучи председателем Национального собрания и выступая в роли официального идеолога правящего режима. Политическая карьера нигерского историка закончилась в апреле 1974 г., когда в результате переворота к власти пришли военные: Хама был арестован и находился в заключении более трех лет. Летом 1977 г., учитывая преклонный возраст и научные заслуги, его выпустили на волю.

Хама — один из самых плодотворных авторов Тропической Африки: список только отдельных изданий его книг и брошюр включает 34 наименования; это работы исторического содержания, записи легенд и сказаний, полубеллетристические сочинения (как, например, "Котья-Нима"), а также многочисленные книги и брошюры политико-пропагандистского характера. Им же написаны два учебника истории для начальных школ. В своих исторических работах Хама выступает типичным представителем неотрадиционализма: научная критика источников, как правило, отсутствует, поэтому не проводится разграничение между источником и его интерпретацией; грань между вымыслом, освещенным традицией, и достоверным фактом стерта. Вместе с тем книги Хама не являются просто записями текстов

донаучной истории в собственном смысле слова, им свойственно смешение современной методики научных исследований, слабо усвоенной непрофессиональным историком, и традиционного рассказа гриота. Как и гриоту, им присущ дидактизм, история служит для извлечения нравоучительных сентенций, пригодных для нашего времени.

Идейно-политические взгляды нигерского историка наиболее полно отражены в его последней книге "Великие проблемы независимой Африки" /225/. Она написана как предупреждение молодому поколению, которое-де перестало почитать и слушать старших, заражено тлетворным материализмом и атеизмом. Здесь проявился неприкрытый обскурантизм автора, его враждебность научному мировоззрению, стремление поставить историю на службу нуждам сегодняшнего дня. Он считает, что иностранные идеологии ныне так же опасны, как и в прошлом, когда стали главной причиной гибели великих средневековых империй Судана. Хама выступает с прямой апологией африканского традиционного общества, построенного, по его словам, на бесклассовых принципах идеализма и гуманизма. Некоторые его тезисы заимствованы у адептов негритюда, хотя в общем Хама является законченным выразителем методологии неотрадиционализма. С полным основанием рецензия на эту книгу в популярном африканском журнале носила выразительное название "В защиту вчерашнего дня" /129, 28.XП.1974, с.78/. В самом деле, ретроградные идеи нигерского историка не могут способствовать развитию Африки по пути прогресса.

Благодаря политическому весу и авторитету Бубу Хама долгие годы оставался главной фигурой в Нигерском центре исследований гуманитарных наук, поэтому в тени оказались молодые историки, среди которых выделяются двое: Андре Салифу и Джибо Хамани. Оба они учились во Франции: первый – в Бордо, второй – в университете Прованса (г.Экс). Салифу принадлежат две монографические работы по истории народов северной части Нигера в XIX – начале XX в. Хамани защитил в Сорбонне в 1978 г. диссертацию по истории султаната Аира, а раньше опубликовал монографическое исследование государств хауса. Все названные работы напечатаны в серии "Этюд нижерьен", издаваемой в Ниамее Нигерским научным центром. 40-й выпуск (1977) представляет собой научную биографию основателя Сонгайской державы сонни Али Бера, написанную ученым из соседнего Мали А.Ба-Конаре. Эта публикация – хороший пример сотрудничества ученых двух африканских стран в изучении прошлого народа, волею судьбы разделенного государственными границами.

Бурные политические события, ареной которых стала Гана в годы независимости (5 военных переворотов, 3 гражданских правительств), сопровождались резкими изменениями как в научной жизни страны, так и судьбах отдельных ученых. Период политической нестабильности, начавшийся реакционным военным переворотом

в феврале 1966 г., затормозил развитие научных, и, в частности исторических, исследований, привел к усилению идеологического проникновения неоколониализма и империализма, к росту консервативных тенденций в историографии. Следует отметить, что в годы правления Кваме Нкрумы, несмотря на все его старания, университет не стал прочной опорой новой власти; напротив, прогрессивная идеология слабо проникала в академическую среду, бывшую "мозговым" центром оппозиции курсу на некапиталистическое развитие.

Среди ее идейных вождей были историк-любитель Дж. Б. Данква (1895-1965) и Кофи Бусиа – первый ганец, получивший диплом историка; лидер буржуазной Объединенной партии. Некоторые ганские ученые-гуманитарии поддерживали курс Нкрумы, не будучи, впрочем, убежденными сторонниками социалистической ориентации. Другие же выступали за развитие страны по пути западной буржуазной демократии и многопартийности, открыто, а чаще – скрытно, всячески саботировали проводимые правительством прогрессивные изменения в области образования и культуры. В научных работах острая борьба двух тенденций отразилась опосредованно; она прослеживается в творчестве двух ученых – упомянутого выше Бусиа и де Графт-Джонсона.

Кофи Бусиа (1918-1978) происходил из знатной семьи традиционного вождя ашанти. В его мировоззрении причудливо переплетались идеи феодальной африканской верхушки и западные буржуазные концепции, усвоенные им в Оксфордском университете, где он получал стипендию от американской филантропической организации Фонда Карнеги. В его первой большой публикации "Положение вождя в современной политической системе ашанти" /233/, которая вышла в 1951 г. и считается образцом историко-социологического жанра, идеи английской социальной антропологии Малиновского и Радклифф-Брауна соседствуют с прямой апологией самых архаичных черт африканского традиционного общества и его эксплуататорской верхушки. После возвращения в Гану Бусиа служил чиновником в управлении по делам туземцев, принимал участие в проведении социологических исследований, направленных на совершенствование системы колониального управления. Одновременно он включился в активную политическую деятельность, став в конце концов руководителем партии, выступавшей против предоставления стране полной независимости, и вынужден был эмигрировать. Во время эмиграции (1959-1966) преподавал в Англии, Голландии, Мексике и США. Его консервативные идейно-политические взгляды, проникнутые национализмом и преклонением перед буржуазной демократией, враждебность социализму отражены в книге "Вызов Африки" /232/.

После свержения Нкрумы, когда реакционная военная хунта проявила свою полную неспособность руководить государством, к власти был призван Бусиа, ставший премьер-министром проимпериалис-

тического правительства (сентябрь 1969 г. – январь 1972 г.). После нового военного переворота Бусиа опять скрывается за границей, где проживает вплоть до кончины. К нему с полным основанием можно отнести слова современного историографа о реакционной политике и видном историке XIX в.: "Гизо-ученый всегда был прямым слугой Гизо-политика" /529, с. 85/.

Идейное наследие Бусиа, провозглашенного апостолом свободы и демократии, в сегодняшней Гане служит знаменем политических сил, боящихся глубоких социальных изменений. Показателен такой факт: в феврале 1979 г. партия Народный фронт с большой пропагандистской шумихой на предвыборном митинге в Кумаси распространяла книгу В. Овусу под претенциозным заглавием "Бусиа – символ демократии"; на нем выступил один из ближайших сторонников Бусиа в Гане – Г. Офосу-Аппиа, директор и издатель 20-томной "Энциклопедия Африкана" /131, 23. III. 1979, с. 750/.

В определенном смысле антиподом Бусиа был историк и экономист Дж. К. де Графт-Джонсон (1919–1977), сын одного из первых ганских интеллигентов-просветителей. Джок (так его с любовью называли в народе) окончил Эдинбургский университет, преподавал экономические науки сначала в Дели, потом до конца жизни – в Аккре. Он стал автором единственной исторической книги "Африканская слава. История исчезнувшей африканской цивилизации" /270/, в которой вслед за У. Дюбуа – и под его непосредственным влиянием – утверждались ценности африканской культуры. Хотя книга, по существу, носила компилятивный характер, а политическая платформа автора не выходила за рамки умеренного национализма, она имела большой общественный резонанс и была взята на идейное вооружение деятелями освободительного движения (выдержала несколько изданий и переведена на итальянский и чешский языки). Роль де Графт-Джонсона в ганской историографии не ограничилась этой публикацией: в течение шести лет (1961–1967) он был президентом Исторического общества и на этом посту способствовал развитию в стране исторических знаний.

Центром исторических исследований в Гане все годы независимости оставался Легонский университет в Аккре, самый старый и хорошо оборудованный из трех университетов страны. Сотрудники исторического отделения и Института африканских исследований при университете разрабатывают широкий спектр проблем прошлого и настоящего страны, цивилизации населяющих ее народов. Африканизация кадров ученых, проводившаяся без поспешности, но целеустремленно, позволила уже к середине 60-х годов обеспечить выполнение научной работы специалистами местного происхождения. Среди них одним из наиболее известных был Дж. Нкетия, в 1952–1969 гг. работавший в Институте африканских исследований, где в последние годы был директором. С 1969 г. Нкетия – профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе /502, с. 263–264/. Он является, пожалуй, самым крупным мировым авторитетом в об-

ласти изучения африканской музыки. Кроме того, ему принадлежат работы по истории и литературоведению, а также повести, рассказы, стихи на одном из национальных языков Ганы — языке тви.

Много лет руководителем исторического отделения столичного университета является Аду Боахен (род. 1932), защитивший докторскую диссертацию в Лондонском университете в 1959 г. Позже она была издана в переработанном виде под названием "Британия, Сахара и Западный Судан, 1788–1861" /218/. С тех пор им написано несколько монографий и крупных статей как по отдельным частным проблемам истории Ганы, так и обобщающего характера /488, с. 227/. По некоторым сложным и дискуссионным вопросам африканской истории взгляды Боахена отличаются оригинальностью (подробнее о них будет сказано в гл. 1У). Его новая монография, освещающая основные этапы социально-политического развития Ганы в XIX–XX вв. /220/, стала заметным событием в африканской историографии. Остается добавить, что Боахен в конце 70-х годов включился в активную политическую деятельность и весной 1978 г., накануне падения режима Ачампонга, был арестован вместе с группой общественных деятелей, выступавших за возвращение страны к конституционной форме правления.

Другой историк из Легонского университета Кваме Дааку (ум. 1975) также защитил докторскую диссертацию в Лондоне и позже издал ее под заглавием "Торговля и политика в колонии Золотой Берег, 1600–1720" /238/; она носит подзаголовок, раскрывающий содержание: "Исследование реакции африканцев на европейскую торговлю". Книга не только дословно повторяет название пионерской работы нигерийца Дике, но и выполнена в том же методологическом ключе: африканский подход к европейской торговле на побережье Западной Африки и политические последствия заморской торговли. Дааку впервые привлекает голландские архивные источники и показывает роль Голландии в африканской торговле.

По датским источникам выполнена работа другого ганского историка — преподавателя университета в Кумаси М. Квамена — По "Государственный строй и политика в государстве Аквазем, 1730–1850" /312/. Эти ученые отошли от прежней односторонней привязанности историков Нигерии и Ганы к архивным материалам британского происхождения и стали изучать источники других европейских государств, проводивших в ХУП–XIX вв. активную колониальную политику на атлантическом берегу Западной Африки.

Из других ганских историков активной научной деятельностью выделяется проректор университета в Кейп-Косте Ф. Агбодекка (род. 1931) — автор четырех монографий по истории Ганы XIX–XX вв. Последняя из них рассказывает историю первенца современного образования в Гане — колледжа в Ачимоте /171/. Остается добавить, что в Гане, как и в Нигерии, немаловажное значение в развитии исторических исследований имеет деятельность Исторического общества и издаваемого им квартального журнала.

В Народной Республике Бенин (бывшая Дагомея) изучение африканской этнографии, истории и лингвистики проводит основанный еще в 1942 г. Институт прикладных исследований, бывший одним из региональных отделений ИФАН. Здесь в годы французского господства и в первое десятилетие независимости работали крупные ученые-историки: Александр Аданде (род. 1913), А.Серпос-Тиджани (род. 1918), литературовед С.С. Адотеви (род. 1934). Институт периодически издавал научный журнал "Этюд даомеен" (всего вышло 15 номеров), издание прекратилось в 1969 г.

Вообще следует сказать, что бывшая Дагомея имела значительную по сравнению с другими африканскими странами прослойку интеллигенции. Но многие дипломированные историки переходили на работу в государственный аппарат, иные же в поисках лучших условий эмигрировали за рубеж, чаще всего возвращались туда, где получили высшее образование, — во Францию. Автор двух содержательных монографий Морис Глеле (род. 1934) почти 20 лет работает в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже и отвечает за выпуск многотомной "Всеобщей истории Африки"; во Франции постоянно проживает историк по образованию, известный писатель Жан Плийя (род. 1931); Альберт Тевоеджер (род. 1929), получивший диплом историка в Тулузском университете, ныне является одним из руководителей Международной организации труда в Женеве. Подобный список можно было бы продолжить.

Начавшийся осенью 1972 г. революционный процесс и переход Бенина на путь социалистической ориентации вызвал большие изменения в культурной и научной жизни, размежевание в рядах интеллигенции, перемены в персональном составе научных работников. К научной и преподавательской работе в Институте прикладных исследований и на историческом отделении Бенинского национального университета были привлечены новые люди, недавние выпускники университетов Сенегала и Франции. Нынешние молодые историки Бенина еще не создали крупных научных трудов. Исключение, пожалуй, составляет лишь руководитель исторического отделения Франсуа де Медейрос, защитивший в Сорбонне диссертацию на тему "Образ чернокожего на средневековом Западе в XIII-XIV вв." (работа готовится к изданию)^х. Кроме того, молодой бенинский историк Ж.А. Дживо в начале 1980 г. защитил трехтомную докторскую диссертацию о сопротивлении африканцев колониальному завоеванию Дагомеи в конце XIX в. /451/.

Для идеологического климата современного Бенина характерно стремление к изучению и творческому применению марксизма-ленинизма во всех сферах хозяйственного и культурного строительства, настойчивая воспитательная деятельность партии за создание гражданина нового типа — патриота, социалиста, труженика /117,

^х Из записи беседы с Ф. де Медейросом в Париже 25 января 1980 г. (архив автора).

7.1X.1978/. Естественно, что к политико-воспитательной работе среди студенчества и широких народных масс привлекаются преподаватели университета – ученые-историки, философы, лингвисты. Воспитывая массы, они сами овладевают теорией марксизма-ленинизма. Творческое применение диалектико-материалистической методологии к анализу общественных явлений прошлого и настоящего, разумеется, остается главной задачей будущего. Это верно не только для Бенина, но и для других стран социалистической ориентации в Африке.

В *Камеруне*, как и в других бывших французских колониях, научная деятельность в области истории первоначально проводилась местным отделением ИФАН. Накануне достижения независимости при финансовой помощи и методическом контроле французов возник Институт научных исследований Камеруна, а в 1962 г. в Яунде открыт университет, в составе которого имеется факультет словесности и гуманитарных наук с отделением истории.

В соответствии с провозглашенным в мае 1972 г. новым политическим курсом на так называемую мирную революцию в стране была проведена реформа системы учебных и научных учреждений. Созданная вскоре ОНАРЕСТ – Национальная служба научных и технических исследований (ныне – Генеральная дирекция научных и технических исследований) включала целый ряд научно-исследовательских институтов и подразделений, в том числе Институт общественных наук в г. Баменда. Его директором стал профессор Жозеф Мбуи, а руководителем отдела истории – Элдридж Мохамату, специалист по истории футбольной команды Северного Камеруна /135, 1975, № 2, с. 2–7/.

Другим центром изучения прошлого является отделение истории университета в Яунде. Здесь преподает один из видных историков современной Африки священник-иезуит Энгельберт Мвенг (род. 1930), получивший теологическое и философское образование в Бельгии и Франции. Круг его научных интересов широк: он историк, искусствовед, поэт, драматург, художник. Его докторская диссертация "Греческие источники негро-африканской истории от Гомера до Страбона" была защищена в Сорбонне и опубликована /343/. В ней анализируются многочисленные высказывания античных авторов об Африке и ее обитателях, их нравах, обычаях, образе жизни, общественном строе и культуре. Хотя Мвенг делает заключения весьма осторожно, общие выводы служат обоснованию цивилизаторской роли негритянских народов в древнем мире. Близость его подхода к концепциям негритюда проявляется и в постоянных выступлениях на проводимых в Дакаре конференциях и симпозиумах. Укажем также, что первая книга Мвенга "История Камеруна" (1963) получила премию Французской академии и до сих пор служит учебным пособием в лицеях страны. Из других камерунских историков, работающих в университете и ведущих интенсивные научные исследования, можно назвать М. Нтоне-Куо и Э. Гхомси, занимающихся довольно узкими проблемами национальной истории: первый изучает экономическое развитие г. Дуала, второй – историю народа бамилеке.

Картина развития исторической науки в Камеруне была бы неполной, если не отметить роль общественно-политического и литературного журнала "Аббия", начавшего выходить в 1963 г. на английском и французском языках. Помимо произведений художественной литературы, принадлежавших перу авторов-африканцев, журнал регулярно помещает разнообразные исторические материалы: как статьи и заметки камерунских историков, рецензии на их работы, так и народный эпос, легенды и сказания, отрывки из исторических хроник. Исторические публикации журнала "Аббия" направлены на пробуждение национального самосознания, на воспитание народных масс в духе патриотизма, на привлечение их к активному участию в проводимых властями политических и хозяйственных мероприятиях. Об этом красноречиво свидетельствует эпиграф, печатающийся на первой странице журнала "Мало довольствоваться регистрацией событий прошлого. Надо помогать моделировать будущее".

Эти правильные слова, однако, по-разному понимаются представителями различных идейных течений Камеруна. Социально-экономические и политические реалии страны капиталистической ориентации обусловили господство либерально-буржуазных концепций в общественной мысли. Показательны в этом отношении статьи ученого и публициста Б. Фонлона в журнале "Аббия", претендующие на философское осмысление африканской истории и современности. Так, в обширной работе "Задачи сегодняшнего дня" он повторяет весь набор обычных для умеренно-буржуазных теоретиков положений: демократия, всеобщее благоденствие, африканское единство. Научный социализм, полагает автор, для Африки неприменим; допускает он и антисоветские выпады /96, 1975, № 29-30, с. 68-73/. Такие взгляды Фонлона не случайны, поскольку он является одним из видных деятелей правящего режима и более пяти лет был министром. Рассуждая о "демократии", он не замечает, что идейных противников власти подвергают репрессиям — так, в 1974 г. был брошен в тюрьму видный публицист Марсиен Тоба, автор критической работы о негритюде.

В *Береге Слоновой Кости* процесс институционализации исторической науки начался с создания в Абиджане филиала ИФАН еще в годы второй мировой войны. В настоящее время основным центром исторических и этнографических исследований в стране является Абиджанский университет (открыт в 1964 г.), при котором с 1970 г. действует Институт африканской истории, искусства и археологии. Поначалу он занимался в основном сбором и изучением устной исторической традиции. Позже его деятельность расширилась, начали проводиться археологические раскопки в районах Эотиле и Конг. По данным на 1976 г., институт имеет семь отделов, среди них истории, археологии, устных традиций, искусства, в которых работало около 30 научных сотрудников. Задачи работы сформулированы весьма расплывчато: "Изучить культурные и исторические основания ивуарийской нации", — так написал в своем отчете ЮНЕСКО директор института Ж. Бони /30/, ни слова не сказав о делах.

И это не случайно, так как политический курс правящей верхушки, ведущей страну по капиталистическому пути, не создает благоприятных условий для развития национальной науки. Достаточно сказать, что подавляющее число преподавателей высшей квалификации и научных сотрудников по-прежнему неафриканцы. Вполне естественно, что руководитель исторического отделения университета К.Вонджи во время проводимого журналом "Презанс африкен" "круглого стола" с горечью констатировал, что в БСК учебные планы и программы скопированы с французской модели, а в лицеях французские преподаватели зачастую вообще не излагают историю Африки /138, 1972, № 81, с. 63/. Из работ историков БСК можно выделить только монографию молодого ученого Семи-Би Зана "Колониальная политика общественных работ в БСК" /394/, в которой на большом фактическом материале показано, какими методами и с какой целью французские колониальные власти создавали транспортную инфраструктуру.

Для изучения прошлого народов, населяющих БСК, много сделал известный писатель и этнограф Бернар Дадье (род. 1916), более десяти лет проработавший в местном филиале ИФАН. Б. Дадье на протяжении многих лет успешно занимался литературной деятельностью, изучал африканский фольклор и выпустил несколько сборников сказок и легенд. Имея значительный международный авторитет и будучи человеком умеренных политических взглядов, Дадье был назначен директором созданного в конце 1973 г. Института исторических и политических исследований, в административный совет которого вошли видные деятели правящего режима во главе с генеральным секретарем партии РДА Ясе. Институт был торжественно открыт 18 октября 1974 г. в Ямусукро (близ Абиджана) в день рождения президента Уфуэ-Буаньи, чье имя было ему присвоено.

С 1977 г. институт стал издавать журнал, в публикациях которого совершенно ясно подчеркивается прикладной, политико-пропагандистский характер этого учреждения. Ученые должны показывать деятельность правящей в стране партии РДА в борьбе за национальное освобождение и руководящую роль президента Уфуэ-Буаньи как основателя и вождя партии и государства. Изучение прошлого и современности, таким образом, поставлено на службу правящей элите страны. Другое направление работы института — воспитание молодого поколения в духе преданности партии и вождю, защиты ценностей "либерального общества" от тоталитаризма, коммунизма и анархизма. Таков смысл речи Ясе на открытии отделения института в Париже, где должна проводиться идеологическая обработка студентов из БСК, обучающихся во французских вузах /141, 1978, № 3, с. 6-7/. Так наука ставится на службу неокOLONIALИСТСКОМУ курсу внутренней и внешней политики в стране, где "деколонизация" истории, по существу, носит формальный характер.

В *Нигерии*, как отмечалось выше, раньше, чем в других странах Тропической Африки, оформилась современная африканская ис-

ториография. Давние традиции использования исторических знаний в борьбе за национальное освобождение, научно-исследовательские учреждения при университетах и активная деятельность исторического общества обусловили ведущую роль историков Нигерии в развитии исторической науки стран Африки к югу от Сахары. Немаловажным было и довольно успешное экономическое развитие страны, что позволило лучше, чем в других странах, финансировать научные исследования. Перу нигерийских историков принадлежат многочисленные научные работы: только в 1978 г. здесь, по данным справочника ЮНЕСКО, было опубликовано 116 книг по истории, в то время как в Кении — 9, Конго — 6, БСК — 2, Гане — 5, Сенегале — 2, Танзании — 10 /89, с. 1008/. Следует учесть, что большую часть своих работ африканские ученые печатают не на родине, а в развитых странах Запада. Тем не менее ведущая роль Нигерии отчетливо видна из приведенных статистических данных.

Самым крупным центром исторической науки в Нигерии является Ибаданский университет, где сосредоточена значительная часть научных кадров страны. В 1970 г. преподавательский состав отделения истории насчитывал 14 человек, из них три профессора и один доцент; почти все преподаватели — нигерийцы (лишь двое англичан). Они обучали около 600 студентов и 35 аспирантов /522, с. 17/.

Здесь долгое время работал один из основоположников национальной историографии К.О. Дике (род. 1917), книга которого "Торговля и политика в Дельте Нигера" /243/ озаменовала, по существу, переход от любительства к профессиональным научным занятиям историей. Влияние Дике на современных нигерийских историков еще сохраняется, хотя его довольно консервативные идейные позиции подвергаются пересмотру. Среди других видных ибаданских ученых прежде всего следует упомянуть Аде Аджайи (род. 1929), бывшего несколько лет ректором Лагосского университета, автора большого числа научных работ. Т. Тамуно — руководителя исторического отделения, О. Икиме, Э.А. Алагоа, Дж. Анене (ныне покойный). Все они разрабатывали важные проблемы истории Нигерии, преимущественно накануне и в годы колониального господства и в географических рамках южной части страны. Другое направление исследований связано с деятельностью группы молодых ученых, изучающих историю Северной Нигерии; можно отметить работу Р.А. Аделейе "Разгром халифата Сокото", С.А. Балогуну "Эмираты Гванду в XIX в.", диссертацию Г.О. Гбадамоси "Распространение ислама среди йоруба в 1841–1908 гг.", общую историю Северной Африки, которая принадлежит перу Д. Абун-Насра.

Наиболее солидные монографические исследования нигерийских историков публикуются в "Ибаданской исторической серии", вышедшей вначале под редакцией К.О. Дике, а теперь — А. Аджайи. В 70-е годы в этой серии увидели свет книги С. Акинто́йе "Революция и политика с позиции силы в Йорубаленде" /186/, Т. Тамуно "Эволюция Нигерийского государства: южная фаза" /407/, А. Афиг-
10 107

бо "Назначенные вожди. Косвенное управление в Юго-Восточной Нигерии" (1972), Д. Атанды "Империя Новый Ойо. Косвенное управление и изменения в Западной Нигерии" (1973). Молодой преподаватель Лагосского университета Э. Асиваджу защитил в Ибадане докторскую диссертацию "Западный Йорубаленд под европейским правлением. Сравнительный анализ французского и британского колониализма" /201/, которая также опубликована в серии. Все эти работы выполнены на широкой и разнообразной источниковой основе: использованы местные и английские архивы, воспоминания участников событий, редкие издания традиционной историографии йорубов. Хронологически книги "Ибаданской исторической серии" охватывают вторую половину XIX – начало XX вв. и освещают различные аспекты реакции африканцев на колониальную экспансию Англии; исключение составляет лишь книга Акинто́йе, в которой повествуется о внутренних конфликтах между феодальными государствами йоруба накануне их завоевания.

Говоря о достижениях ибаданских историков, исследователи иногда употребляют выражение "ибаданская историческая школа". Думается, однако, что прав канадский африканист М. Клейн, считающий, что о "школе" говорить не следует, ибо слишком многие нигерийские историки прошли через Ибадан /721, с. 111–112/. В самом деле, почти все преподаватели истории нигерийских университетов или учились или работали некоторое время в Ибаданском университете. Такая текучесть, естественно, не могла способствовать оформлению стабильной научной школы. Более обоснованным является термин, который употребляет Ю. Н. Зотова, – "нигерийская историческая школа" для обозначения большого отряда историков Тропической Африки, отличающегося определенным национальным своеобразием и особыми традициями. Тем не менее наиболее правильным представляется группировка ученых по идейно-методологическим течениям, на которые распадается любая географическая школа. В Нигерии, однако, такая дифференциация слабо прослеживается; очевидно, это объясняется многолетним запретом политической деятельности во время правления военных (после переворота 1966 г. и до введения гражданского правления в 1979 г.). Во всяком случае, нигерийские историки, в своем большинстве, еще находятся в плену буржуазных концепций, господствующих в историографии и африканистике Англии и – в меньшей степени – США.

Среди других крупных центров исторической науки в Нигерии следует назвать университеты в Лагосе, Ифе, Нсукке и Зарии, на севере страны, где ведутся широкие исследования по истории хауса, арабистике и исламоведению. В последние годы к существовавшим университетам добавились семь новых, которые постепенно набирают силу /148, 21.XI.1977/.

В стране регулярно проводит научные заседания Историческое общество, издаются журналы исторического профиля: "Журнал исторического общества Нигерии", "Западноафриканский археологический журнал", "Оду", "Тарих". Они не только способствуют разви-

146

тию научных исследований, но также служат делу популяризации исторических знаний в широких кругах интеллигенции.

Если в Ибадане историки по преимуществу интересуются прошлым йорубского народа, то в университете г. Нсукка, расположенном в стране игбо, в последние годы активизировались исторические исследования. События в Игболенде, объявленном сепаратистами независимой республикой Биафра, и последовавшая трехлетняя война привлекли внимание ученых различных профессий к этому району Нигерии. Был издан ряд исторических и социологических работ, претендовавших на объяснение корней происходивших трагических событий. И. Нэмиро опубликовал обширный историко-социологический труд "Исследования политических систем ибо" /362/. Две книги по истории игбо выпустила преподавательница университета в г. Нсукка Э. Исичеи, уроженка Новой Зеландии, вышедшая замуж за нигерийца и отражающая взгляды и интересы африканцев-игбо на прошлое их родины. Первая книга называется "Народ ибо и европейцы: от начала взаимоотношений до 1906 г." /285/, вторая — "История народа игбо" /283/. Руководитель Института африканских исследований в Нсукке С.Н. Нвабара в монографии "Иболэнд: столетие контактов с Британией, 1860–1960" /357/ изучает три главных фактора колониального проникновения англичан — торговлю, христианство и администрацию. Названные работы, а также ряд других, несмотря на легкий налет национализма игбо, вполне объяснимого в свете недавних событий, дают возможность лучше узнать прошлое одного из главных народов современной Нигерии.

На севере страны, в г. Зариа находится один из старейших университетов, где ведут широкие исследования по истории хауса, арабистике и исламоведению. Нигерийские историки, как правило, изучают богатое прошлое только своей страны или отдельного региона и редко выходят за географические пределы Нигерии. Исключение составляет молодой ученый О. Олорунтимехин (из университета Ифе), который исследует политические и идеологические аспекты французского завоевания Западного Судана, сопротивление африканцев европейской колонизации в масштабах всей Западной Африки. Перу этого историка принадлежит вышедшая в "Ибаданской исторической серии" монография, на большой источниковой базе освещающая развитие и гибель государства аль-Хадж Омара в середине XIX в. /385/.

Стали обращаться нигерийские ученые и к проблемам историографии. Первой книгой, посвященной истории исторической науки, стал сборник статей ректора Калабарского университета Э.А. Аяндеде "Африканские исторические исследования" /206/. Автор хорошо известен своими прежними работами, в которых исследовал историю африканской общественной мысли и ранние этапы националистического просветительного движения в Нигерии.

Крупным научным достижением нигерийской исторической школы является выпуск двухтомной "Истории Западной Африки" /276а/,

которая завершила многолетнюю работу большого коллектива ученых (см. /94, 1976, № 6/). Среди авторов наряду с западноевропейскими и американскими учеными находятся нигерийские историки Аде Аджайи, Р.А. Аделейе, А.А. Акинджогбин, Э.Д. Алагоа, А. Афигбо, О. Алуко. Редакторы книги – Аде Аджайи и М. Кроудер; она уже выдержала несколько изданий и приобрела широкую известность в странах Африки, в основном – англоязычных.

В среде нигерийских историков в конце 70-х – начале 80-х годов происходит определенная смена поколений – ученые старшего возраста отходят от активной исследовательской работы. Значительный урон науке нанесла междоусобная война, во время которой погиб профессор университета в Нсукке Дж. Анене, бывший одно время главой исторического отделения Ибаданского университета. Масштабный историк, К.О. Дике, игбо по национальности, покинув пост директора Института африканских исследований Ибаданского университета, перешел на сторону сепаратистов и был назначен послом Биафры в Париже, а затем уехал в США, где стал преподавать историю в Гарвардском университете. Много лет не появляется в печати имя М. Ачуфузи, получившего образование в ГДР и затем работавшего в Нсукке. Наконец, один из зачинателей исторической науки в Нигерии, С. Биобаку, перешел на административную работу в университетах Лагоса и Ибадана и, по существу, перестал вести научные исследования. Последнее, что вышло под его редакцией, был сборник статей по источниковедению истории йоруба (Оксфорд, 1973).

Таким образом, в нигерийской историографии в начале 80-х годов происходят серьезные кадровые и организационные изменения, научные исследования начинает новое поколение, выросшее в условиях независимого развития страны с ее сложными политическими и социально-экономическими проблемами. Тематика научных трудов этих историков расширилась, а их теоретические воззрения несут на себе отпечаток усложнившейся социальной действительности, обострившихся классовых противоречий.

Своеобразие возникновения национальной историографии в *Анголе, Мозамбике и Гвинее-Бисау* (о чем говорилось в 1 главе) проявилось и в формировании инфраструктуры науки. Первые ее элементы были созданы в годы вооруженной освободительной войны, причем далеко за пределами этих стран. Основанные же португальцами научные учреждения оставались до самой революции 25 апреля 1974 г. убежищем консервативных, неоколониалистских идейных и научных воззрений /666, с. 208–216/.

Понимая важность идеологического воспитания борцов за независимость на героических традициях африканских народов и роль исторических знаний в становлении нового человека, Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА) и Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) создали в эмиграции небольшие научные учреждения, имевшие целью разработку актуальных проблем истории,

социологии, педагогики, культуры. МПЛА основало в Алжире Центр ангольских исследований, а ФРЕЛИМО открыл в Дар-эс-Саламе Мозамбикский институт, который поначалу был учебным заведением, где занимались дети партизан, но затем стал вести определенную исследовательскую работу. Немногочисленные сотрудники именно этих учреждений подготовили первые сводные работы по истории своих стран, написанные с новых методологических позиций, близких к историческому материализму. В 1965 г. рабочая группа по истории и этнологии, которую возглавлял ученый-африканец Э. Абраншиш, издала в Алжире на португальском языке "Историю Анголы" /473/; несколько позже в Дар-эс-Саламе была опубликована "История Мозамбика" /474/, а в Париже - "История Гвинеи и Островов Зеленого Мыса" /472/.

Глубокие социально-экономические и политические преобразования последнего времени в Анголе, Мозамбике и Гвинее-Бисау сопровождаются ростом революционного патриотизма и сознательности, развитием новой культуры, распространением образования. Формируется национальная историческая наука: наряду с ветеранами национально-освободительного движения, такими, как Эдуарду душ Сантуш, Э. Абраншиш, Э. Герра (в Анголе), Марселину душ Сантуш, Ж. Кравейринья (в Мозамбике), исторические исследования ведут молодые ученые, недавние выпускники университетов стран социалистического содружества.

В Анголе, где уже появились кадры профессиональных историков, планомерно создается инфраструктура исторической науки. Центром изучения прошлого страны стал Национальный университет, факультет гуманитарных наук которого расположен в г. Лубанго (бывший Са-да-Бандейра). Факультет начал свою педагогическую и научную деятельность в марте 1976 г., сразу же после освобождения города от войск раскольников; его возглавляет выпускник университета Дружбы народов им. П. Лумумбы Мануэл Дифуила, работающий над монографией о помощи Советского Союза и других социалистических стран народу Анголы в завоевании национальной независимости. Однако два года спустя факультет был временно закрыт: как заявил ректор университета Аугусто Лопиш Тейшейра, это связано с острой нехваткой квалифицированных кадров. На базе факультета власти намереваются открыть новый вуз - Институт наук и образования /130, 5.У.1979/.

Другим научным центром Анголы, начинающим исторические исследования, стал историко-этнографический музей в Дондо, являющийся вторым по величине в Африке после Каирского. Его директором назначен Ж.Г. Луманисакио, выпускник исторического факультета Ленинградского университета /93, 20.1У.1978/. Проблема нехватки специалистов решается путем подготовки местных кадров как внутри страны, так и за рубежом; сознавая необходимость решения кадровой проблемы, МПЛА - Партия труда объявила 1979 год "годом подготовки кадров". В этом большую помощь оказывают Со-

ветский Союз, Куба и другие страны социалистического содружества. Были также приглашены некоторые португальские ученые, изъявившие желание сотрудничать с народной властью; так, в Анголу вернулся известный этнограф Жозе Рединья. Нет сомнения, что Партия труда и народное правительство преодолечат временные трудности и создадут благоприятные возможности для развития научных исследований, в том числе в области истории.

В *Мозамбике* после завоевания независимости подвергся коренной перестройке существовавший еще в годы колониального господства Институт научных исследований. Ныне он состоит из пяти отделов, главным из которых является Центр африканских исследований; перед ним поставлена задача создать новую историю страны, очищенную от псевдонаучных измышлений буржуазной историографии. Центр состоит из трех секторов: доколониальной, колониальной и современной истории /687, с. 24–25/. Научные исследования разворачиваются и в университете им. Э. Мондлане, ректором которого назначен выпускник Варшавского университета Фернанду Ганао.

В *Гвинее-Бисау* изучение истории, этнографии, социологии, языкознания сосредоточено в Центре научных исследований, в котором занято девять научных сотрудников (1976 г.). Возглавляет это научное учреждение выпускник университета Дружбы народов им. П. Лумумбы Мариу Сиссоку, готовящий монографическую работу по истории национально-освободительной борьбы.

В *Эфиопии* формирование современной исторической науки и ее инфраструктуры совпадает по времени с тем же процессом в других странах Африки к югу от Сахары. Университет в Аддис-Абебе был открыт в 1961 г., а спустя два года при нем стал функционировать Институт эфиопских исследований в качестве основного научного учреждения в области истории, этнографии, социологии и языкознания. Большинство его сотрудников были европейцами, а директором – английский ученый Р. Панкхерст. Позже был основан Институт археологии, который содержался за счет французской технической помощи /90, с. 77/.

Профессиональных историков местного происхождения было мало, образование они получали в учебных заведениях Западной Европы, преимущественно Англии. Ведущее положение среди них занимал Текле Цадек Меркурия, автор многотомной компилятивной истории Эфиопии, получившей одобрение императора. Книга стала основным учебным пособием в школах страны, а ее автор – министром. В целом эфиопская историография в 60-е – начале 70-х годов особых успехов не достигла, развиваясь в духе официальной идеологии прославления императорского режима, церкви и феодализма. В стране не было центрального государственного архива, а большие научные ценности – примерно 12–15 тысяч рукописей – хранились, как и сотни лет назад, в церквях и монастырях /526, с. 115–116/.

Существенные изменения в культурную и научную жизнь Эфиопии внесла антифеодальная, антимонархическая революция 1974 г.

Как мы указывали в гл. II, старая история была подвергнута сокрушительной критике, коренным образом перестроена вся система образования. На работу в Институт эфиопских исследований были приглашены молодые ученые – местные уроженцы, а во главе его стал видный историк прогрессивного направления Тадэссе Тамрат. Ныне в условиях углубления революционного процесса формируется новая эфиопская историография, главная цель которой – сознательное служение народу и революции. Характерными чертами этой историографии являются общая социалистическая ориентация, стремление овладеть марксистско-ленинской методологией, разрыв с прежними концепциями объяснения исторического прошлого.

Новое направление исторических исследований ученые социалистической Эфиопии продемонстрировали на состоявшейся в 1979 г. в Москве Всесоюзной конференции по эфиопским исследованиям. В ее работе приняли участие ученые трех ведущих научных учреждений страны: Института эфиопских исследований, политической школы "Екатит" и министерства культуры. Тематика представленных докладов, их содержание свидетельствуют о больших возможностях эфиопских историков в деле изучения актуальных проблем прошлого их страны.

В *Замбии* основанный еще накануне второй мировой войны Институт Родса – Ливингстона после достижения независимости стал называться Институтом африканских исследований и был присоединен к университету. Началась постепенная африканизация кадров; руководителем сначала был назначен нигерийский антрополог Филип Нсугве (бывший одно время главой отделения истории и культуры Лагосского университета), которого в 1973 г. сменил замбийский профессор Мубанга Кашоки. Институт в основном ориентирован на проведение социологических и этнографических исследований. Он поддерживает тесные контакты с Манчестерским университетом, где до своей смерти в 1975 г. работал крупный английский социал-антрополог Макс Глюкман, бывший долгое время научным сотрудником и директором Института Родса – Ливингстона. Итоги научных исследований замбийских ученых публикуются в журнале "Эфрикэн социал рисерч" (вышло уже 25 номеров) /101, № 25, 1977/.

Работы по исторической тематике публикуются в Замбии редко. Из наиболее серьезных, вышедших с грифом Института африканских исследований, следует назвать монографию Г. Меебело "Реакция на колониализм. Прелюдия к независимости Северной Замбии" /337/, которая охватывает период от завоевания страны англичанами до начала второй мировой войны. В предисловии к ней президент Кеннет Каунда высоко оценил стремление автора показать героическую борьбу африканцев против колониального господства. Президент рекомендовал книгу не только профессиональным историкам, но также политическим деятелям и широким кругам читателей.

В *Кении* функционируют два научно-исследовательских учреждения, изучающие ранние периоды истории стран Восточной Африки.

Первое из них – Британский институт истории и археологии, работающий под эгидой и с финансовой помощью Британской академии. Основное направление научных разработок девяти его сотрудников – древняя и средневековая история Кении, Танзании, Уганды, Восточной Замбии. Институт с 1966 г. издает ежегодник "Азания", помещающий статьи по археологии и доколониальной истории этого региона Африки. Публикуются специальные издания: выпуск У1 (1971) посвящен железному веку, выпуск ХП (1977) – позднему каменному веку. В Институте проходят стажировку выпускники исторического отделения университета в Найроби, однако подготовке кадров из местных уроженцев должного внимания не уделяется. По существу, этот институт является опорным пунктом английской африканистики на континенте и все исследования подчинены познавательным и идеологическим интересам буржуазной науки.

Важными научными достижениями прославилось второе научное учреждение – Национальный музей Кении, где долгие годы работали супруги Луис и Мэри Лики; с 1969 г. музей возглавляет их сын Ричард Лики. С целью увековечить память о Л. Лики правительство Кении с помощью международных организаций собрало средства и рядом с музеем был построен мемориальный Институт африканской предистории им. Л. Лики. Его директором назначен ведущий кенийский историк профессор Б.А. Огот, старшим научным сотрудником – Мэри Лики, кроме них в штате института состоит еще девять человек (1977/78 г.). Нельзя не отметить внимания к научному росту национальных кадров: в крупных ученых выросли кенийцы Бернар Нгэнео, сделавший важные археологические открытия, и заместитель директора Камойя Кимеу.

Основное направление научной работы музея и мемориального института – палеонтология и археология, причем раскопки ведутся, не только на территории Кении, но также в Танзании и Эфиопии. Работы кенийских ученых вносят серьезный вклад в изучение вопроса о происхождении человека и его эволюции на протяжении миллионов лет. В проспекте мемориального института говорится, что главное внимание будет уделено сбору и изучению ископаемых предков человека в Восточной Африке от 25 млн. до 10 тыс. лет назад и археологических данных человеческого вида, появившегося примерно 2,5 млн. лет назад /45/.

В области новой и новейшей истории в Кении работают преподаватели университета в Найроби, который в 1963–1970 гг. входил в состав объединенного университета Восточной Африки, а затем получил полную самостоятельность. Историческое отделение здесь в продолжение 15 лет возглавляет Б.А. Огот (род. 1929), один из видных историков Тропической Африки, автор нескольких содержательных исторических и этнографических работ. Под его редакцией вышла в 1968 г. коллективная работа историков трех соседних стран – Кении, Уганды и Танзании под заглавием "Замани. Обозрение восточноафриканской истории" /426/, в которой прослежива-

ется развитие народов региона от древности до завоевания независимости. Огот является редактором неперIODического сборника историко-этнографических статей "Хадис"; здесь публикуются как материалы конференций исторической ассоциации Кении, так и отдельные статьи, объединенные общей тематикой в специальные выпуски. Из последних изданий под редакцией Огота отметим сборник статей "Кения до 1900 г." /304/, посвященный доколониальному периоду населяющих страну народов — кикуйю, гусии, меру, каленжин и др. Из других кенийских ученых назовем Г.Вере (род. 1939), автора сжатой истории Южной Африки /425/, У.Очиенга (род. 1943), издавшего серию из пяти книг по истории различных районов Кении /374; 375; 376; 377/, и Э.Атиено-Одхиамбо (род. 1946), опубликовавшего сборник статей, в которых обсуждает ряд важных проблем методологии африканской истории /202/.

С 1970 г. в Найроби издается межафриканский исторический журнал "Трансэфрикен джорнел оф хистори" — совместная публикация исторических отделений университетов Макерере, Кении, Танзании, Замбии и Малави. В редколлегия вместе с В.Оготом (главный редактор) ныне входят Б.Кипкорир, П.М.Мутибва, Абдул Шериф. В отличие от историков других регионов Тропической Африки, печатающихся в основном в Лондоне, Париже и Нью-Йорке, ученые Восточной Африки имеют возможность издавать свои работы на месте — с 1966 г. существует книжное издательство "Ист-Эфрикен паблшинг хауз" с отделениями в Найроби, Кампале и Дар-эс-Саламе. Среди разнообразной печатной продукции этого издательства значительное место занимают книги и учебные пособия по истории, этнографии, социологии, лингвистике — вышло около 100 наименований. Ныне в связи с распадом Восточноафриканского экономического сообщества издательство переживает серьезные трудности, но не прекратило своей полезной деятельности /144, 28.1.1978/.

Немногочисленные историки Танзании сосредоточены на историческом факультете университета в Дар-эс-Саламе. Среди них наибольшим авторитетом пользуются И.Кимамбо, Дж.Гвасса и А.Тему (с 1979 г. работает в Нигерии). Серьезным вкладом в африканскую историографию явилась изданная Кимамбо и Тему "История Танзании" /276/, которая прежде всего предназначена учителям школ в качестве учебного пособия в соответствии с новой программой преподавания истории. В книге подвергнуты критике некоторые концепции буржуазной историографии, в частности хамитская теория и утверждения о "неисторичности" племен и народностей внутренней части страны. В 1980 г. вышла другая коллективная работа, в которой исследуется история Танзании под немецким и английским колониальным игом /409/.

Научные интересы танзанийских историков разнообразны: Кимамбо изучает по преимуществу этническую историю отдельных народностей и проблемы государственности в доколониальную эпоху; Гвасса и Тему основное внимание уделяют движению сопротивления

немецким колонизаторам и борьбе за национальную независимость. Нельзя не сказать о том, что идеологическая атмосфера в Танзании, избравшей путь социалистической ориентации, весьма благоприятна для развития науки, в том числе исторической. В стране создана Историческая ассоциация, члены которой выступают с лекциями и беседами в различных городах страны, способствуют повышению уровня преподавания истории в школе, приобщают студентов университета к исследовательской работе. Сам президент Ньерере проявляет заботу о развитии исторических знаний в стране. Во вступительной речи на открытии Международного конгресса историков в Дар-эс-Саламе в октябре 1965 г. он призывал к всестороннему изучению африканской истории подлинно научными методами, с использованием как письменных, так и устных традиционных источников. Полученные исторические знания должны стать достоянием молодого поколения /750, с. 12-13/.

В *Уганде* исторические исследования в университетеMakerere, который является старейшим в Восточной Африке, долгое время оставались привилегией ученых-англичан. Только в конце 60-х годов появляются первые профессиональные историки, вышедшие из местной среды. Самым известным из них является Али Мазруи (род. 1933), который, получив образование в Англии и США, занимал должность руководителя отделения политических наук университетаMakerere. Исключительно плодотворный автор, библиография трудов которого включает 17 книг и множество статей, Мазруи в равной степени интересуется новейшей историей Африки, социологией, современными международными отношениями, социальной психологией, этнографией.

Его идейно-политические воззрения часто испытывают резкие зигзаги, но употребляемая им иногда марксистская фразеология не должна вводить в заблуждение — в целом он занимает проимпериалистические политические позиции, допуская нередко антикоммунистические и антисоветские выпады. В свое время он выступал против прогрессивного курса Кваме Нкрумы, поведшего Гану по некапиталистическому пути, оказал полную поддержку военному перевороту Иди Амина /116, 1971, № 6, 3-5/. Впоследствии, вступив в конфликт с диктатором, он эмигрировал в США, где занял пост профессора политологии Мичиганского университета. Нелишне упомянуть, что в свое время Мазруи получал субсидии из Фонда Рокфеллера, а в 1979 г. был приглашен английской радиовещательной корпорацией выступить с шестью получасовыми лекциями о взаимоотношениях современной Африки со странами Запада.

В 1980 г. эти лекции были опубликованы отдельной книгой под заглавием "Состояние Африки. Политический диагноз" /324/. Влиятельный в англоязычных африканских странах журнал "Уэст Африка" поместил о ней рецензию под характерным заглавием "Проповедник парадоксов", в которой едко высмеял претензии автора с высоты своей учености поучать всех и вся /148, 7.1.1980, с.21-

22/. И в самом деле, Мазруи в своих радиолекциях пытался выступить в роли "социального лекаря" — установить диагноз всех хронических болезней современной Африки (он называет их "парадоксами"), прописать наиболее приемлемые рецепты лечения. Исторический опыт он привлекает для обоснования футурологических схем развития стран Африканского континента на путях умеренной модернизации социально-экономических структур, укрепления связей с западными капиталистическими державами. К Мазруи с полным основанием можно отнести те слова, которые сказали южноафриканские коммунисты о нигерийском экономисте Огунсанво, рьяном проповеднике буржуазной идеологии (см. гл. II, 3 настоящей работы).

То, что именно Мазруи назначен редактором последнего, восьмого тома выпускаемой ЮНЕСКО "Всеобщей истории Африки", где освещаются события накануне и после достижения независимости африканскими народами, заставляет насторожиться и поставить вопрос: насколько нынешний профессор американского университета отражает историческую мысль современной Африки? Не перестал ли он быть представителем национальной африканской историографии?

Другим видным историком страны был Семакула Киванука, защитивший в 1965 г. в Лондонском университете диссертацию по истории Буганды от создания королевства до 1900 г., которая была издана в 1971 г. /310/. Работа построена на тщательном анализе устной исторической традиции, записанной еще в начале века Аполо Каггвой. Кивануке принадлежит критическое издание и перевод на английский язык этого важнейшего памятника традиционной историографии /311/. Военный переворот 1971 г. внес драматические изменения и в жизнь Кивануки: плохо ориентируясь в происходивших событиях, он поддержал свержение прогрессивного правительства М. Оботе. Киванука был одним из делегатов на конференции министров иностранных дел ОАЕ в Аддис-Абебе, обсуждавшей в феврале 1971 г. события в Уганде, затем выступил перед студентами университета с лекцией, в которой критиковалось решение ОАЕ /739, с. 220/. Вскоре, однако, ему тоже пришлось эмигрировать в Англию.

За восемь лет кровавой диктатуры Иди Амина, разрухи и хаоса, а также последовавшей войны пострадала не только экономика страны; полностью дезорганизована интеллектуальная жизнь, научные и учебные заведения продолжительное время не функционируют. Многие ученые, скрываясь от преследований, были вынуждены эмигрировать; некоторые из них погибли. События в Уганде не были чем-то исключительным: в условиях политической нестабильности и острых вооруженных конфликтов экономика, наука и культура стран Тропической Африки терпят огромный урон (Чад, ЦАР и некоторые другие). Потребуется много времени и усилий, чтобы восстановить научный потенциал Уганды.

Из стран Экваториальной Африки историческая наука лучше всего обеспечена научно-исследовательскими учреждениями в Заире и Народной Республике Конго.

В *Заире* долгое время занятия историей, как и другими общественными науками, были привилегией клерикальных профессоров католического университета Лованиум в Киншасе, в основном бельгийцев. В 1971 г. в соответствии с провозглашенной политикой заиризации общественной жизни страны на принципах "мобутизма" была проведена реформа высшего образования – создан единый Национальный университет Заира с отделениями в трех главных городах: Киншасе, Лубумбаши и Кисангани. В основу реорганизации вузовской системы были поставлены следующие положения: концентрация руководства и материальных средств; специализация отделений (кампусов); политизация обучения, т.е. прямой политический контроль со стороны властей над учебным процессом, а также обязательное участие преподавателей и студентов в проводимых политических и пропагандистских кампаниях. Преподавание африканской истории, как и научно-исследовательская работа в этой области, сосредоточены в отделении университета в Лубумбаши, где изучаются и некоторые другие общественные дисциплины – антропология, философия, социология, политология /143, 1972, № 1, с. 95–109/.

В конце 1973 г. при историческом отделении в Лубумбаши был организован Центр исследований и документации Центральной Африки, перед которым поставлены задачи сбора письменных и устных источников по истории Заира и сопредельных стран, координации научной работы историков всей страны. В его деятельности принимают участие все 28 историков университета, для которых педагогическая работа тесно связана с научно-исследовательской; свои научные труды они публикуют в малотиражном журнале "Ликундоли". Директором Центра является профессор Ндайвел Нзием, избранный президентом Общества заирских историков /346, с. 250/.

С 1970 г. университет издает исторический журнал "Этюд д'истуар африкен" (один-два выпуска в год); авторами большинства статей, а в первых номерах журнала – всех статей, были европейцы и американцы. Отмечая это явление, ректор университета епископ Чишику Чибангу был вынужден признать, что, хотя историческое отделение университета существует с 1966 г., подготовка национальных кадров началась с большим опозданием и Заир в этом отношении отстает от других африканских стран. Только в 1970 г. были выпущены два первых дипломированных историка, затем их число стало быстро расти: в 1971 г. – 14, 1972 – 38, 1973 – 46. Всего к концу 70-х годов в Заире насчитывалось более 300 профессиональных историков, большинство из которых преподает в школах; многие заняты в государственном аппарате, прессе, партийных и молодежных организациях.

С запозданием началась подготовка профессиональных историков высшей квалификации: на Международном конгрессе африканистов в

Аддис-Абебе (1973) отмечалось, что в Заире восемь молодых ученых работали над докторскими диссертациями на родине и четверо за рубежом (Бельгия, США) /29/. Кроме того, к концу 70-х годов во Франции были выполнены еще четыре докторские диссертации: Чисунгу Лубамбу и Мутамба Макомбо изучали период политического пробуждения в бывшем Бельгийском Конго, Чибенда Мулаши – колониальный режим в провинции Киву в 1900–1960 г., наконец, упомянутый выше Ндайвел посвятил свою работу этноистории двух народностей южной части Заира. По экономической истории Заира опубликованы авторефераты двух защищенных диссертаций: одна из них освещает последствия мирового экономического кризиса 1929–1930 гг. для горнодобывающей промышленности Катанги, в другой исследуются различные аспекты торговой деятельности в провинции Касаи в годы бельгийского колониального господства /100, 1977, № 4, 177–180/.

Современные заирские историки: руководитель исторического отделения университета Диманжа Лухаки, Коду Музонги, Ф. Муламба-Мвулуя – опубликовали сравнительно небольшие работы по отдельным проблемам национальной истории. Следует назвать также имена двух ученых, оказывающих немалое влияние на современную заирскую историографию и в определенной мере отражающих противоречивость ее становления. Автор романов и поэтических сборников В.И. Мудимбе, бывший в 1972–1974 гг. деканом факультета словесности в Лубумбаши, опубликовал книгу по теоретическим вопросам африканской этнографии. Эта работа свидетельствует о методологической беспомощности автора, его попытке найти выход из идейного тупика за счет изобретения “новой” разновидности философии, стоящей на равном удалении от западной буржуазной и марксистской /341/.

Клерикальную струю в общественной мысли современного Заира представляет епископ Чишику Чибангу, призывающий в своих публикациях “африканизировать” католическую религию, усилив ее воздействие на массы с помощью “обращения к истокам” африканской религиозности. Занимая влиятельный пост ректора университета, он является проводником официальной идеологии “мобутизма” в деле подготовки кадров специалистов.

Среди проживающих в эмиграции уроженцев Заира своими научными работами привлекают внимание двое – Э. Мбокولو и А. Кашамура. Эликия Мбокولو (род. 1944) после окончания Высшей нормальной школы в Париже и защиты докторской диссертации был в 1978 г. назначен руководителем Центра африканских исследований Высшей школы социальных наук Франции. Его научные работы посвящены изучению французской колониальной экспансии в страны Экваториальной Африки; в последнее время он стал разрабатывать новое направление исследований, которое можно назвать исторической экологией. Проживающий постоянно в Бельгии этнограф А. Кашамура опубликовал несколько монографий, в которых исследуется феномен аккультурации в современном заирском обществе. В его научных

работах и публицистических выступлениях прослеживается влияние идей африканской революционной демократии /347, с. 254–257/.

В 1974 г. по инициативе президента Мобуту в г. Лубумбаши собрался первый национальный семинар заирских историков, чтобы обсудить возможности, как выражались ораторы, "написать подлинную заирскую историю Заира". Во вступительной речи проректор университета Коли Эломбе подверг резкой критике европейскую буржуазную историографию, призвал очистить национальную историю от фальсификаций колонизаторов и поставить изучение прошлого на службу настоящего этапа заирской "революции". В конечном счете, несмотря на словесную борьбу против империализма и неокOLONиализма, в современной заирской историографии по-прежнему сильны клерикально-консервативные воззрения в сочетании с реакционным неотрадиционализмом и национализмом, возведенными в государственную идеологию. Это не удивительно, если вспомнить об основных направлениях внутренней и внешней политики правящий кругов Заира в последние годы /420, с. 68–81; 99, 1977, № 70, с. 90–95/.

В *Народной Республике Конго* изучение прошлого началось, по-существу, лишь недавно, когда утвердился курс на развитие страны по некапиталистическому пути. Основные силы историков сосредоточены на историческом отделении Браззавильского университета, где последовательно проводится замена иностранных специалистов национальными кадрами: в 1976 г. здесь работали девять конголезцев, три француза и один советский преподаватель /520/. Руководителем этого коллектива является Д. Нгойе-Нгалла, специалист в области древней и средневековой истории. Активную исследовательскую работу проводят Д. Буссуку-Бумба, изучающий сопротивление народов Конго французскому завоеванию в начале XX в., А. Аисси и С. Макоссо, специализирующиеся по новейшей истории Африки. В 1978 г. при университете открыта научно-исследовательская лаборатория антропологии, проводящая этнографическое и историческое изучение населения страны; стал выходить журнал "Каё конголез д'антроположи э д'истуар".

Самым плодовитым из современных конголезских историков является Теофиль Обенга (род. 1936), автор семи монографий и многих статей, охватывающих широкий спектр проблем африканской истории, этнографии, лингвистики. Исследовательскую работу он совмещает с преподаванием в университете и активной политической деятельностью – более трех лет (1975–1979) он был министром иностранных дел НРК. Получив во Франции египтологическое образование, Обенга в книге "Африка в древности. Египет фараонов – Черная Африка" /364/ предпринял попытку более солидно, чем Ш.А. Диоп, обосновать тезис о негро-африканском происхождении древнеегипетской цивилизации. Несмотря на то что для доказательства автор привлекает обширный археологический и лингвистический материал, концептуальная "заданность" мешает ему критически рассмотреть весь комплекс фактических данных; поэтому в своих вы-

водах Обенга не продвинулся по сравнению с тем, о чем писал его предшественник 20 годами раньше.

В книге "Конголезская впадина. Люди и структуры" /363/ Обенга описывает эволюцию традиционных институтов народности мбоши, населяющей одну из областей Конго. Работа привлекает широтой охвата различных сторон жизни традиционного сельского общества, мало затронутого современной цивилизацией. Нельзя не упомянуть, что в интервью газете "Этумба" автор заявил, что он впервые трактует столь сложный сюжет в свете марксизма /124, 20.III. 1976/. За эту книгу Обенге вручена одна из литературных премий Франции /132, 1978, №2, с.225/. Его работа "Заир: традиционные цивилизации и современная культура" /370/ свидетельствует о творческом росте ученого и расширении диапазона его исследований.

В Руанде в 1950 г. бельгийской колониальной администрацией был открыт небольшой научный центр как филиал Института научных исследований в Центральной Африке, общего для Заира, Руанды и Бурунди. После предоставления стране независимости центр в г. Бутаре перешел в формальное ведение местных властей, однако по заключенной конвенции бельгийцы сохраняли на 12 лет право вести здесь научные исследования. Фактически научный центр в Руанде продолжал оставаться, как и прежде, полевой базой бельгийской африканистики. Здесь долгое время работали видные ученые: историки и этнографы Ж.Маке, Я.Вансина, М.Дертефельт, археолог Ф.Ван-Нотен, археолог А.Купез. Только в конце 1976 г. был назначен директором руандиец М.Ругамба. Изучение истории страны специалистами местного происхождения, по существу, только начинается. Единственный крупный историк-руандиец Кагаме был мало связан с научными центрами, в основном получал материальную поддержку от католической церкви и лишь недавно стал работать в местном университете.

Алексис Кагаме (род. 1912) обладает разносторонними познаниями и с успехом выступает как писатель, историк и философ. Он окончил католическую семинарию на родине, в 1941 г. стал священником и редактором клерикального журнала "Кинья-Матек". В начале 50-х годов в Брюсселе печатаются первые научные исследования Кагаме, посвященные политическим и социальным отношениям доколониальной Руанды по данным устной исторической традиции. В папском Грегорианском университете он защищает диссертацию на степень доктора теологии по этнофилософии руандийцев /294/, в которой полемизирует с нашумевшей книгой бельгийского миссионера П.Темпельса "Философия банту". Однако подход к теме у обоих авторов одинаков: чтобы более успешно внедрить христианскую религию среди африканцев, следует глубоко изучить систему моральных ценностей, обычаи и верования различных народов; надо найти у них такие философские основания, которые позволят безболезненно перейти от языческого многобожия к христианскому

монотеизму. Эти же идеи пронизывают и работу Кагаме "Сравнительная философия банту" /293/.

Философско-богословская тематика не является главной в творчестве Кагаме. В его обширной библиографии – более 20 отдельных книг и брошюр – преобладают сюжеты исторические, и даже в его поэмах на первый план выступают исторические события недавнего прошлого. В отличие от многих африканских историков Кагаме публиковал свои произведения не только на европейских языках (в основном – французском), но и на местном языке – киньяруанда. На нем напечатана двухтомная "История Руанды" (Кигали, 1959), "Прибытие европейцев в Центральную Африку" (Кигали, 1947) и все поэтические сборники.

Опубликованные Кагаме поэмы исследователи с полным основанием называют монархическими. Часть из них представляет записи героических песен о славных деяниях королей и принцев Руанды, другие же сочинены самим Кагаме, но их объединяет одна идея – призыв защищать трон и короля от всех внутренних и внешних врагов. Кагаме пытается исторически доказать извечность крепостного состояния хуту и господствующее положение другой этнической группы Руанды – тутси. Следует, однако, заметить, что эти взгляды характерны для раннего периода творчества Кагаме (40-е – начало 50-х годов). Позднейшие события в мире и в самой Руанде – свержение монархии, военные перевороты, кровавые межэтнические столкновения – заставили историка смотреть на прошлое более объективным и беспристрастным взглядом, хотя пропаганда христианской религии и ее благодетелей остается главным содержанием многих его работ.

Клерикализм в творчестве Кагаме тесно переплетается с неотрадиционализмом: его исторические взгляды сложились в значительной степени под влиянием понятий и представлений господствовавшей в стране феодальной идеологии. В конкретно-исторических трудах, опубликованных в 50-е – начале 60-х годов, содержится ценный фактический материал по истории, этнографии, обычному праву руандийцев в доколониальные времена, однако он часто подается в "сыром" виде, без систематизации и строгого научного анализа. Для Кагаме характерна подмена социального анализа событий и явлений общечеловеческим, с особым упором на специфику мышления и психологии африканцев-банту; часто встречаются формально-юридические или лингвистические объяснения исторических фактов и процессов. Преимущество исторических поколений и их гармоническое сосуществование, за что так ратуют историки-неотрадиционалисты, переходят у Кагаме в единство прошлого, настоящего и будущего, которые составляют неразрывный континуум. Именно таково его понимание концепции истории в мышлении народов банту, сформулированное в статье в коллективной монографии ЮНЕСКО "Культуры и время" /292/. Более подробно мы рассмотрим взгляды Кагаме в главе 1У настоящей работы.

Будучи одним из видных африканских ученых, Кагаме оказывает определенное воздействие на развитие историографии, философии, религиоведения в таких странах Тропической Африки, как Руанда, Бурунди, Заир, Народная Республика Конго, где сильно влияние католической церкви. Его идейно-политические взгляды пережили значительную эволюцию как под влиянием внешних социальных факторов, так и в результате творческого созревания и развития самого ученого. Однако у нас нет оснований считать, что его мировоззрение изменилось коренным образом; он остается представителем консервативного, неотрадиционалистского направления в современной африканской историографии.

Существенной стороной историографии, как отмечала М.В. Нечкина, является изучение жизни и деятельности отдельных ученых: "Историю пишут историки – живые люди, участники исторических событий, деятели своего времени. Их роль в науке исключительно велика" /607, с. 25/. Можно добавить, что именно они приводят в движение сложную инфраструктуру современной исторической науки: без людей ни одно научно-исследовательское учреждение, ни одно научное общество, ни один журнал не могут существовать. Остановимся подробнее на вопросе о том, как обеспечена кадрами африканская историческая наука.

Развитие национальной историографии в Тропической Африке за последние 20 лет сопровождается ростом числа историков-африканцев, повышением их профессионального уровня. Этот рост невозможно отразить в точных цифрах, однако некоторое представление дают сведения, приводимые в публикациях ЮНЕСКО. Так, вышедший в 1963 г. справочник содержит краткие биографические данные о 2072 ученых различных стран мира, специализирующихся в области африканистики; среди них приводятся имена 120 ученых, уроженцев стран Африки к югу от Сахары. Половина из них жила и работала в Нигерии и Гане. Любопытно распределение этих ученых по отраслям науки: больше всего социологов (28), затем идут экономисты (18), антропологи-этнологи (16) и педагоги (16). Историков учтено всего 13 человек, из них в Нигерии проживало 7 (К.О. Дике, С. Биобаку, А. Аджайи, Д. Анене и др.), в Гане – 2 (А. Боахен, А. Андо), по одному – в Кении (Б. Огот), Сенегале (А. Ли), Верхней Вольте (Ж. Ки-Зербо) и Гвинее (Д. Ниань). Разумеется, распределение ученых между различными отраслями науки в справочнике весьма условное: список историков не включает, например, таких уже тогда известных ученых, как Ш.А. Диоп (Сенегал) и А. Кагаме (Руанда), зато названы несколько человек, которые ничем себя не проявили в науке (подсчитано по /517/).

К сожалению, подобных биографических справочников об африканистах мира ЮНЕСКО больше не издавала, поэтому можно только косвенным путем судить об изменении количественного состава африканских ученых, их распределении между странами и научными

дисциплинами. Приходится оперировать более суммарными и неполными данными других статистических источников.

По сведениям научного управления ЮНЕСКО для Африки (Найроби) в 1970 г. в 40 странах Северной и Тропической Африки насчитывалось 46 научно-исследовательских учреждений в области социальных и гуманитарных наук, в которых работало 216 научных сотрудников, занятых полное время, и 126 – по совместительству /90, с. 282/. Можно предположить, что большая часть научных учреждений и ученых была сосредоточена в арабских странах Северной Африки. Кроме того, приведенные цифры показывают преобладание в инфраструктуре общественных наук карликовых исследовательских центров, где в среднем занято 5 ученых.

Что касается отдельных стран Тропической Африки, то по некоторым из них имеются данные за 1969–1972 гг. о наличии кадров специалистов в области социальных и гуманитарных наук. Следует учесть, что по принятой ЮНЕСКО терминологии под социальными науками понимаются антропология, этнология, демография, экономика, лингвистика; к гуманитарным наукам относятся первобытная история (предыстория) и история, философия, религиоведение, искусствоведение и литературоведение. Условность подобной классификации очевидна; впрочем, в цифровых данных ежегодников ЮНЕСКО социальные и гуманитарные науки часто не разделены.

Как и следовало ожидать, наибольшим числом специалистов располагает Нигерия – самая населенная и экономически развитая страна Тропической Африки: в 1969 г. она имела 201 ученого, занятых полное время научной работой (сведения о последующих годах отсутствуют). В Замбии в том же году работало 55 специалистов общественно-гуманитарного профиля, а в 1976 г. – 24; в Конго – 8 (в 1977 г. – только 2), Руанде – 4, Малави – 6; Габоне – 4. Довольно многочисленные кадры ученых имеет Сенегал – в 1972 г. в его научных центрах было занято 22 человека на полной ставке и 186 – совместителей (в основном преподаватели университета, совмещающие научную и педагогическую деятельность). Неожиданно высоким оказывается численность ученых в Береге Слоновой Кости /48/, Верхней Вольте /25/, Чаде /26/; это вероятно, объясняется тем, что были учтены специалисты-неафриканцы, работающие по линии различных научных учреждений Франции – ОРСТОМ, Национального центра научных исследований, министерства по делам университетов /87, с. 592–593; 88, с. 462–469; 89, с. 771/.

Приведенные цифры, несмотря на их неполноту, позволяют сделать вывод о росте числа африканских ученых, изучающих различные аспекты прошлого и настоящего стран Африканского континента. Происходят изменения и в системе формирования кадров историков: если в начале 60-х годов все они, за редким исключением, получали профессиональную подготовку в западных странах, то в 70-е годы возрастает число ученых, закончивших африканские университеты; докторские диссертации все чаще защищаются на месте,

особенно в Нигерии. Тем не менее влияние идейно-теоретических школ и направлений бывших метрополий на молодую африканскую историографию остается значительным. Оно осуществляется прежде всего через систему подготовки кадров, присвоения докторских степеней, без которых невозможно получить место преподавателя университета или научного сотрудника, а также путем стажировки ученых-африканцев в научных и учебных заведениях западных стран. Кроме того, в этом направлении действует практика приглашения ведущих ученых Африки в университеты США для чтения лекций в течение учебного года.

Мы имеем возможность проследить связи историков франкоязычных стран с официальной наукой современной Франции. В опубликованном в 1978 г. координационном списке выполняемых во Франции докторских диссертаций в области гуманитарных наук, где объявлены темы, утвержденные с конца 1973 г. до мая 1978 г., по междисциплинарному разделу "африканистика" перечислена 31 работа (социология, этнография, литературоведение), причем большинство авторов - африканцы. В рубрике "история" различные проблемы прошлого Африки исследуются в 75 диссертациях, которые распределяются следующим образом по периодам: общие проблемы истории - 5, доистория - 4, древняя история - 3, средние века - 1, новая история - 8, новейшая история (1789-1914) - 26, период после 1914 г. - 28. Очевиден особый интерес к современности. Примерно две трети диссертаций (49 из 75) выполняются африканцами (подсчитано по /510/). Примерно то же соотношение дает анализ неопубликованных данных, подготовленных Центром африканских исследований Сорбонны, о проводимых научных исследованиях в области африканской истории в университетах Парижа /48/. Можно, таким образом, констатировать, что привлечение к исследовательской работе во Франции большого числа молодых африканцев, с одной стороны, увеличивает научный потенциал бывшей метрополии, а с другой - является важным рычагом идеологического воздействия на научную элиту Африки, "экспортируя" через нее различные буржуазные и реформистские концепции.

Научное руководство диссертантами осуществляют видные французские историки-африканисты различных идейно-методологических направлений: марксист К. Кокри-Видрович, социалист П. Персон, левый радикал Ж. Баландье, ученые умеренно-либеральных взглядов Ж. Девисс, Ж.Л. Мьеж, К. Яконо, консерватор А. Брюнсви́г (мы называем лишь самых известных). Нельзя, разумеется, думать, что передача идейных взглядов от учителя к ученику происходит автоматически, - на самом деле это чрезвычайно сложный гносеологический и психологический процесс, еще мало изученный (см. /603, с. 184; 625, с. 181-186/). Трудно, однако, отрицать определенное воздействие модных концепций и доктрин современной французской историографии и африканистики на идейные искания молодых африканских ученых, получивших образование во Франции.

В англоязычных странах Тропической Африки (Нигерия, Гана, Кения, Уганда, Танзания, Замбия и др.) ученые-историки старшего поколения, за редкими исключениями, получили профессиональную подготовку в учебных заведениях Англии и США. И даже в тех случаях, когда заканчивали местные университеты, они потом отправлялись за границу для подготовки диссертаций и получения докторских степеней.

Интересно в этом отношении познакомиться с персональным составом преподавателей исторических отделений университетов трех восточноафриканских стран – Кении, Уганды и Танзании. В 1977/78 учебном году в университете Найроби преподавало 14 историков, из них 12 – местные уроженцы. Где же они обучались? Заведующий отделением профессор Б. Огот – доктор Лондонского университета, его помощник Г. Вере – доктор Уэльсского университета. Старшие преподаватели Г. Муриуки, А. Салим и Б. Кипкорир защитили докторские диссертации в Лондоне, а М. Огуту – в Питтсбурге (США). Среди младших преподавателей лишь двое получили научную подготовку на месте, еще двое – в США и по одному – в Индии и Франции /523/. В том же учебном году в университетеMakerere (Уганда) из семи преподавателей истории докторские степени получили в США – трое, в Англии – двое; один окончил Легонский университет в Гане. Только один младший преподаватель, еще не имеющий даже степени магистра, не обучался за границей /509/. Примерно такое же положение в университете Дар-эс-Салама: в 1978/79 учебном году девять историков были подготовлены в Англии и США и только двое – на месте. Добавим, что здесь, кроме танзанийцев, преподавали еще два историка-иностранца, оба выпускники американских университетов /521/. О последствиях такого положения с кадрами мы уже говорили.

На рубеже 80-х годов усиливается действие и другой тенденции: все больше молодых африканцев получают марксистское образование в СССР и других странах социалистического содружества. Их число постоянно растет в Конго, Анголе, Мозамбике, Мали, Эфиопии, Нигерии и других странах. Подготовка научных кадров в социалистических странах способствует освобождению Африки от научно-технической монополии Запада, помогает "деколонизации" африканской истории.

4. Сотрудничество африканских историков

Долгое время усилия африканских стран в развитии своей научной инфраструктуры оставались разобщенными, хотя необходимость создания межафриканских региональных научно-исследовательских учреждений признавалась многими учеными. Такого рода кооперация диктовалась как финансовыми трудностями и отсутствием специалистов, так и необходимостью проводить полевые экспедиции на территории нескольких государств. Значительную помощь, материальную и методическую, африканским странам оказывает ЮНЕСКО.

На 17-й сессии Генеральной конференции (1972) был принят обширный план изучения устных исторических традиций и национальных языков африканских народов, рассчитанный на 10 лет /85/.

Первенцем региональных научных учреждений исторического профиля стал открытый в 1968 г. в г. Ниамее (Республика Нигер) Региональный центр по сбору устной исторической традиции. Вначале он работал под эгидой ЮНЕСКО, затем был передан в ведение Организации африканского единства. Соглашение о его функционировании подписали 16 стран Западной Африки; главная задача этого Центра – собрание, запись, систематизация и изучение героического эпоса, сказаний и мифов африканских народов. Сбор и публикация источников африканской истории, как устных, так и письменных, – не только исключительно важное мероприятие, направленное на расширение источниковой базы научных исследований, но и срочное, ибо источники подвергаются разрушительному воздействию тропического климата и неумолимого времени, уносящего сказителей-традиционалистов.

Региональный центр в Ниамее начал публикацию двух серий монографий; первая посвящена африканским языкам, вторая носит заглавие "Африканские цивилизации". В последней серии вышла книга под редакцией директора Центра Диулде Лайа, в которой собраны статьи ведущих специалистов о методических проблемах сбора и критического анализа устных исторических источников /416/.

Из крупных публикаций самих источников следует назвать серию из 9 томов с записью исторических сказаний фульбе Северного Камеруна, собранных с большим мастерством Э. Мохамату. Тщательный анализ текста, обширные историко-географический и лексический комментарии, сопоставление устных традиций с письменными источниками позволяют считать это издание образцовым. Не удивительно, что работами Мохамату заинтересовались японские африканисты, издавшие два тома этих сказаний в Токио (1979). Многие сделали ниамейские ученые по сбору сказаний, легенд, песен других народов Западной Африки: бамбара, хауса, сонгаев, канури. Большой интерес представляет проведенная под руководством Д. Лайа полная перепись и научная классификация хранителей исторической традиции, проживающих в Республике Нигер /47/. Анализ этих данных позволяет представить более ясно социальную роль донанучной истории в современном африканском обществе.

В ноябре 1973 г. в г. Томбукту (Республика Мали) было открыто новое региональное научно-исследовательское учреждение – Центр документов и исторических исследований имени Ахмеда Баба. Перед ним поставлена задача сбора письменных источников, их сохранения и научной обработки. В плане научных поисков здесь открываются широкие перспективы, так как в большой излучине Нигера, по некоторым предположениям, в частном владении находится несколько тысяч арабских рукописей; отдельные из них могут оказаться ценным приобретением для исторической науки. Центр, од-

нако, долгое время бездействовал из-за отсутствия средств для финансирования исследовательских работ^х, лишь недавно ЮНЕСКО выделила ему денежную помощь /77, с. 45/.

Кроме Центра в Томбукту, собиранием письменных источников, в основном арабоязычных, стал заниматься международный коллектив ученых в Аккре (Гана). Предложение о публикации письменных документов по африканской истории на языке оригинала с переводом на европейские языки и с критическим комментарием было высказано давно, но лишь теперь проект перешел в стадию исполнения /33/.

Научно-исследовательская работа региональных центров исторического профиля встречается с большими трудностями и развивается волнообразно: периоды активных исследований сменяются годами полного бездействия. Это объясняется рядом причин, но главная из них – слабая материальная база, обусловленная бедностью государств, финансирующих научные учреждения. Отсюда большая текучесть кадров научных сотрудников, рассматривающих работу в этих учреждениях как временную, пока не подыщется должность преподавателя университета или чиновника. Наконец, нельзя не упомянуть о трудностях публикации итогов научной деятельности – часто интересные материалы остаются неизвестными науке из-за невозможности их обнародовать.

Научные учреждения в Нямее и Томбукту функционируют поэтому с большими перерывами. В одном из документов ЮНЕСКО, датированном 22 декабря 1976 г., отмечается, что Центр в Нямее находится в состоянии "полного бездействия" /69/. В 1974 г. ЮНЕСКО приняла решение открыть в Африке еще три исследовательских учреждения по изучению фольклора и языков; для Центральной Африки – в Яунде, для Восточной – в Дар-эс-Саламе и для Южной – в Лусаке /76, с. 159/. Пока же открыты центры в Яунде и на Занзибаре, однако никакие сведения об их научной деятельности в ЮНЕСКО не поступали. ЮНЕСКО не имеет возможности эффективно контролировать работу этих учреждений и оказывать им своевременно финансовую и методическую помощь.

Наиболее важным совместным предприятием ЮНЕСКО и африканской историографии явилось издание многотомной "Всеобщей истории Африки", два первых тома которой увидели свет в Париже в 1980 г. На их подготовку ушло ровно 15 лет. Еще в 1964 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла решение о публикации "Всеобщей истории Африки" в восьми томах. Следует заметить, что приступая к подготовке подобного издания ЮНЕСКО уже имела некоторый практический опыт, так как в 1963–1976 гг. ею

^х Из записи беседы с исполнительным секретарем Центра документов и исторических исследований Хассейе Баба Махмуду в Бамако 9 января 1975 г. (архив автора).

была напечатана 13-томная "Научная и культурная история человечества".

Что же касается международной разработки истории Африки, то впервые такое предложение было выдвинуто на 1 Конференции солидарности народов Азии и Африки в Каире (декабрь 1957 – январь 1958). В резолюции "О культурных связях и сотрудничестве" говорилось о необходимости "выпустить книгу в форме историко-географической энциклопедии по истории стран Азии и Африки и их народов с описанием их жизни и с характеристикой их ресурсов, на которые зарится колониализм, с оценкой вклада каждого народа в свою национальную культуру и его роли в своей национальной борьбе, делая особый упор на пагубные последствия колониализма и на борьбу за свободу в нынешние времена... книга должна быть написана в соответствии с принципами, установленными ЮНЕСКО для написания истории с целью укрепления родственных уз человечества" /55, с. 214/. Для выполнения этой работы предлагалось создать комитет из историков Азии и Африки.

Прежде чем приступить к реализации этих предложений, следовало провести большую подготовительную работу. Совместно с Международным советом архивов ЮНЕСКО издала "Справочники по источникам истории Африки", хранящимся в архивах и библиотеках восьми западноевропейских стран. В 1966 г. было собрано совещание экспертов, которое предложило для координации подготовки издания создать международный комитет /70/. Затем стали регулярно проводиться встречи экспертов и международные симпозиумы, на которых обсуждались наиболее сложные проблемы африканской истории. Среди них следует назвать такие темы: население Древнего Египта и расшифровка мероитского языка /75/, историография Южной Африки /81/, деколонизация Южной Африки и события на Африканском Роге /68/. В 1978 г. на совещании обсуждалась проблема работорговли и ее последствий /79; 91/, а в 1979 г. – вопросы методологии современной истории Африки /78/. Дискуссия по этим проблемам не только способствовала выработке общего подхода, но и была стимулом дальнейшей активизации исследовательской деятельности африканских историков.

В 1971 г. был создан Международный научный комитет по редактированию будущего издания в составе 39 человек, две трети которых являются африканцами. На регулярно проводимых в различных городах Африки заседаниях комитета и его бюро утверждались планы отдельных томов, персональный состав авторов, обсуждались тексты отдельных разделов.

ЮНЕСКО строго следила за тем, чтобы африканцы преобладали среди авторов: главными редакторами всех восьми томов были назначены авторитетные историки-африканцы; что же касается различных разделов, то здесь этот принцип выдержать удалось лишь для новейших хронологических периодов. Отставание африканской историографии в разработке древнейшего этапа истории Африки

наглядно видно из географической принадлежности авторов первого тома: африканцев – 13, европейцев – 14, представителей США – 3. Во втором томе на 15 авторов-африканцев приходится столько же европейцев. В седьмом же, предпоследнем томе участвуют 22 африканца и только 8 представителей Европы, США, Австралии и Канады /74/.

Нельзя не упомянуть и о том, что работа редакционного комитета шла не гладко: выработать единую точку зрения на те или иные исторические события при участии ученых различных мировоззрений представлялось делом крайне сложным. Кроме того, в документах ЮНЕСКО постоянно упоминается о том, что некоторые авторы задерживают представление рукописей отдельных глав и параграфов, не выполняют других требований редакции. Поэтому сроки выпуска первых томов неоднократно откладывались, и только в 1980 г. вышли первые два тома на французском языке; через год они были опубликованы в английском переводе. Предполагается их перевод на арабский язык и в сокращенном варианте – на наиболее распространенные африканские языки: хауса, суахили, фула, йоруба и лингала.

Здесь мы остановились лишь на организационной стороне подготовки *"Всеобщей истории Африки"* как на ярком факте международного и межафриканского научного сотрудничества; что же касается идейно-теоретического и научного уровня отдельных разделов, то это рассматривается в гл. 1У.

Новым элементом организационной структуры современной историографии стало создание Ассоциации африканских историков (ААИ) и начало публикации ее печатного органа *"Африка замани"*. Эта организация была основана на конгрессе в Дакаре в декабре 1972 где присутствовали в основном ученые франкоязычных стран Западной Африки, обсудившие проблемы координации исследований в области африканской истории и улучшения ее преподавания в школе. Конгресс принял устав ААИ, в котором указывалось, что *"деколонизация истории – мощное средство политического, экономического и социального освобождения Африки"*. Задачи организации были сформулированы весьма лаконично: *"1) объединить преподавателей и исследователей-африканцев; 2) способствовать с государственной помощью развитию исторических изысканий в Африке как в плане преподавания, так и в плане исследований"* /641/.

ААИ, несмотря на серьезные финансовые и организационные трудности и отсутствие в ее рядах историков многих африканских стран, доказала свою жизненность, проведя с успехом свой второй конгресс в Яунде в декабре 1975 г. На нем были представлены почти все страны Тропической и Северной Африки, причем в состав их делегаций вошли многие ведущие историки: Ж. Ки-Зербо, Ш.А. Диоп, Б.А. Огот, Э. Мвенг, С. Киванука, А. Кагаме, Т. Обенга. Президент Камеруна А. Ахиджо в приветственной речи повторил утверждение о том, что *"история является 'основным рычагом' для про-*

буждения сознания национального и континентального единства; она должна вместе с тем стать хранительницей ценностей африканской культуры и цивилизации, необходимым элементом установления нового экономического порядка, более справедливого и человеческого" /103, 1975, № 5, с. 52; 104, 4.П.1976, с. 12-14/.

Конгресс обсудил ряд докладов по актуальным проблемам африканской истории и специально остановился на вопросе об усовершенствовании преподавания исторических дисциплин в средней и высшей школе. Резолюция по центральному вопросу повестки дня - "История и развитие" - рекомендовала добиваться, чтобы история занимала особое место в обучении, научных исследованиях и культурной жизни африканских народов. Преподавание африканской истории, говорилось далее в резолюции, должно стать педагогическим фундаментом стратегии социального, экономического и политического развития Африки. Не обойдена в резолюции и методология: рекомендовалось больше внимания уделять глобальной африканской истории, причем не рассматривать преимущественно период колонизации с европоцентристской точки зрения, а изучать все эпохи африканского прошлого, в особенности доколониального /103, 1975, № 5, с. 111-116/.

Впервые в решениях конгресса в Яунде был поставлен вопрос важного политического и научного значения - о возвращении странам Африки архивных документов и других исторических источников, вывезенных в бывшие метрополии после развала колониальных империй. Уходя, колонизаторы "забрали с собой свое прошлое", а точнее - огромное количество ценных исторических источников, оставив молодые государства во многих случаях без необходимой для нормального функционирования государственных учреждений документации, а местных историков - без источниковой базы научных исследований. Чтобы изучать прошлое своих стран, им приходится обращаться в архивохранилища и библиотеки Парижа и Лондона, Брюсселя и Лиссабона. О масштабах грабежа архивов колонизаторами свидетельствуют такие факты: только французы вывезли из Алжира, Западной и Экваториальной Африки, Мадагаскара и Индокитая 900 тонн документов, размещенных в специально построенном Архиве заморских стран в г. Экс-ан-Прованс /639/.

Несмотря на большие трудности, ААИ продолжает свою полезную деятельность. О международном признании организации свидетельствует участие африканских историков в работе Международного комитета исторических наук (МКИН) и проводимых им научных форумов.

На XV Международном конгрессе исторических наук, который состоялся в августе 1980 г. в Бухаресте, произошло знаменательное событие - впервые получила признание в качестве полноправного отряда мировой исторической науки молодая национальная историография стран Тропической Африки. Участие ученых-африканцев в работе конгресса - новое явление в деятельности МКИН, придающее ему действительно всемирный масштаб; вместе с тем это свидетель-

ство определенной зрелости исторической науки, изучающей прошлое в интересах строительства лучшего будущего.

На конгрессе ААИ получила права ассоциированной с МКИИ организации. Члены ААИ представляли следующие африканские страны: Нигерию, Сенегал, Заир, Бурунди, Габон, Камерун. Следует отметить, что историки стран Северной Африки вступили в Союз арабских историков и поэтому заседали отдельно от ААИ. Таким образом, эта ассоциация включает теперь лишь ученых стран Тропической Африки. Среди участников конгресса были такие известные ученые, как Аде Аджайи (Ибаданский университет); заведующий историческим отделением Дакарского университета Умар Кан; преподаватель университета Бурунди, бывший министр культуры, ныне — генеральный секретарь правящей партии УПРОНА Эмиль Мвороха; главный редактор журнала "Африка замани" Эмануэль Гхомси (Камерун). К сожалению, отсутствовали ученые ряда африканских стран, имеющих значительный научный потенциал и большие историографические традиции.

На ХУ конгрессе МКИИ впервые широко представлена африканская тематика, причем основными докладчиками были африканские историки. Нельзя не вспомнить, что на конгрессах историков до 1960 г. прошлое Африки вообще не обсуждалось. Начиная с мирового форума исторических наук в Стокгольме (1960) и до конгресса в Сан-Франциско (1975) африканская тематика вносилась в программу работы, но доклады готовились учеными-неафриканцами. Единственное исключение — доклад камерунского историка Э. Мвенга на конгрессе в Москве в 1970 г. Теперь же в программу были включены три доклада и содоклада, порученные ААИ: "Экономическое, политическое и социальное движение Африки от 1914 г. до наших дней", "Формы зависимости в доколониальной Африке", "Проблемы и методы устной истории". Кроме того, Национальному комитету историков Заира был поручен доклад "Формирование автохтонных элит в недавно деколонизованных странах". Утвержденная программа, однако, в силу различных обстоятельств была выполнена неполностью.

Обсуждение сюжетов африканской истории проходило на заседаниях ААИ, которая была в числе 24 работавших в рамках конгресса международных комитетов и комиссий МКИИ и ассоциированных с ним организаций. Сначала представители различных стран обменялись информацией о развитии исследований в области африканской истории, затем сюда было перенесено обсуждение опубликованного в материалах конгресса доклада сенегальского ученого М. Мбоджа, ранее намеченное на секции новой истории. В нем на большом фактическом материале был показан механизм колониальной эксплуатации путем внедрения монокультуры арахиса, обобщены экономические и социальные результаты такого однобокого развития сельского хозяйства Сенегала, последствия которого сказываются до сих пор. Наконец, был заслушан доклад преподавателя университета в Яунде

А. Овоны об основных проблемах истории Камеруна с 1914 г. до современности.

Как известно, ныне теоретические проблемы устной истории, методика применения разнообразных устных источников стали одной из актуальных тем в мировой историографии. Поэтому доклады африканских историков Б. Барри (Сенегал) и Э. Алагоа (Нигерия) о значении устных исторических источников при реконструкции прошлого Африки вызвали горячее обсуждение на методологической секции конгресса. Оба доклада опубликованы в материалах конгресса, розданных накануне его участникам /214; 188/.

Африканские историки выступали и на других секциях. Так, Е.Е. Янгаса (Заир) сделал доклад на заседании Международной ассоциации по истории права и государственных учреждений об исторической эволюции форм брака в Экваториальной Африке. М. Тьерно Ба (Камерун) принял участие в дискуссии в Международной комиссии по сравнительной военной истории, а У. Кан (Сенегал) выступил на секции методологии при обсуждении темы "Демография и экология".

Африканские ученые вызвали искреннюю симпатию участников мирового форума историков. В издававшемся на конгрессе ежедневном информационном бюллетене были опубликованы интервью со многими африканскими историками. Э. Мвороха, в частности, заявил, что участие африканцев в работе XV конгресса МКИН дало им возможность лучше понять современное состояние мировой исторической науки, встретиться с представителями различных культур, познакомиться с друзьями новой Африки с достижениями ее молодой исторической науки. Справедливость этих слов дает основание надеяться, что на будущих мировых научных форумах африканские историки выступят с еще большим успехом.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ АФРИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ1. Идеино-теоретические концепции
и тенденции развития

Новый период африканской историографии, начавшийся в 70-е годы, связан прежде всего с изменением социальных функций африканской исторической науки, которая из идеологического оружия в антиколониальной борьбе все более превращается в средство национальной консолидации и важный фактор воспитания масс; направление этого воспитания зависит от избранной той или иной страной политической ориентации. Укрепление национального единства в странах с пестрым этническим составом, борьба против трайбализма и сепаратизма, воспитание надэтнического патриотизма становятся важными задачами идейно-пропагандистской деятельности правящих политических партий и групп, в которой история играет существенную роль. Кроме того, всестороннее изучение прошлого и настоящего африканских обществ становится необходимой предпосылкой успешного планирования социального и культурного развития.

Меняются и познавательные-гносеологические задачи историографии: цель реабилитации африканской истории, выдвинутая в качестве главной на раннем этапе (конец 50-х – 60-е годы), к началу 70-х годов была в основном достигнута. На большом фактическом материале были опровергнуты центральные положения колониальной буржуазной историографии – пассивность африканских народов, отсутствие у них истории, хамитская теория возникновения государственности и цивилизации в Тропической Африке.

Вместе с тем многие африканские историки начинают подвергать пересмотру воззрения националистического толка на место и роль Африки в мировом историческом процессе, отвергают весьма распространенный прежде афроцентризм, пришедший на смену европоцентризму западной буржуазной историографии. Более объективно стала трактоваться сущность традиционной истории, ее принципиальное отличие от современной научной историографии. В этом отношении показательна статья конголезского историка Д. Нгойе-Нгаллы, анализирующего причины отсталости Африки к югу от Сахары в доколониальную эпоху. Среди важнейших факторов, обусловивших определенную застойность африканских традиционных обществ, он называет "отсутствие истории", то есть "сознания диалектической связи между свободой и традицией, дающей возможность понять ре-

альности окружающего мира или истины прошлого" /349, с. 42/.

Эти мысли перекликаются с утверждением А. Мазруи, что "отсутствие истории" следует понимать не как отсутствие прошлого или памяти о нем, а как "отсутствие анализа прошлого, уроки которого должны помочь построению будущего" /325, с. 7/.

Если в период становления национальной историографии все без исключения африканские историки в своих работах ставили себе задачу доказать, что Африка имела собственную историю и до вторжения европейцев и что эта история представлена устной традицией, то во второй период намечается тенденция более дифференцированного подхода к данной проблеме. Да, история как память о прошлом была, но экономическая и культурная отсталость, неразвитость общественных отношений и отсутствие письменности привели к тому, что традиционная история отражала прошлое на уровне метафизических представлений о действительности и могла в лучшем случае быть лишь совокупностью неосмысленных рационально фактов.

Следует, впрочем, добавить, что переоценка существа традиционной истории, как и пересмотр некоторых других распространенных в африканской историографии положений, идет весьма противоречивым путём. Это проявляется, с одной стороны, в отходе от крайних националистических позиций с их идеализацией доколониального прошлого. С другой же стороны, нельзя не заметить усиления влияния буржуазной методологии с ее пониманием истории как прошлого, "переосмысленного историком". Так, в приведенных выше рассуждениях А. Мазруи ссылается на определение истории, данное в известном труде английского ученого Коллингвуда (см. гл. 1 настоящей работы). Тем не менее понимание существенной разницы между традиционной историей и научной историей все шире проникает в современную африканскую историографию, и это свидетельствует о ее зрелости.

Важным является и другой аспект этой проблемы: изменение взглядов африканских историков на место и роль донаучных исторических знаний и представлений в современную эпоху. Долгая эволюция от слепой веры и некритического использования устных традиций до их всестороннего анализа приводит к пониманию того, что ныне, в условиях перехода африканских цивилизаций к письменной фиксации знаний и развития научной историографии, прежняя традиционная устная история все более теряет свое познавательное значение. Все, что было ценным в ней, вобрала в себя научная историография в процессе своего становления. В некоторых публикациях конца 70-х годов прежний пietet к устной традиции сменяется все более критическим отношением, показом ее ограниченности и в ряде случаев — недоверности. Новые тенденции в интерпретации традиционной истории могут быть суммированы в следующих выводах:

1) в современных условиях развития средств массовой информации и распространения письменности устная традиция подвергается

ется быстрому разложению и распаду; все чаще хранители традиций передают не оригинальные версии, утерянные или забытые, а искаженные в связи с воздействием книжной литературы; сильнейшим конкурентом традиционного гриота стало радио, проникающее в самые глухие уголки Африки /240; 643/;

2) устная традиция постепенно теряет свою роль истории как осмысленного прошлого, включенного в социальную жизнь коллектива, и за нею остается лишь функция исторического источника. Эта мысль особенно четко сформулирована в выступлении Э. Алагоа на ХУ Международном конгрессе исторических наук в Бухаресте /188/;

3) глубокие социальные и политические сдвиги в современной Африке в условиях преобладания в общественной мысли донаучных представлений приводят к парадоксальному явлению, когда усиливается мифотворческая деятельность отдельных групп населения, имеющая целью подвести исторические опоры под их новый социальный статус /684, с. 242-243/. Новые мифы, естественно, не имеют ничего общего с историей; это не что иное, как этногенетические фикции, которые, однако, через несколько поколений могут превратиться в правдоподобные традиции.

Распад устной исторической традиции в современной Тропической Африке отнюдь не означает ее полное вытеснение научной историей; ее питательная почва не только сохраняется, но и растет вместе с увеличением числа неграмотных /95, 10.1X.1981/. Донаучная история обслуживает общественные и идеологические потребности наиболее отсталых в культурном развитии архаических обществ. Познавательная ценность опубликованных в последние годы записей традиций приближается к нулю; это, по сути, совокупность различных суеверий, проповедь этнической ограниченности, трайбализма, прославление традиционных вождей. Таковы вышедшие в Гане книги Куми Аттобра и А. Анти /204; 198; 199/. В них чувствуется влияние антинаучных построений Е. Мееровиц, которая с упорством, достойным лучшего применения, публикует книги об ашанти, распространяющие полуфантастические вымыслы и недоказанные гипотезы.

Собственно, сбор и изучение традиций иногда уступают место их фабрикации. Ярким свидетельством справедливости этих слов служит вышедшая в Дакаре книга под названием "Устная традиция. История подлинной Африки", представляющая, как говорится в предисловии, запись рассказа гриота Дембо Кануте /300/. С наивным простодушием здесь повествуется о самых невероятных происшествиях, а историческая часть свидетельствует о полном невежестве автора, не знающего самых элементарных сведений из жизни Сундиаты. Сравнение этой книги с известными версиями эпоса о Сундиате показывает степень деградации традиции в устах неподготовленного сказителя. Уместно сказать и о том, что сейчас многие гриоты, потеряв высокое призвание своего искусства, превратились в популярных артистов, совершающих весьма прибыльные гастроли даже в Ев-

ропу; об одном из них рассказал журнал "Жен Африк" /129, 5.ХП. 1979/.

Параллельное существование в современной Африке двух историй – донаучной и научной – отражает глубокий драматизм переходного состояния общественного сознания, борьбу нового и старого, знания и невежества. Бремя прошлого давит и над самой историей, задерживая распространение подлинно научных знаний в широких массах. Вытеснение донаучных представлений потребует, очевидно, много времени и будет зависеть не только от развития образования и культуры, но и от глубокого преобразования социально-экономических отношений. Конечный успех будет обеспечен всемерным укреплением связей исторической науки с обществом, служением историков высоким общественным идеалам. Это необходимо, ибо африканские историки заметили присущую зрелым историографиям опасность академизма, названного С.М. Сиссоко "главным врагом" истории, так как он ведет к пренебрежению общественными нуждами и отрыву от народа /235, с. 10/. Что же касается устных исторических традиций, то перед африканской исторической наукой стоит задача интенсификации их сбора, хранения и систематизации, равно как и более строгой научной критики и анализа.

Серьезное изменение роли и места традиционной истории в познании прошлого на современном этапе развития африканской историографии является одним из последствий такого сложного явления, как ее позднее рождение, а затем ускоренное развитие. Остановимся подробнее на этом важном методологическом вопросе, которому до сих пор не уделялось внимания в немногочисленных работах об африканской историографии.

Национальная историография в странах Тропической Африки сформировалась гораздо позже, чем в других регионах мира, и является самой юной составной частью мировой исторической науки. В очень сжатые сроки (примерно 25 лет) она прошла путь, на который национальные историографии других стран и регионов затратили столетия. Не вдаваясь в детали объяснения этого явления, характерного не только для историографии, но также для философской и эстетической мысли, художественной литературы Африки, отметим, что такое быстрое развитие обусловлено ускорением общественно-исторического процесса в современную эпоху, о чем так убедительно писал Б.Ф. Поршнев /617, с. 26–37/. Становление национальной исторической науки происходило под непосредственным воздействием сложных и противоречивых явлений внутри мировой исторической науки, ее многовекового опыта, новейших методических приемов, острейшей борьбы теоретических направлений и течений. Перенос современной методологии и методики исторических исследований на африканскую почву нельзя рассматривать как механическое заимствование; африканские историки овладевали достижениями мировой науки опосредованно, стремясь творчески применить полученные знания к материалу африканской истории.

Быстрое развитие африканской историографии шло не только на основе усвоения новейших достижений более развитых историографий других регионов мира, но как бы повторяя их путь, только в ускоренном темпе. Происходило совмещение этапов развития, последовательно сменявших друг друга в эволюции других историографий, возникших в ХУШ-ХІХ вв. и прошедших нормальный и весьма медленный путь созревания. Подобный же процесс проанализировала И.Д. Никифорова в становлении африканской литературы /608, с. 219-220/. Следствием такой полистадиальности современной африканской историографии является ее идейно-теоретическая многослойность, полифоничность, одновременное сосуществование философских концепций, давно преодоленных в других историографиях, и самых новейших методологических направлений. "Некоторые философские теории, — отмечает Ю.Б. Боров, — вытесненные из общественной мысли Европы, находят актуальность в Африке" /631, с. 91-94/. В результате идейно-теоретическая палитра современной африканской историографии весьма многоцветна и богата. В ней можно вычлениить и слой просветительской, самой ранней идеологии, и национал-романтизм, характерный для этапа ее формирования, и методологию позитивизма с преклонением перед фактом, и новейшие теоретические построения современной буржуазной исторической науки. Мощное и всевозрастающее воздействие на общественную мысль африканских стран оказывает теория марксизма-ленинизма — подлинно научный метод познания прошлого и изменения настоящего.

Явление позднего возврата к давно отошедшим теоретико-философским системам наблюдалось прежде в странах Азии и Латинской Америки и обусловлено асинхронностью развития научной мысли и общими закономерностями ее эволюции, с необходимостью повторяющей наиболее существенные стадии. В одном из выступлений на П конгрессе африканистов в Дакаре отмечался примечательный и для многих удивительный факт засилья в индийских университетах гегелянства, превращения его в господствующую философскую систему с опозданием более чем на сто лет /51/. В этом, однако, нет ничего странного: популярность Гегеля в Индии в первые десятилетия после освобождения отвечала определенной стадии общественного и идейного развития, но именно в силу этого не могла быть продолжительной.

Если в африканской теоретической мысли философия Гегеля не получила особого распространения, то можно проследить осерьезное влияние на нее идейно-философских схем позитивизма и неопозитивизма, а также экзистенциализма.

Позитивизм, проникая в общественную мысль стран Азии и Латинской Америки, сыграл исторически преходящую прогрессивную роль в борьбе против мифологического мышления, схоластики и метафизики /578, с. 23/. Более противоречивыми были его последствия для африканской науки вообще, исторической в частности, где он стал распространяться гораздо позже. Его влияние прояви-

лось прежде всего в фактографичности историографии, причем позитивистский "культ факта" не может истолковываться однозначно — как негативное явление.

Позитивизм способствовал критике многих концепций национал-романтизма, построенных в большинстве своем на эмоциональном псевдопатриотическом пренебрежении к фактам, к доказательствам. Географическая и этнопсихологическая детерминированность исторических процессов тоже в определенной степени имеет под собой в качестве философского обоснования позитивизм. Строго говоря, позитивистские воззрения представляют собой лишь частное проявление многофакторной теории, ставшей ведущей идейно-теоретической концепцией в трактовке африканского прошлого. Обращение к многофакторной теории было в значительной степени стихийным; объяснение этому дал Г.В. Плеханов: "Та или другая разновидность такой теории... должна родиться всюду, где люди, интересующиеся общественными явлениями, переходят от простого их созерцания и описания к исследованию существующей между ними связи" /615, с. 243/. Теория факторов, таким образом, возникает на определенной стадии обобщения и философского осмысления наблюдаемых фактов.

Вместе с тем сегодня позитивизм (а также его модификация — логический позитивизм, или неопозитивизм, проповедуемый школой К. Поппера) является в целом реакционным философским течением, не имеющим будущего в Африке. Его глубокий антиисторизм, отказ от признания существования общих закономерностей исторического развития, крайний релятивизм /668; 624, с. 96-102/ — все это не может привлечь надолго симпатии африканских ученых.

Что же касается экзистенциализма, то он был чрезвычайно популярен в 50-е — начале 60-х годов среди идеологов национально-освободительного движения и первых африканских историков, главным образом в бывших французских колониях. Причину этого следует искать, видимо, не только в проповеди абсолютной ценности человеческой жизни и равноправия всех цивилизаций, но и в отдаленном сходстве между некоторыми положениями западной "философии существования" и традиционной африканской мыслью. В одном из выступлений на конгрессе африканистов в Дакаре говорилось: "Экзистенциализм — философия человека в самых элементарных ситуациях. В этом смысле африканская мысль и экзистенциализм имеют много сходства. Оба ставят в центр своего внимания человеческое существование и обращаются к человеку не как к объекту научного исследования, а как к личности, способной изменить этот мир" /51/. В признании равноценности всех человеческих цивилизаций экзистенциализм не оригинален; этот тезис был заимствован Ж.-П. Сартром у буржуазных ученых-этнографов, сторонников доктрины "культурного релятивизма".

Можно с полной уверенностью утверждать, что из многочисленных буржуазных концепций исторического развития наибольшее воз-

действие на молодую африканскую историографию оказал культурный релятивизм. Именно эта теория была преобладающей в учебных заведениях Франции, Англии и США в 50-е годы, когда там получали высшее образование многие представители молодой африканской интеллигенции, в том числе первые африканские историки-профессионалы. Африканцев в культурном релятивизме привлекали прежде всего прогрессивные черты этой теории: антирасизм, уважение к культуре всех народов, "отказ от высокомерного самовозвеличения европейцев и американцев как носителей якобы абсолютных культурных ценностей и непогрешимых судей в этих вопросах" /633, с. 290/.

Для африканцев культурный релятивизм был не просто научной концепцией, одной из многих, — это была целая философская система, освобождающая от комплекса неполноценности, особое видение мира и человека, в какой-то степени созвучное идеологии антиколониальной борьбы. Поэтому понятно то огромное эмоциональное и интеллектуальное воздействие на африканцев работ ученых этого направления: Сенгор вспоминает, что, прочитав в 1936 г. "Историю африканской цивилизации" Лео Фробениуса, он ощутил удар грома /396, с. 155/. Его поразило, что в работе немецкого этнолога он нашел подтверждение своих собственных предчувствий и предположений. Совершенно естественно, что именно культурный релятивизм послужил теоретической базой негритюда.

Лишь много лет спустя отдельные представители африканской теоретической мысли начали осознать глубокую двойственность теорий культурного релятивизма, его консервативную сторону, которая, впрочем, проявлялась довольно явственно с самого начала в книгах как Фробениуса, так и других ученых этого направления (например, в вышедшей в 1938 г. двухтомной работе американца М. Херсковица /708/). Следует, видимо, учитывать и внутреннюю эволюцию этой концепции, и изменение социально-политического контекста в мире.

Исключительное внимание релятивистов именно к вопросам культуры и пренебрежение ко многим другим важным аспектам жизни общества дало основание П. Хунтонджи назвать такую односторонность "культуризмом". В этой болезни он обвиняет наиболее крупных представителей релятивизма в этнографии и антропологии: Малиновского, Херсковица, Лео Фробениуса, Леви-Стросса, которые заразили ею основателей негритюда — Сезера и Сенгора. Сущность "культуризма" бенинский философ видит в уклонении от рассмотрения политических и экономических проблем: "Гипертрофия культурного национализма предназначена компенсировать недостаток национализма политического" /277, с. 225/, иными словами, оправдать весьма умеренные политические позиции основателей негритюда. Но и сама культура низведена на самый простой уровень, на уровень фольклора; ничего не говорится о внутренних противоречиях, о ее истории, эволюции и революциях. Культура, продолжает Хунтонджи, представлена окаменевшей, в виде синхронической, плоской картины, удивительно простой и однозначной /277, с. 226/.

Такой же вневременной и статичной была представлена история доколониальной Африки. И хотя Хунтонджи в полемическом задоре несколько сгущает краски, нельзя не признать его правоту в главном — культурный релятивизм ныне, в начале 80-х годов, взят на теоретическое вооружение консервативными неотрадиционалистскими силами, выступающими за изоляцию Африки от мирового революционного процесса.

Другой "детской болезнью", которой культурный релятивизм заразил африканскую историческую мысль, была доктрина "безтеорийности", насаждавшая методологический нигилизм, отказ от занятия четких идейно-философских позиций. Одним из главных проповедников такого безразличия к существенным сторонам научного познания был влиятельный французский африканист позитивистского направления М. Гриоль /575, с. 207–210/. Описательность, фактографичность африканской историографии следует объяснять, разумеется, не только воздействием западных буржуазных концепций; корень этой болезни лежит скорее в неразвитости общественных отношений в самой Африке, в молодости научного мышления.

Хотя отдельные ученые признают необходимость теоретических обобщений (В. Мудимбе прямо пишет: "Невозможно достичь определенного уровня научной истины без теории" /341, с. 119/), большинство африканских историков нарочито избегают делать **выводы** из конкретных исследований, боясь обвинений в распространении импортированной, чуждой Африке идеологии. Причем этот жупел чаще всего используется в борьбе против передовой теоретической мысли. Достаточно африканцу признать возможность применения марксистской методологии для исследования общественных отношений в Африке, как "блюстителю" африканской аутентичности в Африке и за ее пределами обрушиваются на смельчака с резкой критикой. Стоило лишь А.М. Мбоу осторожно заявить, что марксистская диалектика является плодотворным методом научного анализа, как он подвергся грубой атаке в западногерманском журнале "Антропос", а диалектика была объявлена устаревшей, якобы неприменимой для изучения африканских обществ /107, 1978, № 1–2, с. 265/.

Следует полагать, что отказываясь от всяких теорий, африканские ученые признают устаревшими и непригодными именно буржуазные теоретические концепции и доктрины. А о том, что западная африканистика и историография находятся в глубоком методологическом кризисе, свидетельствуют многочисленные признания как европейских, так и африканских ученых. Известный историк-африканист Т. Рейнджер, долгое время преподававший в Африке, а ныне профессор Манчестерского университета начинает свою статью о современной историографии истории Африки с признания, что эта научная дисциплина переживает кризис, кризис прежде всего теоретический /659, с. 17/. Другой английский буржуазный ученый, Г. Принс, в статье "Конец начала африканской истории" пишет, что к концу 70-х годов период отрочества африканской истории окон-

чился и сейчас она находится в кризисе; в буржуазной африканистике усиливаются взаимные распри и внутренняя борьба различных течений и школ; она потеряла идейные ориентиры и не знает, куда идти /758, с. 495/.

Кризис буржуазной методологии толкает африканских ученых, с одной стороны, к отказу от всякой методологии, к нагромождению фактического материала, недостаточно осмысленного, с другой же стороны – к конструированию "самостийных" теорий "подлинно" африканских, которые якобы стоят на равном расстоянии и от марксизма, и от западных буржуазных теорий. Этим занимаются такие далекие друг от друга ученые, как В. Мудимбе и Ж. Абанда Нденг /164/, историки неотрадиционалистского толка Бубу Хама, А. Кагаме, Дж. Мбити. К подобной же теоретической конвергенции, а по существу к крайней эклектичности призывает Сенгор, выступивший за "африканское прочтение" Маркса и Энгельса, что означает создание африканской модификации "еврокоммунизма", нечто в виде "афромарксизма" /398; 400/. Абсолютизация специфических черт африканского прошлого под лозунгом "африканского подхода" приводит к тому, что социальное содержание теоретических воззрений многих авторов маскируется националистической фразеологией.

Современный период в развитии национальной историографии Тропической Африки характеризуется идейно-политическим размежеванием и оформлением нескольких теоретико-методологических течений и школ. Научная классификация африканских историков представляет значительную трудность.

Приходится учитывать, во-первых, эклектизм мировоззрения и расплывчатость идейно-методологических позиций, а во-вторых, отсутствие достаточной временной дистанции, необходимой для того, чтобы историографические оценки прошли проверку временем. Кроме того, систематизация теоретических направлений осложняется общей политической нестабильностью на Африканском континенте и резкими драматическими поворотами в судьбах африканских историков, играющих, как правило, активную роль в политической жизни своих стран; одни из них меняют министерские кабинеты на тюремные камеры, другие, напротив, получают высокие государственные посты, третьи подвергаются преследованиям и вынуждены эмигрировать. Наконец, изучение современной африканской историографии осложняется тем, что необходимые для анализа работы разбросаны по многочисленным журналам Европы и Северной Америки или же выпускаются местными издательствами небольшими тиражами, что сплошь и рядом делает их труднодоступными.

К оценке научного вклада отдельных историков мы стремились подходить дифференцированно, учитывая не только их философские и исторические взгляды, но и политическую деятельность. Кроме того, была принята во внимание некоторая условность классификации, подвижность границ между историографическими группировками. На эту проблему обращал внимание Г.Н. Севостьянов: "Разделение ис-

ториков на те или иные школы и направления связано с большими трудностями и иногда носит несколько условный характер. Это объясняется как множественностью критериев, которые можно применить для определения самих школ, так и тем обстоятельством, что некоторые ученые в отдельных случаях могут быть отнесены к двум различным течениям, что зависит как от эволюции их взглядов, так и от классификации школ" /532, с. 10/. Таким образом, все классификации в африканской общественной мысли более, чем где-либо, относительны; тем не менее систематизация является необходимым этапом углубленного изучения современной африканской историографии.

В самой африканской историографии в силу ее молодости и теоретического нигилизма крайне мало собственно историографических работ; ни в одной из них проблема самоклассификации не ставилась.

Единственную попытку систематизации и классификации историков в развивающихся странах Азии и Африки, преимущественно в арабских, с точки зрения модной ныне среди буржуазных ученых концепции "модернизации" предпринял профессор Американского университета в Бейруте Дж. Гордон. История в этих странах, по его утверждению, в основном играет роль политической мифологии; научная история, отвечающая критериям Ранке, находится еще в эмбриональном состоянии. Историков он делит на три группы: футуристов, апологетов и реконструкционистов. В ответ на "вызов современности" одни историки видят в прошлом серьезную социально-психологическую преграду модернизации, поэтому к нему они относятся резко критически, — это футуристы; апологеты же, напротив, идеализируют традиционное прошлое и считают возврат к нему спасением от всех бед настоящего и будущего; реконструкционисты (как промежуточная группа) соединяют в своих воззрениях национализм и универсализм. Примечательно, что в конце книги Гордон высказывает надежду на то, что молодые историографии стран Азии и Африки пойдут по пути западной историографии, следуя ее эллинистическим и христианским традициям /702, с. 192/.

Неудовлетворительность предложенной американским ученым классификационной схемы очевидна: она из целого комплекса вопросов выхватывает лишь один, игнорируя другие существенные стороны мировоззрения историков — их философские взгляды, научно-методологические принципы исследовательской работы. Конечно, отношение людей науки к изучаемому ими объекту — немаловажный аспект их воззрений. Но главным критерием при историографической классификации является учет общественно-политических позиций и теоретических взглядов ученых, всесторонний анализ их концепций в объяснении основных проблем исторического прошлого.

Кроме комплексного, системного подхода необходима также терминологическая чистота при употреблении таких фундаментальных историографических категорий, как "течение", "направление", "школа". К сожалению, в исторической литературе эти понятия часто

применяются как синонимы, что приводит к путанице. Между тем Е.В. Гутнова обосновала четкие определения терминов "течение", "направление", "школа", которые она рассматривает как связующие звенья между творчеством отдельных ученых и общим развитием историографического процесса /550, с. 9-10/.

Наиболее широким из этих понятий является "течение", которым обозначается обычно аморфная группа историков, объединенных самыми общими методологическими принципами. Более компактной историографической группировкой следует считать "направление", которое объединяет ученых, более тесно связанных между собой единством методологии и, как правило, общей проблематикой. В составе течений и направлений могут формироваться историографические школы; критерием для отнесения того или иного ученого к "школе" служит единство методических приемов или же объединение по географическому принципу – совместная работа в одном научном центре с ярко выраженными индивидуальными чертами. В отдельную школу, видимо, следует выделять учеников и последователей крупного ученого, внесшего значительный вклад в разработку определенной научной проблемы.

В применении к историографии стран Тропической Африки можно утверждать о наличии с середины 70-х годов сформировавшихся идейно-теоретических течений, хотя их выделение из общего потока исторической литературы началось ранее. Ныне, в начале 80-х годов, можно назвать следующие течения: консервативное, либерально-буржуазное и национально-демократическое. При настоящей классификации были учтены многочисленные труды советских ученых об идеологических течениях как в развивающихся странах вообще – Б.Г. Гафурова, А.А. Искендерова, Р.А. Ульяновского /539; 558; 637/, так и конкретно в странах Африки – Б.С. Ерасова, Н.С. Илларионова, Н.Д. Косухина, О.В. Мартышина, Л.Д. Яблочкова /534; 552; 562; 682; 598; 654/. Историографическая группировка, естественно, не может полностью совпадать с классификацией идеологических течений, так как историография, испытывая большое воздействие общественной мысли, тем не менее сохраняет свою относительную самостоятельность и несводима к идеологии. Следует сделать и другую оговорку: предлагаемая классификация носит в определенном смысле предварительный характер; видимо, потребуются дальнейшая аналитическая работа и возможны уточнения в отнесении отдельных ученых к тому или иному методологическому течению.

Познакомимся более детально с главными методологическими течениями современной историографической мысли стран Африки к югу от Сахары. Прежде всего заметим, что направлений в том смысле, в каком определена эта категория Е.В. Гутновой, по нашему мнению, в африканской историографии нет; сложились лишь весьма широкие методологические течения и несколько школ.

Консервативное, неотрадиционалистское течение выражает мировоззрение верхушки традиционных общественных групп и наиболее реакционных слоев местной буржуазии, враждебно относящихся ко всем переменам на Африканском континенте. К нему следует также отнести представителей клерикальных (мусульманских и христианских) кругов. Историки этого течения защищают концепцию "африканской исключительности", идеализируя общественный строй и культуру Африки до колониальных захватов, отрицают наличие в ту эпоху классового расслоения и эксплуатации. Они находят опору в архаичном сознании довольно широких слоев населения, мало затронутых современными социальными и культурными изменениями. Неотрадиционалистское течение можно рассматривать как остаточное явление от синкретического, переходного этапа генезиса современной исторической науки.

К этому течению относятся Бубу Хама, Амаду Ампате Ба, А. Кагаме, Э. Мвенг, религиоведы Дж. Мбити и Чишику Чибангу, ныне покойный историк и социолог Кофи Бусиа, а также ряд малопродуктивных историков Заира и Кении. Некоторые из названных выше ученых занимали высокие государственные посты в своих странах и активно выступали против прогрессивных преобразований.

Идейно-политические взгляды этой группы ученых были охарактеризованы в гл. III; остановимся на анализе их исторических воззрений. Прежде всего отметим, что философской основой их мировоззрения служит идеализм; это проявляется в отказе от признания решающего воздействия материальных факторов на ход исторического процесса. Отсюда их пренебрежение к проблемам социально-экономической истории и большой интерес к изучению традиционной культуры, идеологии, религии; духовная жизнь определяет, по их мнению, социальную структуру африканского общества, отличавшуюся в доколониальные времена отсутствием классовых противоречий, солидарностью всех его членов и гуманизмом. Об этом писали и Бусиа, отрицавший феодальный характер ашантийского общества /233, с. 57-60/, и Бубу Хама в многочисленных работах о государстве Сонгай /224; 227/. Особенности исторического пути народов Африки объясняются мистическими свойствами "африканской души", которая якобы не поддается объективному научному анализу.

Философский идеализм сочетается у консервативных историков со своеобразным пониманием исторического времени, где крайний релятивизм, свойственный современной буржуазной этнологии, переплетается с архаичным мировосприятием. Можно даже утверждать, что из широкой гаммы методологических вопросов африканской истории именно проблему времени монополизировала эта группа ученых. У нас нет возможности останавливаться на проблеме времени подробно, хотя сейчас, по удачному выражению А.Ф. Лосева, она "стала весьма популярной и даже, можно сказать, модной" и ею "часто занимаются не ради строгой науки, но ради какой-то декантской сенсации" /595, с. 29/. Такие обвинения, впрочем, нель-

зя делать по адресу африканских историков-неотрадиционалистов; их интерес к времени, несомненно, искренен и вызван органической потребностью, с их точки зрения, опровергнуть установившееся в исторической науке линейное и необратимое понимание времени, как якобы чисто европейское, не соответствующее африканскому взгляду на историю.

При анализе концепции исторического времени трудность прежде всего состоит в том, что невозможно отделить его понимание тем или иным историком от его трактовки в традиционном народном представлении архаичного общества. Собственно говоря, Кагаме, Мбити и Бубу Хама в своих публикациях комментируют, объясняют, а иногда невольно искажают именно традиционную точку зрения на время, свойственную мифологичному историзму донаучного мышления. Время, по мнению Кагаме, развивается по спирали, но оно необратимо: "Необратимость времени служит в некотором роде центральной осью, вокруг которой вращаются циклы, наподобие спирали, создающей впечатление открытого цикла" /292, с. 125/. Мбити и Бубу Хама считают историческое время африканской истории способным сжиматься и растягиваться, прошлое растворяется в настоящем, а будущее едва просматривается /332; 333; 229/.

Неотрадиционалисты конструируют свою концепцию времени не на основе изучения и анализа текстов традиционной истории, а главным образом на материале грамматики африканских языков и на поливалентности различных семантических категорий прошлого, настоящего и будущего времен. Логическим итогом такого метода является вывод Мбити о том, что в языках банту вообще отсутствует будущее время, мысль же африканцев обращена в прошлое. Не удивительно, что против мифологизации общественной мысли современной Африки, прославления архаики выступили африканские ученые других течений, подвергшие теоретические построения неотрадиционалистов обоснованной критике. Кениец Одеро Орука вскрыл реакционность выводов Мбити /388/, его же взгляды критикует Окот Битек /151/; положения Кагаме опровергаются в книге бенинского философа Хунтонджи /277, с. 59-61/. Представители прогрессивной науки с полным основанием утверждают, что Африка должна ориентироваться на будущее, а не на прошлое.

В консервативной группе историков несколько особняком стоит фигура Э. Мвенга. Очевидно, здесь мы имеем дело с тем пограничным случаем, когда одного ученого можно причислить сразу к двум теоретическим течениям. Действительно, Мвенг по некоторым, весьма важным вопросам приближается к ученым либерально-буржуазного течения. Его роднит с ними позитивистская многофакторная методология; его взгляды на начальный этап африканской цивилизации близки к концепции Ш.А. Диопа. Кроме того, от неотрадиционалистов его отличает склонность к изучению преимущественно письменных источников. Вместе с тем общие идейно-теоретические взгляды Мвенга - философский идеализм и релятивизм, - по-

литическая и церковная деятельность дают основание поставить его в один ряд с представителями консервативной клерикальной историографии – А. Кагаме, Дж. Мбити и Чишику Чибангу.

Либерально-буржуазное течение, отражающее идеологию национальной буржуазии, является преобладающим в историографии тех стран Тропической Африки, которые развиваются по капиталистическому пути. Оно объединяет большую группу ученых, находящихся под влиянием националистических и реформистских концепций буржуазной общественной мысли, а также различных вариантов "африканского социализма". Не удивительно поэтому, что либеральные историки получили официальное признание в таких странах, как Сенегал, Нигерия, Берег Слоновой Кости, Кения, Камерун, Заир. Среди крупных ученых либерального течения выделяются Ж. Ки-Зербо, Б. Огот, А. Боахен, А. Мазруи, С.М. Сиссоко, а также представители нигерийской исторической школы – К.О. Дике, С. Биобаку, А. Аджайи, Дж. Анене (ныне покойный), Э. Алагоа, Т. Тамуно, О. Икиме, А. Афигбо, Э. Аяндеде. Все они получили образование и подготовили докторские диссертации в университетах Западной Европы, что самым непосредственным образом отразилось на их мировоззрении.

Идейно-теоретические взгляды ученых этого течения выяснить непросто, так как они крайне редко высказываются по общим методологическим вопросам, причем это делается, как правило, вполне осознанно. Именно проповедь фактографии и "бестеорийности" является первой характерной чертой методологии историков-либералов; она вытекает из позитивистского преклонения перед фактом. Только факты, все относящиеся к теме факты и никакого философствования – вот в чем, по мнению Б. Фонлона, состоит научный подход к истории /266, с. 31–36/. А преподаватель университета Найроби У. Очигенг прямо признается, что из различных методологий ему ближе всего позитивизм, и приводит знаменитые слова Ранке, правда не называя его, о том, что задача историка – "просто показать, как это было" /373, с. 26/. Содержащийся в трудах африканских историков обширный фактический материал не всегда в достаточной мере осмыслен и обобщен. Не удивительно поэтому, что при знакомстве с научными работами многих из них невольно вспоминаются слова Вольтера: "Читатель подавлен громадой мелочей" /567, с. 12/.

Ученые либерально-буржуазного течения отвергают материалистический монизм и следуют концепции множественности факторов исторического процесса. Уже в середине 50-х годов в первых выступлениях африканских историков в слегка завуалированной форме критиковался "экономический монизм" в объяснении последствий европейской колонизации Африки. В частности, этим настойчиво занимался К.О. Дике /759, с. 57; 153, с. 11/. Но по иронии судьбы случилось так, что десятилетие спустя он сам был обвинен в "монокаузальном" объяснении исторических событий: другой нигерийский ученый, профессор университета г. Нсука А. Афигбо в статье

"Монокаузальность и африканская историография" критикует Дике за упрощенческий, односторонний подход к оценке итогов торговли европейцев с африканцами в Западной Африке /169, с. 117/. Экономический фактор, утверждает Афигбо, был лишь одним из многих, а при изучении африканского прошлого все факторы в равной степени важны. Именно такие положения, хотя и редко высказываемые вслух, составляют методологическую основу научных изысканий историков-либералов.

Следование концепциям эмпиризма и плюрализма сочетается с отказом от признания детерминированности исторических событий и явлений, преувеличением фактора случайности, утверждениями о "бессмысленности" истории. Показательна в этом отношении вступительная лекция руководителя исторического отделения Ибаданского университета Т. Тамуно, в которой изложено его кредо, характерное также для многих других историков либерального течения. Он отрицает возможность познания общих закономерностей исторического процесса и выступает за признание единичного факта как самодовлеющей основы истории. Против детерминизма он высказывается следующим образом: "Мысль о неизбежности исторических событий оставляет меня холодным". Далее Т. Тамуно продолжает: "Я готов видеть в цепи сложных событий элемент случайности. Я избегаю принимать монокаузальную интерпретацию событий, поскольку мультикаузальный подход мне кажется более верным... Мои исследования убедили меня в том, что историки стремятся внести искусственный порядок в события, которые на самом деле хаотичны в момент их свершения". Наконец, он утверждает, что такие эпохальные события, как мировые и гражданские войны, не обязательно являются результатом действия большинства населения, т.е. народных масс /408, с. 13-14/.

Нетрудно заметить, что в этом довольно сумбурном перечислении нигерийский историк повторяет распространенные тезисы новейшей буржуазной методологии истории: индивидуализирующий метод познания взят у неокантианства, а вывод о "бессмысленности" истории перекликается с подобными утверждениями неопозитивиста К. Поппера /624, с. 37; 668, с. 48-60/. Т. Тамуно, кроме того, прямо объявляет себя сторонником многофакторной теории, столь распространенной у западных буржуазных историков, выступающих против марксистского монизма.

Среди историков либерального течения Ж. Ки-Зербо составляет в определенном смысле исключение: в отличие от других он проявляет склонность к широким обобщениям, интересуется вопросами методологии и методики африканской истории. Эта его особенность отразилась в 1 томе издаваемой ЮНЕСКО "Всеобщей истории Африки", где Ки-Зербо — редактор и автор введения и заключения. Как и в предыдущей его книге "История Черной Африки", здесь ощущается влияние французской школы "Анналов" с ее концепцией "глобальной", или "тотальной", истории. Это влияние проявляется

в требовании не ограничиваться лишь политической, "событийной" историей, а исследовать социально-экономические структуры, духовную и материальную культуру, для чего необходимо использовать всю совокупность источников и данных различных научных дисциплин. "Наша история Африки, — пишет Ки-Зербо, — не должна быть чрезмерно описательной... Основное внимание должно быть уделено цивилизациям, институтам, структурам, средствам и методам сельскохозяйственного производства и металлургии, искусствам и ремеслам, сети торговых путей, а также концепциям и организациям власти, религии и религиозно-философской мысли, проблеме государственных и догосударственных образований, средствам модернизации и так далее" /275, с. 42/.

Чтобы успешно изучать прошлое Африки, нужно, по мнению Ки-Зербо, руководствоваться следующими основными принципами: 1) применять междисциплинарный подход; 2) учитывать африканское представление о времени; 3) рассматривать африканскую историю изнутри; 4) изучать историю всех народов континента. Особый акцент делается на использование данных различных наук для освещения наиболее удаленных периодов африканской истории. Свойственная буржуазной историографии позитивистского толка абсолютизация роли источников проявляется в том, что методология понимается не как общие теоретические принципы исторического познания, а всего лишь как совокупность разнообразных методов исследования. Данные археологии и лингвистики, антропологии и этнографии, устные и письменные источники — все должно использоваться для освещения прошлого Африки. В "Истории Черной Африки" Ки-Зербо прямо заявляет себя сторонником "тотальной истории", которая, по его словам, является самой прогрессивной школой в современной историографии, открывающей богатые возможности для изучения прошлого /307, с. 15/. Затем он приводит, слегка перефразировав, известные слова М. Блока о том, что все, к чему притронулся человек, становится историческим источником.

В объяснении движущих сил исторического процесса Ки-Зербо, как и другие африканские историки умеренно-либерального течения, является последовательным сторонником многофакторной концепции с некоторым креном в сторону географического детерминизма. Роль географического фактора — и в этом Ки-Зербо прав — проявилась особенно сильно на ранних этапах африканской истории. Изоляция континента была одной из главных причин медленного развития Африки; неблагоприятная экологическая обстановка "не позволяла достигнуть порога демографической концентрации, что почти всегда служило одной из предпосылок важных качественных сдвигов в социальной, политической и экономической сферах" /275, с. 25-26/.

Ки-Зербо не утверждает, что природно-географический фактор был определяющим во все эпохи существования человека в Африке. В равной степени важным был другой фактор — производственная деятельность людей. Об этом он пишет достаточно подробно в за-

ключении к 1 тому "Всеобщей истории Африки". Именно в слабом развитии производительных сил он видит одну из причин значительного отставания африканских народов и сохранения в течение веков архаичных общественных институтов. Однако взаимоотношения между экономическим базисом и общественно-политической надстройкой Ки-Зербо трактует идеалистически: не базис в конечном счете определяет развитие надстройки, а, напротив, он сам зависит от уровня общественных отношений. Ки-Зербо пишет, например: "Поскольку общественная структура не менялась в течение по крайней мере пятисот лет, то, невзирая на рост народонаселения, производительные силы находились в состоянии застоя" /275, с. 786/.

Вообще же понять точку зрения вольтийского историка довольно трудно, так как его выводы часто уклончивы, сформулированы в туманных, абстрактных выражениях. Собственная позиция автора, приводящего различные, часто противоположные мнения по какому-либо дискуссионному вопросу, остается неясной. Ки-Зербо пишет, что развитие некоторых обществ нельзя свести к последовательной смене открытых Марксом пяти общественно-экономических формаций, и в качестве примера берет именно Африку, где якобы не было ни рабовладения, ни феодализма /275, с. 781-784/. Затем задает вопрос: "Значит ли это, что Африку можно исключить из действия общих принципов эволюции человечества?". Нет, отвечает он, однако тут же приводит целый ряд оговорок относительно основных методологических категорий исторического материализма. Африканские реалии следует, по его мнению, изучать не путем возврата к Марксу, а путем обращения к нему (*non d'un retour, mais d'un recours*). Трудно понять, что на самом деле понимается под этой формулой.

Проблему классов и классовой борьбы в африканской истории Ки-Зербо вообще не ставит. Он ограничивается утверждением о том, что доколониальная Африка не знала ни рабства, ни феодализма как общественно-экономических формаций; от родо-племенного общества она сразу же перешла к "колониальному капитализму".

Таким образом, анализ теоретических воззрений Т. Тамуно, Ж. Ки-Зербо и других позволяет утверждать, что для либеральной африканской историографии характерны философский идеализм, методологический плюрализм и позитивистское преклонение перед источниками. Вместе с тем многие либеральные историки пытаются проследить влияние экономических факторов на эволюцию политических систем традиционного общества, часто с антиимпериалистических позиций раскрывают последствия колониального господства, показывают борьбу африканцев против колонизаторов. Течение это весьма неоднородно, в нем прослеживается как правое — близкое к консерваторам крыло, так и левое — по ряду позиций сближающееся с национальными демократами. Характерным примером является эволюция Ш.А. Ди-опа: его отход от крайних националистических тезисов и признание возможности применения диалектического материализма как метода анализа африканских обществ, его прогрессивная политическая

деятельность во главе партии Сенегальское национально-демократическое движение /628, с. 126; 129, 9.1X.1977/.

По мере углубления революционных процессов в странах Тропической Африки растет научный авторитет ученых, изучающих прошлое с позиции интересов трудящихся масс. Эти историки составляют *революционно-демократическое течение*, развивающееся в сторону научного социализма; по аналогии с подобным течением в литературе, названным Е.П. Чельшевым литературой социалистической ориентации /94, 1978, № 1, с. 155-156/, оно может быть названо историографией социалистической ориентации. Ученые этого течения составляют большинство в африканских странах социалистической ориентации – Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Конго, Танзании, Гвинее, Бенине; сильно их влияние и в некоторых странах, идущих по капиталистическому пути, где они нередко подвергаются гонениям и не могут полностью посвятить себя научной работе.

Отдельные историки революционно-демократического течения получили специальное образование в университетах СССР и других социалистических стран; более 20 представителей стран Тропической Африки защитили в СССР кандидатские диссертации по актуальным проблемам африканской истории (см. /427-444/). Научное руководство их подготовкой осуществляли ведущие советские историки-африканисты. Знакомство с авторефератами этих диссертаций позволяет утверждать, что они написаны с методологических позиций марксизма-ленинизма и свидетельствуют о высокой научной подготовке молодых африканских историков. В будущем можно ожидать от них выполнения крупных монографических исследований, могущих способствовать дальнейшему укреплению историографии социалистической ориентации. К этому следует добавить, что многие африканские историки самостоятельно изучают труды основоположников научного социализма, стремясь овладеть марксистской методологией познания прошлого.

Для представителей историографии социалистической ориентации характерна теоретико-методологическая эволюция – от идеализма и плюрализма к материализму и монизму. Само собой разумеется, что процесс этот весьма сложный и противоречивый. От признания марксизма до подлинного овладения его методологией – долгий путь изживания буржуазных и мелкобуржуазных концепций, упорного труда над повышением своего теоретического уровня и профессионального мастерства. Становление историка-марксиста – длительный процесс, результаты которого не всегда можно увидеть сегодня; важнее всего – это определить направление развития теоретических взглядов того или иного ученого, понять эволюцию его мировоззрения, причины колебаний и временных зигзагов. Тем не менее можно уже сейчас утверждать, что генеральной тенденцией развития этой группы африканских историков является постепенное овладение марксистской теорией общественного развития.

Историки социалистической ориентации в своей научной и общественной деятельности последовательно выступают против империализма и местной реакции, признают наличие классов и классовой борьбы в африканском обществе, приближаются к пониманию марксистской теории социально-экономических формаций. Они отмечают решающую роль народных масс в истории и отвергают элитаризм буржуазной историографии.

Об этом свидетельствуют труды молодого кенийского историка Э. Атиено-Одхамбо, сенегальца П. Дианя, конголезца Т. Обенги, бенинца П. Хунтонджи, ангольца Э. Абраншиша. Первый из них, например, пишет, что теоретические принципы его исторических воззрений определяются материалистическим пониманием истории, данным К. Марксом в статье "К критике политической экономии" и Ф. Энгельсом в известном письме И. Блоху от 21.1X.1890 г. /202, с. 65/. О своем стремлении анализировать прошлое африканских народов в свете марксизма говорит Т. Обенга /124, 20-27.Ш.1976/. Общая концепция истории Анголы, изложенная в книге Э. Абраншиша, исходит из последовательной смены общественных формаций — первобытнообщинного строя, рабства, патриархального феодализма; отмечается некоторое сходство социального строя доколониальной Анголы с обществами восточного типа, причем делается ссылка на К. Маркса /166/. Марксизм должен не только объяснять прошлое, но и быть орудием изменения мира. "Быть марксистом... — пишет П. Хунтонджи, — это значит мыслить по Марксу, анализировать в свете его теории определенные исторические ситуации с тем, чтобы затем изменить их революционным путем" /277, с. 253/.

Однако наряду с правильными выводами у историков революционно-демократического течения встречаются и ошибочные положения, вызванные влиянием мелкобуржуазных концепций или же недостаточно глубоким проникновением в суть изучаемых явлений. В частности, иногда неоправданно большое значение придается уравнительным тенденциям традиционной общины, преувеличивается демократизм африканского доколониального общества. Так, например, подобные ошибки характерны для статьи "О традиционной демократии" П. Дианя, занимающего по многим вопросам близкие к марксизму позиции /242/. В работах других авторов излишне акцентируется влияние географических и психологических факторов в африканской истории.

Трудности, с которыми встречается историография социалистической ориентации, вызваны не только ее молодостью и неопытностью. Следует учитывать и фактор, на который в свое время обращал внимание В.И. Ленин: быстрое развитие революционного процесса, пробуждение общественного интереса к марксизму неизбежно сопровождается шатаниями в области теории, повторением старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам /10, с. 65/. Отсюда та методологическая пестрота, которая бросается в глаза при знакомстве с идейными взглядами этой группы исто-

риков, различная степень их приближения к марксистской теории, переплетение марксистских, леворадикальных и иногда — прямо буржуазных концепций.

Серьезным препятствием проникновению идей научного социализма в страны Тропической Африки стало распространение различных оппортунистических, псевдомарксистских теорий и доктрин как правых социалистов (в этом отношении показательной является деятельность Сенгора по искажению марксизма), так и "неомарксистов", среди которых особенно отличаются Гароди, Альтюссер и Эленштейн. В своей книге "За диалог цивилизаций" Гароди, например, под вывеской "творческого марксизма" занимается прославлением наиболее ретроградных черт африканской архаичной идеологии, утверждает, что доколониальная Африка не знала ни феодализма, ни капитализма, а классовое деление пришло вместе с европейцами. Он призывает к богостроительству на основе "синтеза" мистики Востока и разума Запада /696/. Влияние "неомарксистов" в Африке объясняется и тем, что они длительное время выступали как авторитетные представители ФКП, и тем, что критика их взглядов марксистами, советскими и французскими, еще мало известна в Африке. Между тем буржуазные средства массовой информации создают большую рекламу писаниям оппортунистов и ренегатов, изображая их борцами против догматизма, творческими марксистами и т.п. Не удивительно поэтому, что ссылками на них пестрят некоторые книги африканских авторов /341/.

От историков революционно-демократического течения необходимо отличать тех немногочисленных ученых, которые приближаются к позициям левого радикализма, хотя грани между этими двумя течениями общественной мысли проницаемы и известны случаи перехода ученого на соседнюю идейную платформу, казалось бы, незаметно для него самого. Так, один из первых историков Тропической Африки сенегалец Абдулай Ли выступил в книге "Африканские массы и условия человеческого существования" (1956) с позиций мелкобуржуазного радикализма /319/. За прошедшие с тех пор 25 лет Ли, очевидно, пересмотрел некоторые прежние взгляды и теперь, судя по публикациям в оппозиционном сенегальском журнале, разделяет основные воззрения революционных демократов /320/.

Эволюцию в обратном направлении совершил (или продолжает совершать) известный экономист и историк Самир Амин: начав свою научную деятельность на идейных позициях революционного демократизма, близкого к марксизму, он в последние годы все больше сползает на теоретическую платформу мелкобуржуазного радикализма с его пресловутой концепцией "периферийного капитализма", противопоставлением "богатых" и "бедных" стран, что вызывает одобрение в лагере африканской буржуазии и правых оппортунистов /120, 1976, № 5, с. 13/.

Как известно, искренний антиимпериализм левых радикалов в развивающихся странах соседствует с непониманием, а зачастую и

с прямым извращением роли реального социализма на мировой арене, с нападками на прогрессивные режимы, избравшие некапиталистический путь развития. В данном случае уместно вспомнить ленинскую характеристику неустойчивого положения мелкобуржуазной демократической интеллигенции, которая вносит в движение "свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки" /13, с. 55/. В.И. Ленин говорил, что среди данного общественного слоя широкое распространение получают половинчатые, противоречивые воззрения, "мешанина противоположных принципов и точек зрения" /9, с. 209/. Поэтому не удивительно, что воздействие идеологов левого радикализма и лично Амина на молодых африканских ученых, особенно в экономических и социологических работах, весьма ошутимо и проявилось, в частности, в докладах и дискуссиях на IY Международном конгрессе африканистов в Киншасе (декабрь 1978 г.) /671/. Что же касается собственно исторической мысли, то здесь влияние Амина гораздо слабее и говорить о существовании особого леворадикального течения в африканской историографии сегодня нет оснований, хотя нельзя исключить его оформления в будущем.

Дальнейшее укрепление историографии социалистической ориентации, ее внутренняя консолидация станут, надо полагать, ведущей тенденцией развития африканской исторической науки в 80-е годы. Этот процесс идет параллельно со становлением марксистской политической и философской мысли /605/, с распространением метода социалистического реализма в художественной литературе /537/. Прогрессивные социально-политические изменения на Африканском континенте, соединение марксистской теории с национально-освободительным движением стали мощным стимулом творческого роста историков, ориентирующихся на будущее и берущих на вооружение самую передовую научную методологию.

Оформление в современной африканской историографии трех идейно-теоретических течений происходит в условиях углубляющегося кризиса западной буржуазной исторической науки, все более обнаруживающей свою неспособность дать адекватную картину развития исторического процесса. И напрасно пытался президент МКИН, западногерманский профессор К. Эрдманн на XV Международном конгрессе историков в Бухаресте представить дело так, будто сегодня вся буржуазная историография объединена некоей единой методологией "неоисторизма" /690/. На самом же деле она внутренне неоднородна, в ней происходит дальнейшее дробление теоретических направлений, течений, школ, усиливается идейная борьба; ее общественный и научный статус снижается. В отличие от западной буржуазной в африканской историографии преобладают интеграционные процессы; поляризация политических сил способствует консолидации историографических течений. Влияние на нее методологических школ бывших метрополий, весьма ошутимое в начальный период становления, постепенно падает; главными становятся внутренние факторы развития - научно-познавательные и общественные. Нельзя, естест-

венно, не учитывать и общего состояния мировой исторической науки, составной частью которой стала африканская историография, вступившая в полосу своей зрелости.

2. Дискуссия об общественном строе доколониальной Африки

С самого своего зарождения африканская историография проявляла особый интерес к ранним периодам национальной истории. В центре внимания первых африканских историков стояли этногенетические проблемы – "откуда есть пошла" та или иная земля, каков общественный строй, обычаи и нравы ее обитателей. Этот интерес был вызван не только ростом национального самосознания, но и подогревался достижениями исторической науки, в особенности сенсационными открытиями археологов в Восточной Африке. Следует учитывать и то, что в кругах идеологов освободительного движения 50-х – начала 60-х годов господствовало идеализированное представление о доколониальной Африке, где в отличие от современности якобы царили мир, порядок и социальное согласие; это самым непосредственным образом влияло на проблематику научных изысканий африканских историков.

Тезис о том, что именно Африка была прародиной человека, стал одним из главных постулатов африканской исторической науки. Африка, утверждает Ки-Зербо, стала не только колыбелью человека и его сознания, но и родиной начальных технических усовершенствований, которые позволили ему отделиться от природы и утвердиться над нею /307, с. 52/. По мнению историка, если плоскогорья Восточной Африки имели определенные преимущества в эпоху палеолита, то в неолите ведущая роль переходит к населению Сахары. Гордость за Африку, где впервые сформировался человек, звучит в 1 томе "Всеобщей истории Африки"; здесь говорится: "В Африке найдены все звенья цепи, связывающие нас с наиболее древними гоминидами" /275, с. 772/. Это дает основание некоторым авторам делать выводы о мессианской роли Африки в эволюции человечества. Не случайно, наверное, одна из книг Ш.А. Диопа заканчивается следующей многозначительной тирадой: "Мир будущего, по всей вероятности, будет пропитан африканским оптимизмом" /252, с. 187/.

В силу ряда причин, связанных со спецификой археологии (необходимость сложного оборудования, больших финансовых затрат и т.п.), изыскания на территории Кении, Танзании и Эфиопии проводились иностранными экспедициями, в которых африканцы, за редкими исключениями, участия не принимали. Однако африканские историки внимательно следят за раскопками и чутко реагируют на археологические открытия, особенно на те, которые касаются приоритета Африки или указывают на расовые признаки первых обитателей континента. Новые данные очень быстро включаются в кон-

цептуальные построения о наиболее ранних периодах Африки, что проявилось, в частности, в трудах Ш.А. Диопа.

Если африканская историческая наука не смогла выступить самостоятельно по вопросу о происхождении человека, то она усиленно разрабатывает проблему одной из первых мировых цивилизаций — египетской. Уже в продолжение 25 лет длится упорная дискуссия, начатая публикациями сенегальского историка Ш.А. Диопа, который стал основателем небольшой научной школы. Бесспорному факту, что Египет — часть Африки и что египетская цивилизация по своему происхождению африканская, сторонники Диопа, по существу, пытаются придать расовый оттенок, толкуя односторонние некоторые данные о наличии негроидного антропологического типа среди обитателей долины Нила. Конечно, можно понять гордость, с которой Ки-Зербо пишет: "Египетская цивилизация далека от того, чтобы быть неким чудом; это закономерный итог ведущей роли Африки в течение трехсот тысячелетий начальной истории человечества" /307, с. 63/. Вместе с тем абсолютизация этого тезиса неизбежно ведет к серьезным методологическим и фактическим ошибкам националистического толка. Ведь афроцентризм не менее опасен для исторической науки, чем давно опровергнутый европоцентризм /616, с. 7-9/.

Именно Ш.А. Диоп был первым среди африканских историков, кто попытался, во-первых, создать общую концепцию исторического развития Африки, поставив проблему общественного строя доколониальной эпохи, во-вторых, установить связи египетской цивилизации с негро-африканской культурой. Нет необходимости останавливаться на тезисах сенегальского ученого, они подвергнуты основательному разбору в публикациях Л.Е. Куббеля /586; 566, с. 40-48/. Укажем лишь на главное в его концепции: противопоставление двух историко-культурных зон человечества, отличающихся расовыми и психическими чертами их жителей. Старую оппозицию "Запад — Восток" Диоп заменил новым географическим направлением "Север — Юг". Южная зона, включающая Эфиопию, Египет, Черную Африку, — это царство матриархата, социального равновесия и коллективизма /255, с. 185-186/. Что же касается древнеегипетской цивилизации, то она, по утверждению Диопа, была творением негро-африканцев, которые таким образом оплодотворили мировую культуру.

Мы уже упоминали, что первые публикации Диопа сыграли роль манифеста националистической африканской историографии (гл. 1, 4); в научном плане они вызвали серьезные возражения как со стороны буржуазных специалистов в области египтологии и африканистики, так и ученых-марксистов. Диопа обвиняли в пренебрежении к общепринятым методам научного доказательства /740, с. 123/, слабости аргументации, теоретическом эклектизме и тенденциозном подборе аргументов. Крупный французский египтолог Ж. Леклан показал связь воззрений Диопа с целым направлением буржуазной историографии, еще с 20-х годов распространявшим диффузионистские

идеи о прямых этнических и культурных связях Древнего Египта и Черной Африки /727, с. 327-329/.

Ж. Сюрэ-Каналь в рецензии на книги Диопа, опубликованной в гвинейском научном журнале, отметил две серьезные методологические ошибки автора: а) утверждение, что западную (по терминологии Диопа – северную) техническую цивилизацию создала "арийская раса"; б) ненаучный анализ лингвистических данных. По словам рецензента, игра воображения не должна подменять научной добросовестности: "Достаточно найти похожий по звучанию топоним, чтобы, используя такую методику, доказать, что народ волоф имеет какое угодно происхождение: китайское, канадское, южноамериканское". Сюрэ-Каналь пришел к выводу, что выдвинутые Диопом гипотезы остались недоказанными /139, 1960, № 1-4, с. 66-71/.

Хотя за прошедшие с тех пор 20 лет Ш.А. Диоп пережил определенную идейную эволюцию, лишь в одном вопросе он остался непреклонен: древнеегипетская цивилизация – творение негро-африканских народов. "Первые люди на земле с этнической точки зрения были однородно негроидными... – утверждал он на Международном симпозиуме в Каире в 1974 г. – Население Египта в додинастическую эпоху было полностью негроидным, за исключением небольших вкраплений светлокочих кочевых элементов... Иконографические данные утверждают, что правители Египта имели более выраженные негроидные черты, чем сегодняшние сенегалышцы" /75, с. 76-78/.

Концепция Диопа нашла поддержку в работах конголезского историка Т. Обенги, пытающегося подкрепить ее лингвистическим материалом, поскольку Обенга – единственный из ученых Тропической Африки, получивший специальное египтологическое образование. В 70-е годы он опубликовал несколько книг и статей, где ввел понятие "негро-египетского" языка, на котором якобы говорили в фараоновском Египте и который впоследствии стал родоначальником языков семьи банту. Он считает доказанным, что древнеегипетский, коптский и современные негро-африканские языки происходят от общего додиалектного протоязыка /366, с. 27/. Однако приводимые им доводы – общие для трех языков слова (всего он насчитал девять слов), именные классы, категории рода, отрицательные морфемы и др. – не кажутся достаточными для доказательства этой гипотезы /340, с. 25-31; 75, с. 65-71/. Оставляя в стороне лингвистический аспект проблемы, о котором отрицательно уже высказались специалисты-египтологи, следует остановиться на методологической ошибке конголезского историка.

Главный методологический недостаток концепции Обенги коренится в смешении категорий разных наук и различных уровней познания – расы и языка, языка и истории. Можно напомнить, что столь почитаемый им основатель структурной лингвистики Ф. де Соссюр в одном из последних разделов "Курса общей лингвистики", показав несводимость языковых и расовых характеристик народов, рекомендо-

вал очень осторожный подход к использованию лингвистических данных в качестве исторического источника. Другой видный ученый — Д.А. Ольдерогге предупреждал против смешения совершенно различных принципов расы и языка /569, с. 9–13/. Именно в нарушении этих важных положений и коренится основной теоретический изъян взглядов конголезского ученого, не говоря о фактической стороне его аргументации.

Среди немногочисленных сторонников "негрского" Египта, которых можно назвать условно "школой Диопа", в 70-е годы наблюдается своеобразное разделение труда. В качестве доказательств привлекаются три группы источников: Ш.А. Диоп по преимуществу оперирует данными физической антропологии, Т. Обенга — лингвистики, в то время как Э. Мвенг предпочитает свидетельства древних писателей.

Хотя Э. Мвенг никогда прямо не признавал себя сторонником, а тем более учеником Диопа, его работы фактически развивают те же исходные тезисы, только на иной источниковой базе. В докторской диссертации /453/, которая была без изменений опубликована в виде отдельной монографии /343/, он подверг критическому анализу свидетельства об Африке античных авторов: историков — Геродота, Диодора, Ксенофонта, Полибия, Страбона, драматургов — Эсхила, Софокла, Аристофана и др. Сама по себе эта работа представляет ценный свод первоисточников. Выводы, к которым пришел Мвенг, он сам подытожил в выступлении на симпозиуме в Дакаре: негры — самые древние из людей, они создатели цивилизации и культуры. Древний Египет был колонией негров, основанной Осирисом; все основные составные части современной цивилизации — политическая организация общества, религиозные культы, письменность, искусства — все открыто неграми /236, с. 44–51/. Положения Мвенга несколько отличаются от выводов Диопа: если тот считал, что колыбелью цивилизации был Египет, то Мвенг отдает предпочтение Эфиопии, откуда пришли негры и заселили затем всю долину Нила. Правда, камерунский историк пишет о сложности взаимных влияний древних народов, предупреждает против упрощения, говорит о необходимости дальнейших исследований. Однако свою точку зрения он изложил вполне недвусмысленно, и ее близость с концепцией Диопа не вызывает сомнений.

Мвенг идет даже дальше: если ранее утверждалось, что негроиды цивилизовали Африку и Европу, то, согласно Мвенгу, их влияние распространялось и на Новый Свет. На конференции в Дакаре "Негритюд и Латинская Америка" (1974) Мвенг громогласно заявил, что может с помощью надежных источников в руках доказать присутствие африканских негров в Центральной Америке еще во II тысячелетии до н.э., т.е. по меньшей мере за тысячу лет до Колумба. Он добавил, что якобы имеются разнообразные свидетельства, среди которых — предметы искусства, керамика, данные язы-
ка /347, с. 489–490/.

Другие африканские ученые, затрагивающие самые ранние периоды истории Африканского континента, к проблеме расового состава населения Древнего Египта и его общественного строя подходят весьма осторожно. Характерна в этом отношении позиция Ки-Зербо: хотя в общем он склоняется к признанию тезиса о том, что цивилизация Древнего Египта создана народами негроидной расы, он тут же высказывает правильную мысль о том, что нельзя смешивать расу и культуру, говорит о гибридном расовом типе населения /307, с. 76-83/.

В работах советских ученых Л.Е.Куббеля /586/, Б.Б.Пиотровского /614/, М.А.Коростовцева /580/, Ю.К.Поплинского /616/, Ю.М.Кобишанова /574/ показана диалектика сложных, прямых и опосредованных, связей Древнего Египта с народами Африки, Ближнего Востока и Средиземноморья. Определение места и роли Африки вообще и Древнего Египта в частности в мировом культурно-историческом процессе действительно является важной научной проблемой, которую невозможно решить на основе "афроцентризма". Единственный правильный путь ее решения - материалистическая диалектика национальных и интернациональных факторов, понимание территориальной асинхронности исторического процесса, учет вклада в мировую цивилизацию не только центра, но и периферии, отказ от любых форм проявления расовой и национальной исключительности.

Если дискуссия об истоках африканской цивилизации затронула лишь часть историков континента, то родственная проблема - общественный строй доколониальной Африки - никого не оставила равнодушным. Здесь более зримы границы между различными методологическими течениями. Поражает многоголосица в ответах на вопрос об общественном строе доколониальной Африки - от бесклассовости, рабовладения и феодализма до особых формаций: данничества, азиатского или африканского способов производства. Следует учесть и то, что специальных работ по этой теме написано очень мало, а выводы и замечания рассеяны по многочисленным публикациям.

Полифоничность современной историографии обусловлена прежде всего сложностью и противоречивостью самого предмета исследования. Ведь народы Тропической Африки ко времени европейской колонизации находились на разных ступенях общественного развития: многие из них имели высокоорганизованные государства, другие - разнообразные потестарные формы власти, третьи продолжали жить общинно-родовым строем.

В начальный период африканской историографии всеобщим было признание отсутствия в доколониальные времена эксплуатации и классовой борьбы. Объясняется это, видимо, не столько недостаточным уровнем знаний о прошлом, сколько политическими императивами - необходимостью сохранения и укрепления политического единства, сложившегося в ходе национально-освободительной борь-

бы. Не удивительно поэтому, что тезис о бесклассовости традиционного общества в равной степени признавали такие разные политические деятели, как Сенгор, Нкрума и Ньерере. Нкрума, к примеру, в первом издании книги "Философия сознательности" (1964) подчеркивал, что африканское традиционное общество было эгалитарным, где земля и средства производства принадлежали всему коллективу. Идеологию такого общества Нкрума называет "коммунизм" и считает, что благодаря ему переход к социализму может произойти без революции. По логике Нкрумы получалось, что современный африканский революционер — это самый последовательный из традиционалистов /277, с. 181-182; 638, с. 113-134/.

Постепенно Нкрума пересматривает свои взгляды под влиянием реальностей политической борьбы в Гане и во всей Африке, а также в результате собственной теоретической работы, лучшего знакомства с марксистской литературой, специальными историческими и социологическими трудами. "Все имеющиеся источники показывают, — писал он в статье, опубликованной в 1966 г., — что африканское общество не было ни бесклассовым, ни лишенным социальной иерархии. Феодализм существовал в некоторых частях Африки до ее колонизации, а он приводит к глубокой эксплуататорской социальной стратификации, основанной на земельной собственности" /354, с. 440/. В книге "Классовая борьба" (1970) Нкрума прямо признает неверным мнение об отсутствии социальных классов в Африке и считает вполне применимой к ней пятичленную формулу смены общественных формаций. Что же касается общественной структуры Африки кануна европейского завоевания, то он говорит, что в этот период "африканские народы проходили через высшую стадию общинного строя, которой были присущи распад племенной демократии, возникновение феодальных отношений, наследственных племенных вождей и монархических систем" /355, с. 10-14/.

Взгляды Нкрумы в общем характерны для современной историографии социалистической ориентации. Можно говорить о том, что ее представители усвоили, правда с различной степенью глубины, марксистское положение о смене общественно-экономических формаций как естественноисторическом процессе, характерном для человеческих обществ в различных частях мира, и пришли к выводу, что Африка не является исключением из этого правила. Общим для историков этого течения стало признание эксплуатации в доколониальной Африке, наличия классов и классовой борьбы в различных формах, отсутствия подлинной демократии. Об этом пишут Т. Обенга, П. Диань, Э. Атиено-Одхиамбо, Тадэссе Тамрат, Калиду Дем и другие. Что же касается конкретных выводов, то они весьма различны, порой противоречивы, а иногда прямо ошибочны.

Вот, например, ход рассуждений Т. Обенги: он, казалось бы, вполне одобрительно относится к пяти общественно-экономическим формациям, открытым марксизмом в качестве магистральной линии

развития человечества, однако тут же добавляет, что формационная теория была разработана на историческом опыте народов Европы и Средиземноморья и поэтому—де применять ее ко всем обществам мира невозможно. Затем автор цитирует несколько общих замечаний классиков марксизма об азиатском способе производства, но прямо своего мнения по этому вопросу не высказывает, а приводит им фактический материал отчасти даже противоречит марксистским положениям. Так, он пишет, что у народности мбоши есть эксплуатация человека человеком, но сохраняется коллективная ответственность на землю. "Правящий класс" (это понятие автор почему-то берет в кавычки) получает вознаграждение за выполнение определенных функций по руководству обществом, но не потому, что контролирует производство /365, с. 78/.

Тенденция к отрыву политических функций от хозяйственных при анализе традиционных обществ проявляется в работах не только Обенги, но и других историков. Так, П. Диань в монографии 1967 г. вполне резонно писал о тесной взаимосвязи политических систем и социальных факторов /244, с. 15/. Однако десять лет спустя он стал утверждать, что экономика и политика, несмотря на их связи, независимы друг от друга: "Этот факт коренным образом отличает африканскую модель от европейских и азиатских режимов, идет ли речь об индо-европейском рабовладении, феодализме или об азиатском способе производства. Негро-африканская традиция в отличие от других цивилизаций не связывает обладание властью с обладанием средствами производства" /242, с. 28-29/.

Африканскому доколониальному обществу, по мнению Дианя, присуща экономическая демократия. В аграрных обществах, где изобилие земли, производимые продукты и рабы стали товаром очень поздно, а государство не играло почти никакой экономической роли. Отсюда вывод: в доколониальной Африке социально-экономические конфликты и антагонизмы, борьба классов занимают сравнительно малое место. Происходившие же политические перевороты, говорит Диань, носили характер консервативных революций, так как в результате власть одной олигархической группировки сменялась властью другой, без существенных изменений /242, с. 31/.

Таким образом, в данном случае можно констатировать факт сползания историка прогрессивных воззрений по одному частному, но важному вопросу на позиции либерально-буржуазной историографии, где господствует концепция "африканской исключительности". Она стремится объяснить закономерности развития традиционного африканского общества прежде всего через особенности семейно-родственных, клановых и кастовых отношений, игнорируя социальные противоречия и классовую борьбу.

Новым явлением в историографии доколониального прошлого Африки явилась теория данничества, как особой докапиталистической формации, характерной для периферийных обществ. Эту теорию развивают некоторые леворадикальные экономисты и социологи. Среди

них наиболее активен Самир Амин, с большим апломбом берущийся за решение разнообразных экономических, исторических и социологических проблем. В ряде своих работ — сначала в книге "Неравномерное развитие" /191/, затем в статьях и многочисленных предисловиях к работам своих единомышленников /193; 194/ — Амин пропагандирует данничество как социально-экономический строй доколониальной Тропической Африки. Данничество, по Амину, — это сочетание аграрной общинной экономики (с присущим ей низким уровнем прибавочного продукта) и политического аппарата для изъятия дани, которая рассматривается как особая форма эксплуатации. Как полагает Амин, данничество выражает постоянное противоречие между общиной и отрицающим ее государством, между крестьянством и правящей аристократией. В чистом виде, впрочем, данничества не существовало; по мнению Амина, оно в качестве доминирующего уклада переплеталось с элементами рабовладения и феодализма.

Характерными для Амина являются его высказывания против общих закономерностей исторического процесса, против "линейного" развития и неизбежной смены общественно-экономических формаций /190, с. 8–10/. Он считает, что рабовладельческий и феодальный способы производства были в истории не правилом, а исключением. Амин полагает, что нет необходимой связи между юридическим статусом индивида — свободный это или раб — и формами его эксплуатации; нельзя, говорит он, смешивать отношения господства с отношениями эксплуатации — они совпадают только при капитализме /194, с. 47/. Амин, таким образом, искусственно дробит на составные элементы, существующие сами по себе, без взаимных связей и зависимостей, то единое целое, что составляет понятие общественно-экономической формации.

Самый большой методологический порок концепций сенегальского экономиста проявляется в положении о том, что в докапиталистических формациях политическая и идеологическая надстройка полностью свободна от экономического базиса. Отход от четких основ марксистской формационной теории объясняется теоретическим эклектизмом воззрений Амина, о которых Ж. Сюрэ-Каналь совершенно справедливо сказал: это "эклектическая смесь заимствований из марксизма и концепций буржуазного университета, таких, как вульгарная политэкономия в разных своих версиях и спекулятивная философия" /94, 1978, № 2, с. 157/. Концепции С. Амина о данничестве в доколониальной Африке не получили среди историков широкого распространения.

Теорию рабовладельческого строя в традиционном африканском обществе разделяют немногие ученые. К ним можно отнести Маджмута Диопа и Амаду Дьенга из Сенегала, гвинейца М.С. Балде. Первый из них в 50-е — начале 60-х годов пытался с марксистских позиций рассмотреть социологические проблемы современной Африки /256; 258/, позже в двухтомной монографии обратился к изучению истории социальных классов в Западной Африке /257/.

Догматическое, нетворческое понимание марксистской методологии не позволило сенегальскому автору отличить видимость общественных явлений от их сущности: из факта численного преобладания различных сервилльных групп населения, объединяемых под общим понятием "раб", он сделал вывод о рабовладельческой формационной принадлежности обществ этого региона. Причем, как считает Диоп, рабовладение на территории Мали существовало вплоть до конца XIX в. и лишь в Сенегале намечался переход к феодализму. Вместе с тем он признает возможным применить для характеристики доколониальной Африки понятие азиатского способа производства, но, не как особой формации, а как одного из вариантов общего процесса перехода от первобытного общества к феодальному /257, т. 1, с. 88-89/.

Сторонником рабовладельческой формации, по существу, представит М.С. Балде, в обширной статье подвергший анализу социальный строй жителей нагорья Фута-Джаллона после его завоевания фульбе. Он приводит многочисленные фактические данные о числе рабов, их этнической принадлежности, юридическом статусе и формах эксплуатации. Балде, как и многие другие исследователи, признает крайнюю сложность определения действительного положения зависимого населения: рабы это или крепостные? Хотя он склоняется к мнению, что это были рабы, он считает, что часть из них может быть отнесена скорее к категории крепостных, чем к собственно рабам /213, с. 189/. Нельзя не привести следующий факт, свидетельствующий о трудности разрешения проблемы рабства в доколониальной Африке: другой исследователь, изучая тот же район Фута-Джаллона, пришел к выводу, что эксплуатируемое сельское население, называемое обычно рабами, на самом деле должно быть отнесено к сословию крепостных. Они были экономически независимыми от своих господ, жили в отдельных поселениях, вели свое хозяйство и владели собственностью; только земля, которую они обрабатывали, не принадлежала им, поэтому они несли ряд повинностей в пользу землевладельцев-феодалов /684, с. 27-30/.

Проблему рабства в доколониальных обществах Тропической Африки активно обсуждают нигерийские ученые, и начало разработке этой тематики было положено еще в первой работе К.О. Дике. Много интересных сведений о положении различных категорий несвободных в Дельте Нигера приводят современные историки. К. Нуачукву-Огеденгбе и В. Ученду опубликовали свои статьи в сборнике "Рабство в Африке" (1977), который стал серьезным вкладом в изучение этой проблемы и получил положительную оценку в марксистской критике. Основное внимание авторы уделяют изучению социальной мобильности рабов и механизма их интеграции в систему родственных отношений (семьи, рода) рабовладельца. Показаны формы эксплуатации труда рабов, их участие в экономической и религиозной жизни общества. "Рабство было многоликим феноменом, результатом действия различных факторов", - пишет Нуачукву-Огеденгбе

/358, с. 151/. Общий вывод сформулировал В. Ученду: в стране иго, несмотря на большое количество несвободных, рабство все же не было основой хозяйства /421, с. 131/. К такому же заключению приходит профессор университета в Нсукке И. Нзими́ро, изучавший политический строй городов-государств Дельты Нигера /362, с. 25-29/. Вместе с тем нельзя не отметить, что названные выше ученые не дают ответа на вопрос о социально-экономическом строе изучаемых обществ, они определенно говорят лишь о том, что им не было рабство. Проблема феодализма или какого-либо его варианта даже не ставится.

На теоретические искания африканских историков, особенно молодого поколения, немалое воздействие оказывают дискуссии среди французских и английских африканистов, признающих марксизм или близких к нему: М. Годелье, Э. Терре, Ж. Сюре-Каналья, К. Кокри-Видрович, К. Мейяссу, Дж. Гуди, А. Уилкса. Предположения некоторых из них об азиатском (Сюре-Каналь) или специфически африканском (Кокри-Видрович) способах производства, о рабовладении (Мейяссу) или гибриде данничества с рабовладением (Уилкс) живо обсуждаются в кругах африканских историков и находят среди них как сторонников, так и противников. Не остаются они равнодушными и к развернувшейся дискуссии о характере рабства в доколониальной Африке, в которую в последние годы оказались вовлеченными представители западной буржуазной историографии, этнографии и антропологии /679; 720/.

В 70-е годы в африканской историографии произошел определенный сдвиг в сторону признания глубокой социальной дифференциации в традиционном обществе доколониальной эпохи, наличия в нем классовых антагонизмов и эксплуатации. Если в работах Ш.А. Диопа, опубликованных в 1959-1960 гг. /250; 255/, утверждалась "исключительность" африканских обществ с их иерархическими кастами, где нет места эксплуатации низших высшими, где существовало-де социальное равновесие и не было места классовой борьбе и революции, то в 70-е годы концепция бесклассовости и консенсуса в доколониальную эпоху находит все меньше защитников. Знаменем времени можно считать особую главу "Социальные классы" в монографии М. Глеле о доколониальной Дагомеи, хотя такие разделы в работах африканских авторов еще редкость. Остановимся несколько подробнее на анализе этой по-своему интересной книги.

М. Глеле отвергает вывод о рабовладельческом строе Дагомеи, к которому пришли его предшественники М. Херсковиц, К. Поланы и А. Акинджогбин /708; 754; 184/, и присоединяется к мнению Сюре-Каналья о делении общества на два класса: господствующий - родовая, военная и служилая аристократия и эксплуатируемый - трудящееся крестьянство, которое включало как свободных людей, так и различные категории зависимого населения: рабов, пленников, данников, крепостных /259, 159/. Автор, впрочем, непоследователь-

лен, так как в другом месте говорит о трех классах дагомейского общества – аристократии, свободных и рабов /269, с. 155–156/. Такая противоречивость, видимо, объясняется несколько вольным употреблением слова “класс”, что присуще и другим африканским авторам; этим термином они обозначают и классы, и сословия, и социо-профессиональные группы (см. например, /202, с. 67–68/).

На вопрос о том, была ли доколониальная Дагомея рабовладельческим государством, Глеле отвечает вполне определенно: нет, поскольку производство не основывалось исключительно на рабском труде. Хотя рабов в Дагомее насчитывалось очень много, их функции были весьма разнообразны; их использовали как домашних слуг, иногда – как жрецов или же для ритуальных жертвоприношений. Многие рабы находились по существу на положении крепостных: они жили в особых поселках, где обрабатывали земли короля. Благодаря их труду, а также зависимых крестьян – *глез* были созданы и содержались плантации маслячной пальмы в районах Абомея и Види. Наконец, значительное число рабов продавалось европейским торговцам и вывозилось в Америку. Из приводимых Глеле фактов и обобщений создается впечатление, что доколониальное дагомейское общество представляло собой какой-то вариант феодализма, хотя сам автор нигде не упоминает этот термин. Тем не менее именно такой вывод Глеле подтвердил в беседе с автором настоящей работы^х. О том, что главную производительную силу доколониальной Дагомеи составляли *глез*, пишет также Б. Обичере /372, с. 19/.

Среди современных африканских историков становится все больше оторонников концепции феодального или раннефеодального социального строя доколониального общества. К такому выводу, например, приходит С.М. Сиссоко в книге о Сонгайском государстве XV–XVI вв., хотя тоже избегает самого термина “феодализм”. Вместе с тем он прямо признает существование крупной земельной собственности, обрабатываемой прикрепленными к земле невольниками /235, с. 125/. Хотя социально-экономическим вопросам уделено мало внимания (сельскому хозяйству посвящено менее трех страниц, животноводству – всего одна), выводы автора вполне определены.

Очало Пала из Кении в изданной ЮНЕСКО книге о положении африканских женщин в доколониальные времена пишет, что в странах Восточной Африки с XVI в. начинается длительный переходный период – от политических систем, основанных на общинно-родовых отношениях, к феодальным государствам. Этот процесс, замечает она, шел очень медленно и не завершился ко времени европейского завоевания /389, с. 33/.

^х Из записи беседы с М. Глеле в Париже 25 января 1980 г. (архив автора).

Историки консервативного течения, как мы отмечали выше, придерживаются мнения о бесклассовости африканского доколониального общества и о царившей в нем социальной гармонии. Эти взгляды разделяют Бубу Хама, А.А.Ба, покойный К.Бусиа. Что же касается А.Кагаме, живущего в стране, где феодальные порядки достигли большого развития и сохранились до недавних пор, то он занимает противоречивую позицию. Он признает, с одной стороны, что в Руанде существовали отдельные формы феодальных отношений, в частности так называемая система пастушеского крепостничества — *бугале*. С другой стороны, он уверяет, что политическая организация государства не была феодальной, так как абсолютную монархию якобы невозможно совместить с феодализмом /288, с. 7–8/. Вместе с тем у него встречается и правильное утверждение о том, что с приходом бельгийских колонизаторов в Руанду крепостнические отношения развились шире и укрепились. Молодые руандийские ученые Ж.Рвабукумба, В.Мудандаизи и С.Себазони без всяких оговорок относят традиционное руандийское общество к феодальному типу /391; 393/.

Много ценных сведений о предколониальных социальных отношениях в соседней стране — Бурунди приводит Э.Мвороха. В его монографии показаны переплетение экономических и внеэкономических форм эксплуатации крестьянства и скотоводов-пастухов, различные методы сбора дани с подневольного населения крупными феодалами /344, с. 113–116, 183–192/.

Что же касается историков либерально-буржуазного течения, то многие из них, имплицитно признавая классовую дифференциацию доколониального африканского общества, специально на этой проблеме не останавливаются или же очень осторожно ее обходят. Такая уклончивость особенно характерна для нигерийской исторической школы, и в этом отношении показательны публикации А.Э.Афигбо, А.Ад-жажи, С.Акинтойе, Э.Исичеи, О.Олорунтимехина /169; 179; 185; 283; 284; 386/.

Близкий к ним по своим идейно-теоретическим воззрениям Ж.Ки-Зербо чаще высказывается по общим проблемам африканской истории, но понять его мнение о социальных структурах доколониальной Африки нелегко. В главе об общественном строе Древнего Египта, Куша и Мероэ в "Истории Черной Африки" он обходит вопрос о рабовладельческом характере древнеегипетского государства; ничего не говорит о его классовом составе, кроме того что это было общество "строго иерархичное". Несколько дальше, пытаясь объяснить его малоподвижность, вольтийский историк утверждает, что в нем отсутствовала эксплуатация и эксплуататорские классы /307, с. 72–75/. Ки-Зербо указывает на специфику африканского средневековья, где в продолжение столетий сохранялась многоукладность в экономике и, как результат, многослойность социальных отношений. О Сонгайской державе он говорит, что феодализм в ней не сложился в развитую систему, а переплетался в разных комбинациях с

рабовладением и общинно-родовыми отношениями /307, с. 147-148/. С этим выводом можно было бы согласиться, если бы Ки-Зербо не утверждал: "Главной или даже единственной движущей силой социально-экономического развития была большая патриархальная семья" /307, с. 175/. Здесь проявилась присущая многим африканским историкам тенденция абсолютизировать семейно-родственные отношения и умалывать более важные - экономические и социальные - факторы исторического процесса.

Ки-Зербо повторил свои основные положения и даже отчасти усугубил ошибочную трактовку некоторых вопросов в первом томе "Всеобщей истории Африки" ЮНЕСКО. Основные тезисы его концепции сводятся к тому, что в доколониальной Африке не было частной собственности на землю, а производство прибавочного продукта сверх потребностей традиционных обществ было незначительным, поэтому отсутствовала и эксплуатация. Большая часть налогов и податей, собираемых правителями государств и вождями потестарных обществ, вновь распределялась среди непосредственных производителей в виде благотворительных раздач. Не было не только ни рабства, ни феодализма в том смысле, как они понимаются на Западе, но даже их африканских разновидностей. Последний тезис Ки-Зербо звучит с неподдельной гордостью: хотя общественные структуры Африки не менялись по крайней мере в продолжение пятисот лет до самой европейской колонизации, зато африканцы "достигли чрезвычайно высокого расцвета искусства и совершенствования человеческих отношений" /275, с. 786/. Патриархальная идиллия, таким образом, одобрена порцией мессианских идей о пресловутом "африканском гуманизме", столь дорогим адептам негритюда.

Между тем в некоторых, правда весьма редких, научных трудах африканских историков показана ожесточенная классовая борьба эксплуатируемых масс против своих угнетателей, развенчивается ложный тезис об "экономической демократии", "всеобщем благоденствии" и "довольстве" в доколониальные времена. Первым затронул проблему классовой борьбы в традиционном обществе - как это ни странно - историк очень умеренных политических воззрений К.О.Дике. В своей книге он уделил внимание восстаниям рабов в городах Дельты Нигера - Бонни и Калабаре в 1850-1875 гг. Он подчеркивал, что в Калабаре рабы восстали против всех рабовладельцев, против правящего класса. "Это была прямая схватка между рабовладельцами и рабами", - писал нигерийский историк /248, с. 153-155/.

Но вот двадцать лет спустя после Дике Э.Исичи, которая в своих работах неумеренно идеализирует традиционное общество игбо, пытается умалить социальное значение этих выступлений, утверждая, что рабы боролись не столько против эксплуатации, сколько против жестокой практики человеческих жертвоприношений /247, с. 97/.

О различных формах борьбы рабов против своих угнетателей на гвинейском Фута-Джаллоне рассказывает М.С. Балде /213, с. 199-207/. Приводимые им факты жестокой эксплуатации рабов, лишенных всяких прав и рассматриваемых владельцами в качестве "движимого имущества", опровергают апологетические построения некоторых историков, африканцев и неафриканцев, об особой "мягкости" рабства в традиционном обществе.

Завершая рассмотрение наиболее важных проблем истории доколониальной Африки в современной африканской историографии, следует остановиться на так называемом хамитском вопросе. Как известно, существование в Африке больших государств с развитыми социально-политическими институтами являлось предметом законной гордости африканцев в период освободительной борьбы. Однако в буржуазной историографии тогда господствовала точка зрения, согласно которой большинство этих государств, особенно расположенные в Восточной и Экваториальной Африке, не были созданы местными народами языковой семьи банту. Считалось, что они появились в результате завоевания этих районов кочевыми нилотскими племенами, относимыми лингвистами к хамитской языковой группе; причем из-за смешения языковых, расовых и культурных признаков делались выводы о расовой неполноценности и исторической пассивности народов банту.

В опровержение хамитской теории определенный вклад внесли и африканские историки — Б. Огот, У. Очиенг, И. Кимамбо. Первый из них, выступая на международном семинаре в Дакаре (1961), подверг резкой критике утверждения ряда английских африканистов о том, что в страны Межозерья, населенные земледельцами-банту, государственное устройство было привнесено кочевыми завоевателями-хамитами. Он показал, что эти выводы были сделаны на основании ошибочной интерпретации устной традиции и языковых данных /712, с. 302-304/. Линию на критику и опровержение хамитской теории продолжили И. Кимамбо в "Истории Танзании" /276, с. 20/ и У. Очиенг в многочисленных публикациях /374; 375; 376; 377; 378/. Э. Камухагире показал, что отношения между скотоводами и земледельцами, которые рассматривались лишь как постоянная вражда, на самом деле были гораздо сложнее, что им свойственна диалектика сближения — отталкивания, вражды — добрососедства, насильственных захватов — торгового обмена /271, с. 68-70/. На подобных же позициях стоит бурундийский ученый Э. Мвороха /344, с. 22-27/.

В разработке проблемы государствообразования в странах Восточной Африки в доколониальные времена первое место по-прежнему принадлежит Б. Оготу; он провел всесторонний анализ исторических, этнографических и иных источников. На конференции историков в Дар-эс-Саламе (1965) его доклад представлял собой основательное исследование взаимоотношений скотоводов и земледельцев. Нет необходимости подробно останавливаться на развернутой аргумента-

ции кенийского историка, однако подытожим его выводы: не отрицая определенного значения внешнего фактора в процессе государствообразования в Восточной Африке, он утверждает, что политические институты здесь были созданы в результате взаимодействия двух групп населения — пришельцев и коренных жителей /750, с. 151/. Кстати заметим, что вывод о диалектике внутренних и внешних факторов подтверждается и на материале истории государств Западной Африки, где в качестве главного внешнего фактора выступала европейская торговля, и прежде всего работорговля (см. /765, с. 363/). Дискуссия о хамитской теории в 70-е годы утихла, поскольку ее защитников становится все меньше.

При знакомстве с проблемами доколониальной истории в современной африканской историографии нельзя не заметить идеализации далекого прошлого, которая в различной степени присуща большинству ученых Тропической Африки. С апологией африканского рабства мы встречаемся в работах А. Аджайи и О. Олорунтимикина /182, с. 210/, Ж. Ки-Зербо /275, с. 783/, П. Дианя /242, с. 24/. Доколониальное общество игбо было подлинной демократией, пишет Э. Исичеи /283, с. 21/; в африканском обществе царил экономическая демократия, утверждает П. Диань /242, с. 24/, коллективизм и материальная солидарность, вторит Ш. А. Диоп /255, с. 185/; земля принадлежала народу, не было феодализма, заявляет Кваме-на-По /312, с. 50/. М. Глеле говорит о политическом консенсусе, об отсутствии произвола, о том, что народ поддерживал правящую аристократию /269, с. 177–179/. Подобные заявления делают многие историки различных стран и методологических течений.

Идеологические и психологические причины идеализации далекого прошлого хорошо известны: по контрасту с нынешними экономическими трудностями, ухудшением материального положения широких народных масс возникают мифы о "добром старом времени". Как удачно выразился Л. Д. Яблочков: "Рациональное тянет к будущему, а эмоциональное — к прошлому" /654, с. 86/. Как реакция на обострение социальных противоречий и рост классовой борьбы, кровавые перевороты и междоусобные войны появляется ностальгия по патриархальной идиллии, якобы царствовавшей в доколониальные, доиндустриальные времена. Необходимо подчеркнуть, что это не только бессознательная эмоциональная тяга, обусловленная социальной психологией масс, но и результат сознательной их мистификации идеологическим аппаратом правящей буржуазно-традиционалистской элиты (как мы видели на примере современного Заира в гл. П).

Апологетам дряхлой старины дал хороший ответ Нкрума: говоря о том, что угнетение человека человеком и торговля рабами в Африке существовали задолго до европейского проникновения, он заключил свою мысль следующими словами: "Правда состоит в том, что и до колонизации, принявшей широкий размах только в XIX в., африканцы были готовы продать за 30 сребреников своих соплеменников и даже членов своей собственной семьи. Колониализм, конеч-

но, заслуживает проклятия, но ему ни в коем случае не предшествовал африканский золотой век" /354, с. 440/.

3. Колониализм и антиколониальная борьба в работах африканских историков

Проклятие по адресу европейского колониализма, повинного во всех бедах современной Африки, было главным эмоциональным элементом идеологии национально-освободительного движения. Это определило и отношение к колониализму африканских историков, которые прямо признают: "Мы не можем освещать только с академической точки зрения такой феномен, последствия которого ощущаем ежедневно на наших улицах, заводах, стройках, полях, в конторах" /267, с. 55/. Поэтому нет, пожалуй, другой проблемы африканской истории, где бы так остро сталкивались две противоположные тенденции – антиколониальная и неоколониалистская, апологетическая.

Становление национальной африканской историографии идет в упорной борьбе против западной буржуазной трактовки проблем колониализма и антиколониальных движений. Концепции буржуазной историографии именно в этом вопросе подвергаются наиболее острой критике со стороны африканских историков различных идейно-теоретических течений. В оценке последствий колониализма они разделились на две группы: с одной стороны стоит большинство ученых, показывающих неисчислимые беды, которые принесла африканским народам эпоха колониализма, с другой – небольшая группа историков, подверженных влиянию апологетических неоколониалистских концепций, пытающихся приукрасить историю колониальных захватов, распространить мифы о "благоденствиях" европейских колонизаторов.

Уже история первых контактов европейцев с Африкой и последовавшая вскоре после этого торговля черными рабами вызывает большие споры в современной науке. Проблема работорговли в Африке, отмечала С.Ю. Абрамова в докладе на международном симпозиуме, организованном ЮНЕСКО, в последние годы интересует многих историков различных стран /656, с. 29/. "Нет другого сюжета африканской истории, о котором было бы так много написано и который был бы так плохо известен, как торговля рабами между Африкой и Америкой", – с полным основанием говорил ганский историк К. Дааку /750, с. 152/. Дискуссия по этой проблеме была вызвана выступлением ряда англо-американских историков – Дж. Д. Фейджа, Ф. Кэртина, Л. Ганна, пытавшихся в своих книгах и статьях пересмотреть установившиеся взгляды на отрицательные результаты торговли невольниками и приуменьшить ее катастрофические последствия для Африки.

Их первым тезисом было утверждение о том, что рабство и работорговля в африканских обществах существовали исконно, поэтому, мол, европейские колонизаторы не принесли ничего нового. Войны за захват рабов, считает Фейдж, не только не нанесли африкан-

цам никакого урона, но, напротив, имели положительные последствия для развития африканской государственности, так как "служили мобилизации труда для политических и экономических нужд государства", способствовали территориальной консолидации и этнической интеграции; войны разрушили лишь те общества и этнические группы, которые не создали политических организаций (так называемые сегментарные общества).

Ф. Кэртин путем сложных расчетов на основе разрозненных статистических данных стремился доказать, что атлантическая работорговля не превышала естественного прироста населения и, таким образом, демографический урон для Африки был незначительным. Европейской работорговле противопоставляется торговля невольниками, организованная арабскими купцами: через Атлантический океан, считает Кэртин, было вывезено всего около 10 млн. африканцев, зато арабы продали в Северную Африку и на Ближний Восток в два с половиной – три раза больше. Такого же мнения придерживается Фейдж: для африканцев особенно разрушительные последствия имела арабская работорговля в Восточной и Центральной Африке. Л. Гани защищает тезис о "невинности работорговли": это всего лишь новая, оригинальная форма миграции рабочей силы /788; 424, с. 187/.

В 1978 г. в дискуссию включился западногерманский историк В. Пекерт. В монографии о влиянии работорговли на экономическое развитие доколониальной Дагомеи он пришел к выводу, который можно по меньшей мере назвать парадоксальным: оказывается, отсталость Африки не объясняется последствиями колониального угнетения и, в частности, европейской работорговлей. Напротив, незначительность европейского влияния и высокий уровень тогдашней дагомейской экономики обусловили отсталость страны в будущем, ибо Дагомея не получила необходимых "индустриальных импульсов" /753, с. 371-380/.

Против искажения действительной роли европейской работорговли и ее оправдания выступили африканские историки Б. Огот, А. Акинджогбин, К. Архин, Д. Иникори, Мбай Гей, Г. Узоигве, М. Нвулия, К. Дааку и др. Их взгляды разделял прогрессивный историк В. Родней, по происхождению негр из Гайяны, много лет преподававший в университете Дар-эс-Салама (убит правыми террористами в июне 1980 г.). В ряде публикаций он аргументированно опроверг мнение, что в работорговле виноваты прежде всего сами африканцы; рабство не доминировало в африканском обществе, утверждал Родней, а под общим термином "раб" следует понимать различные категории зависимого населения. Для большинства африканских народов торговля людьми была новым явлением и находилась в прямой связи с приходом европейских колонизаторов /672, т. 1У, с. 594-597/. Б. Огот и М. Нвулия показали, что, хотя арабские работорговцы продавали африканских невольников еще с УП в., эта торговля приобрела большой размах только в XIX в. в связи с развитием плантационного хозяйства на Занзибаре и других остро-

вах Индийского океана. Арабская работорговля никогда не имела столь огромный размах и не влекла таких разрушений, как вывоз европейскими работорговцами невольников в Америку /384, с. 185-188; 359, с. 190-202/.

На большом фактическом материале, приводя многочисленные конкретные данные и примеры, африканские историки показали, как превращение колонизаторами Африканского континента "в заповедное поле охоты на чернокожих" влияло на рост производительных сил Европы и первоначальное накопление капитала /280, с. 64-65; 672, т. 1У, с. 594-597/. Они вскрыли те катастрофические последствия, которые работорговля принесла Африке: междоусобные войны, обезлюдение огромных территорий, экономическую разруху, упадок местного производства, консервацию отживших социальных институтов и архаичных норм морали /424, с. 188-193; 750, с. 154-156; 331/. Д. Иникори, профессор университета им. Ахмаду Белло (г. Зариа, Нигерия), отмечает еще одно очень важное обстоятельство — продолжительная торговля рабами препятствовала установлению нормальных торговых и иных контактов Африки с остальным миром /280, с. 79/.

Относительно точной цифры вывезенных из Африки рабов К. Дааку с полным основанием говорит, что ее узнать никогда не удастся /750, с. 153/, а Г. Узоигве утверждает, что приводимые крайние цифры — 160 млн. и 10 млн. — одинаково неверны, и на эту тему спорить бессмысленно /424, с. 189-207/. Дело, конечно, не в цифрах, которые установить невозможно, а в социальных и экономических итогах первой стадии освоения европейскими колонизаторами Африки, которая к XIX в. сменяется эпохой систематической колонизации и территориального раздела между капиталистическими державами.

Большой интерес проявляют африканские историки к теоретическим вопросам колонизации и колониализма, стремятся понять те изменения, которые внесло колониальное состояние во все области общественной и духовной жизни народов Африки. И в этом вопросе, как и в вопросе о работорговле, им приходится сталкиваться с апологетическими доктринами западной буржуазной науки. Речь идет, в частности, о концепции "семантического колониализма", по логике которой выходит, что вообще-то никакого колониализма не было, а это бранное слово будто бы появилось в результате "семантической эрозии". Вот типичные для этой школы рассуждения Г. Первийе, который в пространной статье "Что такое колонизация?", играя на многозначности этого слова, пытается доказать извечность колониализма, имманентно присущего всем человеческим обществам и такого же древнего, как и само человечество /751, с. 323/. Стремясь запутать читателя, автор пускается в длинное, туманное рассуждение о том, что общего и в чем разница между понятиями "колонизация" и "колониализм"; эта терминологическая путаница ему нужна для оправдания в конечном счете и того и другого.

В обсуждение семантики этих терминов включился в своей последней книге "Сравнительная философия банту" руандийский ученый А. Кагаме. В отличие от предыдущего автора он признает, что колониализм, как доктрина расизма и угнетения, заслуживает безусловного осуждения; что же касается колонизации, то она в целом дала очень положительный итог. Кагаме — единственный, пожалуй, африканский историк, который, отделив колониализм от колонизации, приходит к следующему выводу: "Я не верю, что можно найти в Африке хотя бы одного человека, даже крайнего националиста, который бы не хотел, чтобы его страна была колонизованной, и предпочел, чтобы она находилась в том же состоянии, в котором была при наших далеких предках" /293, с. 308/. Признание Кагаме цивилизаторских результатов европейской колонизации, впрочем, не должно сильно удивлять, учитывая его связи с католической верхушкой Ватикана, колониальным бельгийским режимом и его консервативное мировоззрение.

Как бы на вопрос о том, что такое колонизация, четкий ответ дает Бакари Траоре: "Колонизация — это господство одновременно экономического, социального и культурного" /417, с. 55/. "Не колониализм как таковой, — дополняет его Б. Огот, — дал хорошие результаты, а контакты между различными народами и культурами" /116, 1971, № 5, с. 15/.

Под этими заявлениями могут, по-видимому, подписаться подавляющее большинство современных африканских историков. Их взгляды, однако, расходятся по вопросу о том, какие именно изменения принес Африке колониализм, насколько они были глубокими. Споры идут о том, была ли колониальная эпоха лишь кратковременным эпизодом африканской истории, не нарушившим ее преемственности, или же она повлекла за собой глубокие потрясения, настоящую деформацию общественных структур.

Первую точку зрения разделяют А. Аджайи и — в известной мере — ряд других нигерийских историков: Т. Тамуно, А. Афигбо, О. Олорунтимехин. На конференции историков в Дар-эс-Саламе в 1965 г. Аджайи выдвинул концепцию преемственности африканской истории в колониальную эпоху. Он выступил против преувеличенного представления о месте колониализма в жизни африканских народов; колониализм, полагает Аджайи, — это "всего лишь эпизод в непрерывном течении африканской истории"; его последствия гораздо менее значительны, чем внутренние события африканской истории: миграции, войны, возникновение новых государств /750, с. 197/. В другом месте он пишет, что главным революционизирующим фактором стран Западной Африки в XIX в. было воздействие ислама /182, с. 200-202/.

Таким образом, естественное и обоснованное стремление показать историческую активность африканцев — "африканские инициативы" — при абсолютизации этого фактора приводит к недооценке колониализма. Кроме того, Аджайи меняет акцент при рассмотрении

вопроса о реакции африканцев на колониализм: не сопротивление иностранному вторжению ставится в центре исследования, а различные формы и методы приспособления африканцев к новым условиям, поведение социальных групп, шедших на сотрудничество с колонизаторами; весь этот комплекс новых проблем получил название "политики выживания". Коллаборационизм становится вполне respectable сюжетом научных исследований наравне с движением сопротивления.

Логика науки и политики такова, что некоторые либерально-буржуазные историки, хотя бы они этого или нет, объективно склоняются если не к прямой апологетике, то во всяком случае к приукрашиванию колониализма. Такой вывод подтверждается и оценками самого Аджайи — в своей ранней работе он весьма положительно оценивал деятельность англичан в Африке /179/, и анализом монографии Тамуно "Эволюция Нигерийского государства" /407/.

В своей книге Тамуно призывает оценивать последствия и итоги колониализма "без эмоциональных обертон" и утверждает: "Несмотря на некоторые отрицательные аспекты британского колониализма в эту эпоху, Британия сделала позитивный вклад в развитие Нигерийского государства" /407, с. 348/. Этот вклад автор видит прежде всего в факте объединения различных владений в единую территорию, получившую название Нигерия; понятно, что колониальная администрация поступала так исключительно в собственных интересах, не заботясь нисколько о самих африканцах. Тамуно особо подчеркивает слова о "феноменальном прогрессе" в развитии сельского хозяйства, производства и торговли в конце XIX — начале XX в., что будто бы явилось результатом деятельности колониальных властей.

Во введении к своей работе Тамуно позволяет себе критиковать книгу другого нигерийского историка, Дж. Анене, где дается более уравновешенная оценка итогов английской колонизации. Анене, например, прямо указывает, что главная цель колониальной экспансии — "приобретение территорий для выгодной экономической эксплуатации". Колонизаторам важнее всего был захват новых земель, они не обращали никакого внимания на природные, политические и этнические факторы. Анене подчеркивает, что границы между владениями европейские захватчики определяли за спиной африканских народов в зависимости от собственной силы /197, с. 285-286/.

Главным методологическим недостатком взглядов Аджайи и поддерживающих его ученых является, по нашему мнению, противопоставление внутренних и внешних факторов африканской истории, неумение рассматривать их в диалектическом взаимодействии. Абсолютизация внутренних движущих сил из желания более выпукло высветить "африканские инициативы" объясняется националистическими побуждениями, приводит к недооценке колониализма и в конечном счете к его реабилитации.

Подобно Анене, большинство африканских историков, как либерально-буржуазного, так и революционно-демократического течений, признают глубину и значимость последствий колониализма. Они рассматривают колониальную эпоху не как случайный эпизод, а как определенный этап африканской истории различной временной протяженности — для Мозамбика в пятьсот лет, для многих стран Западной и Восточной Африки — в сто и менее лет. Несмотря на сравнительно небольшую длительность, этот этап по своей социальной насыщенности и динамизму, близким и дальним последствиям не имеет себе равного в истории всего континента. Африканские историки, таким образом, приближаются к пониманию колониализма как особого типа социального развития, который был назван Д.А. Ольдерогге "колониальным обществом". Такой подход свойствен прежде всего представителям историографии социалистической ориентации, стремящимся отойти от многофакторной теории. С позиций материалистического монизма они видят главный итог колониальной эпохи во включении Африки в мировую систему капиталистического экономического развития и возникновении в ней "колониального капитализма".

В этом отношении характерны взгляды кенийца Э. Атиено-Одхамбо, изложенные в специальной работе "Проблема колониальной эпохи" /202/. В своем анализе колониализма автор стремится исходить из марксистского понимания соотношения экономического базиса и политико-идеологической надстройки. Вместе с тем он подвергает обоснованной критике апологетическую трактовку колониального режима и националистические воззрения. Основной вывод кенийского историка сформулирован следующим образом: "Самая главная ударная сила, действовавшая в кенийском обществе последние 70 лет, была внешняя, и она проявилась в проникновении мировой капиталистической системы... Именно она в конечном счете определяла экономические и политические инициативы африканцев". Результатом действия этой внешней силы, носителем которой был колониализм, явилось возникновение зависимой экономики, которая, в свою очередь, определила остальные изменения /202, с. 61/.

Важность включения Африки в мировую капиталистическую экономику признают и некоторые ученые умеренных взглядов. Так, М. Овусу в предисловии к сборнику "Колониализм и изменения" пишет, что колониализм — "это тотальный и глубокий феномен, повлекший многогранные изменения во всех сферах жизни народов Африки". Правда, перечисляя эти изменения, автор впадает в апологетику и преувеличивает некоторые положительные моменты, среди которых называет революцию в духовной области, демократизацию общественной жизни, более рациональную организацию всего общества и т.п. Но наибольшее возражение вызывает такой тезис — колониализм, принес якобы "более высокий и разнообразный уровень жизни всего населения" /237, с. 23–24/. Ошибочность подобного утверждения очевидна.

Много пишет по проблемам колониализма ганский историк А. Боахен. В заключении ко второму тому издания "Колониализм в Африке", призванном подытожить период 1914-1960 гг., он отмечает, что колониализм принес существенные изменения — он "бросил Африку на путь развития, который коренным образом отличается от прежнего" /219, с. 523-524/. Словно полемизируя с Аджайи, он утверждает: "Колониальная эпоха — сравнительно короткий отрезок времени, но по своим последствиям колониализм был самым глубоким внешним фактором из всех, когда-либо влиявших на африканскую историю". Вместе с тем Боахен отмечает неравномерность воздействия колониализма на различные районы Африканского континента.

Боахен, как и многие другие африканские историки, пытался взвесить на невидимых весах результаты колониализма, подсчитать сальдо положительных и отрицательных итогов. "Первый и самый очевидный продукт колониализма, оставивший неизгладимый след, — появление независимых государств Африки. Все они обязаны своими национальными границами деятельности колониальных держав в XIX в. Эти границы не испытывали никаких изменений после падения колониализма, не предвидятся они и в обозримом будущем" /219, с. 520-521/. Этот же "продукт колониализма" автор, не без своеобразной диалектики, признает первым и главным отрицательным итогом, так как границы государств были намечены колонизаторами искусственно, без учета этнических и культурных линий раздела; отсюда гетерогенность новых политических образований, перед которыми стоит сложная задача национально-государственной консолидации.

Позитивным наследством колониализма Боахен считает создание хозяйственной инфраструктуры, урбанизацию, втягивание Африки в орбиту мировой торговли как результат внедрения товарно-денежной экономики и экспортных культур. Колониализм привел к появлению двух новых классов; их Боахен называет на языке буржуазной социологии "образованным средним классом" и "преимущественно безграмотным рабочим классом". Создание армий современного типа ганский автор, хотя относит к положительным итогам, считает вместе с тем "самым мрачным" последствием колониализма, учитывая активное вмешательство военных в политическую жизнь независимой Африки. Такая резкая оценка объясняется, очевидно, и личными причинами: будучи сторонником многопартийной парламентской системы, Боахен встретил переворот 1966 г. в Гане одобрительно, однако в 70-е годы выступал против правления военных и в 1978 г. был ими арестован. Наконец, среди отрицательных итогов колониализма он называет однобокое экономическое развитие многих африканских стран из-за внедрения европейцами монокультуры.

Нельзя не заметить, что для взглядов Боахена на колониализм характерна определенная эволюция вправо. В первые годы независимости, когда Гана развивалась по некапиталистическому пути, он

в цикле лекций по радио признавал правоту ленинского анализа империализма. Раздел Африки, говорил он, был вызван в первую очередь экономическими причинами: потребностью капиталистических стран, где завершилась промышленная революция, в новых рынках для сбыта товаров, необходимостью сырья для промышленности, а также экспортом избытка капиталов /222, с. 120–130/. Подобные утверждения не только отражали влияние марксистских трактовок на взгляды Боахена, но и были, по сути, скрытой полемикой с появившимися тогда буржуазными извращениями сущности империализма.

Однако прошло более десяти лет, и вот в книге Боахена "Гана: эволюция и изменения в XIХ и XX вв.", вышедшей в 1975 г., представлены иные акценты. Нет уже упоминаний об отрицательных последствиях колониализма, не встретить и самого слова "империализм". Зато автор несколько раз повторяет, что английская колониальная экспансия в страны Западной Африки была продиктована желанием установить "мир и порядок" /220, с. 29/. Очень положительно оценивается, например, деятельность европейских миссионеров /220, с. 82–88/, что, кстати, довольно часто встречается у африканских авторов. Прямо восторженно пишет Боахен о социальных последствиях английского завоевания Ганы: прекратились междоусобные войны, ликвидирована работорговля, восстановлены законность и порядок по всей стране, увеличилось население, наблюдался постоянный рост жизненного уровня /220, с. 102/. Таковы в самых общих чертах зигзаги идейной эволюции одного из видных историков либерально-буржуазного течения.

В целом можно сказать, что африканская историография за годы своего существования прошла путь от однозначного осуждения колониализма в общих фразах к более дифференцированной его оценке, медленно приближаясь к пониманию глубоко двойственного, противоречивого воздействия мирового капитализма на общества стран Азии и Африки, о котором писал К. Маркс /4, с. 387/. Постепенно высвечиваются новые аспекты проблемы, вводятся в оборот свежие источники, а в теоретическом плане заметна поляризация характеристик и оценок, обусловленная дальнейшей дифференциацией идейно-теоретических течений и школ.

Не остались в стороне африканские историки при обсуждении проблем империалистического раздела континента. Как раз в годы становления африканской историографии острую дискуссию вызвала теория "периферийно ориентированного", или "неформального", империализма. Она была выдвинута в совместной работе английских буржуазных экономистов В. Робинсона и Д. Галлагера "Африка и викторианцы" (1961). Главным объектом атак апологетов британского колониализма была ленинская концепция империализма, поскольку они пытались опровергнуть положение об экономических первопричинах территориального раздела Африки между капиталистическими хищниками. В противовес был выдвинут геополитический тезис о

том, что главным побуждением к захватам Англией африканских земель было стремление обезопасить морские пути в Индию, а также защитить оккупированный в 1882 г. Египет от покушений других империалистических держав. Авторы тшились доказать, что государственные деятели Англии конца XIX в. — Солсбери, Чемберлен, Родс — перешли к политике колониальных захватов помимо своих желаний, под влиянием "националистических кризисов" в Африке (имеется в виду прежде всего национальное движение в Египте и Судане) и в связи с ростом межимпериалистических противоречий в самой Европе.

Аргументированное опровержение концепции Робинсона и Галлагера дал бывший преподаватель университета Макерере в Уганде Г. Узоигве в книге "Британия и завоевание Африки: век Солсбери" /422/. С фактами в руках он доказывает, что подписанные английским премьер-министром Солсбери соглашения с Германией о разделе сфер влияния в Восточной Африке не имели никакого отношения к египетскому вопросу. Узоигве опрокинул тезис о том, что англичане захватили Восточную Африку, чтобы обеспечить господство над источниками Нила. Уганда, пишет он, была оккупирована не для того чтобы оградить с юга английские позиции в Египте, как утверждали Робинсон и Галлагер: премьер-министр Солсбери никогда не придавал особого значения восточноафриканскому региону, так как морской путь через Суэцкий канал стоял у него на втором плане; главное внимание он уделял коммуникациям вокруг Африки. Вывод Г. Узоигве ясен: "Солсбери был холодным и решительным сторонником колониальной экспансии" /422, с. 189/.

Узоигве дает характеристику политической и экономической ситуации в самой Англии и показывает внутренние социальные импульсы, толкавшие правящий класс на усиление колониальных захватов. В противовес буржуазным ученым автор подчеркивает, что именно социально-экономические факторы, а не военные или престижные соображения были первенствующими в колониальном разделе Африканского континента. Это положение раскрывается на конкретных фактах во многих трудах африканских историков /170, с. 139-140; 394, с. 297-298; 173, с. 52-55; 196; 334; 409 и др./.

Экономическая эксплуатация колоний империалистами Англии, Франции, Бельгии, Португалии изучается в ряде трудов современных африканских историков. Научный интерес к этой проблеме, ее общественная значимость проявились в том, что на обсуждение XV Международного конгресса исторических наук (август 1980 г.) был вынесен доклад сенегальского ученого М. Мбоджа, в котором исследуются некоторые методы ограбления зависимых народов французским колониализмом. Автор показывает, как под воздействием товарно-денежных отношений экономическое развитие Сенегала приобретает уродливый, однобокий характер из-за внедрения монокультуры арахиса. Для освещения этой темы Мбодж широко использует

неопубликованные материалы архивов Сенегала и бывшего французского министерства колоний, вводит в оборот свежие источники.

Вывод о том, что введение монокультуры было средством превращения колониальных стран в источники сырья для метрополии, вполне обоснован. Вызывает возражение лишь стремление автора доказать, что этот процесс шел преимущественно спонтанно, не под давлением колониальных властей, а просто в связи с ростом потребностей самого африканского населения в импортных товарах /335, с. 277-278/. Конечно, стихийность экономических процессов при капитализме нельзя не учитывать, однако в данном случае преобладало вполне сознательное стремление колониальной администрации внедрить путем применения разнообразных методов, в том числе насильственных, выгодные метрополии экспортные культуры.

Колониальной эксплуатации африканских народов посвящен ряд монографий. С. Амин и К. Кокри-Видрович в совместной книге очень выпукло показали, что затраты по первоначальному освоению новых территорий несло французское государство, а экономическую выгоду извлекали частнокапиталистические фирмы /188/. Молодой ивуарийский историк Семи Би-Зан доказал на материале источников, хранящихся в архивах Абиджана, Дакара и Парижа, что строительство железных дорог и портов в БСК представляло собой важное средство политического и экономического проникновения французского капитала и позволяло более прибыльно эксплуатировать природные и трудовые ресурсы страны /394/. В этих и других работах убедительно показано, что низкая эффективность французской системы частных концессий в некоторых африканских колониях не дает оснований отвергать положение об эксплуатации покоренных народов, как это пытается сделать, например, буржуазный историк Э. Ражут /760/.

Следует заметить, что критика буржуазной неоколониалистской историографии является постоянным компонентом многих трудов африканских авторов. Кроме приведенных выше примеров, упомянем критический разбор положений буржуазной историографии, данный А. Афигбо /169, с. 30-31/. Б. Огот подверг сокрушительной критике книгу американских авторов "Бремя империй", которую он назвал "массивной апологией колониализма". Он указал в качестве одного из главных методологических пороков на то, что авторы отвергают все теории империализма, в которых колониализм каким-либо образом связан с капитализмом. Огот считает их атаку на ленинскую теорию империализма совершенно нелепой и несостоятельной, а на утверждение о том, что колониальные государства выполнили "гигантскую полезную работу" в интересах цивилизации, кенийский историк отвечает: "Факты, однако, говорят, что не колониализм как таковой дал хорошие результаты, а контакты между различными народами и культурами" /116, 1971, № 5, с. 13-15/.

Не имея возможности более подробно остановиться на других аспектах весьма широкой и многогранной проблемы колониализма в

современной африканской историографии, перейдем к теме антиколониального движения. "Тема антиколониального сопротивления и национально-освободительного движения занимает пока еще подчиненное место в работах африканских историков", — справедливо отмечает Н.Б. Кочакова /620, с. 27/. Действительно, хотя сопротивление африканских народов колониальному проникновению на ранних этапах, получившее в литературе не вполне адекватное наименование "первичного" сопротивления, затрагивалось во многих публикациях, специальных обобщающих работ по этой проблеме до сих пор нет. Единственная сводная работа принадлежит перу непрофессионального историка, вольтийского политического деятеля Нази Бони, вышедшая в 1971 г. после его кончины под названием "Синтетическая история сопротивляющейся Африки" /345/. Книга носит не исследовательский, а компилятивный характер, хотя полезна как свод конкретного материала, нечто наподобие исторической хроники.

Начало изучению ранних этапов сопротивления положил старейшина африканских историков К.О. Дике в книге "Торговля и политика в Дельте Нигера" /248/, которая была опубликована в 1956 г. Работа выполнена на широкой источниковой базе: использованы архивы Форин оффис и британского колониального ведомства, впервые вводятся в научный оборот архивы нигерийских городов Бонни, Ка-лабара, Опобо. Дике аргументированно опровергает тезис буржуазной английской историографии о якобы пассивном отношении африканцев к британскому колониальному проникновению. В его работе показано, что местное население с оружием в руках встречало незваных пришельцев. Только к концу XIX в. англичанам удалось окончательно укрепиться в стране игбо, причем содействие им оказывали местные феодальные правители, подкупленные английскими торговцами.

Тема сопротивления европейской экспансии затрагивается в книгах и статьях О. Икиме, О. Олорунтимехина, А. Боахена, С. Нвабары, С. Акинтойе, Р. Афолалу /279; 385; 386; 221; 357; 186; 170/. Особенно обширный материал приводится в вышедшей в 1977 г. книге О. Икиме "Британское завоевание Нигерии", которая наносит серьезный удар по пропагандистам концепций "политики выживания" и "коллаборационизма". Созревание сил антиколониального движения в Замбии показано в книге Г. Меебело /337/. Следует упомянуть и статью Д. Бусуку-Бумба об антиколониальных выступлениях в одном из округов Конго; она является фрагментом юдготавливаемой им большой монографической работы /230/. Пишут на эту тему и традиционалисты, не поднимающиеся выше хроникального перечисления событий /405/.

Отдельные африканские историки начинают понимать, что возникновение национально-освободительных движений — это сложный процесс созревания рожденных колониализмом внутренних противоречий, имеющих всеобщий характер и охватывающих все стороны жизни подневольных народов. Так, Р. Афолалу, соглашаясь с мыслью К. Марк-

са о последствиях британского владычества в Индии, утверждает, что африканский национализм развивался вместе с появлением капиталистических отношений и был неизбежным результатом империализма /170, с. 246/. Главной предпосылкой пробуждения Африки, пишет Ки-Зербо, явились глубокие противоречия в недрах колониальной системы империализма и созревание внутренних освободительных сил. "Колониализм вследствие присущей ему динамичной диалектики подготовил свою собственную гибель", — к такому выводу приходит вольтийский автор /307, с. 474/. Он указывает и на внешние влияния, в частности высоко оценивает последовательный антиколониализм Советского Союза, его всемерную помощь борцам против колониального гнета.

Вместе с тем встречаются работы африканских авторов, где национально-освободительное движение трактуется в терминах формально-юридических категорий, без попыток социального анализа. Так, профессор университета в Кейп-Косте Ф. Агбодека в книге "Гана в XX в." пишет, что в начале 20-х годов в стране начался продолжительный конфликт между "правительством и народом", причем каждая сторона стремилась укрепить свои позиции в ущерб противной /172, с. 46/. Из этого объяснения трудно понять, о чем, собственно, идет речь — конституционном конфликте в суверенном государстве или же о борьбе против национально-колониального угнетения.

Такие перекосы, видимо, объясняются распространением среди части либеральных историков концепций западной социологии с ее культом правящей элиты, на что обращает внимание Атиено-Одхамбо в статье, где стремится высветить подлинную роль народных масс в освободительной борьбе /203, с. 218-219/. Находят распространение в современной Африке и другие новейшие буржуазные концепции, в частности сформулированные в книге Р. Робинсона "Неевропейские основы европейского империализма: очерк по истории коллаборационизма". От них, по всей видимости, тянется генетическая связь к "политике выживания" Аджайи, где сопротивление африканцев подменяется их приспособлением. К сторонникам Аджайи примыкает кенийский историк К. Джаммохамед /271, с. 165/.

Проблема сотрудничества консервативных социальных сил в Африке с колонизаторами, разумеется, сама по себе весьма интересна, о чем свидетельствуют публикации историков-марксистов В. Павликовой и К. Кокри-Видрович, статья Э. Атиено-Одхамбо. Вместе с тем особое внимание к коллаборационизму иногда объективно приводит к смещению идейных акцентов, к тому, что мужественное сопротивление угнетению и эксплуатации отодвигается на второй план, а в центр ставятся события преходящие, явления реакционные.

В 70-е годы в изучении проблем антиколониальной борьбы намечались положительные сдвиги — расширилась тематика исследований, возрос интерес к периоду между двумя мировыми войнами, к зарождению пролетарской струи в общедемократическом потоке. Новейшему периоду посвящены книги преподавателя Лагосского университета

Г.О.Олусанья "Вторая мировая война и политическая борьба в Нигерии в 1939-1953 гг." /387/, автора из Гамбии Дж. Айоделе Лангли "Панафриканизм и национализм в Западной Африке в 1900-1945 гг." /207/, монография ганца С. Асанте "Западная Африка и итало-эфиопская война" /200/.

Внимательное знакомство с теоретическими позициями этих авторов, испытывающих воздействие западных буржуазных стереотипов, позволяет отнести их к умеренно-либеральному течению. Они подчеркивают значение итало-эфиопской войны как начала нового этапа в африканской истории, что отражает общую для национальной историографии точку зрения, нашедшую выражение в периодизации истории: последний том "Всеобщей истории Африки" ЮНЕСКО начинается именно с этого события. Олусанья, например, утверждает: "Итало-эфиопская война - один из главных факторов развития национального самосознания. Эфиопия для африканцев более чем страна, это - идеал и символ достижений африканцев в мире, где Африка изображалась не имеющей истории, традиции, культуры" /387, с. 37/.

Названных выше авторов объединяют определенные антикоммунистические предубеждения: Айоделе Лангли и Асанте повторяют набившие оскомину клеветнические вымыслы Дж. Пэдмора из его известной книги "Панафриканизм или коммунизм". Олусанья ставит знак равенства между политикой СССР в Африке и происками капиталистических держав /387, с. 161/; как и два предыдущих автора, он замалчивает решающую роль Советского Союза в разгроме фашизма и в крахе колониальной системы империализма. В этих взглядах проявляется одна из важных особенностей африканской историографии - чем ближе изучаемая тема к современности, тем более полярны выводы, тем более тенденциозны авторы консервативного и либерально-буржуазного течений.

Следует сказать несколько слов и о неопубликованных диссертациях по истории национально-освободительной борьбы; они содержат интересный фактический материал, вводят в оборот новые архивные источники, освещают такие аспекты, которые до сих пор оставались неизвестными исторической науке. Работы Соу Ндей /455/ и Папа Ибраима Си /457/ посвящены деятельности различных антиколониальных организаций африканцев в предвоенной Франции, во главе которых стояли Ламин Сенгор и Т.Г. Куяте, их связям с КПФ, МОПР и другими международными организациями. Кодо Б. Коффи /450/ и Н. Бернар-Дюкене /448/ рассматривают антиколониальное движение в Дагомее и Сенегале. Во всех диссертациях широко использован недавно открытый для исследователей архивный фонд специального полицейского органа, осуществлявшего слежку за выходцами из французских колоний на территории метрополии.

В современной африканской историографии растет внимание к истории рабочего и профсоюзного движения, к вопросам созревания идеологии национально-освободительной борьбы. Последней теме,

кроме названной выше книги Айоделе Лангли /207/, посвящены статьи нигерийца Абиолы Иреле о негритюде /281/ и монография А. Мезу /338/, которая, впрочем, поражает фактографичностью и теоретической беспомощностью.

Что касается рабочего движения, то многие авторы называют среди движущих сил антиколониального движения молодой африканский пролетариат и его организации. Так, Ки-Зербо считает, что хотя профсоюзное движение в Африке встречалось с чрезвычайными трудностями, рабочие не ограничивались экономическими требованиями, а смело выступали против основного фактора угнетения и отсталости — колониального режима /307, с. 477/. Зарождению рабочего и профсоюзного движения в 20-е — 30-е годы в Сенегале посвящена серия содержательных статей Ибадера Тиамы /411; 412; 413/, в Южной Нигерии — глава в книге С. Нвабары /357/. Положение рабочего класса в Кении изучается в статье К. Джанмохамеда /271/; о бесчеловечной эксплуатации африканских рабочих в БСК повествует монография Семи-Би Зана /394, с. 227-236/. Некоторым теоретическим вопросам формирования пролетариата в странах Западной Африки посвящена статья М. Диопа /258/. Во всех названных трудах показаны первые классовые бои африканского пролетариата, созревание его классового самосознания, с теплотой описан медленный в условиях колониального режима и вековой культурной отсталости процесс превращения класса "в себе" в класс "для себя".

Исследования по истории классовой борьбы перебрасывают в историографии мост к изучению проблем постколониальной Африки. Нельзя не привести по-своему примечательное признание Л. Гбагбо: "Ошибочно думать, что национально-освободительная борьба отменяет классовую и идеологическую борьбу. Разные классы могут на основе общей программы, в составе единого фронта бороться за освобождение. Классовая борьба внутри народа ослаблена, но не исчезает. После освобождения общее направление этой борьбы зависит от класса, на который пала историческая ответственность руководить ею" /267, с. 87/.

Справедливость этих слов подтверждают годы независимости, к изучению которых африканские историки только приступают. Поскольку научных работ по этому периоду еще очень немного, то систематический историографический анализ этой литературы представляется сейчас преждевременным. Большинство публикуемых книг и статей о независимой Африке написано политическими деятелями, экономистами и социологами. Что же касается трудов ученых-историков, то они также носят остро полемический характер: события и явления недавнего прошлого трактуются предвзято. Источниковая база этих публикаций ограничена, как правило, документами и пресой лишь того политического направления, к которому принадлежит автор. Вместе с тем следует ожидать, что насыщенная острейшей политической борьбой, социальными и культурными переменами эпо-

ха независимости будет все больше привлекать внимание африканских ученых-обществоведов, в том числе историков. Так что в недалеком будущем историографическое изучение научных работ об Африке периода независимости станет не только возможным, но и весьма необходимым.

Становление национальной историографии в странах Африки южнее Сахары происходит на наших глазах. Процесс этот далек от своего завершения, для него характерно, говоря словами К. Маркса, "абсолютное движение становления" /4, с. 476/. Вместе с тем проведенное в настоящей работе исследование позволяет утверждать, что период отрочества африканской Клио завершился и в начале 80-х годов она вступила в полосу зрелости. Это проявляется в усилении интереса к методологическим проблемам, в большей концептуальной определенности обобщений, консолидации идейно-теоретических течений, расширений тематики исследований. В исторической науке произошла определенная смена поколений ученых, все более реальные очертания приобретает историография социалистической ориентации, растет научный авторитет ее представителей, в то же время сокращается общественное и научное влияние консервативного, неотрадиционалистского течения. Африканская национальная историография стала признанной составной частью мировой науки и обогащает ее знаниями о прошлом народов Африканского континента.

Изучение генезиса африканской исторической науки позволяет сделать вывод о том, что она прошла общие для всех стран и народов этапы развития от донаучной традиционной истории к научной историографии, от несистематизированного знания о прошлом к рациональному теоретическому объяснению факторов исторического процесса. Эта общность обусловлена принципиальным единством пройденного человечеством исторического пути, несмотря на значительную региональную асинхронность отдельных этапов и процессов.

В своем становлении африканская историография прошла такой же путь, какой ранее прошли национальные историографии народов Европы и Азии, формировавшиеся в условиях национально-колониального угнетения. При определенном, иногда довольно значительном различии, для них характерны общие черты, позволяющие отнести их к единому типологическому ряду, где идейным ядром было утверждение самобытной культуры, цивилизации, истории, борьба за их сохранение, против ассимиляторской политики колонизаторов. Анализ, таким образом, не подтвердил притязаний сторонников "африканской исключительности" на особый путь исторического и историографического процесса в странах Африки к югу от Сахары. Принципиально сходное направление развития в итоге привело к созданию интернационального единства науки, о котором писал В.И. Ленин.

Вместе с тем нельзя не отметить главную особенность историографического процесса в изучаемом регионе — существования наряду с научной историографией традиционной устной истории, социальной

базой которой остаются неграмотные массы преимущественно сельского населения. Ее позиции, однако, подрываются развитием школьного образования и средств информации, прежде всего — радиовещанием на бесписьменных языках, а также постепенным переходом африканской цивилизации на письменную форму фиксации знания и социального опыта.

Африканским народам, отставшим в своем социально-экономическом и культурном развитии, присуще признание высокой общественной роли истории. Можно даже утверждать, что нигде в мире прошлое не занимает столь большого места в современной жизни, как в Тропической Африке. Груз традиционного и колониального прошлого все еще довлеет над душами африканцев, и его преодоление — одна из главных задач духовного раскрепощения. Вместе с тем, как показала настоящая работа, общественное сознание африканских народов обращено не в прошлое, а прежде всего на поиски решений современных проблем; оно занято заботами настоящего, обсуждает идеалы будущего.

Сочетание хронологического принципа исследования, дающего вертикальный срез изучаемого объекта, и горизонтального, сравнительно-типологического, позволяет сделать вывод о теоретическом синкретизме современной африканской историографии. Запоздалость ее возникновения по сравнению с историографиями других регионов мира, а затем ускоренное развитие привели к нарушению той последовательной смены идейно-теоретических доктрин, которая была характерна для историографий европейских стран в XVIII-XIX вв. Теоретический синкретизм проявился в одновременном распространении разностадийных методологических концепций национал-романтизма, позитивизма, кантианства, давно преодоленных в других местах.

К началу 80-х годов идейная борьба в африканской историографии поляризуется, что выражается в столкновении двух тенденций развития: прогрессивной, основанной на передовой историко-философской системе, и буржуазной, философской базой которой является идеализм, теоретический плюрализм и метафизика. Определяющим фактором методологических исканий многих африканских историков все более становится марксизм, оказывающий на них возрастающее влияние, как прямое, так и — главным образом — опосредованное.

Анализ проблемно-тематической структуры научных трудов африканских историков дает основание прийти к заключению, что, во-первых, в общем объеме исторической литературы по-прежнему велик удельный вес этноисторических проблем; во-вторых, мало изучается период независимости; наконец, в-третьих, еще слабо затрагиваются общеметодологические и историографические проблемы, а в источниковедении преобладает интерес к устным источникам. Низок еще уровень саморефлексии и самооценки африканской историографии, что обусловлено ее теоретической и профессиональной слабостью. Во многих трудах преобладает описательность, боязнь широких теоретических обобщений; это, надо полагать, преходящие "болезни" ее роста.

Вместе с тем нельзя недооценивать очевидных достижений современной африканской историографии. Прежде всего отметим, что научная литература африканских авторов содержит богатейший фактический материал, поданный "изнутри" и не искаженный расовыми предрассудками. Превосходное знание местных реалий, глубокое проникновение в скрытый для иностранцев мир легенд и сказаний о прошлом, владение новейшими методическими приемами анализа различных видов источников, — все это позволяет ученым Тропической Африки превратить свои публикации в свод фактического материала. Из него можно извлекать ценные сведения, наблюдения и данные, которые зачастую не найти в другом месте. Видимо, именно поэтому растет интерес ученых многих стран к молодой африканской историографии.

Было бы, однако, ошибочным считать, что научные труды африканцев могут лишь расширить источниковую базу африканской истории. В действительности для нас они важны и как историографическое явление: чтобы правильно понять современную историко-культурную ситуацию в Тропической Африке, нужно знать и философские основы этих публикаций, их выводы и обобщения. Африканские ученые обогатили мировую историческую науку ценными работами по проблемам общественных отношений доколониальной Африки, по-новому освещают многие вопросы истории колониализма и антиколониальных движений.

Конечно, целый ряд теоретических посылок ученых консервативного и либерально-буржуазного течений для нас неприемлем; аргументированной критике, в частности, должны быть подвергнуты ошибки и искажения националистического толка. Тем не менее историческая наука стран Тропической Африки в ее многообразии и динамике представляет благодарный объект дальнейших исследований. Она помогает лучше познать прошлое населения Африканского континента, а также позволяет проследить основные этапы развития исторической мысли народов других регионов мира, обретших независимость сравнительно недавно. Ее эволюция не только повторяет в основных чертах тот путь, который ранее прошли историографии многих народов Европы, Азии и Латинской Америки, но и предвосхищает развитие историографий некоторых народов, отставших еще более в своем культурном развитии.

Наконец, в итоге настоящего исследования можно определить некоторые направления дальнейших научных поисков в области африканской историографии. Прежде всего представляется перспективным более глубокое изучение историографии в государствах социалистической ориентации — Эфиопии, Анголе, Мозамбике, а также в других странах, где пока нет необходимого минимума научной литературы для подробного историографического анализа. В данной работе можно было лишь наметить некоторые общие тенденции развития; углубленное изучение фактического и теоретического материала — задача будущего.

Постепенно растет число научных работ по периоду после 1960 г., причем их авторами — кроме социологов, политологов и государственных деятелей — все чаще становятся профессиональные историки. Литература по истории независимой Африки, по существу, только пишется; ее историографическое обобщение позволит более выпукло представить себе тенденции развития современной научной и общественной мысли, идейно-теоретическую борьбу, даст возможность всестороннего изучения последнего — самого динамичного и противоречивого — этапа в жизни африканских народов.

Африканская наука в целом и историческая в частности требует к себе внимания и помощи советских научных организаций и отдельных ученых. Для дальнейшего укрепления научного сотрудничества советских и африканских историков полезным будет более широкий обмен учеными, литературой и научной информацией, взаимное участие в проводимых конференциях и симпозиумах, издание совместных трудов, а также работа советских историков в архивах и библиотеках научных центров Африки.

Анализ нынешнего состояния африканской историографии позволяет сделать оптимистический вывод о перспективах ее развития. Нет сомнения в том, что 80-е годы станут свидетелями дальнейшего повышения теоретической зрелости и профессионального мастерства африканских историков, а историческая наука стран Африки к югу от Сахары будет занимать достойное место в борьбе за подлинные научные знания и социальный прогресс.

I. Произведения классиков марксизма-ленинизма^х

Документы КПСС

1. Маркс К. Философский манифест исторической школы права. – Т. 1.
2. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. – Т. 1.
3. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт. – Т. 8.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. (Первоначальный вариант "Капитала"). – Т. 46, ч. 1.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство. – Т. 2.
6. Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век. – Т. 1.
7. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – Т. 21.
8. Ленин В.И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? – Т. 1.
9. Ленин В.И. Рецензия на книгу К. Каутского "Бернштейн и социал-демократическая программа". – Т. 4.
10. Ленин В.И. Разногласия в европейском рабочем движении. – Т. 20.
11. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля "Лекции по философии истории". – Т. 29.
12. Ленин В.И. К вопросу о диалектике. – Т. 29.
13. Ленин В.И. Итоги дискуссии о самоуправлении. – Т. 30.
14. Ленин В.И. УШ съезд РКП(б). Заключительное слово по докладу о партийной программе. – Т. 38.
15. Ленин В.И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. – Т. 42.
16. Материалы XXV съезда КПСС, М., 1976.
17. Материалы XXVI съезда КПСС, М., 1981.

II. Источники

1. Архивы

*Archives nationales
Section d'Outre-Mer (Paris)*

18. Affaires politiques, carton 543, dossier 6. Comité d'études historiques et scientifiques de l'A.O.F., 1915-1930.
19. Fonds Hubert. P.A. 41-2. Les dix premières années du Comité d'études historiques et scientifiques de l'A.O.F.
20. Fonds Moutet. P.A. 18-1D. Bilan de l'action politique du Ministère des colonies de juin 1936 à octobre 1937.
21. Fonds Moutet. P.A. 18-11. Causerie du Ministre des colonies à Radio-cité sur le Comité d'étude des coutumes indigènes.

^х Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по 2-му изданию Сочинений, В.И. Ленина – по Полному собранию сочинений.

22. Archives du Gouvernement général de l'A.E.F., 38-139. Rapport au Ministère des colonies sur les réformes politiques et sociales en A.E.F., 12.VII. 1936.
23. Archives du Sénégal, J-56. Enseignement en A.O.F., 1907-1915 (14Mi-1188).
24. Archives du Sénégal, 2G 39-70. Institut fondamental d'Afrique Noire. Rapport annuel 1938-1939 (14Mi-1812).
25. Archives du Sénégal, J-103. Rapport du chef de service travaux publics sur les fouilles exécutées dans la grotte de Kolona près Çonakry, 26.VI.1911 (14Mi-1188).
26. Archives du Sénégal, J-103. Rapport sur la situation des archives et bibliothèques en A.O.F., 12.V.1913 (14Mi-1188).
27. Archives du Sénégal, J-103. Recherche scientifique en A.O.F. 1907-1915. (14Mi-1188).
28. Archives du Sénégal, J-103. Société des géographes de l'A.O.F., 1907-1908. (14Mi-1188).

*2. Неопубликованные материалы
Служебные документы*

29. Congrès international des africanists. Addis-Abeba, 1973. Rapports. — Jewsiwicki B., Vellut J.L. Le département d'histoire à l'Université Nationale du Zaïre à Lubumbashi (Библиотека Института Африки).
30. Guide de l'histoire nationale. Catalogue d'exposition. Kinshasa, 1980.
31. Institut international de planification de l'éducation. — Houeto C.S. La formation des maîtres et des formatrices des maîtres pour la mise en oeuvre de la réforme éducative au Bénin. Paris, 12.IX.1979.
32. Institut International de planification de l'éducation. — Kinunda M.J. La réforme de l'enseignement primaire en Tanzanie — perspectives et réalités. Paris, 19.XI.1979.
33. International Academic Union. Commission XII Fontes Historicae Africae. Bulletin of Information. Accra, June 1975, N 1.
34. International Congress of African Historians. Dar Es Salam, 1965. Papers for Discussion *. — Abeodu J. Syllabuses and Plans in Liberia.
35. ICAH. Acumey M. Communication de la délégation togolaise à la Conférence internationale de Dar es Salaam sur l'histoire africaine.
36. ICAH. Daaku K.Y. Current Syllabuses and the Trend of Historiography in the University of Ghana.
37. ICAH. Ekuban E.E. The Problems of Teaching African History in Secondary Schools on Ghana.
38. ICAH. Goodfellow G.F. Syllabuses, Research in Progress, Historiography at University College of Basutoland, Bechuanaland and Swaziland.
39. ICAH. Ministry of Education, Chief Inspector of Schools. Nairobi, 3.XI.1965. The History Syllabi Followed in the Primary and Secondary Schools of Kenya.
40. ICAH. Smith R.S. Activities of the History Department. University of Ife, Nigeria.
41. ICAH. Syllabus and Research in Progress at University College, Cape Coast, Ghana.
42. ICAH. Syllabus, Staff and Research in Progress in Tanzania.
43. ICAH. University of Ibadan, Department of History. Courses for the Independent Ibadan Degree 1964-5 and Research in Progress.
44. ICAH. Working Committee on the Teaching of African History. Report on the Committee's Discussion of School History Syllabuses.
45. International Louis Leakey Memorial Institute for African Prehistory. Prospectus 1977-1978.

* Далее — ICAH.

46. Konaré A.O. Recherches archéologiques au Mali. Bamako, 1976.
47. Laya D. Essai d'inventaire des traditionalistes du Niger /Б.м., б.г./.
48. Recherche africaniste en France. Rapport général sur l'activité de recherche historique relative à l'Afrique dans la région Parisienne (Situation générale au printemps 1978).
49. République du Mali. Ministère de l'éducation nationale, de la jeunesse et des sports. Direction générale des enseignements supérieurs et de la recherche scientifique. Ecole normale supérieure. Programmes enseignement d'histoire et de géographie. Bamako, 1973.
50. République du Mali. Ministère de l'enseignement supérieur, secondaire et de la recherche scientifique. Rapport de présentation des programmes d'histoire et de géographie de l'enseignement secondaire général. Bamako, 1974.
51. Second International Congress of Africanists, Dakar, 1967. African Thought and Cultural Anthropology: Religion, Philosophy, Education and Ethnology. Vol. 1-2 (Библиотека Института Африки).
52. Third Conference on African History and Archeology. School of Oriental and African Studies, University of London. Materials, London, 3-7 July 1961 (Библиотека Института Африки).
53. Tropical African Studies Conference. Rapports. Ibadan, 1964 (Библиотека Института Африки).

3. Официальные документы

54. Документы партии ФРЕЛИМО Народной Республики Мозамбик. III съезд, Мапуту, 3-7 февраля 1977 г. М., 1980.
55. Конференция солидарности народов Азии и Африки. Каир, 26 декабря 1957 г. - 1 января 1958 г. М., 1958.
56. 1 съезд Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА). М., 1978.
57. Communist Call to Africa. For the Freedom, Independence, National Revival and Social Progress of the Peoples of Tropical and Southern Africa: Statement Issued After a Recent Meeting of a Number of Communist and Workers' Parties of Africa. — «The African Communist». L., 1978, N 75.
58. Declaration sur la ligne générale du Parti et les grandes étapes de la Révolution Béninoise. — «Ehuzu». Cotonou, 27.VII.1977.
59. XI-ème Congrès du Parti-Etat de Guinée. — «Horoya». Conakry. Special congrès, N 1-3, 1978.
60. Programme du Parti Congolais du travail. Brazzaville, 1977.
61. Programme of the Convention People's Party for Work and Happiness. The Eleventh Party Congress. Accra, 1963.
62. République du Zaïre. Mouvement populaire de la révolution. Actes du 2-ème Congrès ordinaire du M.P.R. du 23 au 27 novembre 1977. Kinshasa, 1979..
63. Tasks, Achievements, Problems and Perspectives of the Ethiopian Revolution. Addis Abbaba, 1977.

4. Документы и материалы ЮНЕСКО

64. ЮНЕСКО. Акты Генеральной конференции. Двадцатая сессия. Париж, 24 октября - 28 ноября 1978 г. Т.1. Резолюции. Париж, 1979.
65. ЮНЕСКО. Подготовка Всеобщей истории Африки. Париж, /б.г./.
66. ЮНЕСКО. Тридцатая годовщина Организации, 1946-1977 гг. Речи и послания. Париж, 1977.
67. ЮНЕСКО. Утвержденные программа и бюджет на 1981-1983 гг. Париж, 1981.

68. UNESCO. Colloque sur «La décolonisation de l'Afrique: Afrique Australe — Corne de l'Afrique». Varsovie, 9-12 octobre 1978. Rapport final.
69. UNESCO. Comité scientifique international pour la rédaction d'une Histoire générale de l'Afrique. Note d'information N 6, 22.XII.1976.
70. UNESCO. Committee of Experts on the General History of Africa, Abidjan, August 31 — Sept. 5, 1966. Moscow, 1967.
71. UNESCO. Deuxième session plénière du Comité scientifique international pour la rédaction d'une Histoire générale de l'Afrique, Lusaka, 14-26.V.1973.
72. UNESCO. Experts Meeting on «The Historical Contacts Between Africa and Madagascar, on the One Hand, and South-East Asia, on the Other, Through the Indian Ocean». Mauritius, 15-19.VII.1974.
73. UNESCO. Intergovernmental Conference on Cultural Politics in Africa. Accra, 27 Oct.—6. Nov. 1975. Final Report. P., 1975.
74. UNESCO. Meeting of the Bureau of International Scientific Committee for the Draft of the History of Africa, 5th Meeting, Fez, Morocco, 5-11.II.1975. Final Report.
75. UNESCO. The Peopling of Ancient Egypt and the Deciphering of Meroitic Script: Proceedings of the Symposium Held in Cairo from 28 Jan. to 3 Febr. 1974. P., 1978.
76. UNESCO. Rapport du Directeur général sur l'activité de l'organisation 1973-1974, présenté aux Etats membres et au Conseil exécutif... Conférence générale, 19 session, 1976. P., 1975.
77. UNESCO. Rapport du Directeur général sur l'activité de l'organisation en 1977-1978, présenté aux Etats membres et au Conseil exécutif. Conférence générale, 21 session, 1980. P., 1979.
78. UNESCO. Réunion d'experts sur la méthodologie de l'histoire contemporaine de l'Afrique. Ouagadougou, Haute-Volta, 17-22 mai 1979. Rapport final.
79. UNESCO. Réunion d'experts sur «La traite négrière». P., 30 novembre 1977.
80. UNESCO. Réunion d'experts sur les ethnonymes et les toponymes. Paris, 3-7 juillet 1978. Note d'information.
81. UNESCO. Réunion d'experts sur «L'historiographie de l'Afrique Australe». Gaborone, Botswana, 7-11 mars 1977. Rapport final.
82. UNESCO. Réunion du Bureau du Comité international scientifique pour la rédaction d'une Histoire générale de l'Afrique. Première réunion, Le Caire, 23-27 fevr. 1971. Rapport final.
83. UNESCO. Réunion du Bureau et première réunion du Comité international scientifique. Butare, 17-22 juillet 1972.
84. UNESCO. Réunion régionale sur la jeunesse et les valeurs culturelles africaines. Abomey, Dahomey, 6.XII. 1974. Rapport final.
85. UNESCO. Plan décennal pour l'étude de la tradition orale. P., 1972.
86. UNESCO. Sixième réunion du Bureau et troisième reunion plénière du Comité scientifique international. Cotonou, 25.VIII.—13.IX.1975.
87. UNESCO Statistical Yearbook 1975. P., 1976.
88. UNESCO Statistical Yearbook 1977. P., 1978.
89. UNESCO Statistical Yearbook 1980. P., 1980.
90. UNESCO. Survey of the Scientific and Technical Potentiel of the Countries of Africa. Nairobi, 1970.
91. UNESCO. La traite négrière du XV au XIX siècle. Documents de travail et compte rendu de la réunion d'experts organisée par l'UNESCO à Port-au-Prince, Haiti, 31 janv.—4 fevr. 1978. P., 1979.

5. Газеты и журналы

92. «Азия и Африка сегодня». М.
93. «Известия». М.
94. «Народы Азии и Африки». М.

95. «Правда». М.
96. «Abbia». Yaoundé.
97. «Africa». L.
98. «Africa». Rome.
99. «African Communist». L.
100. «African Economic History». Madison.
101. «African Social Research». Lusaka.
102. «African Studies Center Newsletter». Los Angeles.
103. «Afrika Zaman». Yaounde.
104. «Afrique nouvelle». Dakar.
105. «Ande Sopi». Dakar.
106. «Annales. Université de Dakar».
107. «Anthropos». Friburg
108. «Avante!». Lisboa.
109. «Bulletin de l'IFAN». Dakar.
110. «Bulletin des séances. Académie des sciences d'Outre-Mer». Bruxelles.
111. «Cahiers Congolais d'anthropologie et d'histoire». Brazzaville.
112. «Coopération et développement». P.
113. «Culture et société». Bujumbura.
114. «Culture». P.
115. «Democratic Education». Prague.
116. «East Africa Journal». Nairobi.
117. «Ehuzu». Cotonou.
118. «Esson». Bamako.
119. «Ethiopian Herald». Addis Ababa.
120. «Ethiopiennes». Dakar.
121. «Etudes Dahoméennes». Porto-Novo.
122. «Etudes d'histoire africaine». Lubumbashi.
123. «Etudes Maliennes». Bamako.
124. «Etumba». Brazzaville.
125. «Français d'Afrique». P.
126. «Fraternité-Matin». Abidjan.
127. «Horoya». Conakry.
128. «Humanité». P.
129. «Jeune Afrique». Tunis.
130. «Journal de Angola». Luanda.
131. «Marchés tropicaux et méditerranéens». P.
132. «Mondes et cultures». P.
133. «New Outlook». Dar es Salaam.
134. «Notes africaines». Dakar.
135. «ONAREST bulletin». Yaoundé.
136. «Oral History». Colchester.
137. «Perspectives». P.
138. «Présence africaine». P.
139. «Recherches africaines». Conakry.
140. «La Relève». Kigali.
141. «Revue de l'Institut africain de recherche historique et politique. Fondation Houphouët-Boigny». Abidjan.
142. «Revue française d'études politiques africaines». P.
143. «Revue Zairoise de psychologie et de pédagogie». Kisangani.
144. «Sunday News». Dar es Salaam.
145. «Tanzania News Review». Dar es Salaam.
146. «Topfy». P.

6. Работы африканских авторов

149. Аббэбэ Б. К вопросу охраны памятников культуры Эфиопии. — Всесоюзная конференция по эфиопским исследованиям. Тезисы. М., 1979.
150. Ачебе Ч. Роль писателя в новой нации. — Литература стран Африки. Сб. 2. М., 1966.
151. Битек Окот. Африканские традиционные религии. Религии Африки в освещении западных и африканских ученых. М., 1979.
152. Говорят африканские историки. М., 1977.
153. Дике К.О. Научное изучение истории Африки. — «Курьер ЮНЕСКО». 1967, июнь.
154. История Африки. Хрестоматия. М., 1979..
155. Кабрал А. Революция в Гвинее. Избранные статьи и речи. М., 1973.
156. Ки-Зербо Ж. Африканский историк об истории народов Африки. — «Курьер ЮНЕСКО». 1979, сентябрь-октябрь.
157. Ки-Зербо Ж. Состояние и перспективы новой африканской культуры. — «Иностранная литература». 1970, № 10.
158. Мондлане Э. Борьба за Мозамбик. М., 1972.
159. Нкрума К. Африка должна объединиться. М., 1964.
160. Нкрума К. Я говорю о свободе. Изложение африканской идеологии. М., 1962.
161. Сундьята. Мандингский эпос. М.—Л., 1963.
162. Фанон Ф. Выступление на II конгрессе негритянских писателей и деятелей культуры в Риме в 1959 г. — Литература стран Африки. Сб. 2. М., 1966.
163. Фанон Ф. О национальной культуре. — Литература стран Африки. Сб. 2. М., 1966.
164. Abanda Ndengue J.M. De la négritude au négritisme. Essais polyphoniques. Yaounde, 1970.
165. Abdesslem A. Les historiens tunisiens des XVII, XVIII et XIX siècles. Essais d'histoire culturelle. P., 1973.
166. Abranches H. Elementos para o estudo etno-histórico de Angola. Alger, 1964 (Centro de estudos angolanos. História e Etnologia. Caderno N 1).
167. Achufusi M. Devoirs et responsabilités des historiens africains. — Deuxième Congrès des écrivains et artistes noirs. Rome, 26 mars — 1 avril 1959. T. 2. («Présence africaine». 1959, N 27-28). P., 1959.
168. Achufusi M. Die Zerstörung des Sokoto-Reichs durch die europäischen Kolonialmächte. — «Wissenschaftliche Zeitung der Karl-Marx-Universität Gesellschaft». Lpz., 1962, H. 1.
169. Afigbo A.E. Mono-causality and African Historiography: the Case of Efic Society and International Commerce. — THSG. 1973, vol. XIV, N 1.
170. Afolalu R.O. A history of Africa since 1800. Ibadan, 1972.
171. Agbodeka F. Achimota in the National Setting. A Unique Educational Experiment in West Africa. Accra, 1977.
172. Agbodeka F. Ghana in the Twentieth Century. Accra, 1972.
173. Agbodeka F. Gordon Guggisberg's Contribution to the Development of the Gold Coast, 1919-27. — THSG. 1972, vol. XIII, N 1.
174. Ajayi A.J.F. African Universities and the African Tradition. — EAJ. 1971, N 11.
175. Ajayi A.J.F. Christian Missions in Nigeria, 1841-1891: The Making of a New Elite. Evanston, 1965.

176. Ajayi A.J.F. Colonialism: an Episode in African History. — Colonialism in Africa. Vol. 1. Ed. by L.H. Gann and P. Duignan. Cambridge, 1969.
177. Ajayi A.J.F. Continuity of African Institutions under Colonialism. — Emerging Themes of African History. Proceedings of the International Congress of African Historians. Ed. by T. Ranger. L., 1969.
178. Ajayi A.J.F. History in a Developing Society. — Congrès international des africanists. Dakar, 11-20 dec. 1967. P., 1972.
179. Ajayi A.J.F. Milestones in Nigerian History. Ibadan, 1962.
180. Ajayi A.J.F. Nineteenth Century Origins of Nigerian Nationalism. — Perspectives on the African Past. Ed. by M. Klein, G.W. Johnson. Boston, 1972.
181. Ajayi A.J.F., Alagoa E.J. Black Africa: The Historians' Perspective. — Slavery, Colonialism, and Racism. Essays. Ed. by S.W. Mintz. N.Y., 1974.
182. Ajayi A.J.F., Oloruntimehin O. West Africa in the Anti-Slave Trade Era. — The Cambridge History of Africa. Vol. 5. Ed. by J.E. Flint. Cambridge, 1975.
183. Akbar M. The Samorian Occupation of Bondoukou: an Indigenous View. — IJAHs. 1977, N 2.
184. Akinjogbin I.A. Dahomey and its Neighbours, 1708-1818. Cambridge, 1967.
185. Akinloye S.A.. Emergent African States: Topics in 20th Century African History. L., 1976.
186. Akinloye S.A. Revolution and Power Politics in Yorubaland. 1840-1893. Ibadan Expansion and the Rise of Ekitiparapo. N.Y., 1971.
187. Alagoa E.J. Inter-Disciplinary Approach to African History in Nigeria. — PA. 1975, N 94.
188. Alagoa E.J. Oral Tradition. — XV Congrès international des sciences historiques. Bucarest. 1980. Rapports. 1. Grands thèmes et méthodologie. Bucarest, 1980.
189. Amin S. Afrique de l'Ouest bloquée. L'économie politique de la colonisation. 1880-1970. P., 1971.
190. Amin S. Classe et nation dans l'histoire et la crise contemporaine. P., 1979.
191. Amin S. Le développement inégal. Essai sur les formations sociales du capitalisme périphérique. P., 1973.
192. Amin S. Impérialisme et sous-développement en Afrique. P., 1976.
193. Amin S. Préface. — P. Lissouba. Conscience du développement et démocratie. Dakar — Abidjan, 1975.
194. Amin S. Présentation. — B. Sine. Impérialisme et théorie du développement. P., 1975.
195. Amin S. Sociétés précapitalistes et capitalisme. P., 1978.
196. Amin S., Coquery-Vidrovitch C. Histoire économique du Congo, 1880-1968. Du Congo français à l'Union douanière et économique de l'Afrique Centrale. Dakar—Paris, 1969.
197. Anene J.C. The International Boundaries of Nigeria 1885-1960. The Framework of an Emergent African Nation. L., 1970.
198. Anti A.A. Ancient Asante King. Accra, 1974.
199. Anti A.A. Akwamu Denkyira Akuapem and Ashanti in the Lives of Osei Tutu and Okomfo Anokye. Tema, 1973.
200. Asante S.K. Pan-African Protest: West Africa and the Italo-Ethiopian Crisis, 1934-1941. L., 1977.
201. Asiwaju A.I. Western Yorubaland under European Rule 1889-1945. A Comparative Analysis of French and British Colonialism. L., 1976.
202. Atieno Odhiambo E.S. Paradox of Collaboration and Other Essays. Nairobi, 1974.
203. Atieno Odhiambo E.S. «Seek Ye First the Economic Kingdom»: The History of the Luo Thrift and Trading Corporation LUTATCO, 1945-1966. — Hadith 5. Economic and Social History of East Africa. Nairobi, 1975.

204. Attobrah K. The Kings of Akyem Abuakwa and the Ninety-nine Wars against Asante. Tema, 1976.
205. Authenticité. Les bases de la révolution. Idéologie, doctrine, méthode. Kinshasa, 1977.
206. Ayandele E.A. African Historical Studies. L., 1979.
207. Ayodele Langley J. Pan-Africanism and Nationalism in West Africa, 1900-1945. A Study in Ideology and Social Classes. Oxford, 1973.
208. Ayot H.O. Historical Textes of the Lake Region of East Africa. Nairobi, 1977.
209. Ba A.H. Aspects de la civilisation africaine. P., 1972.
210. Ba A.H. Les traditions africaines, gages de progrès. — Tradition et modernisme en Afrique Noire. Rencontres internationales de Bouake. P., 1965.
211. Ba A.H., Daget J. L'Empire peul du Macina. Bamako, 1956.
212. Badian S.K. Les dirigeants africains face à leur peuple. P., 1964.
213. Balde M.S. L'esclavage et la guerre sainte au Fuute-Jalon. — L'esclavage en Afrique précoloniale. Présenté par C. Meillasoux. P., 1975.
214. Barry B. La chronologie dans la tradition orale du Waalo essai d'interprétation. — XV Congrès international des sciences historiques. Bucarest. 1980. Rapports. 1. Grands thèmes et méthodologie. Bucarest, 1980.
215. Barry B. Le royaume du Waalo. Le Sénégal avant la conquête. P., 1973.
216. Biobaku S. Responsabilités de l'historien africain en ce qui concerne l'histoire et l'Afrique. — Deuxième Congrès des écrivains et artistes noirs. Rome, 26 mars — 1 avril 1959. T. 2. P., 1959. («Présence africaine». 1959. N 27-28).
217. Biobaku S. The Egba and Their Neighbours 1842-1872. Oxford, 1957.
218. Boahen A. Britain, the Sahara and the Western Sudan, 1788-1861. N.Y., 1964.
219. Boahen A. Colonial Era: Conquest to Independence. — Colonialism in Africa, 1870-1960. Vol. 2. The History and Politics of Colonialism, 1914-1960. Cambridge, 1970.
220. Boahen A. Ghana: Evolution and Change in the 19th and 20th Centuries. L., 1975.
221. Boahen A. Politics in Ghana, 1800-1874. — History of West Africa. Ed. by J.F.A. Ajayi, M. Crowder. Vol. 2. L., 1974.
222. Boahen A. Topics in West African History. L., 1966.
223. Bony J., Wondji C. La recherche historique et la construction de la nation africaine. — AZ. 1979, N 10-11.
224. Boubou Hama. L'Empire Songhay. P., 1974.
225. Boubou Hama. Les grands problèmes de l'Afrique des indépendances. P., 1974.
226. Boubou Hama. Histoire des Songhai. P., 1968.
227. Boubou Hama. Hon si suba ben (Aujourd'hui n'épuise pas demain). P., 1973.
228. Boubou Hama. Kotia-Nima. Rencontre avec l'Europe. Vol. 1-3. P., 1969.
229. Boubou Hama. Le Devin. Temps et histoire dans la pensée animiste de l'Afrique Noire. — Time and the Philosophy. P., 1977.
230. Boussoukou-Boumba D. La résistance à la pénétration coloniale dans la circonscription de Bacounis (1910-1918). — «Revue d'histoire et d'anthropologie africaines». Brazzaville, 1975, N 1.
231. Busia K. Africa in Search of Democracy. N.Y., 1967.
232. Busia K. Challenge of Africa. N.Y., 1962.
233. Busia K. Position of the Chief in the Modern Political System of Ashanti: a Study of the Influence of Contemporary Social Changes on Ashanti Political Institutions. L., 1968.
234. Busia K. Report on Social Survey of Sekondi-Takoradi. Accra, 1951.
235. Cissoko S.M. Tombouctou et l'Empire Songhay. Epanouissement du Soudan Nigérien aux XV-XVI siècles. Dakar — Abidjan, 1975.
236. Colloque sur la Négritude. Tenue à Dakar, Sénégal, du 12 au 18 avril 1971 sous les auspices de l'Union progressiste sénégalaise. P., 1972.

237. Colonialism and Change. Essays Presented to Lucy Mair. Ed. by M. Owusu. The Hague, 1975.
238. Daaku K.Y. Trade and Politics on the Gold Coast, 1600 to 1720. A Study of the African Reaction to European Trade. Ox., 1970.
239. Dambéle K. Le rôle des musées dans le développement. — «Sunjata». Bamako, 1979, N 13.
240. Diabaté H. Quelques causes de déperdition et de déformation dans l'utilisation des sources orales: l'exemple du Sanvi. — «Recherche, pédagogie et culture». P., 1979, N 39.
241. Diabaté M.M. Kala Jata. Bamako, 1970.
242. Diagne P. De la démocratie traditionnelle. Problème de définition. — PA, 1975, N 97.
243. Diagne P. Pour l'unité d'Afrique Occidentale. Micro-Etats et intégration économique. Dakar-Paris, 1972.
244. Diagne P. Pouvoir politique traditionnel en Afrique Occidentale. Essais sur les institutions politiques précoloniales. P., 1967.
245. Diagne P. Renaissance et problèmes culturels en Afrique. — Introduction à la culture africaine. Aspects généraux. P. 1977.
246. Diallo T. Dinah Salifou, roi des Nalous. Paris—Dakar, 1977.
247. Dike K.O. An Address to Congregation by the Vice-Chancellor Dr. K.O. Dike in Trenchard Hall on Foundation Day 17 November 1964. Ibadan, 1964.
248. Dike K.O. Trade and Politics in the Niger Delta. 1830-1885. An Introduction to the Economic and Political History of Nigeria. Ox., 1956.
249. Dike K.O., Ajayi J.F.A. African Historiography. — International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 6., N.Y., 1968.
250. Diop C.A. Afrique Noire pré-coloniale. Etude comparée des systèmes politiques et sociaux de l'Europe et de l'Afrique Noire, de l'antiquité à la formation des états modernes. P., 1960.
251. Diop C.A. Fondements culturels, techniques et industriels d'un futur Etat Fédéral de l'Afrique Noire. P., 1960.
252. Diop C.A. Fondements économiques et culturels d'un Etat Fédéral d'Afrique Noire. P., 1974.
253. Diop C.A. Nations nègres et culture. De l'antiquité négro-egyptienne aux problèmes culturels de l'Afrique Noire d'aujourd'hui. P., 1954.
254. Diop C.A. Perspectives de la recherche scientifique en Afrique. — «Notes africaines». Dakar, 1974, N 144.
255. Diop C.A. Unité culturelle de l'Afrique Noire. Domaines du patriarcat et du matriarcat dans l'antiquité classique. P., 1959.
256. Diop M. Contribution à l'étude des problèmes politiques en Afrique Noire. P., 1958.
257. Diop M. Histoire des classes sociales dans l'Afrique de l'Ouest. Vol. 1. Le Mali. Vol. 2. Le Sénégal. P., 1971-1972.
258. Diop M. Naissance et croissance du prolétariat en Afrique occidentale francophone. — EM, 1972, N 2.
259. Djenghloul A. Ibn Khaldoun: Le Politique et l'Histoire. — «Cultures et développement». P., 1978, N 4.
260. Egharevba J. A Short History of Benin. Ibadan, 1968.
261. Eleazu U.O. African Studies and the Study of Future. — «Ilewa. Quarterly Journal of Africanist Opinion». Waltham, 1974, N 4.
262. El-Shayyal G.E.D. Historiography in Egypt in the 19th Century. — Historians of the Middle East. Ed. by B. Lewis, P.M. Holt, L., 1962.
263. Ezeaku L.C. Education in Nigeria: Its Functional and Disfunctional Roles. — «The Developing Economies». Tokyo, 1979, N 2.

264. Fanon F. Les damnés de la terre. Préface de J.-P. Sartre. P., 1977.
265. Fonlon B. Le devoir d'aujourd'hui. — «Abbia». Yaoundé, 1975, N 29-30.
266. Fonlon B. To Every African Freshman. II. The Nature of University Studies. — «Abbia». Yaounde, 1970, N 24.
267. Gbagbo L. La décolonisation: essai de définition d'une problématique. — «Annuaire de l'Université d'Abidjan. Série histoire». 1978, t. VI.
268. Glélé M.A. L'Afrique retrouve son histoire. — «Informations UNESCO». 1979, N 743.
269. Glélé M.A. Le Danxome. Du pouvoir aja à la nation fon. P., 1974.
270. Graft-Johnson J.C. de. African Glory. The Story of Vanished Negro Civilisations. N.Y., 1966.
271. Hadith S. Economic and Social History of East Africa. Ed. by B.A. Ogot. Nairobi, 1975.
272. Histoire des peuls Feroobe du Diamaré. Maroua et Pette. Traditions en fulfulde recueillies, traduites et éditées par E. Mohammadou. Niamey, 1970.
273. Histoire du Dawra. Traditions historiques du Dawra par M. Ibira de Kantche. Transcriptions et traduction I. Dankoussou. Niamey, 1970.
274. Histoire du Mouvement populaire de la révolution. Kinshasa, 1975.
275. Histoire générale de l'Afrique. Vol. 1. Méthodologie et préhistoire africaine. P., 1980.
276. History of Tanzania. Ed. by I.N. Kimambo, A.J. Temu. Nairobi, 1969.
- 276a. History of West Africa. Ed. by A.J.F. Ajayi and M. Crowder. Vol. 1-2. L., 1971-1973.
277. Hountondji P. Sur la «philosophie africaine». Critique de l'ethnophilosophie. P., 1977.
278. Ibiringira G.S.K. The Forging of an African Nation. The Political and Constitutional Evolution of Uganda from Colonial Rule to Independence, 1894-1962. N.Y., 1977.
279. Ikime O. The Fall of Nigeria. L., 1977.
280. Inikori J.E. La traite négrière et les économies atlantiques de 1451 à 1870. — La traite négrière du XV au XIX siècle. Documents de travail et compte rendu de la réunion d'experts. P., 1979.
281. Irele A. Négritude or Black Cultural Nationalism. — Perspectives on the African Past. Ed. by M. Klein, G.W. Johnson. Boston, 1972.
282. Iroko A.F. Problème de périodisation en histoire africaine. — AZ. 1977, N 6-7.
283. Isichei E. A History of the Igbo People. L., 1976.
284. Isichei E. A History of West Africa since 1800. N.Y., 1977.
285. Isichei E. The Ibo People and the Europeans. The Genesis of a Relationship — to 1906. L., 1973.
286. Jones-Quartey K.A.B. History, Politics and Early Press in Ghana. The Fiction and the Facts. Accra, 1975.
287. Kaba L. Sonni Ali-Ber, fondateur de l'Empire Songhay. Paris — Dakar, 1977.
288. Kagame A. Code des institutions politiques du Rwanda précolonial. Bruxelles, 1952.
289. Kagame A. Histoire des armées-bovines dans l'ancien Rwanda. Bruxelles, 1961.
290. Kagame A. Notion de génération appliquée à la généalogie dynastique et à l'histoire du Rwanda des X-XI siècles à nos jours. Bruxelles, 1959.
291. Kagame A. Organisations socio-familiales de l'ancien Rwanda. Bruxelles, 1954.
292. Kagame A. Perception empirique du temps et conception de l'histoire dans la pensée bantu. — Les cultures et le temps. Etudes préparées pour l'UNESCO. P., 1975.
293. Kagame A. Philosophie Bantu comparée. P., 1976.
294. Kagame A. Philosophie Bantu-rwandaise de l'Etre. Bruxelles, 1956.

295. Kaggwa A. *The Kings of Buganda*. Translated and edited by M.S.M. Kiwanuka. Nairobi, 1971.
296. Kaka I.B. Djouder, la fin de l'empire Songhay. Paris—Dakar, 1975.
297. Kane A. Histoire et origine des familles du Fouta-Toro. — *Annuaire et mémoires du Comité d'études historiques et scientifiques de l'A.O.F.* Gorée, 1916.
298. Kane O. Les Maures et le Fouta-Toro au XVIIIe siècle. — *AZ*. 1974, N 2.
299. Kanku Moussa, raconté par le griot Thiemoko Kone. Recueilli par L. Doukouré, M. Diallo. Bamako, 1973.
300. Kanouté D. Tradition orale. Histoire de l'Afrique authentique. Dakar, 1972.
301. Katoke I.K. *The Karagwa Kingdom*. Kampala, 1975.
302. Katsina. Tradition historique des Katsinaawaa après la Jihad. Présentée par I. Dankoussou. Niamey, 1970.
303. Keita S.K. Ahmed Sekou Touré. L'Homme du 28 septembre 1958. Conakry, 1977.
304. Kenya Before 1900. Ed. by B.A. Ogot. Nairobi, 1976.
305. Kipre P. A propos de la conscience historique dans les sociétés de l'Afrique précoloniale. — *AZ*. 1979, N 10-11.
306. Ki-Zerbo J. Crise actuelle de la civilisation africaine. — *Tradition et modernisme en Afrique Noire. Rencontres internationales de Bouaké*. P., 1965.
307. Ki-Zerbo J. Histoire de l'Afrique Noire. D'hier à demain. P., 1972.
308. Ki-Zerbo J. Histoire: levier fondamental. — *PA*. 1961, N 37.
309. Kiwanuka M.S.M. African pre-colonial History: A Challenge to the Historian's Craft. — *AZ*. 1977, N 6-7.
310. Kiwanuka M.S.M. *History of Uganda*. L., 1971.
311. Kiwanuka M.S.M. Introduction. — A. Kaggwa. *The Kings of Buganda*. Nairobi, 1971.
312. Kwamena-Poh M.A. Government and Politics in the Akuapem State 1730-1850. L., 1973.
313. Laya D. Tradition orale et recherche historique en Afrique: méthodes, réalisations, perspectives. — «*Cahiers d'histoire mondiale*». P., 1970, N 2.
314. Lissouba P. Conscience du développement et démocratie. Dakar—Abidjan, 1975.
315. Lopes Guerra H. Angola — estrutura economica e classes sociais. Lisboa, 1975.
316. Loucou J.N., Wandji C. Histoire et développement. — *CEA*. 1976, N 1-2.
317. Ly A. Evolution du commerce français d'Afrique Noire dans le dernier quart du XVIIe siècle. La Compagnie du Sénégal de 1673 à 1696. Bordeaux, 1955.
318. Ly A. Journal de bord de l'Amitié. Journal d'une voyage en Afrique. Bordeaux, 1955.
319. Ly A. Les masses africaines et l'actuelle condition humaine. P., 1956.
320. Ly A. Pour l'unité du mouvement patriotique: Quelques aspects méconnus de l'évolution politique et syndicale au Sénégal de 66 à 70. — «*Ande Sopi*». Dakar, 1979, N 28.
321. Ly M. Quelques remarques sur le Tarikh el-Fettach. — *BIFAN*. 1972, N 3.
322. Ly-Tall M. Contribution à l'histoire de l'Empire du Mali (XII-XVI siècles). Limites, principales provinces, institutions politiques. Dakar—Abidjan, 1977.
323. Martins E. Colonialism and Imperialism in Mozambique. The Beginning of the End. Copenhagen, 1974.
324. Mazrui A. *The African Condition. A Political Diagnosis. The Reith Lectures*. London—Ibadan—Nairobi, 1980.
325. Mazrui A. Cultural Engineering and Nation-Building in East Africa. Evanston, 1972.
326. Mazrui A. Resurrection of the Warrior Tradition in African Political Culture. — «*Journal of Modern African Studies*». L., 1975, N 1.
327. Mazrui A. Soldiers and Kinsmen in Uganda: The Making of a Military Ethnocracy. Beverly Hills—London, 1975.

328. Mazrui A. *World Culture and the Black Experience*. Seattle-London, 1974.
329. Mazrui A. *World Federation of Culture: an African Perspective*. N.Y., 1976.
330. Mazrui A. *Written Word and Collective Identity*. — EAJ. 1972, N 5.
331. Mbaye G. *La traite négrière à l'intérieur du continent africain. — La traite négrière du XV au XIX siècle. Documents de travail et compte rendu de la réunion d'experts*. P., 1979.
332. Mbiti J.S. *African Religions and Philosophy*. L.—N.Y., 1969.
333. Mbiti J.S. *Introduction to African Religion*. N.Y., 1975.
334. Mbodj M. *Aspects économiques de la phase de transition (1870-1895) dans le Sud du Bassin arachidier Sénégalais*. — AZ. 1979, N 10-11.
335. Mbodj M. *Sénégal et la dépendance: le cas du Sine-Saloum et de l'arachide 1887-1940*. — XV Congrès International des sciences historiques. Bucarest, 1980. Rapports. 3. Organismes internationaux affiliés et commissions internes. Bucarest, 1980.
336. M' Bow A.M. *Ouverture du Symposium Leo Frobenius*. — «Cultures». P., 1979, N 2.
337. Meebeo H.S. *Reaction to Colonialism. A Prelude to the Politics of Independence in Northern Zambia, 1893-1939*. Manchester, 1971.
338. Mezu S.O. *Leopold Sédar Senghor et la défense et illustration de la civilisation noire*. P., 1968.
339. Moyangar N. *Histoire et conscience historique*. — PA. 1974, N 2.
340. Mphahlele E. *The African Image*. L., 1974.
341. Mudimbe V.Y. *L'autre face du royaume. Une introduction à la critique des langages en folie*. Genève, 1973.
342. Mveng E. *Dossier culturel pan-Africain*. P., 1966.
343. Mveng E. *Sources grecques de l'histoire négro-africaine depuis Homère jusqu'à Strabon*. P., 1972.
344. Mworoha E. *Peuples et rois de l'Afrique des Lacs. Le Burundi et les royaumes voisins au XIX siècle*. Dakar-Abidjan, 1977.
345. Nazi Boni. *Histoire synthétique de l'Afrique résistante. Les réactions des peuples africains face aux influences extérieures*. P., 1971.
346. Ndaywel Nziem. *Enseignement d'histoire en Afrique: formation et recherches*. — «Africa». Roma, 1978, N 2.
347. *Négritude et Amérique Latine. Colloque de Dakar, 7-12 janvier 1974*. Dakar-Abidjan, 1978.
348. Neto A. *Sobre a cultura nacional*. Luanda, 1979.
349. Ngoie-Ngalla D. *Le sacré et le progrès en Afrique*. — «Revue d'histoire et d'anthropologie africaines». Brazzaville, 1975, N 1.
350. Niane D.T. *Histoire et tradition historique du Manding*. — PA. 1974, N 89.
351. Niane D.T. *Koly Tenguelia et le Tekroun*. — Congrès international des africanists. Deuxième session. P., 1972.
352. Niane D.T. *Le Soudan Occidental au temps des grands empires (XI-XVI siècles)*. P., 1975.
353. Niane D.T. *Recherches sur l'Empire du Mali au Moyen Age*. P., 1975.
354. Nkrumah K. *Revolutionary Path*. L., 1973.
355. Nkrumah K. *Class Struggle in Africa*. N.Y., 1971.
356. N' Sougan Agblemagnon F. *Time in Rural Societies and Rapidly Changing Societies*. — *Time and the Sciences*, Ed. by F. Greenaway. P., 1979.
357. Nwabara S.N. *Iboland: A Century of Contact with Britain, 1860-1960*. L., 1977.
358. Nwachukwu-Ogedengbe K. *Slavery in Nineteenth Century Aboh (Nigeria)*. — *Slavery in Africa. Historical and Anthropological Perspectives*. Ed. by S. Miers, I. Copytoff. Madison, 1977.
359. Nwulia M.D.E. *Britain and Slavery in East Africa*. Wash., 1975.

360. Nyerere J. Arusha Declaration. Ten Years After. Dar es Salaam, 1977.
361. Nyerere J. Man and Development. Dar es Salaam, 1974.
362. Nzimiro I. Studies in Ibo Political Systems. Chieftaincy and Politics in Four Niger States. Berkeley, 1972.
363. Obenga T. Afrique centrale précoloniale. Documents d'histoire vivante. P., 1974.
364. Obenga T. Afrique dans l'antiquité. Egypte pharaonique — Afrique Noire. P., 1973.
365. Obenga T. Cuvette Congolaise. Les hommes et les structures. Contribution à l'histoire traditionnelle de l'Afrique Centrale. P., 1976.
366. Obenga T. Introduction à la connaissance du peuple de la République populaire du Congo. Brazzaville, 1973.
367. Obenga T. Les 20 ans de «Nations nègres et culture» (1954-1974). — PA. 1974, N 89.
368. Obenga T. Origines linguistiques de l'Afrique Noire. — «Cahiers Congolais d'anthropologie et d'histoire». Brazzaville, 1978, N 3
369. Obenga T. Vie de Marien Ngouabi, 1938-1977. P., 1977.
370. Obenga T. Zaïre, Civilisations traditionnelles et culture moderne (Archives culturelles d'Afrique Centrale). P., 1977.
371. Obichere B. Contribution of African Scholars and Teachers to African Studies, 1955-1975. — «Issue. Quarterly Journal of Africanist Opinion». Waltham, 1976, N 2-3.
372. Obichere B. Women and Slavery in the Kingdom of Dahomey. — «Revue française d'histoire d'outre-mer». P., 1978, N 1.
373. Ochieng W.R. African History in Post-Colonial Reconstruction. — EAJ. 1972, N 6.
374. Ochieng W.R. An Outline History of Nyanza up to 1917. Kampala, 1974.
375. Ochieng W.R. An Outline History of the Rift Valley of Kenya up to A.D. 1900. Kampala, 1975.
376. Ochieng W.R. Eastern Kenya and its Invaders. Kampala, 1975.
377. Ochieng W.R. History of the Kadimo Chieftdom of Yimbo in Western Kenya. Kampala, 1975.
378. Ochieng W.R. Misri Legends in East Africa History. — EAJ. 1972, N 10.
379. Ocholla-Ayayo A.B.C. Traditional Ideology and Ethics among the Southern Luo. Uppsala, 1976.
380. Oforu-Appiah L.H. The Life and Times of Dr. J.B. Danquah. Accra, 1974.
381. Oforu-Appiah L.H. The Life of Dr. J.E.K. Aggrey. Accra, 1975.
382. Ogot B.A. History and East Africa. — Africa Discovers her Past. Ed. by J.D. Fage. L., 1970.
383. Ogot B.A. Kingship and Statelessness among the Nilotes. — Historian in Tropical Africa. Ed. by J. Vansina, R. Mauny, L.V. Thomas. L., 1964.
384. Ogot B.A. Mouvements de population entre l'Afrique de l'Est, la corne de l'Afrique et les pays voisins. — La traite négrière du XV au XIX siècle. Documents de travail et compte rendu de la réunion d'experts. P., 1979.
385. Oloruntimehin O. The Segu Tukulor Empire. L., 1972.
386. Oloruntimehin O. The Western Sudan and the Coming of the French, 1800-1893. — History of West Africa. Vol. 2. Ed. by J.F.A. Ajayi, M. Crowder. L., 1974.
387. Olusanya G.O. The Second World War and Politics in Nigeria, 1939-1953. Lagos—London, 1973.
388. Oruka Odero H. Mythologies as African Philosophy. — EAJ. 1972, N 10.
389. Paï A.O., Ly M. La femme africaine dans la société précoloniale. P., 1979.
390. Reindorf C.C. The History of the Gold Coast and Asante Based on Traditions and Historical Facts Comprising a Period of More than Three Centuries from about 1500 to 1860. Accra, 1966.

391. Rwabukumba J., Mudandayizi V. Les formes historiques de la dépendance dans l'Etat rwandais. — CEA. 1974, N 1.
392. Santos E. dos. O antigo reino do Congo. Lisboa, /6.7./.
393. Sebasoni S. Le pouvoir dans le Rwanda traditionnel. — «Civilisations». Bruxells, 1972, N 4.
394. Semi-Bi Zan. La politique coloniale des travaux publics en Côte d'Ivoire (1900-1940). Abidjan, 1975.
395. Senghor L.S. Allocution d'ouverture. — Négritude et Amérique Latine. Colloque de Dakar, 7-12 janv, 1974, Dakar-Abidjan, 1978.
396. Senghor L.S. Leçons de Frobenius. — «Cultures». P., 1979, N 2.
397. Senghor L.S. Liberté II. Nation et voie africaine du socialisme. P., 1971.
398. Senghor L.S. Liberté III. Négritude et civilisation de l'universel. P., 1977.
399. Senghor L.S. Noirs dans l'Antiquité romaine. — «Ethiopes». Dakar, 1974, N 11.
400. Senghor L.S. Pour une rélecture africaine de Marx et d'Engels. Dakar-Abidjan, 1976.
401. Sibthorpe A.B.C. The History of Sierra Leone. L., 1970.
402. Sine B. Imperialisme et theories sociologiques du développement. Présentation par S. Amin. P., 1975.
403. Souza Clington M. (Ary Kemtiow Zirka). Angola libre? P., 1975.
404. Sow I. Prolegomènes. — Introduction à la culture africaine. Aspects généraux. P., 1977.
405. Sy Dionmansy. La conquête du Bornou par Rabat, sa fin glorieuse. Niamey, 1974.
406. Talbi M. Ibn Haldun et l'Histoire. Tunis, 1973.
407. Tamuno T. Evolution of the Nigerian State the Southern Phase, 1894-1914. N.Y., 1972.
408. Tamuno T. History and History-Makers in Modern Nigeria. An Inaugural Lecture Delivered at the University of Ibadan. Ibadan, 1973.
409. Tanzania under Colonial Rule. Ed. by M. Kaniki. Dar es Salaam, 1980.
410. Tenkorang S. The Founding of Mfantipim. — THSG. 1974, N 2.
411. Thiam I.D. Origines du mouvement syndical. La grève des cheminots du Dakar-Saint-Louis. — «Annales de la faculté des lettres et sciences humaines». Dakar, 1977, N 7.
412. Thiam I.D. Recherche sur les premières manifestation de la conscience syndicale au Sénégal (1936-37). — «Annales de la faculté des lettres et sciences humaines». Dakar, 1975, N 5; 1976, N 6.
413. Thiam I.D. Tuerie de Thies de septembre 1938, essai d'interprétation. — BIFAN. 1977, t. 38, N 2.
414. Towa M. Essai sur la problématique philosophique dans l'Afrique actuelle. Yaoundé, 1971.
415. Towa M. L'idée d'une philosophie négro-africaine. Yaoundé, 1979.
416. Tradition orale. Problématique et méthodologie des sources de l'histoire africaine. Ed. par D. Laya. Niamey, 1972.
417. Traore B. La colonisation et le problème de la démocratie. — PA. 1976, N 97.
418. Traore M. (Ray Autra). L'Institut national de recherches et documentation (1944-1964). — «Recherches africaines». Conakry, 1964, N 1-4.
419. Traore S.Y. Les activités scientifiques de l'IFAN en histoire et géographie de l'Ouest Africain depuis l'indépendance (1960-1975). Bamako, 1975 (mimeo).
420. Tutashinda N. Les mystifications de l'«authenticité». — «La Pensée». P., 1974, N 175.
421. Uchendu V.C. Slaves and Slavery in Igboland, Nigeria. — Slavery in Africa. Historical and Anthropological Perspectives. Ed. by S. Miers, I. Copytoff. Madison, 1977.

422. Uzoigwe G.N. Britain and the Conquest of Africa: the Age of Salisbury. Ann Arbor, 1974.
423. Uzoigwe G.N. Pre-Colonial Military Studies in Africa. — «Journal of Modern African Studies». L., 1975, N 3.
424. Uzoigwe G.N. The Slave Trade and African Societies. — THSG. 1973, N 2.
425. Were G.S. A History of South Africa. N.Y., 1974.
426. Zamani. A Survey of East African History. New ed. Nairobi, 1974.

7. Диссертации и авторефераты диссертаций

427. Адеофе С.О. Традиционные вожди в колониальном обществе йоруба 1914–1939 гг. "Косвенное управление" в стране йоруба в межвоенный период. М., 1975 (автореф. канд. дис.).
428. Айгбовиа С.Э. Британская колониальная экспансия и установление протектората Южной Нигерии (1849–1913 гг.). М., 1976 (автореф. канд. дис.).
429. Аманква О. Возникновение и развитие национального государства в Гане (до 1966 г.). М., 1973 (автореф. канд. дис.).
430. Амбачеу К. Эволюция социально-экономического строя и формирование современных классов и слоев эфиопского общества. М., 1979 (автореф. канд. дис.).
431. Амони И.О. Формирование и положение интеллигенции современной Нигерии. М., 1974 (автореф. канд. дис.).
432. Ардуэн К.Д. Динамика социальных изменений у народов Западного Мали (на примере города и округа Куликоро). Л., 1978 (автореф. канд. дис.).
433. Бокум О. Социальная структура малийского общества и анализ теоретических аспектов идеологии партии Суданский союз РДА (1946–1968 гг.). М., 1976 (автореф. канд. дис.).
434. Гома-Футу С. История Конго (Государство Конго и его соседи: история и цивилизация в доколониальные времена). М., 1976 (автореф. канд. дис.).
435. Диара М. Народы Мали. Этнолингвистический очерк. Л., 1972 (автореф. канд. дис.).
436. Кейта Б. Антропология населения Республики Мали (Очерк дерматоглифии и одонтологии малийцев). М., 1977 (автореф. канд. дис.).
437. Кома К. Уроки конголезского кризиса 1960–1963 гг. М., 1964 (автореф. канд. дис.).
438. Малесо А. Колониальная политика Бельгии в Конго и ее крах в 1959–1960 г. М., 1971 (автореф. канд. дис.).
439. Омовай Окох П.Б. Основные направления внешней политики африканских государств. М., 1972 (автореф. канд. дис.).
440. Осага Одак Д.Б. Современные этнические процессы в Западной Кении (историко-этнографическое исследование). М., 1971 (автореф. канд. дис.).
441. Особа С.О. Колониальное наследие и независимое развитие как факторы формирования внешней политики Нигерии. М., 1967 (автореф. канд. дис.).
442. Пичо Овини А.В. Колониальная политика Англии в Уганде в конце XIX – начале XX вв. М., 1975 (автореф. канд. дис.).
443. Чумаси Аппиа. Некоторые аспекты материальной культуры, социальной организации и обычного права акан (Гана). Л., 1971 (автореф. канд. дис.).

444. Эгбуне Одогу. Опыт перехода к социализму народов Средней Азии и его международное значение. М., 1975 (автореф. канд. дис.).
445. Abou-Khalil G. Etude critique de l'évolution de l'enseignement historique au niveau de l'enseignement secondaire en République du Zaïre, de l'indépendance à nos jours. Bordeaux, 1977.
446. Aguessy H. Du mode d'existence de l'Etat sous Ghezo (Danhome) 1818- 1859. Université de Paris I, /б.г./
447. Batsch C. Un rouage du colonialisme: la formation de l'élite africaine en A.O.F. avant 1915. L'Ecole normale d'instituteurs de l'A.O.F. Université de Paris VII, /б.г./
448. Bernard-Duquenot N. Le Sénégal et le Front Populaire. Université de Paris VII, 1979.
449. Bikouta-Menga G. Batouala ou le Nègre colonisé. Ecole des hautes études en sciences sociales. P., 1976.
450. Codo B. Coffi. La presse dahoméenne face aux aspirations des «évolués». La Voix du Dahomey (1927-1957). Université de Paris VII, 1978.
451. Djivo J.A. Gbehanzin et Ago-Li-Agbo, le refus de la colonisation dans l'ancien royaume de Danxome: 1875-1900. Vol. 1-3. Université de Paris I, 1980.
452. Glele Pogla K. Le royaume du Dan-Ho-Min (Tradition orale et histoire écrite). Université de Paris VII, 1971.
453. Mveng E. Les sources grecques de l'histoire négro-africaine depuis Homère jusqu'à Strabon. Université de Paris. Lille, 1972.
454. Ndaywel Nziem. Organisation sociale et histoire: les Ngwi et Ding du Zaïre. Vol. 1-2. Université de Paris I, 1972.
455. Sow K.N. Les organes noirs et l'action anticoloniale dans l'entre-deux-guerres 1920-1940. Université de Paris I, 1978.
456. Succari M.R. L'unité arabe à travers les penseurs arabes du 19 siècle jusqu'à nos jours. Au Machrek al-Arabi. Université de Provence, Aix-en-Provence, 1973.
457. Sy P.I. L'action radicale entre deux guerres: PCF, Lamine Senghor et Kouyaté. Université de Paris VII, 1978.

8. Учебники для африканских школ

458. Ajayi J.F.A, Espie I. A Thousand Years of West African History. L., 1965.
459. Anene J.C., Brown G.N. African History in the 19th and 20th Centuries. L., 1966.
460. Assoi A. Histoire des peuples noirs. Cours moyen. Abidjan, 1961.
461. Brown G.H. An Active History of Ghana. 4th impression. Vol. 1. (to 1844); Vol. 2 (since 1844). L., 1964.
462. Buah F.K. An Elementary History for Schools. L., 1967.
463. Buah F.K. A New History for Schools and Colleges. Book 1. The Ancient World; Book 2. West Africa and Europe. L., 1967.
464. Cissoko S.M., Dion D. Histoire de l'Afrique. P., 1973.
465. Conton W.F. West Africa in History. Vol. 2. Sovereignty Lost and Regained. L., 1963.
466. Davidson B., Buah F.K. A History of West Africa, 1000-1800. L., 1978.
467. Davidson B., Mhina J.E.F. East and Central Africa to the Late Nineteenth Century. L., 1974.
468. Ernoul J. Histoire de l'Afrique Occidentale. P., 1961.
469. Erny P. Histoire de l'Afrique Occidentale. P., 1961.
470. Fofana G., Terisse A., L'éducation civique au Sénégal. Préface de L.S. Senghor. P., 1963.

471. Guilhem M., Hebert J. Précis d'histoire de la Haute Volta. P., 1961.
472. História a Guiné e as ilhas de Cabo Verde. P., 1974.
473. História de Angola. Apontamentos. Alger, 1965 (Centro de estudos Angolanos. Grupo de trabalho história et etnologia. Caderno 2).
474. História de Moçambique (Editado pelo Departamento de educação e cultura da FRELIMO). Porto, 1971.
475. Jaumet H., Barry J. Histoire de l'Afrique Occidentale Française. Cours moyen et supérieur. P., 1949.
476. M'Bow A.M., Ki-Zerbo J., Devisse J. Collection d'histoire Hatier. Des origines au VI siècle. Histoire 6.P., 1969.
477. M'Bow A.M., Ki-Zerbo J., Devisse J. Collection d'histoire Hatier. Du VII au XVI siècle. Histoire 5. P., 1970.
478. M'Bow A.M., Ki-Zerbo J., Devisse J. Collection d'histoire Hatier. Du XVII au debut du XIX siècle. La traite négrière. Paroxysme et recul. Histoire 4. P., 1975.
479. Niane D.T., Suret-Canale J. Histoire de l'Afrique Occidentale. P., 1961.
480. Ranger T.O. Aspects of Central African History. L., 1968.
481. Ward W.R. A History of Ghana. L., 1958.
482. Wingfield R.J. The Story of Old Ghana. L., 1957.

9. Справочные издания. Библиография

483. Библиография стран Африки и Арабского Востока. Т. 1. Общие работы. Африка (Тропическая и Южная). М., 1979.
484. Africa South of the Sahara. 1978-79. L., 1978.
485. Africa Year Book and Who's Who 1977. L., 1976.
486. African and Black American Studies. Compiled and edited by A.S. Birkos, L.A. Tambs. Littleton (Colorado), 1975 (Academic Writer's Guide to Periodicals, III).
487. African Book World and Press. A Directory. Oxford, 1977.
488. Agyeolu C.C. Ghana in the Humanities and Social Sciences 1900-1971. A Bibliography. Metuchen, 1973.
489. Asamani J.O. Index Africanus. Stanford, 1975.
490. Association of African Universities. Directory of African Universities. Accra, 1974.
491. Baldwin D.E., Baldwin C.M. The Yoruba of South-Western Nigeria: an Indexed Bibliography. Boston, 1976.
492. Delancey M.W., Delancey V.H. A Bibliography of Cameroon. N.Y.-L., 1975.
493. Dictionary of African Biography. L., 1971.
494. Dictionnaire bio-bibliographique du Dahomey. T. 1. Porto-Novo, 1969.
495. Dinstel M. List of French Doctoral Dissertations on Africa, 1884-1961. Boston, 1966.
496. Duignan P. Guide to Research and Reference Works on Sub-Saharan Africa. Stanford, 1971.
497. Encyclopaedia Africana. Dictionary of African Biography (in 20 volumes). Editor-in-chief L.H. Ofose-Appiah. Vol. 1. Ethiopia — Ghana. N.Y., 1977; vol. 2. Sierra Leone — Zaire. N.Y., 1979.
498. Flores M. A Bibliography Contribution to the Study of Portuguese Africa (1965-1972). — «A Current Bibliography on African Affairs». N.Y., 1974, vol. 7, N 2.
499. Ghana 1977. An Official Handbook. Accra, 1977.
500. Ghana Who's Who, 1972-73. Accra, 1973.
501. Herdeck D.E. African Authors. A Companion to Black African Writing. Vol. 1: 1300-1973. Washington, 1973.

502. Jahn J., Schild U., Nordmann A. Who's Who in African Literature. Biographies, Works, Commentaries. Tübingen, 1972.
503. Kafe J. Ghana: An Annotated Bibliography of Academic Theses, 1920-70 in the Commonwealth, Republic of Ireland and U.S.A. Boston, 1973.
504. Les élites africaines. P., 1974 (numéro spécial du «Bulletin de l'Afrique Noire»).
505. Le Vine V.T., Nye R.P. Historical Dictionary of Cameroon. Metuchen, 1974 (African Historical Dictionaries, 1).
506. Liniger-Goumaz M. République du Zaïre, Kivu-Maniema. Bibliographie. Genève, 1977.
507. Maccarthy J. Guinea-Bissau and Cape Verde Islands: A Comprehensive Bibliography. N.Y.—L., 1977.
508. Macilwaine J.H. Theses on Africa 1963-75. Accepted by Universities in the United Kingdom and Ireland. L., 1978.
509. Makerere University, Kampala—Uganda. Calendar 1977-78. Kampala, 1977.
510. Ministère des Universités. Répertoire raisonné des doctorats d'Etat en cours. Lettres et sciences humaines. Vol. 1-2. P., 1978.
511. National University of Lesotho. Calendar, 1979-80. Maseru, 1979.
512. Orimoloye S.A. Biographia Nigeriana: A Biographical Dictionary of Eminent Nigerians. Boston, 1977.
513. Panofsky H.E. A Bibliography of Africana. Westport—London, 1975.
514. Personnalités publiques de l'Afrique de l'Ouest. 1969. P., 1969.
515. Pollak O.B., Pollak K. Rhodesia/Zimbabwe: An International Bibliography. Boston—London, 1977.
516. Rau W.E. A Bibliography of Pre-Independent Zambia. The Social Sciences. Boston, 1978.
517. Social Scientists Specializing in African Studies. Directory Prepared by the Secretariat of UNESCO. Paris—La Haye, 1963.
518. The New Africans. A Guide to the Contemporary History of Emergent Africa and its Leaders. Written by Fifty Correspondents of Reuter News Agency. Ed. by S. Taylor. L., 1967.
519. Thompson V., Adloff R. Historical Dictionary of the People's Republic of Congo (Congo-Brazzaville). Metuchen, 1974 (African Historical Dictionaries, 2).
520. Université de Brazzaville. Annuaire et Livret de l'Etudiant, 1975-76. Brazzaville, 1975.
521. University of Dar es Salaam. Calendar for the Academic Year 1977/78. Dar es Salaam, 1977.
522. University of Ibadan. Annual Report for the Year Ended 30 June 1970. Ibadan, 1974.
523. University of Nairobi. Calendar 1977-78. Nairobi, 1977.
524. Walraet M. Les sciences en Rwanda. Bibliographie (1894-1965). Bruxelles, 1966.
525. Who's Who in East Africa 1965-66. Nairobi, 1966.
526. Zidouemba D. Directory of Documentation, Libraries and Archives in Africa. P., 1977.

III. Литература

527. Аврамова С. Структурализмът. Метод и идеология. Очерк върху структурализма на Клод Левин-Строс. София, 1977.
528. Алексеева Л.А. Идеино-теоретическите възгледи на Франца Фанона. М., 1979.
529. Алпатов М.А. Политическите идеи на французката буржуазна историография XIX в. М.—Л., 1949.

530. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. ХП-ХУП вв. М., 1973.
531. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. ХУП – первая половина ХУШ в. М., 1976.
532. Американская историография внешней политики США. 1945-1970 гг. М., 1972.
533. Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974.
534. Борьба идей в современном мире. Т.3. Развивающиеся страны: проблемы и идеологические течения. М., 1978.
535. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность. – Философия и методология истории. М., 1977.
536. Брутенц К.Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979.
537. Вавилов В.Н. На подступах к искусству социалистического реализма (Литература стран Африки). – Социалистический реализм на современном этапе его развития. М., 1977.
538. Вайнштейн О.Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в ХIХ-ХХ вв. Л., 1979.
539. Гафуров Б.Г. Актуальные проблемы современного национально-освободительного движения. Развивающиеся страны Азии и Африки. М., 1976.
540. Гегель Г.В.Ф. Философия истории. – Соч., т.УШ. М.-Л., 1935.
541. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. М., 1977.
542. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
543. Гордон А.В. Проблемы национально-освободительной борьбы в творчестве Франца Фанона. М., 1977.
544. Грамши А. О литературе и искусстве. М., 1967.
545. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953.
546. Григорьев Б.Т. Философия и философия истории. – Философия и ценностные формы сознания (Критический анализ буржуазных концепций природы философии). М., 1978.
547. Громыко Анат.А. Африка: прогресс, трудности, перспективы. М., 1981.
548. Гуревич А.Я. История и сага. М., 1972.
549. Гуревич А.Я. "Эдда" и сага. М., 1979.
550. Гутнова Е.В. Историография истории средних веков (середина ХIХ в. – 1917 г.). М., 1974.
551. Дюбуа У.Э.Б. Африка. Очерк по истории-Африканского континента и его обитателей. М., 1961.
552. Ерасов Б.С. Тропическая Африка: идеология и проблемы культуры. М., 1972.
553. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.-Л., 1962.
554. Забелин И.Е. Современные взгляды и направления в истории. – Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи. М., 1872.
555. Зарубежные концепции экономического развития стран Африки. Критический анализ. М., 1980.
556. Значение истории преимущественно в школьном преподавании для формирования человека ХХ века. – ВИ. 1980, №6.
557. Зотова Ю.Н. Проблема "косвенного управления" в современной англоязычной западноафриканской историографии. – СЭ. 1973, №6.
558. Идеологическая борьба и мировой революционный процесс. М., 1978.

559. Идеология революционных демократов Африки. М., 1981.
560. Изучение Африки в России (Дореволюционный период). М., 1977.
561. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т. 1, кн. 1. Киев, 1891.
562. Илларионов Н.С. Идеология и общественный прогресс в странах Тропической Африки. М., 1978.
563. Иорданский В.Б. Внутренняя динамика народной культуры. Опыт Тропической Африки. — "Иностранная литература", 1977, № 5.
564. Иорданский В.Б. Тропическая Африка: динамика национального самосознания. — "Мировая экономика и международные отношения". 1980, № 1.
565. Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977.
566. Историческая наука в странах Африки. М., 1979.
567. История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л., 1978.
568. История и общество. — ВИ. 1977, № 1.
569. Источниковедение африканской истории. М., 1977.
570. Калиновская К.П. Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции. М., 1976.
571. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Книга 1. СПб, 1842.
572. Кацман В.Я. Современная Танзания. Некоторые проблемы политического и социального развития африканского государства социалистической ориентации. М., 1977.
573. Кобишанов Ю.М. Вопрос об исторических границах на Северо-Востоке Африки. — Ш Всесоюзная конференция африканистов "Африка в современном мире" (Тезисы докладов). Вып. 2. М., 1979.
574. Кобишанов Ю.М. На заре цивилизации. Африка в древнейшем мире. М., 1981.
575. Козлов С.Я. Западная этнология и Африка (к проблеме методологического кризиса). — Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. М., 1976.
576. Коллингвуд Р.Д. Идея истории. Автобиография. М., 1980.
577. Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. М., 1972.
578. Концепции историко-культурной самобытности Латинской Америки. М., 1978.
579. Коптев М.М., Очков М.С. Техническая "помощь" в стратегии империализма. М., 1977.
580. Коростовцев М.А. Древний Египет и народы Африки. — "Вестник древней истории". 1963, № 4.
581. Косолапов В.В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977.
582. Косухин Н.Д. Формирование идейно-политической стратегии в африканских странах социалистической ориентации. М., 1980.
583. Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб, 1901.
584. Крачковский И.Ю. Введение в эфиопскую филологию. Л., 1955.
585. Куббель Л.Е. Вопросы развития современной культуры стран Африки в свете ленинского учения о культурной преемственности. — СЭ. 1970, № 2.
586. Куббель Л.Е. Доколониальная Африка в трудах Ш.А. Диопа. — СЭ, 1969, № 4.

587. Куббель Л.Е. Новые исследования по истории Мали. - СЭ, 1962, №3.
588. Куббель Л.Е. Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М., 1974.
589. Лазарев М.С. К национальной ситуации на современном Востоке (методологический подход). - Национальные проблемы современного Востока. М., 1977.
590. Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод. - Философские проблемы исторической науки, М., 1969.
591. Летнев А.Б. Общественное движение и общественная мысль во французских колониях Западной Африки. - Африка в новое и новейшее время. М., 1976.
592. Лешиловская И.Н. Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968.
593. Лихачев Д.С. Национальное самосознание древней Руси. М.-Л., 1945.
594. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л., 1947.
595. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977.
596. Лотман Ю.М. К вопросу об историкокультурном значении высказываний иностранцев о России. - Сравнительное изучение литератур. Сб. статей к 80-летию акад. М.П. Алексеева. Л., 1976.
597. Манчха П.И. Актуальные проблемы современной Африки. М., 1979.
598. Мартышин О.В. Социализм и национализм в Африке (Очерки развития новейшей общественно-политической мысли в странах Африки). М., 1972.
599. Матвеев В.В. Традиция и фикция. Этногенетические легенды. - Африканский этнографический сборник, XI. Л., 1978.
600. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963.
601. Микулинский С.Р. Методологические вопросы историко-научного исследования. - Проблемы истории и методологии научного познания. М., 1974.
602. Милюков П. Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М., 1898.
603. Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М., 1980.
604. Мисюгин В.М., Чернецов С.Б. "История галла" как этноисторический источник. - Африканский этнографический сборник, XI. Л., 1978.
605. Мосейко А.Н. Современная африканская философия: проблемы, поиски. - III Всеююзная конференция африканистов "Африка в современном мире" (Тезисы докладов). Вып. 2. М., 1979.
606. Мыльников А.С. Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977.
607. Нечкина М.В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки). - История и историки. Историография истории СССР. М., 1965.
608. Никифорова И.Д. Африканский роман. Генезис и проблемы типологии. М., 1977.
609. Ольдерогге Д.А. Древности Бенина. - Сборник Музея антропологии и этнографии, XV. М.-Л., 1953.
610. Ольдерогге Д.А. Западный Судан в XV-XIX в. Очерки по истории и истории культуры. М.-Л., 1960.

611. Ольдерогге Д.А. Об изучении эпоса народов Африки. – Африканский этнографический сборник, 1X. Л., 1972.
612. Орлова А.С. Источники по истории общественного строя народов Межозерья. – Африканский сборник. История. М., 1963.
613. Пиотровский Б.Б. Значение культурного наследия для развития культуры и формы его сохранения. – НИИ. 1976, № 1.
614. Пиотровский Б.Б. Связи культуры Древнего Египта с культурой Африки. – Труды Института этнографии. Т. 93. Этнография, история, лингвистика. Л., 1969.
615. Плеханов Г.В. О материалистическом понимании истории. – Сочинения, Т. УШ, М.,–Л., 1928.
616. Поплинский Ю.К. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского моря. Гарамантская проблема. М., 1978.
617. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
618. Потехин И.И. Гана сегодня. Дневник, 1957 г. М., 1959.
619. Потехин И.И. Состояние и основные задачи изучения африканской истории. – Африканский сборник. История. М., 1963.
620. Проблемы колониализма и становление антиколониальных сил. Сообщения историков-африканистов социалистических стран. М., 1979.
621. Рубинштейн Г.И. О некоторых концепциях Самира Амина. – НАА. 1976, № 5.
622. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.
623. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
624. Салов В.Н. Историзм и современная буржуазная историография. М., 1971.
625. Салаямон Л.С. Бифункциональность науки и некоторые проблемы научных школ. – Школы в науке. М., 1977.
626. Современные проблемы историографии и источниковедения национально-освободительных движений в Африке. Будапешт, 1978.
627. Соколова М.Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979.
628. Солодовников В.Г., Летнев А.Б. Новейшие тенденции в историографии Африки. – "Коммунист". 1973, № 5.
629. Социальные структуры доколониальной Африки. М., 1970.
630. Старушенко Г.Б. Социалистическая ориентация в развивающихся странах. М., 1977.
631. Теории, школы, концепции (Критические анализы). Художественный процесс и идеологическая борьба. М., 1975.
632. Тертерян И.А. Испытание историей. Очерки испанской литературы XX в. М., 1973.
633. Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.
634. Томановская О.С. Лоанго, Каконго и Нгойо. Историко-этнографический очерк. М., 1980.
635. Тульвисте П.К. К интерпретации параллелей между онтогенезом и историческим развитием мышления. – Труды по знаковым системам. Вып. УП, Тарту, 1977.
636. Тураев Б.А. Абиссинские хроники XIУ–ХУI вв. М.,–Л., 1936.
637. Ульяновский Р.А. Очерки национально-освободительной борьбы. Вопросы теории и практики. М., 1976.
638. Ульяновский Р.А. Политические портреты борцов за национальную независимость. М., 1980.
639. Урсу Д.П. Архивы колониальной истории Франции. – ННИ. 1982, № 3.

640. Урсу Д.П. Архив ЮНЕСКО в Париже. – "Советские архивы". 1980, № 6.
641. Урсу Д.П. Перспективы развития исторической науки в Тропической Африке. – ВИ. 1974, № 4.
642. Урсу Д.П. Становление национальной историографии в странах Тропической Африки. – ВИ. 1979, № 8.
643. Урсу Д.П. Устные источники по истории Западной Африки. – СЭ. 1976, № 6.
644. Френкель М.Ю. Африканские истоки теории негритюда. – НАА. 1979, № 1.
645. Френкель М.Ю. Общественная мысль Британской Западной Африки во второй половине XIX в. М., 1977.
646. Цыпкин Г.В. Эфиопия: от раздробленности к политической централизации. М., 1980.
647. Челидзе Л.Л. История и культура. – Культура в свете философии. Тбилиси, 1979.
648. Черепнин Л.В. Русская историография до XIX в. М., 1957.
649. Чернецов С.Б. Эфиопская феодальная монархия (XIII–XV вв.). М., 1982.
650. Черняк В.С. О гносеологических основаниях истории науки. – ВФ. 1980, № 3.
651. Шишкин А.Ф. История и нравственность (К вопросу о детерминизме и нравственной оценке в истории). – ВФ. 1978, № 4.
652. Щеглов Ю.К. Современная литература на языках Тропической Африки. М., 1976.
653. Юхт А.И. Связи В.Н. Татищева с Академией наук. – Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976.
654. Яблочков Л.Д. Эволюция африканского национализма. – Идеиные течения в Тропической Африке. М., 1969.
655. Асперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 1–2. М., 1978.
656. Abramova S.U. Les aspects idéologiques, doctrinaux, philosophiques, religieux et politiques du commerce des esclaves noirs. – La traite négrière du XV au XIX siècle. P., 1979.
657. Africa and the West. Intellectual Responses to European Culture. Ed. P.D. Curtin. Madison, 1972.
658. Africa Discovers her Past. Ed. J.D. Fage. L., 1970.
659. African Studies since 1945. A Tribute to B. Davidson. Ed. C. Fyfe. L., 1976.
660. Amengual M. Une Histoire de l'Afrique est-elle possible? Entretiens radio-diffusés... Dakar–Abidjan, 1975.
661. Ashby E. Les universités dans l'Afrique nouvelle. P., 1965.
662. Assorodobraj N. Rola historii w narodzinach świadomości narodowej w Afryce Zachodniej. – «Studia socjologiczne». Wrocław, 1967, N 1.
663. Austen R.A. Economic History. – ASR. 1971. N 3.
664. Balandier G. Anthro-Logiques. P., 1974.
665. Beckett P.A. Teaching in the Nigerian University System. – «Issue. Quarterly Journal of Africanist Opinion». Waltham, 1977, N 3.
666. Bender G.J. Angola under the Portuguese. The Myth and the Reality. Berkeley, 1978.
667. Beril M.M. Index des tomes I a XLIV. 1931–1974. Journal de la Société des africanists. P., 1976.
668. Bertrand M. Popper et la philosophie de l'histoire. – «La Pensée». P., 1979, N 208.
669. Bouche D. L'Enseignement dans les territoires français de l'Afrique Occidentale de 1817 à 1920. Mission civilisatrice ou formation d'une élite? Thèse. T. 1–2. Lille, 1975.

670. Bourgi A. La politique française de coopération en Afrique. Le cas du Sénégal. Paris-Abidjan, 1979.
671. Büttner T. Die Abhängigkeit Afrikas und Mittel zu deren Überwindung. Bericht über den IV. Internationalen Kongress der Afrikawissenschaften. — «Asien. Afrika. Lateinamerika». B., 1979, N 2.
672. Cambridge History of Africa. In 8 vols. Vols. 4, 5. Cambridge, 1975-1976.
673. Carr E.H. What is History? The George Macaulay Trevelyan Lectures Delivered in the University of Cambridge January-March 1961. L., 1962.
674. Carter G.M. African Studies in the United States: 1955-1975. — «Issue. Quarterly Journal of Africanist Opinion». Waltham, 1976, N 2-3.
675. Carvalho J.B. Da história-crônica à história-ciência. Lisboa, 1976.
676. Chatelain H. Folk-Tales of Angola. Fifty Tales, with Ki-Mbundu Text. Boston-New York, 1894.
677. Chatelet F. La naissance de l'histoire. La formation de la pensée historique en Grèce. P., 1962.
678. Colonialism in Africa, 1870-1960. In 5 vols. Ed. L.H. Gann, P. Duignan. Cambridge, 1969-1974.
679. Cooper F. The Problem of Slavery in African Studies. — JAH. 1979, N 1.
680. Coquery-Vidrovitch C. Anthropologie politique et histoire de l'Afrique Noire. — «Annales. Economies — Sociétés — Civilisations». P., 1969, N 1.
681. Croce B. Theory and History of Historiography. L., 1921.
682. Curtin P.D. African Studies: a Personal Assessment. — ASR. 1971, N 3.
683. Davidson B. Questions about Nationalism. — AA. 1977, N 302.
684. Derman W. Serfs, Peasants, and Socialists. A Former Serf Village in the Republic of Guinea. Berkeley, 1973.
685. Davis J. Archéologie et histoire en Afrique: bilans et perspectives. — «Cahiers d'histoire mondiale». P., 1970, N 4.
686. Davis J. Reforme des programmes d'histoire et de géographie en Afrique francophone et à Madagascar. — «Sentiers». P., 1971, N 38.
687. Egerö B. Mozambique and Angola: Reconstruction in the Social Sciences. Uppsala, 1977.
688. Eliou M. La formation de la conscience nationale en République Populaire du Congo. P., 1977.
689. Emerging Themes of African History. Proceedings of the International Congress of African Historians. Ed. by T.O. Ranger. Nairobi, 1968.
690. Erdmann K.D. The Ecumenical Community of the Historians. Bucharest, 1980.
691. Fage J.D. Continuity and Change in the Writing of West African History. — AA. 1971, N 280.
692. Fierens P. La recherche scientifique en Afrique Centrale. 2. — «Estudos políticos e sociais». Lisboa, 1963, N 4.
693. Finnegan R. Oral Literature in Africa. Ox., 1970.
694. Forbes F.E. Dahomey and the Dahomans; Being the Journals of the Two Missions to the King of Dahomey... in the Years 1849 and 1850. P., 1851.
695. Gann L.H., Duignan P. Burden of Empire: An Appraisal of Western Colonialism in Africa South of the Sahara. N.Y., 1967.
696. Garaudy R. Pour un dialogue des civilisations. L'Occident est un accident. P., 1977.
697. Globerson A. Le rôle des experts et des leur homologues dans le développement: auto-évaluation. — «Focus». Wash., 1973, N 3.
698. Goody J. Domestication of Savage Mind. Cambridge, 1977.
699. Goody J. Literacy in Traditional Societies. Cambridge, 1975.
700. Goody J. Mémoire et apprentissage dans les sociétés avec et sans écriture: la transmission du Bagre. — «Homme». P., 1977, N 1.

701. Gordon D.C. *Self-Determination and History in the Third World*. Princeton, 1971.
702. Gordon J.U. *Teaching the African Experience: a Pan-Africanist Approach*. — ASR. 1976, N 3.
703. Grabski A.F. *Mysł historyczna Polskiego Oświecenia*. Warszawa, 1976.
704. Gray Cowan L. *Ten Years of African Studies*. — «African Studies Bulletin». Stanford, 1969, N 1.
705. Guenée B. Y a-t-il une historiographie médiévale? — «Revue historique». P., 1977, N 524.
706. Heinrich L.A. *Zur Herrschaftsideologie des präkolonialen Rwanda*. Inaugural. Dissertation. Bonn, 1978.
707. Henige D.P. *The Chronology of Oral Tradition. Quest for Chimera*. Oxford, 1974.
708. Herskovitz M.J. *Dahomey. An Ancient West African Kingdom*. Vol. 1-2. N.Y., 1938.
709. Herskovitz M.J. *The Human Factor in Changing Africa*. N.Y., 1962.
710. Hess R.A. J.F. *Ade Ajayi and the New Historiography in West Africa*. — ASR. 1971, N 2.
711. *Histoire des voyages et découvertes en Afrique, depuis les siècles les plus reculés jusqu'à nos jours...* par le dr. Leyden et M. Hugh Murray. T. 3. P., 1821.
712. *Historian in Tropical Africa. Studies Presented and Discussed at the 4th International African Seminar at the University of Dakar*. Ed. by J. Vansina, R. Mauny, L.V. Thomas. L., 1964.
713. *Historians and Historiography in Modern India*. Ed. by S.P. Sen. Calcutta, 1976.
714. *Historians of India, Pakistan and Ceylon*. Ed. by C.H. Philips. L., 1961.
715. Hodgkin T. *Nigerian Perspectives. An Historical Anthology*. L., 1975.
716. Hodgkin T. *Scholars and the Revolutionary Tradition; Vietnam and West Africa*. — «Oxford Review of Education». 1976, vol. 2, N 2.
717. Hunt Davis R. *Interpreting the Colonial Period in African History*. — AA. 1973, N 289.
718. Innes G. *Sujata. Three Mandinka Versions*. L., 1974.
719. July R.W. *The Origins of Modern African Thought. Its Development in West Africa During to 19th and 20th Centuries*. L., 1968.
720. Klein M.A. *African Social History*. — ASR. 1972, N 1.
721. Klein M.A. *The Decolonization of West African History*. — «Journal of Interdisciplinary History». Cambridge, 1975, vol. VI, N 1.
722. Lacoste Y. *El Nacimiento de la Historia en el Tercer Mundo: Ibn Jaldum*. Habana, 1976.
723. Lalwani K.C. *The Burden of the Past*. Calcutta, 1974 (Philosophy of Indian History, 1).
724. *Language and History in Africa. A Volume of Collected Papers Presented to the London Seminar on Language and History in Africa*. Ed. by D. Dalby. L., 1970.
725. Law R. *Early Yoruba Historiography*. — HA. Vol. 3, 1976.
726. Law R. *Royal Monopoly and Private Enterprise in the Atlantic Trade: the Case of Dahomey*. — JAH. 1977, N 4.
727. Leclant J. *Egypte pharaonique et Afrique Noire, A propos d'un ouvrage récent*. — «Revue historique». P., 1962, N 462.
728. Lefebvre G. *La naissance de l'historiographie moderne*. P., 1971.
729. *Les Africains*. T. 1-12. Sous la direction de C.A. Julien, M. Moray, C. Coquery-Vidrovitch, Y. Person. P., 1977-1978.
730. Lévi-Strauss C. *La pensée sauvage*. P., 1962.
731. Lévi-Strauss C. *Race and History*. — *Race, Science and Society*. P.—L., 1975.
732. Lewis B. *History. Remembered, Recovered, Invented*. Princeton, 1976.
733. Lord A.B. *The Singer of Tales*. Cambridge, 1960.

734. Mac Cain J.A. Ideology in Africa: Some Perceptual Types. — ASR, 1975, N 1.
735. Manning P. Notes Toward a Theory of Ideology in Historical Writing on Modern Africa. — «Canadian Journal of African Studies». Montreal, 1974, N 2.
736. Markov W. Afrikanische Geschichtsschreibung heute. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». B., 1964, H. 1.
737. Marcier P. Tradition, changement, histoire. Les Somba du Dahomey septentrional. P., 1968.
738. Methoden der afrikanistischen Forschung und Lehre in der BRD. Hrgb. B. Benzig, R. Bolz. Hamburg, 1976.
739. Mittelman J.H. Ideology and Politics in Uganda. From Obote to Amin. Ithaca—London, 1975.
740. Moniot H. Autour de quelques livres d'histoire africaine. — CEA, 1962, N 1.
741. Morrison D.R. Education and Politics in Africa. The Tanzanian Case. L., 1976.
742. Nadel S.F. A Black Byzantium. The Kingdom of Nupe in Nigeria. L., 1942.
743. Oral History fra antropologia e storia. — «Quaderni storici». Ancona, 1977, maggio-agosto, N 35.
744. Paluch A. O tak zwanych «społeczeństwach bez historii». — «Historyka. Studia metodologiczne». Wrocław, T. VII, 1977.
745. Pawlikova V. Problémy africkéj historiografie. — «Historický časopis». Bratislava, 1975, N 4.
746. Pawlikova V. Sir Apolo Kaggwa and the Origins of Luganda Literature. — Asian and African Studies, XI. Prague, 1975.
747. Pelissier R. Resistances et révoltes en Angola (1845-1961). T. 1-3. Thèse. Lille, 1976.
748. Perrot C.H., Terray R. Tradition orale et chronologie. — «Annales. Economies—Sociétés—Civilisations». P., 1977, N 2.
749. Person Y. La chimère se défend. — CEA, 1976, N 1-2.
750. Perspectives nouvelles sur l'histoire africaine. Compte rendus du Congrès international d'historiens de l'Afrique. Présenté par E. Mveng. P., 1971.
751. Pervillé G. Qu'est-ce que la colonisation? — «Revue d'histoire moderne et contemporaine». P., 1975, juillet—septembre.
752. Petridès S.P. Etiologie et finalité des généalogies éthiopiennes. — Proceedings of the 3rd International Conference of Ethiopian Studies, Addis Ababa, 1966. N 1. Addis Ababa, 1969.
753. Peukert W. Der atlantische Sklavenhandel von Dahomey, 1740-1797. Wirtschaftsanthropologie und Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1978.
754. Polanyi K. Dahomey and the Slave Trade. An Analysis of an Archaic Economy. Seattle—London, 1966.
755. Polska, czeska i słowacka świadomość historyczna XIX wieku. Materiały symposium. Wrocław, 1979.
756. Pomian K. L'histoire de la science et l'histoire de l'histoire. — «Annales. Economies—Sociétés—Civilisations», P., 1975, N 5.
757. Preiswerk R., Perrot D. Ethnocentrisme et histoire. L'Afrique, l'Amérique indienne et l'Asie dans les manuels occidentaux. P., 1975.
758. Prins G. The End of the Beginning of African History. — «Social History». Hull, 1979, N 3.
759. Proceedings of the First International Congress of Africanists. Accra, 11-18 December 1961. Ed. by L. Bawn, M. Crowder. Evanston, 1964.
760. Rabut E. Le mythe parisien de la mise en valeur des colonies africaines à l'aube du XX siècle: la commission des concessions coloniales 1898-1912. — JAH, 1979, N 2.
761. Ranger T. The «New Historiography» in Dar es Salaam: an Answer. — AA, 1971, N 278.

762. Rimmer D. The Economics of Colonialism in Africa. Review Article. — JAH. 1978, N 2.
763. Rodney W. Class Contradictions in Tanzania. — «The Pan-Africanist». Evanston, 1975, N 6.
764. Sainville L. L'enseignement et la recherche en histoire: expériences, méthodes, perspectives. — PA. 1975, N 94.
765. Sanders J. The Expansion of the Fante and the Emergence of Asante in the 19th Century. — JAH. 1979, N 3.
766. Saul J.S. Nationalism, Socialism and Tanzanian History. — Socialism in Tanzania. Vol. 1. Politics. An Interdisciplinary Reader. Ed. by L. Cliffe, J.S. Saul. Dar es Salaam, 1974.
767. Schatzberg M. Fidélité au guide: the JMPR in Zairian Schools. — JMAS. 1978, N 3.
768. Schechter D. Un nouveau champ d'action pour les Etats-Unis. — «Le Monde diplomatique». P., 1976, janvier.
769. Schumacher F.J. Politics, Bureaucracy and Rural Development in Senegal. Berkeley, 1975.
770. Smith J.D. The Singer or the Song? A Reassessment of Lord's «Oral Theory». — «Man». L., 1977, vol. 12, N 1.
771. Sutton F.X., Smock D.R. The Ford Foundation and African Studies. — «Issue, Quarterly Journal of Africanist Opinion». Waltham, 1976, N 2-3.
772. Swanson J.T. The Myth of the Transsaharan Trade During the Roman Era. — IJAHs. 1975, N 4.
773. Symposium Leo Frobenius. Perspectives des études africaines contemporaines. Rapport final d'un symposium international organisé par les Commissions Allemande et Camerounaise pour l'UNESCO du 3 au 7 dec. à Yaoundé. Köln, 1974.
774. Thorpe F.E. Negro Historians in the U.S. Baton Rouge, 1958.
775. Topolski J. Levi-Strauss and Marx on History. — «History and Theory». Middletown (Connecticut). 1973, vol. XII, N 2.
776. Topolski J. Świat bez historii. Warszawa, 1972.
777. Tort P., Desalmond P. Sciences humaines et philosophie en Afrique. La différence culturelle. P., 1978.
778. Uloha historického povědomí v evropském národním hnutí v 19. století. Praha, 1976.
779. Vansina J. The Children of Woot. A History of the Kuba Peoples. Madison—London, 1978.
780. Vansina J. The Use of Oral Tradition in African Culture History. — Reconstructing African Culture History. Ed. by C. Gabel, N.R. Bannet. Boston, 1967.
781. Vidal C. Enquête sur le Rwanda traditionnel: conscience historique et traditions orales. — CEA. 1971, N 4.
782. Voiculescu E., Voiculescu M. Renașterea africană. București, 1979.
783. Walraet M. Les Etudes africaines dans le Monde. Hier-Aujourd'hui-Demain. Bruxelles, 1971.
784. Wheeler D.L. Origins of African Nationalism in Angola: *Assimilado* Protest Writings, 1859-1929. — Protest and Resistance in Angola and Brazil. Comparative Studies. Ed. by R. Chilcote. Berkeley, 1972.
785. Wilks I. Do Africans Have a Sense of Time? — IJAHs. 1975, N 2.
786. Willis J.R. The Historiography of Islam in Africa: the Last Decade. — ASR. 1971, N 3.
787. Wright M. African History in the 1960's: Religion. — ASR. 1971, N 3.
788. Wrigley C.C. Historicism in Africa. Slavery and State Formation. — AA. 1971, N 279.

Сокращения

ААС	— «Азия и Африка сегодня». М.
ВИ	— «Вопросы истории». М.
ВФ	— «Вопросы философии». М.
НАА	— «Народы Азии и Африки». М.
ННИ	— «Новая и новейшая история». М.
СЭ	— «Советская этнография». М.
АА	— «African Affairs». L.
ASR	— «African Studies Review». East Lansing.
AZ	— «Afrika Zamani». Yaoundé.
BIFAN	— «Bulletin de l'IFAN». Dakar.
CEA	— «Cahiers d'études africaines». P.
EAJ	— «East Africa Journal». Nairobi.
EM	— «Etudes Maliennes». Bamako.
HA	— «History in Africa». Waltham.
IJAHS	— «International Journal of African Historical Studies». Boston.
JAH	— «Journal of African History». L.
PA	— «Présence africaine». P.
THSG	— «Transactions of the Historical Society of Ghana». Accra.

- Абанда Нденг Ж. 180
 Абдесселем А. 34
 Абдул Шериф 153
 Абиола Иреле 221
 Абрамова С.Ю. 208
 Абраншиш Э. 149, 190
 Абун-Наср Д. 145
 Аврамова С. 20, 21-22
 Авунор-Реннер Б. 110
 Агбодека Ф. 71, 140, 219
 Агесси С. 121
 Аданде А. 141
 Адандозан 25
 Аделефе Р.А. 145, 148
 Аджайи Аде Дж.Ф. 9, 75, 109,
 110, 116, 122, 145, 148,
 161, 170, 185, 204, 207,
 211-212, 219
 Адо И. 40
 Адотеви С.С. 141
 Аисси А. 158
 Айоделе Лангли Дж. 220-221
 Акига 42
 Акинде А. 121
 Акинджогбин А.А. 148, 202, 209
 Акинтойе С. 145, 204, 218
 Акумей М. 76
 Акуффо Б. 42
 Алагоса Э. 9, 29, 116, 145, 148,
 171, 174, 185
 Али Бер 111-112, 137
 Алпатов М.А. 13, 14
 Алуко О. 148
 Альтсуссер Л. 191
 Альфа Яя 62, 111
 Амда Микаэль 35
 Амда Сион 35
 Амин Иди 65, 154-155
 Амин Самир 128-130, 191-192,
 200, 217
 Андо А. 161
 Анене Дж.К.О. 75, 145, 148,
 161, 185, 212-213
 Акти А. 174
 Арди 117
 Аристофан 196
 Архин К. 105, 209
 Асаам К. 68
 Асанте Д. 40
 Асанте С. 220
 Асиваджу Э. 146
 Ассиз Жуниор А. ди 42
 Ассородобрай Н. 8
 Атанда Д. 146
 Атиено-Одхиамбо Э.С. 153, 190,
 198, 213, 219
 Аттобра К. 174
 Афолату Р. 218
 Афигбо А.Э. 145, 148, 185,
 186, 204, 211, 217
 Ахиджо А. 54, 168
 Ачампонг 140
 Ачуфузи М. 46, 148
 Аянделе Э.А. 147, 185
 Ба Амаду Ампате 33, 106, 121,
 132-133, 183, 204
 Ба Умар 126
 Ба-Конаре А. 133, 137
 Баландье Ж. 20-21, 98, 163
 Балде С. 133, 200-201, 206
 Балогун С.А. 145
 Барри Бубакар 126-127, 171
 Барри Ж. 72, 76
 Батили Абдулай 116, 127
 Бахокен Ж.К. 80
 Бахрей 35
 Белло Мухаммед 34
 Бернар-Дюкене Н. 220
 Беханэли 54, 59, 111
 Бёрд Ч. 28, 115
 Биобаку С. 45-46, 110, 148,
 161, 185
 Био Гера 59
 Бирмингем Д. 106
 Битек Окот 184
 Блайден Э. 39
 Блок М. 187
 Блох И. 190
 Боахен А. 109, 140, 161, 185,
 214-215, 218
 Бокасса 65
 Бони Ж. 143
 Боннель де Мезьер А. 117-118
 Боров Ю.Б. 176

Браун Г. 74-75
Брехим Сеид 134
Бродель Ф. 135
Брюнсвиг А. 20, 106, 109, 163
Буа Ф.К. 75, 83
Бубу Хама 121, 132, 136-137,
180, 183-184, 204
Бусиа К. 138-139, 183, 204
Буссуку-Бумба Д. 158, 218
Буш Д. 69

Вайян-Кутюрье П. 41
Валрет М. 114
Ван-Нотен Ф. 159
Вансина Я. 30, 105, 159
Вере Г. 153, 164
Вестерман Д. 115
Видадь 118
Войкулеску Е. 8
Войкулеску М. 8
Вольтер 13, 113, 185
Вонджи К. 55, 80, 144
Выготский Л.С. 30

Гайяр 118
Гаксотт П. 20
Галлагер Д. 215-216
Ганао Ф. 150
Ганн Л. 109, 208, 209
Гароди Р. 106, 191
Гафуров Б.Г. 182
Гбагбо Л. 221
Гбадамози Г.О. 145
Гвасса Дж. 153
Гегель Г. 10-11, 16-17, 49,
50-51, 176
Гердер И.Г. 17
Геродот 12-13, 196
Герра Э. 149
Гесиод 12
Гизо Ф. 139
Гиссу Г. 82
Глеле М. 24, 141, 202-203,
207
Глюкман М. 151
Гобино Ж.А. 17
Годелье М. 202
Годль Ш. де 74
Гомбеле И.М. 33
Гомер 12, 30, 142
Гоон Кулибали 118
Гордон Д. 181
Гордон Дж. 102

Грабский А.Ф. 38
Грамши А. 46, 49
Графт-Джонсон Дж.К. де 45,
138, 139
Греков Б.Д. 23-24
Гриоль М. 119, 179
Грош М. 49
Грювель 119
Гугисберг Г. 71
Гуди Дж. 30, 32, 202
Гуревич А.Я. 23
Гутнова Е.В. 182
Гхомси Э. 142, 170

Дааку К. 140, 208-210
Давидсон А.Б. 8
Дадье Б. 121, 144
Данква Дж.Б. 42, 138
Девисс Ж. 79, 82, 125, 163
Декан С. 125
Делавиньет Р. 109
Делафосс М. 70-71, 116, 118
Дертефельт М. 159
Дешан Ю. 109
Джанмохамед К. 219, 221
Дживо Ж.А. 24, 141
Джонсон Д. 39
Джонсон С. 40
Джордж Д.О. 40
Диа Мамаду 127
Диабате Г. 30
Диалло Б. 41
Диалло Т. 112, 126
Диань Мапате 119
Диань Пате 106, 128-129, 190,
198-199, 207
Диарра Минабе 132
Дике К.О. 9, 45, 105, 140, 145,
148, 161, 185, 186, 201,
205, 218
Диманжа Лухаки 157
Дина Салифу 112
Диодор 196
Диоп А. 80
Диоп М. 200-201, 221
Диоп Ш.А. 45, 121, 125 -
127, 130, 158, 161, 168,
184, 188, 193, 194-195,
202, 207
Дитерлен Ж. 98
Дифулла М. 149
Драмбян Т.С. 92

- Дьенг Амаду 200
 Дэвидсон Б. 75, 83, 84
 Дэгнен П. 109
 Дюбуа У. 45, 110, 139
 Дюпюи-Якуба О. 118
 Дюркгейм Э. 34
 Ерасов Б.С. 8, 182
 Жадэн Л. 123
 Жирмунский В.М. 23-24
 Жоне А. 72, 76
 Жув Ш. 69
 Жюльен Ш.А. 110-111
 Забелин И.Е. 51
 Зара Якоб 35
 Зотова Ю.Н. 8, 146
 Ибн Халдун Абдаррахман 34, 111
 Икме О. 105-106, 145, 185, 218
 Иконников В.С. 81
 Илларионов Н.С. 182
 Иникори Д. 209-210
 Иорданский В.Б. 44, 48
 Исичеи Э. 147, 204-205
 Искендеров А.А. 182
 Каба Л. 59, 112
 Кабрал А. 56, 111
 Кагаме А. 19, 45, 159-161, 168, 180, 183-185, 204, 211
 Каггва А. 40, 155
 Каке И.Б. 80, 97, 107, 111
 Калиду Дем 198
 Камара С. 28, 133-134
 Камухагире Э. 206
 Кан Умар 126, 170-171
 Кане Абдулай 118
 Кануте Дембо 174
 Карамзин Н.М. 50
 Карвальо Ж.Б. 15
 Картер Г. 102
 Кати Махмуд 33
 Каунда К. 151
 Кашамура А. 157
 Квамена-По М. 140, 207
 Кейта М.М. 121
 Кеннеди Дж. 102
 Кереку М. 59, 87
 Кетеку П. 40
 Кианву-Ланга 53
 Киванука С. 9, 110, 155, 168
 Ки-Зербо Ж. 33, 54, 82, 88, 106-107, 121, 134-136, 161, 168, 185-188, 193, 194, 197, 204-205, 207, 219, 221
 Кимамбо И. 110, 153, 206
 Кимеу Камойя 152
 Кипкорир Б. 153, 164
 Кити Г. 42
 Клавдий 35
 Клейн М. 146
 Клозель Ф. 117-118
 Кобишанов Ю.М. 66, 197
 Когончар Джансрабе 134
 Коду Музонги 157
 Кодо Б. Коффи 220
 Кокри-Видрович К. 105-106, 109, 111, 163, 202, 217, 219
 Коли Эломбе 158
 Коллингвуд Р. Дж. 12, 13, 31, 173
 Конаре А.У. 132
 Конаре К. 133
 Конрад Н.И. 14
 Контон В. 75
 Корневэн Р. 109
 Коростовцев М.А. 197
 Косухин Н.Д. 182
 Котока Э.К. 110
 Кочакова Н.Б. 108, 114, 218
 Коялович М.О. 51
 Кравейринья Ж. 149
 Крачковский И.Ю. 34, 36
 Кроудер М. 148
 Кроутер С. 39
 Кроче Б. 11-13
 Ксенофонт. 196
 Куббель Л.Е. 8, 33, 126, 194, 197
 Кулез А. 159
 Куяте М. 27
 Куяте Т.Г. 220
 Кэртин Ф. 102, 108, 208-209
 Лазарев М.С. 46
 Лайа Д. 28, 185
 Лакост И. 34
 Лалвани К. 66
 Левада Ю.А. 49
 Леви-Стросс К. 20-22, 32, 98, 178
 Легийет А. 70

Леклан Ж. 194
 Ленин В.И. 56, 58-59, 87,
 190, 192, 223
 Летнев А.Б. 8
 Лефевр Ж. 13
 Ли Абдулай 121, 126-127,
 161, 191
 Ли Мадина 133
 Лики Л. 123, 152
 Лики М. 152
 Лики Р. 152
 Лорд А. 30
 Люсев А.Ф. 26, 183
 Лотман Ю.М. 29
 Лугард Ф. 116
 Луку Ж.Н. 55
 Луманисакио Ж.Г. 149
 Лумумба П. 47, 64, 111
 Лурия А.Р. 15, 30

 Мадемба Бендауд 119
 Маэруи А. 105, 154-155, 173,
 185
 Маке Ж. 159
 Макоссо С. 158
 Малиновский Б. 19, 47, 138
 Маловист М. 133
 Мандуме 53
 Марков В. 8
 Маркс К. 17, 23, 34, 56-
 58, 65, 87, 180, 188, 190,
 215, 218, 223
 Маркс Шула 105
 Масиас Нгема 65
 Марсе А. 83
 Мартышин О.В. 182
 Матвеев В.В. 37
 Машел С. 59-60
 Мбай Гей 209
 Мбилиньи М. 86
 Мбити Дж. 19, 180, 183-185
 Мбодж М. 216
 Мбокото Э. 105, 157
 Мбоу А.М. 82, 127, 130, 179
 Мбуи Ж. 142
 Мвенг Э. 130, 142, 168, 170,
 184, 196
 Мвороха Э. 170-171, 204, 206
 Медейрос Ф. де 141
 Меебело Г. 151, 218
 Мееровиц Е. 174
 Мезу А. 221
 Мейяссу К. 202

Мелетинский Е.М. 23
 Мерсье П. 19
 Микулинский С.Р. 113
 Мина 35
 Мобуту С.С. 64, 130, 158
 Мондлане Э. 56
 Мони Р. 122, 125
 Моно Т. 120-122, 132
 Монтей В. 122
 Монтейль Л. 118
 Монтескье Ш.Л. 34
 Мохаммаду Э. 142, 165
 Мохамед аския 111
 Мубанга Кашоки 151
 Мудандаизи В. 204
 Мудимбе В.И. 157, 179-180
 Муламба-Мвулуя 157
 Мурцуки Г. 164
 Мутамба Макомбо 157
 Муте М. 119-120
 Мутеса кабака 54
 Мутибва П.М. 153
 Мфизи К. 81
 Мхина Дж. 83
 Мьеж Ж.Л. 163

Надель С. 19
 Нази Бони 218
 Найдаян Моянгар 134
 Насер Г.А. 111
 Насименту Ж.ди 42
 Нвабара С.Н. 147, 218, 221
 Нвулия М. 209
 Нгенео Б. 152
 Нгойе-Нгалла Д. 92, 158, 172
 Ндайвел Нзием 110, 156-157
 Ндионга Кебе 128
 Ндьай Э. 118
 Нестеренко Ж. 103
 Нето А. 59-60
 Нечкина М.В. 161
 Нзимино И. 202
 Нзинга королева 53
 Ниянь Д.Т. 74, 82, 88, 128,
 133, 161
 Никифорова И.Д. 176
 Нкетия Дж.Х.К. 139-140
 Нкрума К. 45, 56, 74, 110-111,
 138, 154, 198, 207
 Нсугве Ф. 151
 Нтоне-Куо М. 142
 Нуачукву-Огеденгбе К. 201

Ньерере Дж. 60-61, 86, 90,
154, 198

Обенга Т. 80, 92, 130, 158,
159, 168, 190, 195-196,
198-199

Обичере Б. 9, 105, 203

Оботе М. 155

Овона А. 171

Овусу В. 139

Овусу М. 105, 213

Огот Б.А. 106, 152-153, 164,
185, 206, 209, 211, 217

Огунсанво 94, 155

Огуту М. 164

Одеро Орука 184

Олас Б. 122

Оливер Р. 109

Олорунтимехин О. 110, 147,
204, 207, 211, 218

Олусанья Г.О. 220

Ольдерогге Д.А. 24, 26, 47,
196, 213

Очало Пала 203

Очиенг У. 153, 185, 206

Офосу-Аппиа Л. 110, 139

Павликова В. 8, 219

Палух А. 23

Панкхерст Р. 150

Парето В. 34

Пашуто В.Т. 67

Пегушев А.М. 8

Пекерт В. 209

Первийе Г. 210

Перро К.-Э. 31

Персон И. 31, 111, 122, 163

Петр Великий 55

Пиотровский Б.Б. 197

Плеханов Г.В. 177

Плийя Ж. 82, 141

Погла-Глеле К. 24

Полянъ К. 202

Полибий 196

Поплинский Ю.К. 197

Поплер К. 177, 186

Поршнев Б.Ф. 175

Потехин И.И. 8, 123

Принс Г. 179

Пэдмор Дж. 220

Рабесахала Ж. 63

Рабют Э. 217

Радклифф-Браун А.Р. 138

Ранке Л. 66, 181, 185

Рвабукумба Ж. 204

Рединья Ж. 150

Рейнджер Т. 179

Рейндорф К.К. 40

Рест 119

Робинсон В. 215-216

Робинсон Р. 219

Родней В. 209

Родс С. 216

Рубинштейн Н.Л. 13

Ругамба М. 159

Руссо Ж.Ж. 87

Руш Ж. 98, 103, 122

Рыбаков Б.А. 23, 29

Савимби Ж. 66

Сади Абдаррахман 33

Салим А. 164

Салифу А. 137

Самб А. 125

Самори 54, 62, 70, 111, 119

Саного К. 132

Сантуш М. душ 149

Сантуш Э. душ 149

Сарба Д. 39

Сарр М. 131

Сартр Ж.П. 177

Себазони С. 204

Севостьянов Г.Н. 180

Сезар Э. 178

Секу Туре А. 61-62, 70, 85, 134

Семи-Би Зан 144, 217, 221

Сенгор Ламин 41, 220

Сенгор Л.С. 45, 106, 121, 125,
127, 129, 131, 178, 180, 198

Серпос-Тиджани А. 141

Сезар Э. 45, 178

Си П.И. 220

Сибторп А.Б. 39-40

Сидибэ М. 42, 121

Сиссе Б. 132

Сиссе Ю. 131

Сиссоко С.М. 52, 68, 106, 125,
126, 175, 185, 203

Сиссоко Ф.Д. 41

Сиссоку М. 150

Смит А. 34

Смит Д. 30

Солодовников В.Г. 8

Солсбери Р. 216

Сорлэн П. 89
Соссюр Ф. де 195
Соу Альфа 131
Соу Идей 220
Софокл 196
Страбон 142, 196
Сумаоро 26
Сундиата 26-28, 31, 54, 62,
103, 115, 174
Сюрэ-Каналь Ж. 74, 88, 106,
128, 133, 195, 200, 202

Тадэссе Тамрат 105, 151, 198
Тамуно Т. 145, 185-186, 188, 212
Тараоре Х. 121
Татишев В.Н. 113
Тевоеджер А. 141
Тейшейра А.Л. 149
Текле Цадек Мекурия 150
Тему А. 153
Темпельс П. 159
Террэ Э. 31, 202
Тете Каши 74
Тиам И. 127, 221
Тильманс Г. 125
Това М. 64, 143
Томас Н. 116
Томбалбай 65
Топольский Е. 22-23
Травеле М. 41
Траоре Б. 211
Траоре М. /Рэй Отра/ 120, 133
Тревор-Ропер Х. 20
Тульвисте П. 15
Тураев Б.А. 35, 36
Тьерно Ба М. 171

Уан И.М. 121
Узоигве Г. 105, 209-210, 216
Уилкс А. 31, 106, 202
Ульяновский Р.А. 182
Унамуно М. де 38
Уфуэ-Буаньи Ф. 132, 144
Ученду В. 105, 201-202
Уэто К.С. 86

Фанон Ф. 53, 56
Федерб Л. 116
Фейдж Дж.Д. 9, 105-106, 109,
123, 208
Фонлон Б. 143, 185
Фонтиш Перейра Ж. 42
Форбс Ф. 18

Фробениус Л. 130-131, 178
Фулбрайт 101

Цыпкин Г.В. 36

Хамани Д. 137
Хамуд И. 107
Хасан Юсуф 110
Хасеёе Б.М. 166
Хенидж Д. 31
Херскович М. 100, 178, 202
Хесс Р. 9
Хортон Дж. 39
Хортон Р. 32
Хунтонджи П. 15, 32, 178-179,
184, 190
Хэйли А. 107-108
Хэнвик Дж. 106

Чака Зулу 54, 111
Челышев Е.П. 189
Чемберлен Дж. 216
Черепнин Л.В. 13
Чернецов С.Б. 36
Чибенда Мулаши 157
Чистер-Чикайя Ж.П. 55, 80, 82
Чисунгу Лубамбу 157
Чишику Чибангу 156, 157, 183, 185

Шателен Э. 18
Шатле Ф. 13
Шацберг М. 90
Шишкин А.Ф. 51

Эванс-Притчард Э. 21
Эппенстайн Ж. 191
Эль-Хадж Омар 62, 147
Энгельс Ф. 14, 23, 57, 87,
129, 180, 190
Эрдманн К. 192
Эспи Я. 75
Эсхил 196
Эшби Э. 122

Юбер А. 118

Яблочков Л.Д. 47, 54, 182, 207
Яконо К. 163
Ямеого М. 135
Янгаса Е.Е. 171
Ясе Ф. 144
Ясперс К. 11, 13, 24

Soviet scientist Dmitry P. Ursu in his work «Modern Historiography of Tropical Africa» analyses the genesis and development of national historiography in the African countries south of the Sahara. Over a long period of time the African history was studied by foreign scholars often from the positions of racial and national superiority. Africa was spoken of as a continent «without history», where historical knowledge had come only along with its colonization by the Europeans. By now, at the beginning of the 1980s, young African historiography has taken an adequate position among other national detachments of the world historical science. The truly scientific cognition of the past of the African continent is impossible today without profound knowledge of the works by modern African historians.

The first chapter — «The Genesis of African National Historiography» — works out a theoretical problem of the general laws of the historical science formation under the conditions of the national-liberation revolution. The author traces the process of transformation of historical knowledge into a modern science. Traditional history and scientific historiography correspond to different levels of the cognition of the past. Traditional history reflected mass consciousness at the level of prescientific, metaphysical conception of the world and social reality. As for the african historiography it has emerged as a synthesis of prescientific traditional history and modern method and methodology generally accepted in world science.

The second chapter — «History and Ideological Struggle in Tropical Africa» — centers around questions concerning the role and place of history in social life of the countries of Tropical Africa. The chapter examines the ideological functions of historical knowledge in political struggle and education of the younger generation; it also shows the external ideological-philosophic factors that have an impact on the evolution of the theoretical concepts of national historiography.

The third chapter — «The Infrastructure of Modern African Historical Science» — describes the organizational structure of historiography, the activities of history research centres, public and scientific activities of historians.

The fourth chapter — «Basic Problems of Africa's History in Modern National Historiography» — is devoted to the study of the theoretical foundations and methodological currents of African historical science. The author believes that the following currents have taken shape there: conservative, moderate-liberal and revolutionary-democratic. He traces the influence of Marxist theory on young African historiography as well as the growth of progressive tendencies in it. The book gives a critical analysis of the principal concepts on the key problems of the African continent history: the social system of precolonial Africa, colonialism and anti-colonial struggle.

The main conclusions of this book are as follows; the combination of genetic principle of research with comparative-typological one makes it possible to infer

the theoretical syncretism of the contemporary African historiography. Its late emergence and the subsequent accelerated development led to a violation of the consecutive change of ideological-theoretic doctrines typical of the historiography of European countries in the 18th-19th centuries. Theoretical syncretism manifested itself in the simultaneous dissemination of methodological conceptions inherent to different stages such as the enlightenment, national-romanticism, positivism and Kantianism which had been long before overcome in other regions of the world. By the beginning of the 1980s ideological struggle in African historiography has become more polarized, which expresses itself in clashes between the two currents: revolutionary-democratic, developing towards adopting the methodology of dialectical materialism, and bourgeois, based philosophically on idealism and theoretical pluralism.

The study of African historiography makes it possible to conclude that it has passed the development stages common to all countries and peoples — from prescientific traditional history to scientific historiography, from unsystematized knowledge about the past to the rational theoretical explanation of the factors of historical process. This community is conditioned by the principal unity of the historical path traversed by mankind, despite a considerable regional asynchronism of its individual stages. The formation process of the African historiography has been the same as that of national historiographies previously passed by the peoples of Europe and Asia formed under the national-colonial yoke. Along with definite distinctions they have certain features in common allowing to place them into a uniform typological range, with the ideological nucleus consisting in the establishment of the original civilization, culture, history and the struggle for their preservation, against the assimilation policies of the colonialists. Thus the analysis has not confirmed the claims of the adherents of «African exclusiveness» for a special path of historical and historiographical process in the African countries south of the Sahara. The principally similar trend of development has resulted in the creation of the international unity of science, stated by V.I. Lenin.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Генезис национальной африканской историографии	10
1. Донаучная история и научная историография	10
2. "Горячие" и "холодные" общества	15
3. Устная история и письменность	23
4. Этапы становления научной историографии	33
Глава II. История и идейная борьба в Тропической Африке	48
1. Место и роль истории в общественной жизни	48
2. История и воспитание молодежи	67
3. Африканская история и идейная борьба на междуна- родной арене	93
Глава III. Инфраструктура современной африканской исторической научи	113
1. Понятие инфраструктуры исторической науки	113
2. Организация изучения Африки в колониальную эпоху	115
3. Инфраструктура современной историографии	124
4. Сотрудничество африканских историков	164
Глава IV. Основные проблемы истории Африки в современной наци- ональной историографии	172
1. Идеино-теоретические концепции и тенденции разви- тия	172
2. Дискуссия об общественном строе доколониальной Аф- рики	193
3. Колониализм и антиколониальная борьба в работах африканских историков	208
Заключение	223
Основные источники и литература	227
Указатель имен	255
Summary	261

Дмитрий Павлович Урсу

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СТРАН
ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ
1960-1980

Редактор Н.Н. Водинская
Младший редактор Г.С. Горюнова
Художник Г.Э. Тынчерова
Художественный редактор Б.Л. Резников
Технический редактор Л.Н. Кузьмина
Корректоры Е.В. Анохина и В.Н. Багрова

ИБ № 14540

Сдано в набор 30.07.82. Подписано к печати 25.02.83

А-02144. Формат 60х90 ¹/₁₆. Бумага офсетная №1. Изд. №5120
Печать офсетная. Усл. п. л. 16,5. Усл. кр.-отт. 16,75. Уч.-изд. л. 18,8
Тираж 1000 экз. Зак. №107. Цена 2 р. 90 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Офсетное производство типографии №3
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

2 р. 90 к.